

Министерство культуры Кировской области
КОГБУК «Кировский областной краеведческий музей»

**Всероссийская научно-практическая
конференция**

**«Краеведческий музей:
история, коллекции, люди»**

**(к 150-летию Кировского областного
краеведческого музея)**

Сборник статей и материалов

Том 2

г. Киров,
21–22 апреля 2016 г.

УДК 069.02:908
ББК 26.891л611
К 77

Редакторы-составители:

М. С. Судовиков,
директор Кировского областного краеведческого музея,
доктор исторических наук, профессор

П. Н. Шарабаров,
заведующий научно-исследовательским сектором
Кировского областного краеведческого музея,
кандидат исторических наук, доцент

К 77 Краеведческий музей : история, коллекции, люди (к 150-летию Кировского областного краеведческого музея) : сб. статей и материалов / ред.-сост. М. С. Судовиков, П. Н. Шарабаров. В 2 т.: Т. 2. Киров : О-Краткое, 2016. – 288 с.

ISBN 978-5-91402-201-0

В сборник вошли статьи и материалы по актуальным вопросам истории и современного состояния музейного дела в России, проблемам региональной истории и культуры. Авторами сборника являются ученые, краеведы, музейные, библиотечные и архивные работники из 30 регионов страны и Республики Беларусь.

УДК 069.02:908
ББК 26.891л611

ISBN 978-5-91402-201-0 © Кировский областной краеведческий музей, 2016
© Оформление. Издательство «О-Краткое», 2016

Раздел V

ПОДВИЖНИКИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА И КРАЕВЕДЕНИЯ

П. В. Алабин и его вклад в дело развития просвещения в Вятской губернии

В. Б. Помелов, г. Киров

Значительный вклад в дело развития просвещения в Вятской губернии внес известный российский общественный деятель Петр Владимирович Алабин (1824–1896). Он родился 10 сентября (29 августа) 1824 года в г. Подольске Московской губернии в семье обедневшего рязанского дворянина и француженки, дочери эмигранта по фамилии Мартен. Учился П. В. Алабин в Белостокской гимназии, затем в Санкт-Петербургском коммерческом училище. В 1840 г. император Николай I соизволил посетить училище. Учащийся Петр Алабин обратился к нему с просьбой о зачислении на военную службу по окончании училища. Царь был приятно удивлен таким проявлением патриотических чувств. В 1843 г. Алабин получил назначение в Тульский егерский полк; служил в нем унтер-офицером, затем дослужился до чина юнкера. Участвовал в венгерском походе 1848 г., в Дунайской кампании 1853–1854 гг. в качестве адъютанта командира XI-й пехотной дивизии, в Крымской войне 1854–1855 гг.

П. В. Алабин вошел в историю России как героическая личность. Активный участник Крымской войны, он содействовал освобождению болгарского народа от османского ига (1877–1878), возглавив в Самаре сбор средств и необходимых вещей для повстанцев, а затем лично доставил их в Болгарию. В этот период он исполнял обязанности уполномоченного представителя общества Красного Креста в Румынии и «главного агента» Московского и Санкт-Петербургского отделений Славянского общества при главнокомандующем российской армией.

В декабре 1877 г. П. В. Алабин был назначен первым гражданским губернатором Софии. В 1866–1877 гг. в Самаре Алабин заведовал палатой государственных имуществ, а после возвращения из Болгарии в 1885 г. был избран городским головой г. Самары и председателем губернской земской управы.

Здесь его просветительская деятельность была направлена на открытие первых в этом крае «музеума» и библиотеки. Ранее он внес немаловажный вклад в культурное развитие и болгарской столицы. Став губернатором Софии, он открыл Софийскую Болгарскую публичную библиотеку. Для пополнения ее фондов он хлопотал перед Санкт-Петербургским Славянским обществом о высылке книг библиотеке. Были получены 537 томов, которые Алабин расценил как «многоценный дар» [1].

Конец жизни этого замечательного человека был омрачен во многом несправедливым обвинением в его адрес в связи с закупкой некачественной муки, которую поставляли голодающим Поволжья в 1891 г. купец Шихаболов и печально известная в России фирма Дрейфуса. Ввиду огромной популярности П. В. Алабина в Самаре, где велика была возможность оправдательного приговора, суд был намеренно перенесен в Нижний Новгород. В. Г. Короленко расценил действия судей, пытавшихся свалить на Алабина всю вину, как «сплошной скандал, компрометирующий верховную власть», отмечала газета «Вятский край» 20 июня 1895 г. (статья без подписи). Несмотря на оправдательное решение суда, оберпрокурор Сената знаменитый юрист А. Ф. Кони опротестовал его, обвинив власть в своем кассационном заключении по делу Алабина «в бездействии» [2]. От полученного нравственного потрясения, совпавшего по времени со смертью двух взрослых детей – сына Ивана (1857–1894) и дочери Ольги (1864–1894), П. В. Алабин скончался 10 (22) мая 1896 г. в Самаре, не дожив до очередного заседания суда... [3].

П. В. Алабин начал свою деятельность в Вятке в 1857 г. В течение первых трех лет Алабин занимал должность помощника управляющего Вятской удельной конторой, а затем стал управляющим губернским удельным ведомством. Его приезд в Вятскую губернию совпал по времени с началом периода осуществления общественных реформ, в том числе в области просвещения. Человек кипучей энергии, П. В. Алабин включился в их проведение в жизнь. В частности, он был одновременно членом девяти губернских комиссий и комитетов, в том числе попечительных – о тюрьмах, о публичной библиотеке, о женской гимназии и др. [4]. Именно во многом его усилиями в Вятке, по примеру Санкт-Петербурга, в числе первых городов в России в 1858 г. было открыто женское училище 1-го разряда «для приходящих девиц», ставшее вскоре после преобразования его в гимназию в 1859 г. и открытая в ней педагогического класса основным поставщиком достаточно квалифицированных педагогических кадров для начальных школ губернии.

Значителен вклад П. В. Алабина в развитие школьной сети в уездах Вятской губернии. Особенно много сделал он для крестьянских школ грамоты удельного ведомства. Преобразованные в дальнейшем в земские, эти школы

в материальном и кадровом обеспечении выделялись на общем фоне школ других ведомств в положительную сторону. Так, в слободе Кукарке, являвшейся центром удельных имений губернии, 5 февраля 1861 г. П. В. Алабин открыл воскресную школу для крестьян. Он поддерживал Кукарское мужское начальное училище и открыл в 1859 г. в этой слободе женское начальное училище – одно из первых в губернии. По его инициативе в Кукарке проводились литературные вечера и народные чтения, которые организовывались Н. И. Золотницким, сосланным из Вятки в 1863 г. после напечатания в «Вятских губернских ведомостях» речи А. И. Герцена на открытии Вятской публичной библиотеки [5].

Вторым важнейшим направлением общественно-педагогической деятельности П. В. Алабина было его попечительство о библиотеках, и прежде всего о Вятской губернской публичной библиотеке, владившей в начале 1860-х гг. жалкое существование. После отъезда из Вятки Герцена библиотека не имела, вплоть до приезда в Вятку Алабина, в течение почти четверти века деятельного покровителя, способного придать новый импульс ее работе. Губернские власти не проявляли заботы о ней, полагая, что просвещение народа приносит лишь хлопоты и расходы. Аналогичным образом обстояло дело и в России в целом. В 1855 г. из 39 губернских и уездных публичных библиотек, открытых в России в первой половине XIX в., для читателей были открыты всего 12 [6].

Избранный в 1861 г. управляющим делами библиотеки П. В. Алабин поставил перед попечительным советом публичной библиотеки задачу ее переустройства. Ему удалось убедить губернатора и «сонную» вятскую общественность в необходимости изменения отношения к этому важнейшему источнику культуры и просвещения. Был объявлен сбор пожертвований, организовывались лотереи с розыгрышем «дублетных» экземпляров книг, литературные вечера и викторины [7]. П. В. Алабин привлек к этой работе деятельных помощников: Н. И. Золотницкого, земского деятеля Л. П. Матвеева, учителя Я. Г. Рождественского, чиновников В. А. Короваева и М. С. Мусерского. П. В. Алабин лично ездил в г. Санкт-Петербург для покупки большой партии книг. В течение 1861–1862 гг. книжный фонд увеличился с 3019 до 3566 томов [8].

В 1863 г. вышел первый «печатный» каталог библиотеки. Штатным библиотекарем был назначен бывший смотритель Сарапульского уездного училища П. П. Кошкарев. Введена должность помощника библиотекаря, которую занял Н. П. Бехтерев, в будущем известный историк Вятского края. Было установлено расписание работы библиотеки, которая стала открываться ежедневно. В «Вятских губернских ведомостях» (далее – «ВГВ») стала публиковаться «Летопись публичной библиотеки». В 1864 г. на собранные Алабиным средства для библиотеки у купца А. Ф. Машковцева было приобретено

каменное, двухэтажное, самое большое по площади и одно из красивейших зданий г. Вятки, в котором она размещается и поныне.

20 марта 1862 г. состоялся торжественный вечер по случаю «возобновления библиотеки». В этот год в библиотеке числилось уже 743 читателя, в том числе 231 чиновник, 271 семинарист, 110 гимназистов. Ежедневно ее посещали от сорока до ста человек. Показатель годовой выдачи книг для чтения в библиотеке составил 14342. В абонементе (выдача книг на дом) были записаны двести человек.

Активную просветительскую работу П. В. Алабин проводил и в уездах Вятской губернии. При его содействии в 1861 г. была открыта Кукарская публичная библиотека с кабинетом для чтения и книжным складом для продажи книг крестьянам. В 1862 г. она получила собственное отдельное помещение в деревянном доме, выстроенном одним из видных деятелей Кукарки И. Ф. Самоделкиным. В 1870 г. эта библиотека имела книжный фонд до одной тысячи томов и работала ежедневно. Однако в период политической реакции она пришла в упадок и прекратила существование.

В пользу пополнения фондов библиотек шел сбор от регулярно организовывавшихся П. В. Алабиным благотворительных музыкальных и литературных вечеров. Кстати, в отчетах Вятской губернской публичной библиотеки приводилось немало интересного статистического материала. В частности, в середине 1860-х гг. отмечался рост читательского интереса к журналам «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово» (выписывалось пять экземпляров). Беллетристику читали в восемь раз больше, чем научную или общественно-политическую литературу.

Из русских авторов в течение целого десятилетия Пушкин и Тургенев уступали в популярности М. Н. Загоскину и Р. М. Зотову [9]. Такой факт можно при желании трактовать как свидетельство и недостаточной развитости литературного вкуса у вятчан, и в целом недостаточного уровня общей культуры населения, что с особой силой подчеркивало значимость открытия библиотек в губернском центре и в уездах.

Член Российского императорского географического общества П. В. Алабин вошел в историю культурной жизни Вятской губернии и как первый археолог. Под его научным руководством проводились археологические раскопки в крае. Наибольшую известность получила экспедиция 1858 г. по изучению древнего могильника у д. Ананьинской, близ г. Елабуги (ныне территория Республики Татарстан), результаты которой позволили уточнить время первоначального заселения Вятской земли, а найденные в ходе раскопок предметы составили наиболее ценную часть коллекции вятского «музеума». Позднейшие археологические исследования подтвердили значимость раскопок, произведенных П. В. Алабиным, а сама эпоха раннего железного века в Прикамье (VII–II вв. до н. э.) получила в науке наименование «ананьинской

культуры». Свои археологические исследования П. В. Алабин описал в ряде статей (ВГВ. 1865. №№ 27–30; Вестник Российского географического общества. 1860. Кн. 6). Вслед за раскопками Ананьинского могильника П. В. Алабин исследовал Пижемское городище, находившееся в пяти километрах от Кукарки [10]. Впоследствии археологами была установлена его принадлежность к ананьинской культуре. П. В. Алабиным было составлено научное описание многих памятников археологии, подготовлена первая археологическая карта Вятской губернии.

В 1860-е гг. значительное внимание российского общества было привлечено к развитию естественных наук. П. В. Алабин стремился заинтересовать этим вятских жителей. В сентябре 1862 г. он публикует в «ВГВ» заметку об «атмосферическом явлении» (полярном сиянии) в Вятке. П. В. Алабин организовал первую в истории губернии выставку цветоводства, садоводства и огородничества, поднял вопрос о необходимости проведения фенологических наблюдений и изучения растительного и животного мира Вятской губернии.

Со страниц «ВГВ» и в публичных выступлениях он неоднократно обращался к «сельским хозяевам и любителям природы» с призывом уделять всемерное внимание естественно-научным исследованиям. В мае 1864 г. Алабин выступил на заседании Вятского статистического комитета с проектом организации «ботанических наблюдений» по всей губернии. В ответ на его призыв стали вести регулярные наблюдения за жизнью растений и присылать сообщения в губернский статистический комитет краевед из Слободского уезда Иван Герасимович Кибардин, крестьянин из Котельничского уезда Дмитрий Ларионович Сенников и другие любители природы.

Занятия археологическими исследованиями, интерес к изучению природы Вятского края натолкнули Алабина на мысль о создании в Вятке общедоступного музея. Он опубликовал в «ВГВ» ряд статей о необходимости организации музея, о роли музеев в подъеме культурной жизни народа и обратился к общественности Вятки с призывом о пожертвованиях средствами и экспонатами в пользу устраиваемого музея (1863. № 28), приглашал помочь сотрудникам музея в составлении орнитологической экспозиции (1864. № 26). Основу для создания первого в г. Вятке музея составили экспонаты выставки 1837 г., поступившие в дальнейшем на хранение в Вятскую палату государственных имуществ.

В 1842 г. ее управляющий Александр Дмитриевич Игнатъев объявил свое хранилище музеем и привлек ссыльного поляка Ивана Высоцкого для разбора и классификации экспонатов. Однако склад вещей, хотя и весьма ценных, еще не был музеем. П. В. Алабин представлял музей прежде всего как учреждение образовательное и воспитательное, правильно организованное и способное соответствовать потребностям просвещения населения. Он до-

бился передачи большей части экспонатов из упомянутого склада в фонд публичного музея.

При активном содействии П. В. Алабина было положено начало музейному делу в Вятке. 22 января 1866 г. на торжественном открытии публичного «музеума», размещавшегося поначалу в губернской библиотеке и ставшего с течением времени объединенным историко-архитектурным и литературным музеем. М. С. Мусерский от лица вятской общественности поблагодарил Алабина за «неустанную редкую деятельность» и прочитал посвященные ему стихи:

«Дальний Вятский край – люди сонные!
Грех оставить их коснеть разумом.
Распахнись душа, разрешишь язык,
Служи Родине, умный вятский люд» [11].

Обеспокоенный дальнейшей судьбой библиотеки и музея П. В. Алабин 15 ноября 1865 г. подал губернатору В. Н. Струкову докладную записку, в которой обосновывал необходимость их передачи в ведение губернского статистического комитета, то есть постановки на государственный бюджет. Он полагал, что поскольку все эти учреждения (библиотека, музей и статистический комитет) подчинены одной общей цели – делу культурного прогресса, их объединение будет способствовать дальнейшему подъему культуры и просвещения в губернии. Бюрократическая переписка по этому вопросу велась в течение двух лет. Наконец, в 1867 г. пришел решительный отказ министра просвещения Дмитрия Андреевича Толстого, из которого явствовало, что подведение прочной базы под учреждения культуры не входило в планы правительства. Уже после своего отъезда на место жительства в г. Самару Алабин постоянно присылал книги и экспонаты в Вятку в адрес музея и библиотеки.

Значительную роль сыграл П. В. Алабин в развитии краеведения в Вятской губернии. В 1862 г. на заседании губернского статистического комитета он поднял вопрос о необходимости комплексного изучения Вятского края. Им был предложен план работы, куда входило составление подробного вопросника-программы под названием «О познании Вятского края», распространение его по уездам и городам губернии и сбор ответов, дающих сведения о различных местностях губернии. В итоге в 1860–1870-е гг. в адрес статистического комитета с мест поступало огромное количество работ, которые положили начало историческому исследованию Вятской губернии, в том числе и истории развития просвещения в ней.

Активная археологическая, изыскательская деятельность П. В. Алабина способствовала резкой активизации работы местных краеведов, историков,

оказала огромное влияние на становление таких видных вятских историков, каковыми впоследствии стали А. С. Верещагин, А. А. Спицын, П. Н. Луппов.

В местной печати («ВГВ», «Календарь и Памятная книжка Вятской губернии») благодаря инициативе П. В. Алабина стали регулярно появляться материалы, посвященные истории, культуре, археологии, фольклору, биографиям исторических личностей, связанных с Вятским краем. Кроме того, Алабин активно работал в Вятском губернском статистическом комитете, участвовал в переписи населения края.

П. В. Алабин ярко проявил себя и в качестве писателя-мемуариста. В своих замечательных исторических повестях он описал Севастопольскую оборону, бои на Шипке и другие славные сражения русской армии, в которых принимал личное участие. Наиболее известная из его книг – «Походные записки в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годов» выходила в Самаре, Вятке, Москве, Санкт-Петербурге. Увлекательные по форме, глубоко правдивые и точные в отображении батальных эпизодов «Походные записки...» Алабина фактологически дополняют «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого и роман «Оборона Севастополя» М. М. Филиппова. Академик Е. В. Тарле в своей двухтомной монографии «Крымская война. (М.–Л., 1950) многократно упоминает П. В. Алабина, отмечая его личную храбрость, выучку и другие воинские доблести (Т. 1. С. 283–287, 458, 510, 511, 515, 523, 544, 555; Т. 2. С. 426, 446, 627, 628, 630). Положительную оценку дает Тарле и военным мемуарам Алабина. (Т. 1. С. 285).

П. В. Алабиным были составлены и изданы «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинов» (Вятка, 1860), «Заметки относительно древностей Вятского края» (Вятка, 1865), «Краткие жизнеописания Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слепушкина» (СПб., 1862), «Алекса́ндро-Невский собор в Вятке» (Вятка, 1864). В последней из указанных книг автором отображена история создания в Вятке выдающегося шедевра архитектурного зодчества, строительство которого была начато по проекту А. Л. Витберга (1787–1855) и завершено в 1864 г. Вместе с друзьями П. А. Зубовым и Н. И. Розовым П. В. Алабин готовил серию брошюр «О быте и житье для простых людей».

На проводах П. В. Алабина в Самару, состоявшихся 25 января 1866 г., отмечался его выдающийся вклад в развитие просвещения и культуры в Вятской губернии. В частности, учитель Я. Г. Рождественский особо подчеркнул значимость его широкой организаторской деятельности, которая «способствовала слиянию всех сословий», а «жалкое подобие библиотеки в Вятке его энергичными усилиями превращено в подлинно культурное учреждение, и «теперь Вятскому музею и библиотеке могут позавидовать даже большие города». П. А. Зубов отметил, что П. В. Алабин «завоевал в Вятке благодарную память не только своих современников, но и грядущих поколений» [12].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что многообразная деятельность П. В. Алабина, направленная на развитие просвещения и культуры в Вятской губернии, была исключительно насыщенной и плодотворной. Познавательные книги и статьи П. В. Алабина с большим вниманием и интересом читались вятчанами и, несомненно, содействовали их просвещению, пробуждению патриотических чувств. Замечательный просветитель и патриот П. В. Алабин глубоко верил в творческие силы народа, которому не хватает одного – образованности. Об этом он говорил в своей речи на открытии Вятского музея: «Разве Россия, разве наш край бедны личностями, которым недостает только средств для ознакомления с тайнами науки, с красотами искусства, чтобы, может быть, самим сделаться его светильниками?» [13].

Просветительская, практическая деятельность П. В. Алабина в определенной степени представляла собой продолжение усилий, предпринятых в предшествующий период А. И. Герценом по развитию библиотеки, изданию периодики, устройству благотворительных литературно-музыкальных вечеров, сельскохозяйственных и кустарных выставок [14]. В то же время новая общественно-социальная обстановка служила побудительным мотивом для развертывания таких видов работы, решение которых не стояло в плане практического осуществления в период вятской ссылки Герцена. Прежде всего это открытие женских училищ, воскресных школ для взрослых, музеев, устройство книжных складов, проведение региональных археологических и естественно-научных исследований, составление и издание книг, служивших в качестве учебно-методических пособий. Вся жизнь П. В. Алабина, в том числе ее вятский период, и была посвящена тому, чтобы приблизить просвещение и культуру к простому народу.

Примечания

1. История создания этой библиотеки описана в книге: Йорданов В. История народной библиотеки в Софии. 1879–1929. София, 1930. – 360 с.
2. Кони А. Ф. Судебные речи. СПб., 1905. С. 763.
3. Помелов В. Б. Просветители Вятского края: российские деятели культуры и местные ученые-педагоги: монография. Киров, 2007. С. 29.
4. П. В. Алабин. Вятка, музей / сост. В. С. Жаравин. Киров, 1998. С. 18.
5. Помелов В. Б. Просветитель чувашского народа Н. И. Золотницкий и его деятельность в Вятской губернии // Вторые Спасские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Киров, 12–13 ноября 2015 г.) / редкол.: С. Н. Будашкина, Н. И. Зорин [и др.]. Киров, 2015. С. 27.
6. Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. М., 1970. С. 85.
7. Помелов В. Б. Вклад П. В. Алабина в развитие культуры и просвещения в Вятском крае // Сознание – мировоззрение – мышление: сб. науч. статей. Вып. 4 / под ред. В. Ф. Юлова и М. И. Ненашева. Киров, 1999. С. 133.

8. Помелов В. Б. Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во второй половине XIX в. – 1917 г. На материалах Вятской губернии и сравнительном анализе проблемы в соседних с ней регионах: монография. Киров, 1998. С. 197.

9. Петряев Е. Д. Записки книголюба. Киров, 1978. С. 128.

10. Алабин П. В. Заметки относительно древностей Вятского края // Вятские губернские ведомости. 1865. №№ 54–58.

11. Открытие Вятского публичного музея. Вятка, 1866. С. 25.

12. Проводы П. В. Алабина // Вятские губернские ведомости. 1866. 1 февр. (№ 9, ч. неофиц.).

13. Пленков В. Г. Просветитель и воин // Кировская правда. 1974. 18 сент.

14. Помелов В. Б. История Вятского образования в XIV–XXI вв.: монография. Киров, 2013. – 1200 с.

Вклад С. М. Михайлова в изучение этнографии горных мари

*Н. А. Васканова,
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл*

Спиридон Михайлович Михайлов известен как первый чувашский историк, просветитель и писатель, получивший общественное признание в середине XIX в. Большую часть своей жизни он посвятил изучению исторического прошлого, этнографии чувашского, марийского и русского народов.

Спиридон Михайлович Михайлов (Яндуш) родился 28 (16) декабря 1821 г. в семье крестьянина-чуваши из околотка Юнгапоси дер. Юнго-Ядрино Янымовского сельского общества Татаркасинской волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне дер. Юнгапоси Моргаушского района Чувашской Республики). В возрасте восьми лет Спиридон был отдан на воспитание и обучение грамоте к знакомому купцу Т. Ф. Михееву в город Козьмодемьянск. С юных лет С. М. Михайлов пристрастился к чтению, ознакомился с художественной и историко-этнографической литературой. С 1834 по 1838 г. С. М. Михайлов пребывал помощником писаря в волостных правлениях Ядринского и Козьмодемьянского уездов. В 1838 г. он работал писцом в Козьмодемьянской уездной полиции. В 1842 г. С. М. Михайлова назначают штатным переводчиком Козьмодемьянского земского суда, и он остается им до конца своей жизни. 27 (15) января 1861 г. С. М. Михайлов скончался [1].

С. М. Михайлов прекрасно владел родным чувашским, марийским и русским языками, что позволило ему активно заниматься научной, просветительской, общественной, а также публицистической деятельностью. С. М. Михайлов был членом-сотрудником Российского географического общества, членом-корреспондентом Казанского губернского статистического

комитета, который являлся одним из крупных научных центров страны по изучению Среднего Поволжья.

Научные интересы С. М. Михайлова были необычайно разнообразны. Его особенно интересовала материальная и духовная культура чувашского народа. В своих трудах Спиридон Михайлович собрал подробные материалы о хозяйственных занятиях, жилищах, одежде, обычаях и обрядах чуваш.

Спиридон Михайлович Михайлов также внес большой вклад в изучение этнографии горных марийцев, которые имели тесные контакты с чувашами. В частности, большую ценность имеют материалы о традиционном свадебном комплексе горных марийцев. В своей статье «Свадьбы горных черемис Казанской губернии» С. М. Михайлов подробно описал предсвадебные обряды, локализацию свадьбы, ее сценарий, выбор свадебных чинов, их функции, религиозное оформление брака, фольклор, устойчивые обрядовые элементы.

Благодаря описаниям Михайлова можно сделать вывод о том, что в горномарийском свадебном комплексе, который имел в основном все черты общемарийской свадебной обрядности, тем не менее, наблюдались некоторые особенности. Сценарий свадьбы у горных мари, по свидетельству Михайлова, представлял собой довольно упрощенный вариант: свадебный поезд без гостевания у родственников направлялся в дом родителей невесты и после совместного пиროвания заезжал в приходскую церковь для совершения венчания, затем отправлялся сразу в дом жениха.

С. М. Михайлов отмечал, что одной из отличительных черт горномарийского свадебного комплекса являлось устройство в день свадьбы во дворе как у жениха, так и у невесты *шиллык* – четырехугольного места из досок, положенных на чурбанах, вышиной не менее аршина, с обширной в середине площадкой для плясок. В одном из углов *шиллык* ставились два стола с пивом, вином и караваем черного хлеба, а к одному столу дружка жениха ставил березу. Одним из специфических обычаев горных марийцев было то, что перед свадьбой в домах жениха и невесты варили пиво [2].

В *шиллыке* у горных марийцев совершались все наиболее значимые моменты свадьбы: у жениха – благословение родителей перед поездкой к невесте, представление невесты, снятие с нее свадебного покрывала, моление, прием родственников невесты, одаривание невесты родственником мужа. У невесты *шиллык* также являлся местом пирования, прощания с родственниками и их одаривания. Именно *шиллык* объезжал по солнцу свадебный поезд при приезде и отъезде из дома невесты.

Свадебный комплекс горных марийцев характеризуется и своеобразием свадебных чинов. С. М. Михайлов перечислял следующие лица, которые были задействованы в свадебной церемонии: суанвуй (свадебный голова) избирался из ближайших родственников со стороны жениха, кого вингы (стар-

ший зять) – из зятьев жениха или других его родственников, сваха – жена кого вингы, арвингы (дружка жениха с нагайкой и в белом фартуке *запон*), изи арвингы (с нагайкой и в фартуке), пузырник, два или три барабанщика с бубнами. Ключевые роли играли здесь суанвуй и кого винге [3].

В своих описаниях С. М. Михайлов указывал на значительное распространение христианских традиций в горномарийской свадебной обрядности, в частности, венчания в церкви. По его словам, свадебный поезд из дома невесты направлялся прямо в приходское село для совершения венчания [4]. Об укреплении православных традиций свидетельствовало и то, что родители жениха перед поездкой к невесте молились и благословляли сына по русскому обыкновению. Действительно, в рассматриваемый период времени среди горных марийцев Васильского и Козьмодемьянского уезда православная вера играла значительную роль. Только в Козьмодемьянском уезде, по данным исповедных ведомостей за 1848 г., церковных приходов, к которым относились горномарийские селения, насчитывалось 12 [5]. В начале XX в. их число возросло до 23. Этнограф П. С. Кушелев также отмечает, что во время сватовства моления у горных марийцев совершались перед образами [6].

При выборе времени свадьбы учитывались не только хозяйственные, экономические, но и религиозные факторы. Спиридон Михайлов писал, что горные марийцы справляли свадьбы в основном летом, в первых числах июля после Петрова поста, но уже в середине XIX в. «...при постепенном сближении их с обычаями русских, бывают у них свадьбы часто и зимою» [7]. В качестве примера можно привести данные метрических книг церковного прихода с. Усола Виловатовской волости Козьмодемьянского уезда конца XIX – начала XX в. [8]. За 1896–1915 гг. наибольшее количество браков – 106 (47,1%) – было заключено в зимнее время (январь-февраль), в декабре за 20 лет не было заключено ни одного брака, так как на этот месяц выпадал Рождественский пост. В летнее время в приходе с. Усола за данный период было зарегистрировано 55 браков (24,4%). 36 браков (16%) было зарегистрировано весной. Наименьшее количество браков наблюдается осенью – всего 28 (12,4%). Эти данные подтверждают, что в рассматриваемый период времени большое влияние на институт семьи оказывали нормы православной веры.

Но даже при закреплении православных традиций языческие черты полностью не утратились. По свидетельству С. М. Михайлова, во время сватовства кусочек ритуальной лепешки перед принятием пищи бросали в огонь, данное действие можно объяснить как языческое жертвоприношение [9].

Относительно вопроса возраста лиц, вступающих в брак, в описаниях С. М. Михайлова говорится следующее. Молодые люди женились немедленно при достижении совершеннолетия до отправления в рекруты, «...равно и девицы выходят замуж в цвете лет» [10]. В качестве примера можно привести данные метрических книг прихода с. Усола Виловатовской волости

Козьмодемьянского уезда за 1896–1915 гг. Брачный возраст у юношей в приходе с. Усола в рассматриваемый период времени колебался от 17 до 36 лет, при этом средний возраст равнялся 24–25 годам. У девушек он определялся 16–33 годами, средний возраст равнялся 20–21 годами [11].

Таким образом, горномарийский свадебный комплекс имел некоторые отличительные черты. Горные марийцы территориально оказались обусловленными от луговых марийцев, имели наиболее продолжительные тесные связи с русскими и чувашами. Немаловажную роль сыграло распространение православия среди горных марийцев.

Примечания

1. Димитриев В. Д. Талант-самородок из народа // Их имена останутся в истории: сб. ст. Вып. 2. Чебоксары, 1994. С. 11–16.
2. Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 135.
3. Там же.
4. Там же. С. 143.
5. ГАРМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 487. Л. 995.
6. Кушелев П. С. Черемисская свадьба // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1998. № 8. С. 231.
7. Михайлов С. М. Указ. соч. С. 133.
8. ГАРМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 70. Л. 448; там же. Д. 71. Л. 507.
9. Михайлов С. М. Указ. соч. С. 134.
10. Там же. С. 148.
11. ГАРМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 70. Л. 448; там же. Д. 71. Л. 507.

Дон Кихот вятского просвещения (к 170-летию со дня рождения Н. М. Васнецова)

Н. Д. Доронина, г. Киров

У истоков народного просвещения в Вятской губернии в 70–80-е гг. XIX в. стоял видный педагог Николай Михайлович Васнецов. В его жизни произошло важное событие, определившее дальнейший путь этого учителя-реформатора – поездка в Москву на Политехническую выставку.

В выборе кандидатур на московскую выставку уездные земства Вятской губернии отдали предпочтение учителям, окончившим курс семинарии (в их числе был и Н. М. Васнецов). Но в газете «Вятские губернские ведомости» отмечалась нецелесообразность такого решения: «Место наставника есть место переходное и непродолжительное настолько, что едва ли школа может воспользоваться результатами их командировки» [1].

Дорог сердцу образ сельского учителя из рассказа И. А. Бунина «Учитель», написанного в 1894 г. Бунинское повествование созвучно нашему исследованию, оно дает возможность выявить общие тенденции в формировании облика народного учителя.

Николай Васнецов был близок к крестьянской среде. Родился он в 1845 г. в с. Лопьял Уржумского уезда Вятской губернии в семье священника М. В. Васнецова. В Рябове, куда Михаил Васильевич был переведен в 1850 г., он служил в местной Предтеченской церкви. Священник пользовался уважением и вниманием крестьян, он безвозмездно обучал крестьянских детей. Большое влияние имел М. В. Васнецов и на своих сыновей. С шести лет Михаил Васильевич обучал своего первенца чтению, письму и Священной истории. Духовное влияние на сыновей отца Михаила, человека «философски настроенного», было значительным. Увлеченность искусством, живописные опыты также определили творческую направленность и его сыновей.

Интерес и любовь к педагогике были присущи роду Васнецовых-священнослужителей. Первое упоминание о педагогической деятельности Николая Васнецова относится к 1867 г., когда, будучи воспитанником Вятской духовной семинарии, он обучал крестьянских детей в воскресной школе [2].

И когда в июне 1868 г. по предложению вятского земства лучшие воспитанники семинарии направлялись в народную школу по добровольному согласию, среди них был и Николай Васнецов. Он направился в с. Лопьял Уржумского уезда в народное училище.

В 1872 г. началась подготовка к Московской политехнической выставке, посвященной 200-летию со дня рождения Петра I. На выставку вятские мастера предоставили 96 предметов из дерева, капа, древесной коры, лыка, мочала, изделия из бумаги, шерсти, шелка, кожи, а также образцы кузнечного и слесарного производства, различные предметы из опоки, гипса и глины [3]. Отдел заводской и фабричной промышленности был представлен коллекциями железоделательных и чугунолитейных заводов. Также хочется отметить и модели крестьянского двора со всеми службами и навесами, мельницы [4].

Аромат того славного времени, подъема национального сознания льется со страниц вятских газет. 6 марта 1872 г. в Вятском публичном музее, основанном в 1866 г., открылась мастерская гипсовых изделий вятского мастера Пенкина. В «Губернских ведомостях» сообщалось: «... в настоящее время начата также для выставки гипсовая группа “Петр Великий на Ладожском озере” с фотографией рисунка, который вновь набросал в больших размерах художник г. Васнецов» [5]. Весьма любопытный факт: в 1871 г. Виктор Васнецов, брат Николая, выезжал из Санкт-Петербурга в Вятку, где и выполнил рисунки для композиции.

О значении общенародной выставки ярко свидетельствуют занимаемые ею площади: территория Александровского сада, набережная Москвы-реки от Москворецкого до Каменного моста, часть внутри Кремля, где размести-

лись военный и севастопольский отделы. На Варварской площади были отстроены народный театр, народная кухня и чайная, образцовая школа, читальня [6]. Все павильоны были возведены в русском стиле.

Цель своего пребывания в Москве Н. М. Васнецов определил так: «подробное ознакомление со всем, касающимся, по преимуществу, специальности школьного учителя... что составляет путь школьного учителя» [7]. Все внимание Николай Михайлович сосредоточил на богатстве московской выставки по строительной школьной части – сельской школе и двухклассному училищу. В отчете он сделал описание только того, что заслуживало его внимания по отношению к школьной практике. Свой отчет педагог разделил на три части: «1. Строительное школьное искусство; 2. Гимнастика; 3. Классные принадлежности» [8].

Н. М. Васнецов дал целостное представление о сельской школе, предположив к отчету описание классных пособий, а также чертежи школьных зданий и предметов. Из прилагаемого плана видно, что в школе имелась одна классная комната, позволявшая поместить до 50 учащихся. Далее шло описание классной комнаты: ученические столы на четырех учащихся, классная подвижная доска, счеты – дробные и для целых чисел, единицы различных мер, основные геометрические фигуры, картины разных изданий для наглядного преподавания по каждому предмету сельской школы. Вятский педагог отмечал, что сельская школа – «хороший образец».

Привлекает также васнецовское высказывание по архитектуре здания школы: «Внешний вид школы отличается как архитектурой – в русском стиле, так и изяществом самой отделки. Вообще, те все здания представляют удобство и уютность внутреннего расположения» [9]. Далее в отчете Васнецов описал здание двухклассного училища в два этажа, предоставив его чертеж, который наглядно знакомил с расположением дома.

Политехническая выставка возникла в результате потребности исторического осмысления мира и в сопоставлении происходящего здесь и сейчас с прошедшим [10]. Участники посещали разные павильоны московской выставки, знакомились с культурными объектами. Прогулки по Кремлю, Александровскому саду, набережной Москвы-реки, посещение занятий именно в той образцовой школе, что на Варварской площади – этот праздник науки, искусств и просвещения вошел в душу сельского учителя, навсегда убедив его в значимости русской культуры. Интерес к русской архитектуре, истории, народной крестьянской культуре Васнецов пронес через всю свою жизнь.

Отчет Н. М. Васнецова представлял собой руководство к действию. Учитель проанализировал полученную информацию, сделал выводы, выявил открывшиеся возможности. В том же 1872 г. состоялось открытие училища в с. Шурма Уржумского уезда – одного из первых двухклассных в губернии.

Николай Михайлович преподавал во втором классе, на него были возложены обязанности заведующего Шурминского училища.

В начале своего учительского пути бунинский герой Н. Турбин был схож с Н. Васнецовым в своих устремлениях. Он весь «был переполнен рвением поскорее начать работать, сразу сделать свою школу образцовой, пописывать статьи по народному образованию, приняться за составление учебников» [11]. Первый год в школе прошел для него удивительно быстро, он мечтал, но день за днем тускнели эти мечты.

И. А. Бунин в портрете молодого учителя подчеркнул трудности его положения, одиночество. Трагедия Турбина была predetermined: учитель не выдержал испытаний. Положение сельских учителей было тягостным, испытания могла вынести только сильная волевая личность.

Как преодолевал трудности Н. Васнецов? Дальнейшая его деятельность в качестве заведующего была направлена на преобразование, открытие учебного процесса на научных основах. Сначала Васнецов заручился поддержкой шурминцев об отпуске леса. Местное общество, раскачавшись, предоставило до 1000 бревен леса, пожертвования от частных лиц составили 1622 руб. Одновременно велась переписка с Министерством народного просвещения, которое требовало от земства «письменного обязательства обеспечения училища постоянным помещением» [12]. Уржумская управа, войдя в соглашение с шурминским обществом, ассигновала 2000 руб. на строительство училища, министерство перечислило пособие на сумму 1500 руб. Строительство нового здания было завершено, открытие училища в преобразованном виде последовало 25 марта 1881 г. 11 апреля того же года Н. М. Васнецов был утвержден заведующим Шурминского двухклассного училища.

Двухклассное Шурминское училище имело пятилетний срок обучения. Число учащихся, мальчиков и девочек, доходило в нем до 250 [13]. Кроме обязанностей заведующего на Н. М. Васнецова возлагалась еще обязанность преподавателя во втором, старшем отделении, в котором преподавались следующие предметы: закон Божий, русский язык (чтение, письмо, чистописание), арифметика, история («от начала Руси до последних времен»), география, естествознание, землемерие и черчение. Все эти предметы преподавал Н. М. Васнецов. По собственной инициативе он дополнил определенными правилами перечень дисциплин еще двумя – историей и географией Вятского края [14]. Часть занятий по землемерию Николай Михайлович проводил в поле, предлагая учащимся на практике применить полученные в классе знания.

В основу отношений между преподавателями Н. М. Васнецов положил принцип товарищества, который он понимал таким образом: «Каждый несет труд по своим силам и знанию»; «...каждый в отдельности – есть лицо

самостоятельное в своем труде и отвечает за него» [15]. Он добился также того, что у всех преподавателей училища сложились схожие методы работы, в основе которых лежали принципы постепенности и наглядности.

В домашнем архиве шурминского краеведа Е. Н. Носковой есть уникальные документы, в которых представлена история васнецовского училища – аттестат об окончании четырехклассного шурминского училища Н. И. Мотрохина за 1912 г. и свидетельство об испытаниях и присвоении ему звания учителя с правом преподавания в двухклассных сельских училищах.

Сознание необходимости запечатлеть устное народное слово, старинные обряды и традиции родного края явилось стимулом для создания Н. М. Васнецовым «Материалов для объяснительного областного словаря вятского говора». Как вдумчивый наблюдатель, он подробно описал старинный свадебный обряд, его участников, раскрыл роль дружки, тысяцкого, боярина. Интересен также обряд «бородка завивать», когда по окончании жнитва крестьянин завивал из последних колосьев «крест» [16]. Даже краткий экскурс по страницам васнецовского словаря открывает возможности для исследования отечественной культуры, в том числе русских традиций и обрядов.

Как учитель-реформатор Н. М. Васнецов способствовал развитию культуры Вятского края. Все это позволяет утверждать: Николай Михайлович Васнецов – яркий представитель нового учительства, его жизнь – пример честного служения делу, идее для потомков.

Примечания

1. Вятские губернские ведомости. 1872. № 51. С. 4.
2. Доронина Н. Народный учитель // Вятский край. 1995. 15 дек.
3. Вятские губернские ведомости. 1872. № 48. С. 3.
4. Там же. № 44. С. 3.
5. Там же. № 31. С. 4.
6. Кириченко Е. М. Московское архитектурное общество на всероссийских выставках // Московское архитектурное общество в истории русской культуры 1867–1932. М., 2007. С. 43.
7. ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 565. Л. 714.
8. Там же. Л. 715.
9. Там же. Л. 714.
10. Кириченко Е. И. Указ. соч. С. 47.
11. Бунин И. А. Учитель // Бунин И. А. Повести и рассказы. М., 1965. С. 63.
12. Доронина Н. Указ. соч.
13. Доклады Уржумской уездной управы и журналы уездного земского собрания VIII очередной сессии. Вятка, 1874. С. 259.
14. Журналы Уржумского уездного земского собрания XIII очередной сессии 1879 года. Уржум, 1880. С. 24–27.

15. Там же. С. 22.

16. Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Киров, 1995. С. 18.

Краеведческая работа приходского духовенства Вятской губернии во второй половине XIX в.: на примере деятельности протоиерея Ивана Герасимовича Кибардина

*Д. В. Кондрашин,
г. Чистополь, Республика Татарстан*

Эпоха Великих реформ ознаменовалась оживлением общественной жизни, углублением интереса к выявлению, изучению и сохранению богатого культурно-исторического наследия России. До становления общероссийских научных организаций в каждом регионе трудились подвижники, из личных интересов сохранявшие историю края, проявлявшие заботу о достопамятных. В силу большей образованности инициатива на местном уровне в середине XIX столетия чаще принадлежала приходскому духовенству. Среди уездных священников Вятской губернии интересен опыт Ивана Герасимовича Кибардина (1817–1876), чья краеведческая работа проводилась в пределах Слободского округа, где он родился и жил непрерывно, служа с 1838 по 1876 г. в Троицкой церкви с. Лекомского [1].

Начало исследовательской деятельности И. Г. Кибардина следует связывать с публикацией в 1859 г. в «Записках Казанского Императорского Экономического общества» большой работы «Хозяйственные описания местностей северного, Верховятского края Слободского округа» [2]. Интересная, преимущественно с экономической точки зрения, работа содержит сведения о быте крестьян Слободского уезда. Автор описал их внешность, объясняя ее особенности географией расселения, дал сведения об одежде, материальных возможностях, говоре, праздниках, обычаях и т. д. За обстоятельное, не поверхностное описание народного быта в Слободском уезде И. Г. Кибардину была «изъявлена заветом Казанского Императорского Экономического общества полная признательность» [3].

Разрушению формализма и повышению качества, планомерности краеведческих изысканий способствовала активизировавшаяся в 1850-х гг. деятельность местного статистического комитета. Для проведения целенаправленной работы по поиску, сохранению и публикации материалов Вяткой старины привлекалось приходское духовенство. 12 августа 1863 г. Иван Герасимович был избран действительным членом Вятского губернского статистического комитета. Занимаясь сбором статистических сведений (числен-

ность населения, смертность, рождаемость и т. д.), он также активно направлял в его адрес статьи и заметки различного содержания. К наиболее значимым можно отнести результаты систематических наблюдений за растительностью, климатом по северному краю в Слободском уезде за 1847–1867 гг., «Заметки о значении лиственных деревьев ... в промышленном и торговом отношениях», «Заметки о быте жителей Кайского края» и т. д. [4].

Руководствуясь предложением статистического комитета о сборе предметов старины в Вятской губернии, И. Г. Кибардин представил в организацию найденный в его приходе клад серебряных монет. Он писал: «В год открытия Вятского музеума, наконец сам явился тут и клад, из бересты окладная оболочка, разрезанная сохою пахаря <...> открыла и клад серебряных монет времен Михаила Федоровича <...>. Эти монеты священником Иоанном Кибардиным представлены в музей Вятский и Археологическую комиссию, которая и наградила пахаря присылкой денег <...>» [5]. Указанный клад, отправленный в комиссию в 1864 г., стал одной из первых зарегистрированных находок. Вторым предметом, предоставленным священником в рамках своих обязанностей, стала уникальная шпага, славившаяся «царскою Петра Великого» [6], сохранившаяся у одного из крестьян с. Лекомского. Позже священник указывал, что им от имени владельца «шпага представлена в музей и от Губернатора Струкова воздана искренняя благодарность через Действительного члена жертвователю оной <...>» [7]. Важно отметить, что представление находок в статкомитет предварял запрос от И. Г. Кибардина, где священник детально описывал предлагаемый к пожертвованию предмет, опираясь на исторические знания, датировал и разъяснял его происхождение. Указанные обращения являются ценным историческим источником, содержащим сведения по культуре края. Так, характеризуя клад, автор предварительно описал ряд легенд, связанных с местом его обнаружения, показал нравы и обычаи сельчан.

Анализ документации, раскрывающей деятельность Вятского статкомитета за 1856–1867 гг., позволяет охарактеризовать И. Г. Кибардина как одного из значимых деятелей организации среди сельского духовенства. В последующем его активная собирательская и плодотворная творческая работа была отмечена благодарностью от Вятского губернского статистического комитета с формулировкой «за труды по обязанности действительного члена» [8]. Взаимодействие с комитетом Иван Герасимович продолжал до последних дней жизни.

Расширению историко-краеведческих исследований, трансляции результатов данной работы в Вятской губернии способствовало издание с января 1863 г. «Вятских епархиальных ведомостей». В отличие от городского духовенства сельские священники не сразу откликнулись на призыв редакции о предоставлении материалов. Только спустя несколько лет они стали актив-

но публиковать в них очерки, заметки, статьи по местной истории и краеведению.

И. Г. Кибардин был утвержден в должности корреспондента Ведомостей с первых дней основания издания. Полезность его работы проявлялась в обращенности к церковным архивам: «грамоты, и многие прочие документы в копиях переданы в редакцию Вятских епархиальных ведомостей корреспондентом оных, Лекомским священником Иоанном Кибардиным 1866 года 25 ноября, из них одна грамота со снимком старой рукописи» [9]. Последняя рукопись священника «Историческое описание села Лекмы Слободского уезда», кратко раскрывавшая церковную историю его родного села, была опубликована в ведомостях после его смерти в 1878 г.

Одной из значимых работ И. Г. Кибардина, имеющих историческое содержание, является «Церковно-приходская летопись Лекомской церкви». Написанная священником в конце 60-х гг. XIX в. и сохранившаяся в рукописном фонде Вятского губернского статистического комитета летопись является одним из ранних памятников указанного вида источников. Написанная И. Г. Кибардиным на основании первых распоряжений церковных властей при отсутствии летописных образцов и подробных планов, она является доказательством его творческой индивидуальности. Появление рукописи в обозначенный период подтверждает мнение С. О. Шмидта о «вовлечении духовенства в набиравшее силу краеведческое движение» [10].

В работе Иван Герасимович повествует о заселении территории Лекомского прихода. Описывает строительство первых часовен, церквей и монастырей на территории Слободского уезда. Опираясь на храмозданные грамоты и предания, указывает даты строительства храмов на территории с. Лекомского, подробно сообщая об их внутреннем убранстве, имевшихся церковных реликвиях, иконах и т. д. Обозначая священников, служивших в селе за период его 200-летней истории, автор раскрывал о своей деятельности, связанной с заботой о расширении храмов на территории подведомственного округа.

Существенным дополнением, повышающим информативность и историзм рукописи, как и в работах других священников, является описание истории отдельных сел Вятской губернии, а также многочисленные комментарии, раскрывающие жизнь различных персоналий, топонимику и т. д. В целом историческое описание является достаточно разноплановым и содержательным. В отличие от большинства летописцев, не имевших сведений об основании прихода и церкви, либо опиравшихся только на предания, сказания старожилов, И. Г. Кибардин привлек значительное количество документов: материалы церковного архива, рукописи старшего брата Н. Г. Кибардина, данные народных переписей, ревизские сказки, устные предания и рассказы старожилов.

Важно отметить, что отбор фактов и их истолкование выдает в И. Г. Кибардине вдумчивого исследователя, отличавшегося по образу мысли от окружающих крестьян. В его лице церковь прочно занимала ведущее положение в общественной жизни деревни, меры к сохранению которого через отчаянную попытку повышения культурного уровня сельского духовенства будут предприниматься в более позднюю эпоху К. П. Победоносцева.

Представленная работа является ценным источником для историко-краеведческих, этнографических, историко-географических, археографических исследований, являясь, как и другие летописи, по мнению известного историка-архивиста, источниковеда С. О. Шмидта, ценным источником сведений по местной церковной истории и краеведению.

Историко-краеведческая деятельность рассмотренной персоналии доказывает весомый вклад русского православного духовенства в сохранение уникальной культуры российской провинции. Исследовательская деятельность краеведов, проявлявшаяся в собирательстве, естественно-научных наблюдениях, лингвистических, этнографических и других изысканиях, содействовала обогащению исторических знаний.

Примечания

1. Некролог // Вятские епархиальные ведомости. 1877. № 4. Отд. дух.-лит. С. 99.
2. Чудова Г. Ф. В те далекие годы. Киров, 1981. С. 68–70.
3. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1300. Л. 146 об.
4. См.: Там же. Ф. 574. Оп. 2. Д. 4385. Л. 100.
5. Там же. Оп. 8. Д. 68. Л. 17 об.
6. Там же. Оп. 2. Д. 4385. Л. 56.
7. Там же. Оп. 8. Д. 68. Л. 19 об.
8. Некролог // Вятские епархиальные ведомости. 1877. № 4. Отд. дух.-лит. С. 100.
9. ГАКО. Ф. 574. Оп. 8. Д. 68. Л. 13 об.
10. Шмидт С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2. Кн. 1. М., 2009. С. 100.

Создатель «Музея редкостей и древностей» в Иваново-Вознесенске Д. Г. Бурылин и его нумизматическая коллекция

*О. О. Гоглова, Н. Н. Тимошина,
г. Иваново*

Иваново-вознесенский фабрикант Дмитрий Геннадьевич Бурылин (1852–1924) был увлеченным собирателем редкостей и древностей. В 1914 г. он

создал свой музей, посвятив его деду – Диодору Андреевичу Бурылину, который, будучи крепостным крестьянином, в 1812 г. построил ситценабивную фабрику, а в 1831 г. выкупил вольную у графа Шереметева. Именно от деда передалась Бурылину страсть к коллекционированию. После смерти деда предметы, которые он собирал – старопечатные книги и монеты, были переданы внуку Дмитрию. Начало создания коллекций музея относится к 1864 г. [1].

В 1876 г. Дмитрий Геннадьевич становится владельцем фабрики хлопчатобумажных изделий. В 1909 г. было учреждено «Товарищество мануфактур Д. Г. Бурылина», а уже в 1912 г. основной капитал «Товарищества...» увеличился в два раза. Большую часть дохода от своего производства Дмитрий Геннадьевич тратил, по словам некоторых ивановских фабрикантов-«миллионщиков», «на блажь и пустую затею», имея в виду его увлечение собирательством редких предметов и устройство выставок [2]. В 1904 г. для размещения своих коллекций он углубил и расширил подвал своего жилого особняка, сделал отдельный вход с лестницей, ведущей к дверям, украшенным шлемами и оружием, потолки залов были расписаны, на них можно было увидеть хозяина коллекций в восточном наряде и древо Бурылиных. Для окон парадной лестницы особняка были приобретены итальянские витражи.

Нумизматическое собрание насчитывало более 100 тыс. единиц. Собирательством монет Бурылин занимался с детства, эта коллекция до конца его жизни была одной из самых любимых. Он покупал русские и иностранные монеты в больших количествах, а порой даже на вес, пудами. С годами, благодаря опыту, ему удавалось покупать редкие монеты, в результате были собраны весьма интересные и значительные коллекции русских, античных, восточных и западноевропейских монет. Д. Г. Бурылин особое внимание уделял предметам экзотическим, впоследствии музей, который он построил на свои средства, он назвал «Музей редкостей и древностей». В его собрании были редкие экземпляры: соляной брусок из Африки, раковины каури, служившие деньгами у многих народов на огромной территории, кожаные монеты, монеты-ножи и монеты-мотыги из Китая, стеклянные экзагии, фарфоровые монеты Сиамы, слитки разных металлов, имевшие хождение в качестве денежных знаков в разных странах. В коллекции представлены массивные шведские монеты-плоты начала XVIII в., французские бумажные деньги-ассигнаты конца XVIII в., коллекция немецких нотгельдов – денег чрезвычайных обстоятельств – 1914–1924 гг. Есть очень редкие китайские бумажные деньги периода Гуансюй (1875–1908) – их более 60 и они представляют частные банки (таких бумажных денег нет в коллекции Государственного Эрмитажа). Интересный раздел составили бумажные денежные знаки России 1918–1920-х гг., эмитированные разными правительствами

ми, городами, областями. Коллекция русских памятных медалей на события XVIII–XIX вв. подобрана достаточно полно. Иностранные памятные медали представляют страны Европы: Бельгию, Швецию, Италию, Англию, Германию, Австрию.

Для приобретения предметов своих коллекций Д. Г. Бурылин выезжал в разные города России, в европейские страны и в Египет [3]. Он вел большую переписку, связанную с приобретением и определением монет. Ему писали из разных городов России, из антикварных магазинов, меняльных лавок частные лица с предложениями о приобретении самых различных предметов, в том числе монет – от коллекций до единичных экземпляров; многие знали о разнообразных интересах собирателя.

Д. Г. Бурылин до постройки здания музея принимал участие со своими коллекциями в различных выставках в своем городе, а также в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, других городах России и за ее пределами. Впервые экспонаты появились на промышленно-художественной выставке в Москве в 1882 г., в 1891 г. на Среднеазиатской выставке в Москве впервые были представлены восточные монеты, в их числе арабские, грузинские, индийские, китайские, монгольские, персидские, общим количеством 1260 экземпляров, из них 36 золотых, 822 серебряных, 402 медных [4]. Во время посещения выставки император Александр III обратил внимание на эту коллекцию. За участие в выставке Бурылину была присуждена золотая медаль. Одной из самых значительных по количеству экспонатов (9238 экз.) была выставка, посвященная 400-летию открытия Америки Колумбом, проходившая в Чикаго в 1893 г. Бурылину были присуждены две медали за коллекцию монет и за ткани, выпущенные на фабриках Д. Г. Бурылина; обе медали хранятся в коллекции музея.

4 ноября 1885 г. Бурылин был избран действительным членом Московского нумизматического общества. 30 декабря 1892 г. единогласно был избран членом географического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете [5]. С мая 1908 г. состоял членом-соревнователем Российского исторического музея, а также членом Астрономического и Толстовского обществ [6].

О бурылинском собрании разных редкостей были публикации в прессе: в журнале «Нива» за 1903 г., «Солнце России» за 1913 г., в газете «Новое время» от 9 июня 1914 г. – где сообщалось о «богатом и разнообразном музее» Д. Г. Бурылина, а также о том, что Дмитрий Геннадьевич «желает сохранить музей в России и в своем городе» [7].

Современники говорили, что Бурылина-фабриканта люди забудут, а Бурылина-основателя музея будут помнить всегда. Напротив своего жилого дома он построил специальное здание для своего музея, пригласив архитек-

тора П. А. Трубникова. С конца 1914 г. работа музея продолжилась в новом здании, однако известно, что коллекция нумизматики осталась в «старом музее» жилого особняка.

После Октябрьской революции до 1924 г. Д. Г. Бурылин был хранителем в своем музее. Дмитрий Геннадьевич продолжал работать над пополнением коллекций. Так, в 1918–1922 гг. им была собрана значительная коллекция ценных бумаг и бумажных денег разных городов, банков, правительств, частных учреждений России того времени. Но в конце 1923 г. в ходе инициированной проверки дома Д. Г. Бурылина в его кабинете были обнаружены монеты из коллекции нумизматики, которую основатель музея собирал 60 лет, это послужило одним из поводов для отстранения его от работы в музее.

С конца 1920-х гг. начался процесс передачи предметов из музея в Госфонд, другие музеи, особенно значительны они были в середине 1950-х гг. [8].

Однако на сегодняшний день, несмотря на некоторые передачи в другие музеи, собрание нумизматики нашего музея является весьма ценным и представляет интерес для исследователей. С нумизматическими коллекциями музея в разное время работали известные ученые-нумизматы, сотрудники Государственного Эрмитажа. Александр Николаевич Зограф в 1920 и 1921 гг., еще до своей работы в Государственном Эрмитаже, будучи заведующим нумизматическим отделом Московского музея изящных искусств, читал лекционные курсы по истории искусств и нумизматике в Иваново-Вознесенском институте народного образования [9]. В промежутках между лекциями работал в нашем музее с нумизматическими и археологическими коллекциями. В середине 1950-х гг. по просьбе музея с монетами работали заведующий отделом нумизматики Государственного Эрмитажа Алексей Андреевич Быков и хранитель сектора нумизматики Русского музея Александр Александрович Войтов. Сотрудники отдела нумизматики Государственного исторического музея Нона Дмитриевна Мец и Алла Сергеевна Мельникова знакомы с музейной нумизматической коллекцией.

В 2000–2004 гг. в музее благодаря помощи научных сотрудников отдела нумизматики Государственного Эрмитажа Нины Владимировны Ивочкиной, Галины Борисовны Шагуриной, Юрия Леонидовича Дюкова, Веры Валентиновны Гурулевой была проведена исследовательская работа в области дальневосточной и античной коллекции нумизматики, изучались ближневосточная и византийская коллекции монет музея. Все специалисты отметили, что нумизматическое собрание музея, основную часть которого составляет Бурылинская коллекция, остается одним из значительных и интересных собраний музеев России. На протяжении более двух последних десятилетий в музее продолжается постоянная исследовательская работа по изучению нумизматического фонда. Ежегодно на всероссийских нумизматических конференциях, организованных ГИМ и Государственным Эрмитажем,

на международных нумизматических симпозиумах, проводимых Украиной и Молдавией, международных конференциях, организованных кафедрой вспомогательных наук историко-архивного института РГГУ в Москве, на конференциях, проводимых нашим музеем, представляются доклады, посвященные изучению коллекций и отдельных предметов из нумизматического фонда Музея им. Д. Г. Бурлыгина.

В настоящее время в экспозиции ИГИКМ им. Д. Г. Бурлыгина можно увидеть предметы из музейного фонда «Нумизматика». В «Золотой кладовой» монеты России, Древней Греции и Рима, монеты Византии, ближневосточные и дальневосточные монеты, золотые дукаты и серебряные талеры Европы, ордена и медали России и иностранных государств, знаки благотворительных обществ России. В зале «Европейская коллекция» представлены памятные медали разных стран Европы, французские ассигнаты конца XVIII в. В «Русском зале» выставлены памятные медали, жетоны и знаки, посвященные Отечественной войне 1812 г., памятные русские медали на события истории XVIII–XIX вв., медали из исторической серии «На события древней русской истории», выпущенной при непосредственном участии императрицы Екатерины II, а также медные монеты – плоты Швеции и России XVIII в. В библиотеке показаны медали и жетоны, посвященные Л. Н. Толстому. В музее ситца в экспозиции представлены русские монеты XVII и XVIII вв., а также медали различных выставок, в которых принимали участие иваново-вознесенские фабриканты.

В музее продолжается пополнение коллекций фонда «Нумизматика», в последние годы поступили монеты, бумажные деньги, ценные бумаги, лотерейные билеты России и стран ближнего зарубежья, памятные монеты России, медали, знаки и значки, связанные с историей нашего края.

Примечания

1. Додонова А. А. Дмитрий Геннадьевич Бурлыгин. Иваново, 1997. С. 88.
2. Там же. С. 73.
3. Там же. С. 56.
4. ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 309. Л. 37.
5. Там же. Д. 12. Л. 2, 3.
6. Там же. Д. 90. Л. 35.
7. Там же. Д. 148. Л. 368, 327, 738, 187.
8. Тимошина Н. Н. К 150-летию Д. Г. Бурлыгина // Нумизматический Альманах. М., 2002. № 1. С. 15; она же. К истории формирования собрания нумизматики Д. Г. Бурлыгина // Я надеюсь, что это пригодится. Иваново, 2011. С. 159.
9. А. Н. Зограф (краткая биография) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 16. Античные монеты. М.–Л., 1951. С. 7.

А. В. Журавский – собиратель музейных коллекций на Европейском Севере

*М. И. Нисковская,
г. Сыктывкар, Республика Коми*

Европейский Север связан с именами многих исследователей, которые оставили свой след в его истории, среди них русский ученый, член Российского географического общества Андрей Владимирович Журавский (1882–1914). Его деятельность оказала серьезное влияние на развитие географии, биологии, этнографии, он совершал путешествия по территориям Европейского Севера, базируясь на полученных результатах, проводил исследования, собирал музейные коллекции, «... в течение 1903–1905 гг. им была обследована большая часть Большеземельской тундры, которая еще во многом оставалась terra incognita для науки. За эти путешествия он получил сначала малую серебряную, а в 1905-м – большую золотую медаль им. Н. Н. Пржевальского – высшую почетную награду Императорского Русского географического общества, награду, которую не получал никто из студентов» [1].

В 1902–1909 гг. он совершил 17 экспедиций в Печорский край, полученную в ходе поездок информацию зафиксировал в научных работах, периодических изданиях. А. В. Журавский описывал ход экспедиций: «Вечером 16-го июля, руководимая мною экспедиция достигла высочайших вершин, открытого экспедицией нового отрога приполярного Урала. Отрог этот проходит по реке Кожим – притоку самой большой реки, впадающей слева в многоводную Уссу реки “Косьи” – кончаясь под высочайшими кряжами приполярного Урала, горами “Обэ” и “Салидэй”» [2], собранные данные и полевой материал «... исследование урожаев, произведенное в лаборатории Северо-Печорской Экспедиции 1909 года с учетом свыше 300 проб... показывает, что печорское зерно... приходится признать тяжеловесным...» [3]. Помимо этого А. В. Журавский «был одним из крупнейших собирателей Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого начала XX в.» [4].

Деятельность Журавского активизировала волну интереса к северному региону, научным исследованиям различных аспектов, но и вызывала дискуссионные отклики у его коллег. Ученый был основателем первого в российском Приполярье научного учреждения – Печорской естественно-исторической станции Академии наук (1906 г.) в с. Усть-Цильма (с января 1911 г. – Печорская сельскохозяйственная опытная станция и ветеринарно-бактериологическая лаборатория). По словам М. И. Бурлыкиной, это был «первый научный музей на территории Зырянского края» [5]. Далее исследовательница пишет, что в «... экспозиции демонстрировались образцы продукции, а также предметы быта, культуры старообрядческого населения.

...Результаты деятельности станции демонстрировались не только в собственном музее, но и за пределами Зырянского края. Так, около тысячи образцов различных культур экспонировались на Царскосельской выставке в Санкт-Петербурге» [6]. Стоит отметить, что на сегодняшний день функционирует «Усть-Цилемский историко-мемориальный музей А. В. Журавского». В 1978 г. после закрытия Опытного поля станции в пос. Журавский дом-памятник основателя Печорской сельскохозяйственной станции А. В. Журавского был перенесен в новый музей (с. Усть-Цильма, ул. Нагорная, 101) [7].

Первоначально Печорская естественно-историческая станция в с. Усть-Цильма в 1906 г. была создана для пополнения коллекций музеев Императорской Академии Наук, что было отражено в уставе этого учреждения: «Печорская Естественно-историческая Станция учреждается для всестороннего изучения Печорско-Мезенского края и соприкасающихся районов в биогеографическом отношении и для пополнения коллекций Зоологического, Ботанического, Геологического и Этнографического Музеев Императорской Академии Наук» [8].

Непосредственно сам устав «Печорской Естественно-исторической Станции при Императорской Академии Наук» был утвержден 3 мая 1908 г. на заседании общего собрания конференции Императорской Академии Наук, «в звании заведывающего таковой Станцией утвержден на основании § 3 устава, А. В. Журавский, заведывавший Станцией со дня ее учреждения, т. е. в течение трех лет 1906–1908 гг.» [9]. Помимо этого устав закреплял, что станция в с. Усть-Цильма «находится в ведении Императорской Академии Наук» [10]. Согласно этому же документу во главе данного учреждения должно было стоять лицо, «командируемое Императорскою Академиею Наук, по представлению директоров соответствующих Музеев Академии, и утвержденное Академиею в звании заведующаго Станцией» [11]. Руководитель станции должен был подчиняться директорам вышестоящих организаций, а именно музеев Академии Наук: «Заведывающий Станцию получает указания от директоров вышеуказанных Музеев и является ответственным перед Академиею лицом по всем отраслям ведения Станции» [12].

По словам создателя Печорской естественно-исторической станции А. В. Журавского, данная организация была уникальной для России, так как являлась первым биогеографическим учреждением в стране, «имеющим целью всестороннее исследование и изучение области, ограничиваемой не административными (уездными или губернскими) границами, а границами естественными природными» [13]. Руководитель станции А. В. Журавский описал географические объекты и пределы исследуемой территории: «...в область ее деятельности входят восточные части Архангельской, Вологодской и Пермской губерний и западная – Тобольской губернии, т. е. районы, заключающие в себе бассейны Печоры и Мезени (со всеми системами притоков) и соприкасающиеся части бассейнов Сев. Двины и Оби, как и вся площадь полярных Тундр от Ка-

нина до Оби» [14]. Несмотря на дефицит материальных средств, А. В. Журавский открыл Печорскую естественно-историческую станцию в с. Усть-Цильма из-за благоприятного географического расположения, позволяющего изучать Европейский Север и приполярные зоны России. «Однако, главное внимание Станции – почему она и учреждена в Устьцильме, – в особенности при настоящем ее материальном положении, ограничивающем ее право открывать порайонные отделения, – обращалось и обращается на область за-печорских тундр и приполярного Урала, как на наименее и имеющую кардинальнейшее не частное, не местное только значение, а значение универсальное, так как изучение этой области освещает одновременно и всю колоссальную область приполярной России, соответственно общности основных явлений» [15].

Экспедиции А. В. Журавского собрали обширные материалы по палеонтологии, фауне и флоре, «в одном 1907 г. доставлено свыше 16000 экз. животных» [16]. Этнографические коллекции были не менее богатыми, «обширные коллекции по быту и культуре (религии) самоедов, в большей части составляющие из предметов, впервые появляющихся в музеях Европы. (Всего по этнографии за-печорья Станцией, с 1906 года, доставлено, при участии соревнователей, до 3.000 предметов)» [17]. Собрание А. В. Журавского представляет особый научный интерес, формирует представления о региональной народной культуре начала XX в. А. И. Терюков изучил и систематизировал более 2000 этнографических предметов в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН, доставленных А. В. Журавским в МАЭ, более 800 из которых были приобретены или получены в Усть-Цильме [18]. А. И. Терюков составил список коллекций А. В. Журавского в Кунсткамере.

В результате исследований А. В. Журавского, собранных им материалов и музейных коллекций по Европейскому Северу, «... материалы Станции оказали существенное влияние на переоценку общественного и научного воззрения на крайний север, так как без них, основываясь на скудных прежних данных, наука могла санкционировать лишь отрицательное отношение к такой переоценке...» [19]. Можно отметить, что на данный момент фонды Усть-Цилемского историко-мемориального музея А. В. Журавского насчитывают более 30 тыс. ед. хр., включающих уникальную коллекцию древнерусской живописи и коллекцию старопечатной и рукописной книги, богатую коллекцию нумизматики, предметов этнографии XIX–XX вв., археологическую, естественно-научную, коллекцию прикладного искусства, изобразительного искусства, истории техники (предметы различных периодов времени, начиная с конца XVIII в.), коллекцию оружия, богатейший фотодокументальный архив [20].

Таким образом, А. В. Журавский в начале XX в. создал в с. Усть-Цильма Печорскую естественно-историческую станцию, которая позволила изучить различные аспекты географии, биологии, этнографии Европейского Севера, а также собрать обширные музейные коллекции.

Примечания

1. Терюков А. И. История этнографического изучения народов коми. СПб., 2011. С. 133.
2. Журавский А. В. Еще о северо-печорской экспедиции А. В. Журавского // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1909. 15 окт. (№ 11). С. 54.
3. Журавский А. В. Будущее приполярного земледелия // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1910. 1 мая (№ 9). С. 3.
4. Терюков А. И. Указ. соч. С. 88.
5. Бурлыкина М. И. Становление музейного дела в Республике Коми (первая четверть XX в.) // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 59–60.
6. Там же.
7. МБУ «Усть-Цилемский историко-мемориальный музей А. В. Журавского» // URL.: <http://muzeigurav.ru/ru/page/82>.
8. Устав Печорской Естественноисторической Станции при Императорской Академии Наук в Устьцыльме. [Устьцыльма], 1908. С. 1.
9. Журавский А. В. Печорская естественноисторическая станция при Императорской Академии Наук. Ея задачи и история ея возникновения. Архангельск, 1908. С. 3.
10. Устав Печорской Естественноисторической Станции. С. 1.
11. Там же.
12. Там же. С. 1–2.
13. Журавский А. В. Печорская естественноисторическая станция. С. 3
14. Там же. С. 3–4.
15. Там же. С. 4.
16. Там же. С. 7.
17. Там же. С. 9.
18. Терюков А. И. Указ. соч. С. 101.
19. Журавский А. В. Печорская естественноисторическая станция. С. 7.
20. Рочева Л. К. История музея // МБУ «Усть-Цилемский историко-мемориальный музей А. В. Журавского» [Электронный ресурс]. URL.: <http://muzeigurav.ru/ru/page/82>.

А. С. Лебедев – создатель Кукарского музея

В. С. Жаравин, г. Киров

Музей Кукарского образовательного общества был создан замечательным человеком Александром Сергеевичем Лебедевым (1888–1937), посвятившим всю свою жизнь краеведению или, как говорили в начале XX в., родиноведению. Александр Сергеевич с детства увлекался историей и естественными науками, собирал предметы древности. Личная коллекция Лебедева во-

шла в основу созданного им музея Кукарского образовательного общества. Как было сказано в отчете о деятельности общества за 1910 г., А. С. Лебедев передал музею около 3500 нумизматических, археологических, этнографических предметов [1].

Главными задачами как общества, так и музея Александр Сергеевич считал способствование «изучению края и распространению в населении серьезного образования» [2]. Музей со временем должен давать населению «действительное представление о родном крае» [3].

Лебедев не просто передал предметы в музей, он их разобрал, подготовил для экспонирования. Вот что он писал 16 июля 1910 г. пермскому археологу Н. К. Зеленову: «Все время занимаюсь в музее. Заведующий на лето уехал, таким образом, вся работа досталась мне. Оказывается, нелегкая вещь – музейное дело. Целый день работаешь, а дело очень незаметно движется вперед. Теперь наконец-то я все разобрал. Думаю сегодня выехать в Котельнич и Вятку на неделю, а затем придет заведующий библиотекой и музеем Общества А. А. Мухачев, и мы займемся составлением каталога... Я все более и более увлекаюсь родным делом и начинаю верить, что удастся со временем осуществить свои широкие планы» [4].

В течение первых трех месяцев работы музея Лебедев сам проводил экскурсии, работал с посетителями.

При создании музея Александр Сергеевич широко использовал опыт работы других музеев, в первую очередь Сарапульского. Он ежегодно ездил по стране, изучая опыт родиноведения. Организовав издания отчетов о деятельности Кукарского образовательного общества, Лебедев стал посылать их во многие регионы России, взамен получая труды и отчеты различных научных обществ и музеев. Большая самообразовательная работа помогла Александру Сергеевичу стать крупным специалистом по родиноведению и музееведению; приобретаемый опыт он применял на практике в Кукарском музее.

В ноябре 1914 г. А. С. Лебедев выступил на заседании Кукарского образовательного общества, сделав «весьма обстоятельный, интересный и продуцирующий доклад по вопросу организации и устройства музея», поэтому ему и поручили «устроить музей согласно сделанному докладу» [5].

Со временем Кукарский музей все больше приобретал известность в России. О нем писали в различных периодических изданиях. Вот, например, что опубликовал «Русский экскурсант. Журнал родиноведения и экскурсионного дела» в 1916 г.: «В последние годы число местных музеев увеличивается. Наиболее интересные из них – музей Кукарского общества образования (Вятской губ.), Волчанского общества образования (Харьковской губ.), Костромского научного общества по изучению местного края и др. Как видно из отчета Кукарского общества образования, музей этот уже

успел завоевать симпатию населения, и многие из крестьян сами, за десятки верст привозят вещи и передают их в музей по большей части бесплатно» [6].

Описание музея, созданного А. С. Лебедевым, оставил член Вятской ученой архивной комиссии И. М. Осокин, в 1916 г. посетивший Кукарку: «Музей занимает вместе с библиотекой общества и историческим архивом верхний этаж каменного здания в шесть комнат, больших, высоких, светлых. Музей обставлен в достаточной мере очень хорошей, специально построенной для сего мебелью (шкафы, витрины), вещи распределены довольно просторно, в систематическом порядке и весьма удачно, так что музей, несмотря на свою молодость, производит впечатление весьма благоустроенного музея. Наибольшее внимание из всех вещей заслуживают коллекции археологические, церковно-археологические, палеонтологические, художественные, где есть немало этюдов, исполненных местными художниками. При музее имеется комната для занятий членов по разборке предметов, описанию их и особая комната для членов, занимающихся фотографированием древности» [7].

Опыт Кукарки изучался, анализировался. Известный уральский краевед В. П. Бирюков, создатель Шадринского музея Пермской губернии, в своих воспоминаниях писал, что о Кукарском музее и об Александре Лебедеве он впервые услышал в Московском археологическом институте, где учился [8]. Этот факт говорит о том, что опыт Кукарки изучался в высших учебных заведениях страны.

Александр Лебедев, хотя и жил в Казани, а потом в Санкт-Петербурге – Петрограде, ежегодно приезжал на родину, активно участвовал в деятельности Кукарского образовательного общества, а в 1916 г. был избран его председателем.

Создав музей в Кукарке, Лебедев постоянно стремился передать другим свой опыт музейного строительства. Возглавив после смерти отца в 1914 г. торговую фирму «Наследники С. В. Лебедева», Александр Сергеевич много времени проводил в г. Царицыне Саратовской губернии, где продавал лес из Вятской губернии. К этому времени в Царицыне группа местной интеллигенции, мечтавшая создать уездный музей, уже начала собирать экспонаты для него. Приезд А. С. Лебедева оказался очень вовремя. Он сразу же включился в музейное строительство, и в Царицыне, и в губернском Саратове пропагандируя опыт Кукарского музея. Сам Лебедев писал: «... в Царицыне при моем участии возникло общество родиноведения с задачами, тождественными с Кукарским образовательным обществом. Так как по своему коммерческому делу я буду навещать Царицын ежегодно и жить там по несколько месяцев, то я уверен, что удастся дело организации Царицынского общества родиноведения устроить хорошо» [9].

Царицынский музей был создан, и не случайно в фондах Советского краеведческого музея хранится приглашение А. С. Лебедеву на открытие музея в Царицыне. Сегодня Волгоградский областной краеведческий музей по праву считает Лебедева одним из основателей своего музея, а материалы о нем имеются в экспозиции музея.

Повлиял А. С. Лебедев и на создание Малмыжского музея Вятской губернии. По инициативе Александра Сергеевича было создано Малмыжское историческое общество по образцу Кукарского общеобразовательного, а при нем – музей.

В 1910-е гг. А. С. Лебедев разрабатывал родиноведческую программу изучения Вятского края, одной из составных частей которой являлось создание в Вятке губернского музея. К тому времени в губернском центре существовало несколько небольших музеев: реального училища (бывшего Алабинского), церковно-археологический, Трифоновский, кружка вятских художников и др. Лебедев назвал будущее музейное объединение «Дом науки, искусства и общественности». Наряду с музеями этот Дом должен был включать и все научные общества, изучавшие Вятскую губернию. Взяв за основу устав Кукарского образовательного общества, Лебедев разработал устав Центрально-губернского научного общества по изучению Вятского края.

Идея объединения всех научных сил, занимавшихся родиноведением, идея «Дома науки, искусства и общественности» нашла много сторонников как в губернии, так и за ее пределами. Александр Лебедев своей идеей поделился и на страницах периодической печати, и в многочисленных выступлениях перед различной аудиторией. Сохранились тексты писем к Лебедеву с поддержкой этой идеи: художников братьев Васнецовых, Нестерова, Врубеля, историков, общественных деятелей, работников музеев. Приведем только два высказывания. Хранитель Дашковского этнографического музея в Москве Николай Янчук писал: «Измляюсь удивительной энергией и умением устроителей Кукарского музея, достойного подражания во всех отношениях и от всей души желаю дальнейшего преуспеяния этого полезного просветительного учреждения. В Вятке городской художественно-исторический музей пойдет по стопам своего Кукарского собрата» [10].

Академик Сергей Ольденбург сказал: «Кукарку знает всякий образованный русский человек. Теперь вятичи хотят сосредоточие всех просветительных учреждений Вятского края собрать в Вятке. Пример Кукарки говорит нам, что это будет сделано скоро и хорошо» [11].

Выполняя родиноведческую программу, предложенную А. С. Лебедевым, уездные власти на местах стали создавать свои музеи местного края. Эта работа находила всестороннюю поддержку А. С. Лебедева, возглавлявшего в 1917–1918 гг. внешкольное образование в губернии, руководившего всем культурным строительством. Создав в 1918 г. и возглавив губернский му-

зей местного края, Александр Сергеевич превратил его в методический музейный центр. Всем возникавшим музеям оказывалась необходимая помощь. Лебедев, возглавлявший эту работу, в качестве образца для всех начинающих музейных работников приводил Кукарский (с конца 1917 г. – Советский уездный) музей. Неслучайно первые губернские курсы проходили в Вятке (теоретическая часть) и в Советске (практическая часть). Об этом писал создатель Слободского музея Всеволод Лебедев в своей книге «Вятские записки».

Свой богатый опыт музейного строительства Лебедев применил в Перми, куда переехал из Вятки. Пермский губернский музей местного края под руководством А. С. Лебедева стал, по мнению пермских историков, одним из лучших провинциальных музеев. Достаточно сказать, что выставка экспонатов из Пермского музея с успехом проходила в Ленинграде. Александр Сергеевич вносил в музейное дело новые элементы, придумывал новые формы работы. Можно сказать, что Кукарский, Царицынский, Вятский и Пермский музеи – это ступени совершенства для Лебедева-музееведа. В Перми, например, было найдено оригинальное решение проблемы посещаемости музея. При отделе природы был открыт живой уголок, сразу повлекший увеличение числа посетителей. Лебедев, увлекшись перспективой, разработал концепцию и начал организовывать зоопарк.

Вообще идея тесной связи музея с природой у Лебедева была всегда. Еще в Кукарском образовательном обществе он предлагал организовать в Кукарке ботанический сад. Эта идея была осуществлена в Вятке. При Лебедеве-директоре музея ботанический сад находился в структуре музея, и только после отъезда Александра Сергеевича из Вятки был передан пединституту. Интересно, что в последний период своей жизни в Свердловске Лебедев организовал и зоопарк, и ботанический сад как самостоятельные учреждения и последовательно был первым их директором.

Кукарский музей был школой становления родиноведа и музееведа Александра Лебедева и навсегда остался для него светлым воспоминанием.

Примечания

1. Отчет о деятельности Кукарского образовательного общества за 1910 год. Кукарка, 1911. С. 13.
2. Там же. С. 7.
3. Там же.
4. ЦАНО. Ф. Р-993. Оп. 3. Д. 65. Л. 1, 3.
5. Советский краеведческий музей. Фонд Кукарского образовательного общества.
6. Русский экскурсант (Ярославль). 1916. № 7. С. 45.
7. Осокин И. Отчет об археологической экскурсии по Вятской губернии в мае-июне 1916 г. // Труды ВУАК. Вятка, 1917. Вып. I–II. С. 70–71 (Отд. I).
8. ГАКО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 546. Л. 1.

9. Вестник Удмуртского университета. 2008. Вып. 2. С. 182.
10. ГАКО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 14. Л. 84.
11. Там же. Л. 88.

Исследователь вятской природы В. А. Поварницын

А. А. Хохлов, г. Киров

К большому сожалению, имя этого ученого, доктора биологических наук, член-корреспондента Академии наук УССР оказалось забытым как музейными работниками, так и ботаниками Кировской области. Долгие годы даже бытовало мнение, что он фактически ничего не сделал для изучения природы вятской земли. Так ли это? Обратимся к фактам.

Родился Владимир Алексеевич Поварницын в г. Вятке 26 (14) июня 1899 г. Его отец – Алексей Николаевич – был мещанином, а мать – Екатерина Михайловна – домохозяйкой. Крещение новорожденного проходило 27 (15) июня в храме Иоанна Предтечи г. Вятки [1]. Семья, как и большинство вятских семей того времени, была многодетной. У Владимира были сестры Инна, Елена, Мария, Ксения, Любовь и брат Николай [2].

В 1910 г. Владимир поступил учиться в Вятское Александровское реальное училище [3]. Во время учебы неоднократно поощрялся дирекцией училища за хорошую учебу и отличное поведение [4]. В начале семья жила в угловом доме при пересечении улиц Никитской и Больше-Хлыновской (совр. Володарского и Азина). Позже семья Поварницыных переехала в собственный дом на ул. Кикиморской (совр. Водопроводной) № 16 [5]. В 1917 г. Владимир окончил 7-й класс данного училища [6] и стал студентом I курса Казанского университета. Под руководством профессора А. Н. Кордягина Владимир начал осваивать азы ботаники. Но окончить университет ему не удалось, так как начались октябрьские события, связанные со сменой власти. Осенью 1918 г. студент В. А. Поварницын возвратился в Вятку [7].

В это время в Вятке организовалась естественно-научная лаборатория при местном музее. 18 октября 1918 г. Владимир был принят на работу в музей старшим лаборантом ботанического кабинета [8]. Обязанности лаборанта заключались в оформлении гербарных листов, подготовке влажных препаратов, систематизации фондовых коллекций. Но Владимир Алексеевич выходил за рамки своих обязанностей. С первых рабочих дней он активно начал изучать флору Вятской губернии, участвуя в ботанических экскурсиях и экспедициях. Так, в 1919 г. Поварницын провел экспедицию по маршруту Вятка – Суна – Нолинск – Нартас – Малмыж. В ходе нее было найдено и описано 14 новых для губернии видов растений [9]. Соответственно, были оформ-

лены гербарные листы, которые хранятся в музее. В 1920 г. состоялась поездка в Нолинский уезд, где В. А. Поварницын предварительно обследовал Тукмачевскую лесную дачу (Медведский бор) [10].

Особенно активно экспедиции проводились в 1921 г. С заведующим кабинетом ботаники А. Д. Фокиным (выпускником Вятского Александровского реального училища) и сотрудниками Слободского музея участвовал в экспедиции по Кайскому краю. В ходе нее впервые была применена барометрическая съемка [11]. Затем он исследовал Глушковскую и Лаптевскую лесные дачи Котельничского уезда (совр. территория ГПЗ «Нургуш») [12]. Фактически это было первое научное описание территории, которая в наши дни стала заповедной.

Летом 1921 г. В. А. Поварницын выехал в Москву для установления связи с агрослужбой Северной железной дороги. Результатом этой поездки стала ботаническая экспедиция в Котельничский уезд, которую он возглавил по предложению А. Д. Фокина. В ходе экспедиции были обследованы полоса растительности вдоль колеи железной дороги от г. Котельнича до границы губернии (совр. Котельничский, Свечинский и Шабалинский районы), Котельничская дубовая роща [13]. Результаты этих экспедиций были частично обобщены в статье «О северной границе дуба, орешника и клена в пределах бывшей Вятской губернии» [14]. Именно тогда стали писать, что данная дубовая роща является самой северной в стране.

В этом же 1921 г. Владимир Алексеевич проводил практические занятия по ботанике с курсантами губернских музейных курсов в окрестностях г. Советска [15]. В сентябре 1921 г. В. А. Поварницын принял участие в работе Всероссийского съезда ботаников [16].

Даже после отъезда из Вятки в 1921 г. для продолжения обучения в Петроградском лесном институте он не прерывал связи с музеем. Уже в 1923 г. он по заявке Вятского музея был командирован для прохождения практики в состав геоботанической экспедиции, которая работала в Уржумском уезде. Цель экспедиции заключалась в выявлении границы лесной зоны и лесостепи. В ходе обследования В. А. Поварницыным было составлено геоботаническое описание Косьмодемьянской лесной дачи, где подробно описывались участки сосновых лесов-беломощников (в том числе и бывшей корабельной рощи) и отдельные участки степной растительности [17]. Именно работа этой экспедиции помогла решить вопрос о происхождении степной растительности на вятской земле.

В 1923 г., обобщая свою работу в ботаническом кабинете музея, В. А. Поварницын написал статью «Флора Нолинского, Уржумского, Малмыжского, Советского уездов» [18]. К сожалению, данная статья не была опубликована и даже пока не найдена ее рукопись. Но, несомненно, в дальнейшем материалы этой статьи были использованы при составлении А. Д. Фокиным

списка растений нашей территории. В 1926 г. В. А. Поварницын дал сведения о северных границах широколиственных пород по Вятской губернии [19].

После окончания института в 1925 г. он продолжил обучение в аспирантуре, одновременно работая преподавателем кафедры ботаники и дендрологии родного Ленинградского лесотехнического института им. С. М. Кирова. В 1938 г. он переехал жить и работать в Сибирь и начал заниматься исследованием кедровых лесов. В 1944 г. в Красноярске была издана монография В. А. Поварницына «Кедровые леса СССР» [20], которая послужила затем темой для защиты автором докторской диссертации. Это была первая сводка о кедровниках страны.

После переезда в Киев в 1946 г. Владимир Алексеевич возглавил кафедру дендрологии Киевского лесохозяйственного института. С первых дней он активно участвовал в восстановлении и благоустройстве разрушенного войной институтского дендрария. Он изучал леса Украины, в том числе и Крымского полуострова.

Умер Владимир Алексеевич Поварницын в 1957 г. и был похоронен в г. Киеве.

Примечания

1. ГАКО. Ф. 237. Оп. 226. Д. 614 Л. 646–647.
2. Там же. Ф. Р-1171. Оп. 2. Д. 1. Л. 5, 16, 17, 101.
3. Там же. Ф. 204. Оп. 1. Д. 570. Л. 14.
4. Отчет по Вятскому Александровскому реальному училищу за 1912 г. Вятка, 1913. – 48 с.; Отчет по Вятскому Александровскому реальному училищу за 1913 г. Вятка, 1914. – 48 с.; Отчет по Вятскому Александровскому реальному училищу за 1914 г. Вятка, 1915. – 55 с.
5. ГАКО. Ф. Р-1171. Оп. 2. Д. 1. Л. 5.
6. Там же. Ф. 204. Оп. 1. Д. 570. Л. 14; там же. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 28 а. Л. 79.
7. Там же. Ф. Р-2222. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.; там же. Д. 17. Л. 20.
8. Там же. Л. 1.
9. Поварницын В. А. Новые виды вятской флоры // Журнал Русского ботанического общества Т. 6. 1921. С. 150–151.
10. Фокин А. Д. Обзор ботанических исследований в Кировской области за 1917–1927 годы // Труды НИИ краеведения. Вып. 115. Киров, 1939; ГАКО. Ф. Р-2222. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 6; Там же. Д. 17. Л. 20.
11. Там же. Д. 12. Л. 13.
12. Там же. Д. 6. Л.3; там же. Д. 17. Л. 20.
13. Фокин А. Д. Указ. соч. С. 4, 17; ГАКО. Ф. Р-2222. Оп. 1. Д. 12. Л. 13; Там же. Д. 6. Л. 3; Там же. Д. 17. Л. 20.
14. Поварницын В. А. О северной границе дуба, орешника и клена в пределах бывшей Вятской губернии // Лесоведение и лесоводство. Вып. 1. Приложение к журн. «Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо». № 5–6. 1926. С. 71–76.

15. Музейные курсы // Вятская правда. 1921. 9 июня (№ 32). С. 4; ГАКО. Ф. Р-2222. Оп. 1. Д. 39. Л. 14.
16. Там же. Д. 5. Л. 27.
17. Там же. Д. 17. Л. 49, 50.
18. Там же. Д. 6. Л. 5.
19. Фокин А. Д. Указ. соч.
20. Поварницын В. А. Кедровые леса Сибири. Красноярск, 1994. – 219 с.

Тарас Антонович Бузилов – первый председатель Совета Сарапульского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

*О. А. Поздеева,
г. Сарапул, Удмуртская Республика*

С Сарапулом связаны имена многих легендарных людей, сохранившиеся не только в памяти горожан, на страницах книг, но и в истории нашей страны. Эти люди жили в разные эпохи, принадлежали к разным сословиям. Одни совершали свои подвиги на полях сражений, другие – в науке, искусстве, общественных делах, но неизменно всех их объединяла любовь к Сарапулу, к его славной истории и культуре.

Среди таких людей можно отметить Тараса Антоновича Бузилова – директора Сарапульского краеведческого музея, первого председателя Совета Сарапульского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, человека, стоявшего у истоков возрождения культурного облика и традиций города.

В коллекции «Письменные источники» Сарапульского музея хранится личный фонд Тараса Антоновича Бузилова, насчитывающий более двадцати томов с рукописями, перепиской, фотографиями. Все эти документы были переданы его супругой и дочерью, Людмилой Тарасовной, с которой музей поддерживает тесную связь.

Тарас Антонович родился 8 марта 1902 г. в семье крестьянина с. Балаки (современный Камбарский район Удмуртской Республики). «Родители имели большую семью 8 человек детей» [1].

Отец – Антон Яковлевич Бузилов – всю жизнь занимался сельским хозяйством, так же как и мать, Анастасия Вавиловна. Нередко приходилось работать на лесовывозках и лесоразработках и со старшими детьми. Жизнь семьи была нелегкой, а после пожара в 1915 г., когда выгорело 2/3 села, Бузиловы лишились дома, всего имущества и совсем обеднели [2].

Несмотря на тяжелое детство, Тарас Антонович, по окончании четырехгодичной сельской школы, поступил учиться в Камбарскую школу ремесленных учеников на слесаря-токаря по обработке металла 2-го разряда. Вернувшись после учебы в родную деревню, устроился на сельскохозяйственные работы и секретарем в комитет бедноты [3].

В своих воспоминаниях он писал: «Вместе с тремя товарищами 17-летними сверстниками вступили добровольцами в ряды Красной Армии в 28 стрелковую дивизию Армии Восточного фронта. Состоял на службе в Продовольственном транспорте ездовым и уволен от службы по малолетству. Нам была вручена – каждому упряжка в две лошади и военная повозка Иркутского образца и вооружены винтовками» [4].

После мобилизации он работал учителем в Балакинской школе I ступени и Камбарской школе-коммуне. Весной 1921 г. поступил в первый набор Пермской губернской советской партийной школы. С 1922 по 1925 г. работал преподавателем, заведовал Камбарской школой-коммуной, входил в состав комиссии по борьбе с голодом [5].

Тарас Антонович был человеком ответственным, целеустремленным, с активной жизненной позицией, поэтому и легко справлялся с работой на руководящих должностях: работал директором Камбарского учебного комбината (ФЗУ), директором Сарапульского крупозавода, был заместителем председателя исполкома Сарапульского горсовета, заместителем директора по политчасти Арзамасской МТС, депутатом Сарапульского городского Совета депутатов трудящихся Удмуртской АССР. Будучи на пенсии, в 1963–1965 гг. работал директором Сарапульского краеведческого музея.

За время работы в музее он собрал богатейший материал по истории города с древнейших времен. Личный фонд Т. А. Бузилова содержит рукописи, в которых записаны сведения о наиболее значимых и интересных событиях, связанных со становлением Сарапульского музея, в путеводителях по городу подробно рассказано об архитектуре, памятниках и улицах Сарапула, в исторических записках отражена эпоха становления советской власти в городе. Из года в год при Тарасе Антоновиче комплектовался фонд, создавались экспозиции на основе подлинного материала, несущего большой эмоциональный посыл, способного вызывать волнение и эмоции. Материал, собранный Т. А. Бузиловым, стал основой для написания лекций и экскурсий по городу и в музее.

Когда в марте 1966 г. в Сарапуле было принято решение создать городской Совет добровольного общества охраны памятников истории и культуры города [6], его председателем был избран Т. А. Бузилов.

В протоколе № 1 учредительной конференции по созданию Сарапульского отделения Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры от 6 декабря 1965 г. отмечено: «Учредить в гор. Сарапу-

ле отделение Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры и призывает трудящихся предприятий и учреждений, учащихся учебных заведений города участвовать в благородном деле сохранения и изучения великого культурного наследия советского народа, быть членами Общества охраны памятников истории и культуры» [7].

Совместно с членами Совета краеведческого музея, активистами-краеведами, архивными и библиотечными работниками Сарапульское отделение решало вопросы по выявлению и состоянию сохранности исторических и культурных памятников города, уникальных исторических документов, художественных картин, проводило учет и краткое описание установленных в городе памятников, обелисков и мемориальных досок.

10 апреля 1968 г. во время выступления на I-й Удмуртской республиканской конференции ВООПИиК Т. А. Бузилов отметил: «Поскольку наше Общество создается на добровольных началах, и чтобы оно систематически пополнялось активными добровольцами-членами, надо завоевать признание и авторитет общества, чтобы люди увидели положительные и увлекательные дела Общества. Поэтому главная практическая задача – закрепить первичные организации организованно, поставить их на ноги, найти каждой организации конкретный план деятельности, содержательной и интересной» [8].

Возглавляя работу общества, Тарас Антонович столкнулся с определенными трудностями: не удавалось вовлечь в активную деятельность историков учебных заведений, коллективы культурно-просветительских учреждений (клубов, библиотек, театров). В издаваемой литературе, журналах и газетах деятельность общества не освещалась. «Для пропагандирования задач и обмена опытом желательное освещение на страницах “Удмуртской правды” деятельности Республиканского отделения Общества» [9].

Основная работа велась среди учащихся учебных заведений города. В общеобразовательных школах, техникумах и профтехучилищах проводился сбор материалов для комнат и музеев революционной, боевой и трудовой славы. «В начальной школе № 6 открыта комната, посвященная В. М. Азину и 28-й дивизии. В школе-интернате слабо слышащих детей – музей В. И. Ленина. В профтехучилище № 11 развернута большая экспозиция, рассказывающая о 373-й боевой дивизии, сформированной на территории Удмуртии. Так, уже в 9-ти учебных заведениях открыты комнаты и музеи» [10]. Пионеры занимались поиском утерянных газет, издававшихся в Сарапуле в первые годы советской власти, собирали материалы по истории города, комсомола, пионерской организации, Гражданской войны в Прикамье [11].

По инициативе городского Совета общества проводились экскурсии по революционно-историческим местам и памятникам города [12], в Сарапульском краеведческом музее действовала фотовыставка исторических памят-

ников, архитектурных видов Сарапула и размещались стенды, рассказывавшие о работе школьных музеев [13], был написан «Путеводитель по памятным местам Сарапула».

Возглавляя Сарапульский музей и Общество охраны памятников истории и культуры, Тарас Антонович был в рядах тех, кто проявлял заботу о сохранении этой истории для потомков, создавая традиции бережного отношения к культурному наследию страны, воскрешая в памяти события прошлого, зовущие нас в будущее.

Примечания

1. Бузилов Т. А. Краткие воспоминания Бузилова Т. А. о семье, учебе, трудовой и общественной деятельности // МБУК МИКСП. Коллекция «Письменные источники». Т. 1.
2. Бузилов Т. А. Автобиография Т. А. Бузилова, подробная // МБУК МИКСП. Коллекция «Письменные источники». Т. 1.
3. Бузилов Т. А. Краткая автобиография начальника Сарапульского РайЗО // МБУК МИКСП. Коллекция «Письменные источники». Т. 1.
4. Бузилов Т. А. Краткая автобиография Бузилова Т. А. – персонального пенсионера союзного значения // МБУК МИКСП. Коллекция «Письменные источники». Т. 1.
5. Бузилов Т. А. Биографические данные Бузилова Т. А. за период с ноября 1918 г. по февраль 1969 г. // МБУК МИКСП. Коллекция «Письменные источники». Т. 1.
6. Руководящие письма и указания Удмуртского Совета республиканского отделения ВООПИиК // Управление по делам архивов администрации города Сарапула. Ф. Р-673. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
7. Протоколы заседаний Совета Сарапульского городского отделения ВООПИиК // Управление по делам архивов администрации города Сарапула. Ф. Р-673. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
8. Бузилов Т. А. Переписка Т. А. Бузилова с отделением ВООПИиК по вопросам работы общества за 1960–1970 годы // МБУК МИКСП. Коллекция «Письменные источники». Т. 5. Л. 2.
9. Бухгалтерские отчеты ВООПИиК Удмуртского Совета республиканского отделения // Управление по делам архивов администрации города Сарапула. Ф. Р-673. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
10. Там же.
11. Бузилов Т. А. Материалы о работе Т. А. Бузилова в общественных организациях за 1947–1968 годы // МБУК МИКСП. Коллекция «Письменные источники». Т. 5. Л. 5.
12. Там же. Л. 6.
13. Бухгалтерские отчеты ВООПИиК Удмуртского Совета республиканского отделения // Управление по делам архивов администрации города Сарапула. Ф. Р-673. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

В поисках истины... (о краеведе С. И. Кардабовском)

*Е. А. Касимова,
г. Сарапул, Удмуртская Республика*

В 2016 г. исполняется 110 лет со дня рождения педагога, краеведа и общественного деятеля Сергея Ивановича Кардабовского, человека, который всю жизнь самоотверженно служил истории. Краеведческое наследие Сергея Кардабовского, собранное в течение нескольких десятилетий, многогранно и уникально для изучения прошлого нашего края, но его имя сегодня незаслуженно забыто потомками. В управлении по делам архивов администрации г. Сарапула сформирован большой личный фонд С. И. Кардабовского, где собраны подлинные фотоматериалы, личные документы, переписка, многие из его рукописей и заметок. Изучение личного фонда стало основной источниковой базой для написания статьи.

Стремление погрузиться в события прошлого, даты, имена людей появилось у Сергея Кардабовского еще в юности, это определило выбор его будущей профессии.

Родился Сергей Иванович Кардабовский в г. Макарьевске Костромской губернии 28 (15) июля 1906 г. в семье ремесленника-сапожника. До революции окончил приходское училище, в первые годы советской власти учился в школах I и II ступени, после чего поступил в Макарьевский педагогический техникум [1]. За время учебы в техникуме проявил себя активным, увлеченным педагогической деятельностью студентом. Вступив в 1923 г. в ряды ВЛКСМ, Сергей Кардабовский был избран председателем профкома студентов [2], а на последнем курсе техникума самостоятельно руководил общественно-политическим кружком в одной из Макарьевских школ, успешно справляясь с задачами преподавателя обществоведения [3]. Первым местом работы Сергея Кардабовского стал Макарьевский детский дом № 3, где раскрылся его талант учителя-наставника [4]. 1 сентября 1925 г. аттестационная комиссия г. Макарьевска направляет Сергея учиться на общественно-экономическое отделение Горьковского педагогического института по специальности преподавателя обществоведения [5]. Во время учебы в связи с трудным материальным положением студент Кардабовский работал штамповщиком на Нижегородском телефонном заводе им. Ленина [6] и научным сотрудником Нижегородского государственного краевого историко-художественного музея, где впервые начались его краеведческие изыскания [7].

После окончания Нижегородского университета в 1930 г. Сергей Кардабовский по распределению направляется на работу в г. Ижевск Вотской АО [8], и с Удмуртией в дальнейшем были связаны все его важные жизнен-

ные вехи: здесь он встретил свою будущую супругу, создал крепкую и дружную семью, здесь прошел его многолетний путь на педагогическом поприще от учителя ижевской фабрично-заводской семилетки до директора самых передовых педагогических учебных заведений республики. В Удмуртии, всей душой полюбив эту местность, он обрел свое важнейшее призвание в жизни – поиск истины в понимании истории родного края.

Приказом Министерства просвещения РСФСР от 27 сентября 1951 г. С. И. Кардабовский был переведен с должности заведующего кафедрой истории Глазовского учительского института на должность директора Сарапульского учительского института [9]. В связи с этим в 1951 г. семья Кардабовских переехала в г. Сарапул. В этом городе Сергей Иванович впоследствии работал в школах №15 и №12, а перед выходом на заслуженный отдых – в Сарапульском сельхозтехникуме в должности преподавателя истории и экономической географии [10].

Сергей Иванович в полной мере посвятил себя краеведческой работе после выхода на пенсию. Прекрасно зная общую историю своей страны, владея методологией исторической науки, он использовал все доступные для него на тот момент способы сбора и изучения исторического материала. В архивном фонде Кардабовского хранятся копии документов из архивов Ижевска, Кирова, переписка с родственниками и знакомыми Героев Советского Союза И. Д. Вечтомова, В. М. Юхнина, М. С. Зевахина, И. В. Маслова, вице-адмиралов В. Г. Старикова, В. А. Чекурова, ветеранов дважды рожденной 113-й Особой стрелковой бригады, рукописные воспоминания военврача Н. И. Волгиной, Героя Социалистического Труда Л. И. Цигвинцевой. С. И. Кардабовский разрабатывал и проводил анкетирование среди старожилов города, записывал воспоминания, сохранив их для потомков.

Сергей Иванович собирал материалы о многих известных людях, деятельность и творчество которых были напрямую связаны с Вятским краем, с Удмуртией и Сарапулом, в том числе – о кировском краеведе, кандидате биологических наук, враче Евгении Дмитриевиче Петряеве, внимательно изучал его очерки, делал выписки [11]. Е. Д. Петряев написал очерки о сарапульском художнике В. И. Порфирьеве и о сарапульском педагоге и литераторе Н. Н. Блинове.

Одним из первых С. И. Кардабовский начал изучать дореволюционную периодическую печать: газеты «Прикамская жизнь», «Кама», «Прикамский край», «Вятские губернские ведомости». В 1964 г. он делал запросы в Кировскую областную научную библиотеку им. А. И. Герцена [12]; в ответ ему были высланы книги по истории г. Сарапула и Сарапульского уезда и уведомление о невозможности пересылки газет по почте. Он несколько лет обивал пороги Сарапульского музея для того, чтобы иметь возможность работать в музейной библиотеке. В одной из тетрадей Сергей Иванович написал: «Очень мно-

го лет не мог попасть в библиотеку музея. Именно там хранятся газеты. Более 50 лет они никому были не доступны и лежали там мертвым капиталом. Учет и порядок в библиотеке начался при Т. А. Бузилове (директор музея с 1963 по 1965 г.)» [13]. Полноценно работать в библиотеке музея С. И. Кардабовскому разрешили лишь в 1980 г.: три дня в неделю, до обеда. При этом долгие годы Сергей Иванович был постоянным членом Ученого совета музея и занимался разработкой темы «История народного образования в Сарапуле».

Как истинный педагог, кроме углубленного изучения истории своего края, Сергей Иванович стремился найти применение своим интересам, поделиться краеведческими находками и передать накопленные знания людям. Он регулярно отправлял материалы в редакции газет «Советская Россия», «Комсомолец Удмуртии», «Удмуртская правда», местную газету «Красное Прикамье», многие из них были опубликованы [14]. В 70-е гг. XX столетия С. И. Кардабовский занимал должность ответственного секретаря Сарапульского отделения ВООПИК [15]; активно участвовал прежде всего в работе по пропаганде охраны исторических памятников, выступая с докладами на краеведческих конференциях в школах и библиотеках, республиканских и городских конференциях ВООПИК, был автором цикла радиопередач «Памятники архитектуры г. Сарапула». В 1984 г. он окончил курсы экскурсоводов в Сарапульском бюро Удмуртского совета по туризму и экскурсиям, получил удостоверение экскурсовода [16]. После чего работал в Сарапульском экскурсионном бюро. В личном фонде С. И. Кардабовского хранится большое количество составленных им методических разработок лекций и экскурсий: «Образование автономии удмуртского народа», «История Ижевского оружейного завода», «Развитие музыкального образования в Прикамье», «Здравоохранение Удмуртии», «Историко-революционные места Сарапула» и др. Здесь собраны воедино сведения, разбросанные прежде по разным архивам, библиотекам, книгам, газетам и городам.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что Сергей Иванович Кардабовский внес неоценимый вклад в развитие краеведения. Собранные им материалы содержат основу глубоких исследований нашего края на несколько лет вперед.

Примечания

1. Управление по делам архивов администрации г. Сарапула. Ф. 689. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.
2. Там же. Д. 2. Л. 4.
3. Там же. Л. 7.
4. Там же. Д. 3. Л. 13.
5. Там же. Д. 4. Л. 1.
6. Там же. Д. 2. Л. 11.

7. Там же. Л. 12.
8. Там же. Д. 1. Л. 5.
9. Там же. Л. 3.
10. Там же.
11. Там же. Д. 63. Л. 1.
12. Там же. Д. 11. Л. 6.
13. Там же. Д. 42. Л. 69.
14. Там же. Д. 11. Л. 16.
15. Там же. Л. 61.
16. Там же. Д. 30. Л. 74.

Краевед Михаил Иванович Буня в истории города Глазова

*В. В. Ивасенко,
г. Глазов, Удмуртская Республика*

Михаил Иванович Буня принадлежал к фронтовому поколению наших соотечественников, вступивших в Великую Отечественную войну 20-летними. Воевал в должности командира минометного взвода на Калининском фронте. Излечившись от тяжелого ранения, полученного в 1943 г., и признанный годным к нестроевой, продолжил службу в Куйбышевском военно-пехотном училище.

После войны окончил Казанский юридический институт и по распоряжению Министерства юстиции Удмуртской АССР был направлен в г. Глазов, только начавший приобретать облик промышленного города. М. И. Буне было 28 лет, когда в декабре 1948 г. он был избран судьей Глазовского народного суда. Михаил Иванович отдал судебной деятельности более 30 лет: работал народным судьей Глазовского народного суда, был его председателем. Стал единственным судьей Удмуртской Республики, награжденным Орденом Трудового Красного Знамени. Коллеги вспоминают высокий профессионализм М. И. Буни, принципиальность, нетерпимость ко лжи. Человек большой культуры, он одинаково уважительно относился как к коллегам, так и к тем, кто оказался на скамье подсудимых.

Несмотря на многочисленные обязанности судьи, Михаил Иванович в начале 1950-х гг. преподавал философию в вечернем университете марксизма-ленинизма. Многие годы читал лекции по основам советского государственного права на гуманитарных факультетах Глазовского педагогического института, вел кружок «Юный юрист». Организовал правовой университет, где занимались депутаты, юристы, народные заседатели.

Михаил Иванович притягивал к себе людей интеллектом и разносторонностью интересов. Знавшие Буню люди говорят о том, что он был талант-

лив многогранно: писал стихи, прекрасно пел, рисовал, бесконечно много читал. Согласитесь, таких людей, умеющих делать сразу все, очень немного; это – особый талант. Но самой большой страстью Михаила Ивановича стало краеведение. Несмотря на то, что Глазов не был его родиной (он родился на Северном Кавказе, в с. Стародубское Ставропольского края), Буня всем сердцем привязался к городу и много сил отдал изучению края. Еще в начале 1950-х гг. он включился в краеведческие поиски. В этот период в городе не существовало музея – он был закрыт. В 1957 г. Буня вошел в комиссию при Глазовском горисполкоме по сбору материалов об истории края. В 1963 г., во многом стараниями Михаила Ивановича, в Глазове был создан народный краеведческий музей. Он входил в общественный Совет музея и принимал участие в создании экспозиции, читал лекции, проводил экскурсии. Будучи председателем народного суда, в свободное от основной работы время М. И. Буня работал в библиотеках и архивах Кирова, Ижевска. Встречался со старожилами, записывал рассказы очевидцев Гражданской войны и установления советской власти в Глазове, уточнял воспоминания по документальным источникам. Вел огромную переписку с людьми, имевшими хоть какое-нибудь отношение к тем или иным событиям в истории города. Результатом многолетнего труда стали десятки опубликованных работ, уникальные книги: «Глазовские находки», фундаментальный труд «Короленко в Удмуртии» и написанный в соавторстве исторический очерк «Глазов», посвященный 200-летию города. Эти книги получили признание широкой общественности, стали сенсацией в исторической и литературной жизни республики. Сегодня, как и прежде они актуальны и востребованы.

По инициативе Михаила Ивановича многие улицы города были названы именами глазовчан, отдавших свои жизни в годы революции и Великой Отечественной войны. Открыты мемориальные доски на зданиях, имеющих историческую ценность, воздвигнут памятник В. Г. Короленко – писателю, публицисту и прозаику, отбывавшему в 1879 г. ссылку в Глазове.

В 1980 г. Михаилу Ивановичу Буне было присвоено звание «Почетный гражданин города Глазова» за большой вклад в развитие изучения истории города.

После выхода на персональную пенсию в 1982 г. Михаил Иванович полностью посвятил себя любимому делу, возглавив городской краеведческий музей. Он продолжал вести большую работу по популяризации истории нашего края: читал лекции, проводил экскурсии и мероприятия, организовывал на базе музея семинары для руководителей школьных и общественных музеев северного куста Удмуртии. Вел собирательскую работу: его коллекция содержала уникальные документы, фотографии и материалы по истории Глазова. Кроме того, по инициативе Михаила Ивановича вместо благоустроенного полукаменного здания на площади Свободы исполком Глазовского гор-

совета выделил музею площади в здании по ул. Кирова, д. 13, где он находится по сей день.

Михаил Иванович работал на должности заведующего Глазовским филиалом Удмуртского республиканского краеведческого музея вплоть до своей смерти, последовавшей в мае 1985 г. До сих пор М. И. Буня по праву считается главным краеведом г. Глазова, и об этом замечательном человеке необходимо сохранять память.

2 ноября 2012 г. на доме № 5 площади Свободы г. Глазова – в бывшем здании городского народного суда – состоялось торжественное открытие мемориальной доски, посвященной памяти М. И. Буни. В ноябре 2015 г. краеведческий музей организовал I региональную научно-практическую конференцию «Глазовские научно-музейные чтения памяти краеведа М. И. Буни», которая также должна послужить делу сохранения памяти об этом удивительном человеке, подвижнике и стать местом встречи единомышленников, увлеченных краеведческим поиском.

Финно-угорский археолог с мировым именем

*О. А. Требушкова,
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл*

Поиски и открытия, всегда привлекавшие человечество, особенно щедро представлены в профессии археолога. Но работа археологов – не сплошная цепь великих открытий. Это прежде всего кропотливый труд. Но чем труднее задача, тем она интереснее. В этом – романтика работы археологов, осознание того, что каждая новая стоянка, новая находка – это новые страницы истории края, народа. В этот момент забываются многие километры пути по лесам, болотам, пескам, ночевки в шалашах и палатках у костра на берегу реки, сваренная в котелке пища из концентратов, дождливые дни и жара, комары и мошкара, кровавые мозоли на руках от лопаты... Остается только одно – радость открытия. На стене музея антропологии Мексики высечены слова: «Веру в будущее народы найдут в величии своего прошлого. Пусть проходят цивилизации, но люди всегда будут помнить о тех, кто жил прежде и кто создал мир, в котором мы живем».

Одним из подвижников археологической науки является выдающийся марийский ученый, профессор Валерий Степанович Патрушев. Сфера его научных интересов чрезвычайно широка: проблемы происхождения, ранняя история и духовная культура финно-угорских народов; археология Среднего Поволжья; археология средневековых городов Марийского края; новые методы археологических исследований; Библейская археология и терминология;

история и культура мировых цивилизаций; история материальной культуры. Такое многообразие профессиональных интересов напрямую связано с личностными качествами В. С. Патрушева: широкий научный и общий кругозор, креативность мышления, душевная молодость поистине являются критериями истинного ученого.

В. С. Патрушев родился 2 августа 1942 г., в трудное военное время, в д. Шукшиер Сернурского района Марийской АССР. В шесть лет мальчик пошел в школу. Ему нравилось учиться. Любимый предмет – история. После окончания Сернурской средней школы 15-летний Валерий поехал поступать в Йошкар-Олу, в Марийский педагогический институт. Документы у него не приняли из-за отсутствия паспорта. Мальчик вышел в коридор и заплакал от обиды. К нему подошел мужчина, погладил по голове и спросил, что случилось. Узнав, что паренек мечтает изучать историю, мужчина привел его за руку в приемную комиссию и велел принять документы, так как у мальчика есть аттестат и большое желание учиться. Оказалось, это был директор пединститута М. И. Романов, тоже историк. Так началась учеба на историко-филологическом факультете государственного педагогического института им. Н. К. Крупской. Жить приходилось на одну стипендию, и ее нередко не хватало даже на еду. Приходилось подрабатывать на железнодорожной станции, выгружая по ночам вагоны.

Валерия сразу привлекла археология, и в мае 1959 г., досрочно сдав экзамены за первый курс института, он поехал в свою первую археологическую экспедицию. Первые раскопки будущего известного археолога проходили на стоянке эпохи бронзы «Галанкина Гора» (у пос. Юрино Марийской АССР). Именно тогда появилось страстное желание стать археологом. В 1961–1963 гг. В. Патрушев каждое лето с мая по октябрь принимал участие в археологических экспедициях Казанского филиала АН СССР, Марийской, Горьковской экспедиций под руководством А. Х. Халикова. По результатам полевых работ он готовил доклады на всесоюзные студенческие археологические конференции и каждый год награждался дипломом, почетной грамотой или грамотой. А в 1962 г. на VIII конференции в Ленинграде доклад В. Патрушева о древнемарийских городищах был признан одним из лучших среди 120 студенческих докладов и выдвинут для публикации. Летом 1963 г. начинающего археолога пригласили для участия в экспедиции Государственного Эрмитажа (раскопки памятников Нижнего Дона), а осенью на стажировку по археологии. Раскопки клада в Новочеркасском кургане (артефакты можно увидеть в Золотой кладовой Эрмитажа), раскопки Кобякова городища, посещение древнегреческих городов Танаиса, Ольвии, Херсонеса... – счастье юноши не было предела! Во время стажировки он прослушал все курсы по археологии за 1–5 курсы и успешно сдал все экзамены и зачеты.

Валерий Степанович безмерно благодарен своему учителю, казанскому профессору А. Х. Халикову, прекрасно владевшему методикой полевых исследований, обладавшему прекрасной логикой мышления, четкой речью, глубокими познаниями во всех областях археологии. Позже, в 1968–1970 гг., В. С. Патрушев обучался у А. Х. Халикова в аспирантуре при Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР.

Итак, вернемся к биографии В. С. Патрушева. Окончив в 1963 г. пединститут и получив квалификацию «Учитель истории, русского языка и литературы», В. Патрушев в течение года преподавал русский язык в Шелангерской средней школе Марийской АССР и одновременно готовился к поступлению в аспирантуру. В 1964 г. его призвали в армию, и служба проходила в г. Тбилиси. После армии в 1965–1968 гг. он работал референтом Марийского отделения Всесоюзного общества «Знание». После досрочного завершения аспирантуры (1971 г.) археолог защитил в Ленинградском государственном университете кандидатскую диссертацию по теме «Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.)». Далее началась педагогическая деятельность ученого. В 1970–1972 гг. В. С. Патрушев – старший преподаватель кафедры истории Марийского государственного пединститута, в 1973–1981 гг. – старший преподаватель, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета, в 1981–1989 гг. – заведующий кафедрой всеобщей истории. В 1989 г. последовала защита докторской диссертации по теме «Лесное Поволжье на рубеже эпохи бронзы и раннего железа (X–VI вв. до н. э.)», которая состоялась на специализированном совете при Институте истории материальной культуры АН СССР (Ленинград) [1].

В 1991 г. В. С. Патрушеву присвоено звание профессора. В 1991–2007 гг. В. С. Патрушев – профессор кафедры всеобщей истории и руководитель Центра археолого-этнографических исследований, который он возглавлял до 2012 г. С 2007 г. он был профессором кафедры региональной истории исторического факультета Марийского государственного университета, отечественной истории историко-филологического факультета и научным консультантом Археологического музея университета. С 2013 г. Валерий Степанович работает научным сотрудником Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, по совместительству профессором кафедры религиоведения Института социально-философских наук Казанского Федерального (Приволжского) университета и кафедры социально-культурных технологий Института культуры и искусств Марийского государственного университета.

В. С. Патрушев – организатор единственного в Марийской республике археологического музея. Осенью 1991 г. ученый проходил стажировку при Музеем управления Финляндии, что явилось хорошим подспорьем для научной работы о финно-уграх России. В музее представлены материалы,

кропотливо собиравшиеся ученым в течение многих лет. Материалы фондов музея обработаны и систематизированы по всем правилам музейной науки. Археологический музей университета играет большую роль в обучении и воспитании студентов и школьников. В. С. Патрушев – организатор одного из наиболее активных в Урало-Поволжском регионе научного студенческого археологического кружка, кабинета археологии, археологической библиотеки, археологической лаборатории, школы юных археологов для учащихся Йошкар-Олы и Республиканской заочной школы юных археологов. Большое желание передать свои знания как можно большему количеству людей объясняется тем, что археология стала для ученого не только профессией, но и хобби. В архив Института археологии АН СССР и РАН им представлено 57 отчетов о результатах полевых исследований общим объемом около 230 печатных листов [2].

В. С. Патрушев проявил себя как прекрасный педагог. На историческом отделении он читал как общие курсы лекций по археологии, истории древнего Востока, античной истории, истории первобытного общества, так и спецкурсы по различным проблемам древней истории финно-угорских народов. Тематика лекций В. С. Патрушева весьма обширна: «Археология», «История первобытного общества», «История древнего Востока», «История древней Греции и Рима», «История марийского народа», «История Республики Марий Эл», «История международного права», «История материальной культуры», «Музееведение», «Библейская археология», «История перевода Библии», «Эпоха раннего железа в Марийском Поволжье», «Лесное Поволжье в эпоху бронзы и раннего железа», «Финно-угры России», «Ранняя история народов Центральной и Северной Европы», «Происхождение и ранняя история финно-угров», «Древнее искусство финно-угров», «История и культура мировых цивилизаций», «Античное искусство», «Античный полис», «Археология финно-угров», «Традиционная культура народов Поволжья» и др. Лекции и практические занятия В. С. Патрушев всегда проводит на высоком научно-методическом уровне. В своих лекциях педагог использует новейшие достижения в разных научных областях, а также подготовленные им замечательные презентации. В. С. Патрушев владеет несколькими языками (марийским, немецким, финским), что имеет большое значение для его разно-сторонней научной и популяризаторской работы. В 1991–2013 гг. ученый читал лекции по археологии и культуре финно-угров России в университетах Хельсинки, Оулу, Турку, в Обществе М. А. Кастрена, Финском археологическом обществе, в 1992–2015 гг. руководил российско-финскими экспедициями Марийского государственного университета, а в 2015 г. – Института археологии им. А. Х. Халикова. В 2013 г. в рамках гранта СИМО (Финляндия) для выполнения научной работы о финноязычной общности эпохи бронзы и раннего железа он находился на стажировке в университете Хельсинки.

В. С. Патрушев занимался также переводом Библии и подготовкой русско-марийского словаря библейских терминов, имен и географических названий. В Теологическом институте Церкви Ингрии (г. Санкт-Петербург) и республиканских курсах по подготовке учителей по истории православной культуры при Марийском епископате им читались курсы «Библейская археология» и «История перевода Библии» (2002–2011 гг.). В 2002–2003 гг. В. С. Патрушев участвовал в работе аттестационных комиссий Министерства образования РФ (Кольский филиал Петрозаводского государственного университета (гуманитарный факультет, г. Апатиты)) и Марийского государственного пединститута (историческое отделение).

С 1974 г. В. С. Патрушев руководит археологической полевой практикой студентов, с 2009 г. – музейно-экскурсионной практикой третьекурсников на базе Государственного Эрмитажа. В 1974–2012 гг. ученый был организатором и руководителем археологических экспедиций Марийского государственного университета с участием студентов по исследованию древних памятников финно-угров в Марийском крае, Татарии, Костромской, Нижегородской, Вологодской, Ярославской областях и в исторических зонах русских городов, а также организатором двух Урало-Поволжских студенческих археологических конференций [3]. Руководимые В. С. Патрушевым курсовые и дипломные работы отличаются высоким научным уровнем. В 2010 г. ему был вручен диплом «Лучший профессор года» ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет». Валерий Степанович подготовил четырех кандидатов и двух докторов наук. За выдающиеся заслуги на педагогическом поприще в 2002 г. В. С. Патрушеву присвоено звание Почетного работника высшего профессионального образования России.

Научная и педагогическая деятельность В. С. Патрушева получила международное признание. Он выступал с пленарными докладами на нескольких Международных конгрессах финно-угроведов и всемирном историческом конгрессе. Его неоднократно приглашали в университеты Финляндии для чтения спецкурсов и отдельных лекций по ранней истории финно-угорских народов. В. С. Патрушев – академик Российской Академии гуманитарных наук (1994 г.), заслуженный деятель науки Марийской ССР (1991 г.), действительный член Правления Международного исторического общества «Фенно-Угрика» (Финляндия) от историков России (с 1993 г.), председатель Общества «Марий Эл – Суоми» (1994–1998 гг.), член Общества М. А. Кастрена (1991 г.), Финского археологического общества (2013 г.), Общества древностей (Финляндия, 2013 г.), член специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при Институте истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана.

В. С. Патрушев – активный организатор и участник различных общественных мероприятий. В 1991 г. им проводились раскопки ям с репресси-

рованными, расстрелянными в 1937 г. недалеко от Йошкар-Олы. Тогда было найдено и перезахоронено 164 жителя Марийского края. По словам Валерия Степановича, это были самые сложные по эмоциям раскопки в его жизни. Активную позицию он занимает в вопросе сохранения памятников истории и культуры. К утрате археологических и исторических памятников ученый всегда относился как к личной беде, и сегодня он не боится сказать свое слово в защиту бесценных свидетельств прошлого.

Являясь одним из ведущих ученых в области финно-угроведения, создавшим свою научную школу, В. С. Патрушев выполняет значительный объем фундаментальных исследований по проблемам происхождения, ранней истории и духовной культуры финно-угорских народов России. Он руководил темами научных исследований ряда государственных программ (РФФИ и РГНФ, Министерства образования РФ, «Университеты России: фундаментальные исследования»). Помимо многочисленных российских научных конференций, В. С. Патрушев принимал участие на 18 международных конгрессах, конференциях, симпозиумах, семинарах.

Еще совсем недавно о древних предках марийского народа не было известно ничего: только в послевоенные десятилетия благодаря усилиям казанского профессора А. Х. Халикова и его учеников в Марийском крае систематически стали работать археологи.

Сам ученый так формулирует перечень научных проблем, в решение которых была внесена большая доля его труда:

– изучение предков финно-язычных народов с текстильной керамикой от устья р. Камы до Финляндии (XVII–VI вв. до н. э.) с целью поиска предков марийского народа [4];

– полевые исследования памятников раннего железа в Поволжье и на севере, а также обобщение и статистическая обработка материалов могильников Волго-Камья VIII–V вв. до н. э., целью которых было установление этапов развития, этнических процессов и формирования этнических основ волжских финнов, получение представления о направлениях этнокультурных связей;

– описание ранней истории и культуры всех финно-угорских народов Европейской России по археологическим материалам с древнейших времен до позднего средневековья;

– изучение древних костюмов и искусства древнего населения Марийского края;

– исследование древних городов Марийского края – Кокшайска, Козьмодемьянска, Царевококшайска.

В. С. Патрушев – автор 240 работ общим объемом 465 печатных листов. Является автором 13 монографий и брошюр общим объемом 126 печатных листов. Одна из работ – монография «Ранняя история финно-угорских наро-

дов Европейской России» объемом 19,6 печатных листов – издана в 2000 г. в Финляндии на английском языке.

В своей книге «Из прошлого нашей столицы», адресованной школьникам, Валерий Степанович так сформулировал свое представление об археологии: «Древняя история народа для меня представляется песочными часами. Каждая песчинка – это отдельные находки, следы прошлых веков в земле. И «песчинки», благодаря труду археологов, текут в новый резервуар, обогащая историю народа. Чем больше песчинок, тем больше связующих звеньев с древней историей народа, тем ярче страницы его прошлого. Марийский народ впервые узнал свою многотысячелетнюю историю, ранее известную только по легендам. Узнав о своем великом прошлом, марийские писатели создали первые исторические книги, появились первые марийские опера, балет. Марийский народ по-другому стал смотреть на жизнь» [5].

Роль В. С. Патрушева в области финноугроведения трудно переоценить: благодаря своему самоотверженному труду он получил мировую известность.

Примечания

1. Айплатов Г. А., Иванов А. Г. Ученые Марийского государственного университета. Йошкар-Ола, 2002. С. 37.
2. Айплатов Г. А., Иванов А. Г. Патрушев Валерий Степанович: к 60-летию со дня рождения // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2002. С. 136.
3. Мочаев В. А. Кто есть кто в Марий Эл. Йошкар-Ола, 2002. С. 97.
4. Патрушева И. По следам предков // Я и моя семья. Материалы Российского конкурса научных работ школьников. Казань, 2008. С. 7.
5. Патрушев В. С. Из прошлого нашей столицы. Археологические очерки о Йошкар-Оле и Марийском крае. Йошкар-Ола, 1987. С. 5.

Памяти Сергея Дмитриевича Захарова

*Л. Д. Макаров,
г. Ижевск, Удмуртская Республика*

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ на выполнение базовой части государственного задания (НИР № 2174) в сфере научной деятельности в 2014–2016 гг.

Летом прошлого, 2015-го, года из Москвы пришло оглушительно тяжелое известие: 20 июня, практически как раз в полувек юбилей, неожиданно ушел из жизни наш коллега – археолог, научный сотрудник Института археологии Российской академии наук Сергей Дмитриевич Захаров. Этот



Сергей Дмитриевич Захаров

мир покинул один из самых талантливых и перспективных ученых, внесших существенный вклад не только в исследование проблем русского освоения Севера, но и в усовершенствование методики археологических раскопок. Необходимо отметить, что его взросление и формирование его личности проходило на территории Вятского края – в г. Кирове. Родился он 21 июня 1965 г. в с. Красное Даровского района Кировской области. Но первое знакомство маленького Сережи с археологией состоялось еще в ранние школьные годы не без влияния отца, Дмитрия Мартиниановича – уроженца Вятского края, известного краеведа, лингвиста, специали-

ста по ономастике – в период проживания семьи на Северном Урале в Ивдельском районе Ханты-Мансийского автономного округа. Во время походов с отцом на охоту, рыбалку, сборы ягод, грибов и просто во время прогулок любознательный паренек обращал внимание на древние находки и получал объяснения отца, хотя и не совсем профессиональные, но весьма познавательные – Дмитрий Мартинианович был знаком с музейными экспозициями. По его словам, еще обучаясь в 4-м классе, сын насобиравал во время этих походов несколько ящиков разновременной керамики и других предметов, включая и нательные православные крестики [1].

Поэтому ничуть не удивительно, что после переезда в Кировскую область страсть Сергея к исследованию древностей только усилилась, и он стал всегда посещать областное краеведческое музея, где в отделе археологии работала моя бывшая однокурсница Людмила Александровна Сенникова, в те времена – единственный действующий археолог области.

После окончания школы в 1982 г. вопрос о дальнейшем образовании перед юношей не возникал: он твердо решил стать профессиональным археологом. Однако этой специализации на истфаке Кировского пединститута не было, поэтому Сергей, очевидно по совету Л. А. Сенниковой, решил испытать себя на вступительных экзаменах в наш Удмуртский университет. Попытка оказалась удачной, мы рады были иметь в наших рядах такого нацеленного на науку студента. Однако неожиданно Сергей забрал документы и, сообщив о желании поступать в МГУ, уехал в Киров. Этот шаг перспективного абитуриента расстроил начальника КВАЭ Римму Дмитриевну Голдину, но

в конце концов она мудро рассудила, что в Москве ему удастся по избранной им древнерусской тематике получить больше знаний, чем у нас. Между тем в Кирове Сергей устроился работать в Кировский государственный объединенный историко-архитектурный музей (1982–1983 гг.) в отдел археологии под началом Л. А. Сенниковой. Этот период в жизни молодого научного сотрудника не прошел даром: знакомство с музейными археологическими коллекциями Вятского края значительно расширило его кругозор.

Летом 1983 г. мне довелось в Кирове исследовать траншею по ул. Большевиков (к югу от ул. Коммуны), что на бывшей торговой площади городского посада. Находясь вечером в музее, повстречался с Дмитрием Мартиниановичем Захаровым и спросил о сыне. Оказалось, что Сергей поехал поступать в МГУ на подготовительные курсы для историков-заочников [2]. К сожалению, поступить на учебу в МГУ ему не удалось, он вернулся в Киров и, в ожидании призыва в армию, продолжил работать в областном краеведческом музее, разбирая археологические коллекции, в том числе русский материал из раскопок Л. П. Гуссаковского [3].

Находясь в командировке в Кирове с 4 октября по 6 ноября 1983 г., я застал его на работе в музее [4]. И уже 10 октября мы осмотрели с Сергеем траншею, которую вскрывал экскаватор по ул. Коммуны (ныне Московская), начиная от перекрестка с ул. Большевиков (Казанская) на восток по направлению к берегу р. Вятки. По обеим стенкам траншеи обнаружился мощный культурный слой городского посада: бревенчатая мостовая, остатки срубов из толстых (до 30 см в диаметре) бревен высотой до трех венцов, обломки архитектурных деталей, разрезы глинобитных печей. Мы зачищали стенки, подготавливая их к зарисовке и фотофиксации, подбирали артефакты из дерева, бересты, глины, кожи, слюды, металлов. Скапливавшаяся на дне траншеи вода изрядно мешала работам. В конце концов выбрались из траншеи, но по разные ее стороны, и мой юный спутник решил перепрыгнуть канаву на мою сторону. Попытка оказалась, мягко говоря, не совсем удачной: он поскользнулся и упал животом на край асфальта, здорово испугав меня. Помог ему вылезти наверх, падение было крайне неприятным – Сергей основательно отбил желудок, хорошо, что без видимых последствий. Во всяком случае, подошедший позднее Дмитрий Мартинианович об этом событии не заговаривал, так как сын, вероятно, ничего не рассказывал, либо же отец мудро промолчал. На следующий день Сережа как ни в чем не бывало пришел в музей на работу. Правда, из-за дождя на траншею мы не пошли, работали в музее (я рисовал русские древности к кандидатской диссертации).

Любопытство к археологическим будням не отпустило новобранца, и он заглянул к нам в музей 13 октября. Мы поговорили с ним о жизни, об армейской службе (я поделился воспоминаниями и опытом службы в погранвойсках), о русских древностях на Вятке и его планах на будущее (после армии он вновь,

как это было в свое время и у меня, мечтал поступить на исторический факультет и стать археологом). После этого Сергей ушел в кино, пообещав зайти и завтра. Утром 14 октября я продолжил работу в траншее, а вскоре пришел Сережа попрощаться уже окончательно – в понедельник, 17 октября, он отбывал на службу. Сердечно попрощались, крепко обнялись, и он ушел [5].

За оставшееся до возвращения в Ижевск время я продолжил работать в траншее, зафиксировав в том числе и подземный ход, облицованный кирпичом [6]. К сожалению, снять полный ее профиль не удалось – наступившее похолодание сковало грунт. После моего отъезда по моей просьбе наблюдения здесь продолжил муж Л. А. Сенниковой Сергей Булатов, который попытался зафиксировать небольшой фрагмент южной стенки, но после схематичной зарисовки его дальнейшие работы продолжаться не могли – стенки окончательно закаменели. Процесс наших исследований нашел отражение в периодической печати [7]. Позднее часть результатов этих работ была опубликована в научном сборнике [8].

За прошедшие после описываемых событий три года автор этих строк написал и успешно защитил кандидатскую диссертацию [9] и продолжил археологические исследования русских памятников. А Сергей Захаров отслужил положенные два года в рядах Советской Армии, вернулся домой и, с блеском выдержав вступительные экзамены, стал студентом исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Без каких-либо колебаний он выбрал своей специальностью археологию, а объектом его исследования стали в последующем древнерусские памятники Северной Руси.

С 23 августа по 3 сентября 1986 г. вятский отряд Камско-Вятской археологической экспедиции (руководитель Л. Д. Макаров) провел разведочные работы в Кировской области. В Киров я прибыл утром 22 августа. Сразу же отправился в областной краеведческий музей, где встретился с его сотрудниками Люсей Сенниковой, Леной Нагаевой и Володей Любимовым, там же оказался и Сергей Захаров, уже ставший студентом МГУ. С Любимовым и Захаровым совершили экскурсию по городским древностям, осмотрев территорию и фрагменты посадского вала XVII в., а также деревянные постройки XIX – начала XX в., над которыми также нависла угроза разрушения. Обсудили увиденное и его печальное будущее. Особенно горячился Володя, борьба которого за сохранность старой архитектуры наталкивалась на равнодушные чиновников, а почти все попытки опубликовать свое мнение в печати оказались тщетными, так как его особенно резкие статьи редко пропускались редакторами местных газет. Понадобилось через 10 лет издать книгу, чтобы общественное мнение заставило власти хоть как-то повернуться лицом к проблеме охраны памятников истории и архитектуры [10]. Судьба посадских укреплений города также вызывала сильную тревогу: уже тогда «в жи-

вах» оставалось порядка семи фрагментов насыпи – строители их сносили без всякого сожаления, а власти смотрели на это самоуправство сквозь пальцы [11] (в настоящее время их осталось, может быть, четыре-пять). После этого вояжа мы вернулись в музей. Вечером отметили закрытие полевого сезона, конечно, условное, ибо археологические работы еще продолжались, заодно договорились о завтрашней разведке [12].

Инициатором этой разведочной эпопеи был Сережа Захаров, сообщивший о поисках известных из описания А. А. Спицына «Митягинских валов», что в низовьях Чепцы [13]. Собрались утром в музее с Володей Ванчиковым и Сергеем Захаровым, а дежурившая в тот день Оля Михайленко тоже просилась в экспедицию, договорились, что созвонимся. На автовокзале приобрели билеты до Кирово-Чепецка (без мест), погрузились в автобус, где парни сидели на рюкзаках, а я стоял между кресел и, как обычно, популяризировал археологию, рассказывая молодой мамаше и ее матери о раскопках. В Кирово-Чепецке купили билеты и втиснулись в переполненный автобус, а вскоре еле вышли из него на остановке «Бронницы». Сережа повел нас напрямик через картофельное поле к одному логу, затем по пашне – к другому. За ним на холме среди поля возвышалась «Священная роща» (как он объяснил – удмуртское моленное место), с которой, предположительно, и связывали «Митягинские валы». Но нас интересовали сведения о «курганах», располагавшихся в лесу метрах в 200–300 от рощи (осмотр самой рощи, проведенный Сергеем ранее, ничего не дал, разве что совсем поздние кострища). Дождь загнал нас под деревья, а как только он стих, мы осмотрели несколько видневшихся в лесу невысоких насыпей. Вскрыли четвертину самой крупной из них (высотой до 0,5 м, диаметром около 4 м), состоявшей из скопления угля и пятак прокала. Однако ни находок, ни углублений, ни могил не было выявлено. Судя по всему, насыпи были комплексами по выжигу древесного угля. Поскольку времени было уже много (20.00 ч.), решили остановить работу и, не делая попыток дополнительно исследовать остальные насыпи и сакральную рощу, ретироваться обратно.

Быстрым темпом дошли до Бронниц, успев на автобус, следовавший из пос. Чуваши до Кирово-Чепецка, но опоздали на последний автобус до Кирова. Пришлось ночевать на скамейках под крытой платформой (автовокзалы в те времена на ночь закрывались). Парни сумели найти котелок кипятка, и мы отлично поужинали. Решили дежурить через 2 часа. Первым бодрствовал Серега, в 1.00 ч. он поднял Володю, который в 3.00 ч. разбудил меня. В 4.45 ч. вокзал открылся, я купил билеты, и вскоре мы дремали в автобусе. В Кирове простились с Сергеем (ему пора было ехать в Москву на учебу) [14]. Так завершилось столь романтическое путешествие, последнее из моих работ, связанных с Сережей Захаровым на Вятке. Он показал себя как уже вполне зрелый и опытный поисковик, готовый к серьезным исследованиям.

Надо отметить, что интерес студента Захарова к древнерусским памятникам Вятской земли сохранился и позднее. Он выразился в тщательном анализе результатов раскопок Л. П. Гуссаковского в кремле Хлынова, подготовленном к печати в 1989 г. к научной конференции в г. Кирове, посвященной 500-летию вхождения Вятской земли в состав Российского государства, и опубликованном сначала в сборнике тезисов [15], а позднее (через 10 лет) – в виде научной статьи [16].

Дальнейшая судьба Сергея связана с Москвой (МГУ, Институт археологии РАН) и исследованием памятников Русского Севера. Итогом его штудий стало участие в монографии, посвященной освоению Белозерья средневековым финским и славянским населением [17]. На дарственном экземпляре красовалось: «Дорогому Леониду Дмитриевичу Макарову от однофамильца и земляка [подписи Н. А. Макарова и С. Д. Захарова]». Знаменательна также публикация Сергеем Дмитриевичем Захаровым кандидатской диссертации по скрупулезному изучению древнерусского города Белоозера [18] – великолепный труд по истории одного из древнейших и крупнейших городских центров Северо-Восточной Руси, являющийся ярким примером для подражания исследователям не только Древней Руси, но и в целом археологами России. И я горжусь, что автор этой объемной книги оставил столь дорогой мне дарственный автограф: «Леониду Дмитриевичу с воспоминаниями о зачистке профилей в траншеях и поиске курганов в Вятской губернии. 8.10.2004 [подпись]». Последующие работы Сергея Дмитриевича только подчеркивают весомость его научных поисков.

Последняя моя встреча с С. Д. Захаровым состоялась в Казани на IV (XX) Всероссийском археологическом съезде 20–25 октября 2014 г. Мы работали на секции 10: «Средневековая археология Восточной Европы», причем Сергей был одним из руководителей на заседаниях секции и вел их умело, со знанием дела. Кроме того, им было подготовлено два научных доклада. Первый написан в соавторстве с С. С. Зозулей – «Новые данные о Тимерёвском археологическом комплексе», – и в нем прозвучал во многом новый подход к всемирно известному поликультурному объекту [19]. Второй доклад «Весь, славяне и скандинавы на Белом Озере в IX–XI вв.» вызвал оживление публики, особенно по вопросу о роли скандинавов. Ответы докладчика не оставили сомнения: скандинавское наследие было эпизодическим, относительно поздним и в основном коснулось торговли, ни одного скандинавского погребения в Белозерье нет. К сожалению, этот доклад в материалах съезда не был опубликован [20]. Я ожидал, что мой доклад, посвященный реконструкциям древностей Вятской земли, вызовет интерес аудитории [21], и не ошибся: трое коллег усомнились в моих реконструкциях некоторых культовых построек, что неудивительно в силу их слабой изученности, а вот Сергей Дмитриевич в заданном мне четырех вопросах еще раз проявил не только профессиональный интерес, но и любовь к Вятке – своей малой Родине.

Мы не раз беседовали с ним в перерывах, но все больше на ходу – его отвлекали оргвопросы, а меня встречи, книги и т. п. Тем не менее Сергей, узнав о моем интересе к распаханным памятникам, обещал прислать мне свою статью на эту тему по электронной почте. И вскоре после завершения съезда я получил весьма объемный текст [22]. Как и в указанных выше сочинениях, в данной статье С. Д. Захаров показал виртуозное владение различными методиками исследования археологических памятников, что неизбежно приводит к расширению источниковых возможностей изучаемых объектов, а это как раз то, к чему должен стремиться каждый профессиональный археолог.

Смерть Сергея Дмитриевича Захарова в самом расцвете его научной карьеры – огромная и невозполнимая утрата для российской науки. Память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

Примечания

1. Макаров Л. Д. Дневник 1983 г. // Личный архив. 14 июня.
2. Там же.
3. Макаров Л. Д. Дневник 1983 г. // Личный архив. 4 октября.
4. Там же. 4–6 октября.
5. Там же. 10–14 октября.
6. Там же. 15 октября – 6 ноября.
7. Макаров Л. Д. О древнем Хлынове // Кировская правда. 1983. 18 нояб.
8. Макаров Л. Д. Археологическое изучение крепостных сооружений Древней Вятки (г. Хлынова) // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов: сб-к статей / отв. ред., авт. предисл. М. Г. Иванова, И. В. Журбин. Ижевск, 2005. С. 113–119. Рис. 6–8.
9. Макаров Л. Д. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. – 15 с.
10. Любимов В. А. Вглядываясь в лица домов: (Опусы краеведческой публицистики). Киров, 1995. – 224 с.
11. Там же. С. 22–31.
12. Макаров Л. Д. Дневник 1986 г. // Личный архив. 22 августа.
13. Спицын А. А. Новые сведения по доисторической археологии Вятского края // ВГВ. 1887. С. 25; Его же. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России. М., 1983. Вып. I. С. 186, 189 (прим. 1).
14. Макаров Л. Д. Дневник 1986 г. // Личный архив. 23–24 августа.
15. Захаров С. Д. Характеристика раскопок Л. П. Гуссаковского на территории Хлыновского кремля // Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 500-летию вхождения в состав Российского государства): Тез. докл и сообщений к науч. конф. Киров, 23–25 мая 1989 г. Киров, 1989. С. 17–19.
16. Захаров С. Д. Раскопы Л. П. Гуссаковского в Хлыновском кремле // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова): мат-лы Международной конф. / отв. ред. В. В. Низов. Киров, 1999. С. 41–48.

17. Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. – 496 с.

18. Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. – 592 с.

19. Захаров С. Д., Зозуля С. С. Новые данные о Тимерёвском археологическом комплексе // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III. С. 51–53.

20. Макаров Л. Д. Конспект доклада С. Д. Захарова «Весь, славяне и скандинавы на Белом озере в IX–XI вв.» и его ответы на вопросы (Материалы IV (XX) ВАС в Казани) // Материалы конференции 2014 г. // Личный архив. 21 октября; Его же. Дневник 1 августа 2014 г. – 4 февраля 2015 г. 21 октября.

21. Макаров Л. Д. Проблемы реконструкции древнерусских памятников Вятской земли // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III. С. 108–111.

22. Захаров С. Д. Информативность распаханного слоя: некоторые стереотипы и реальность // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы: мат-лы конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии. Москва, 9–10 декабря 2014 г. М., 2015. С. 89–106.

Раздел VI

СОВРЕМЕННЫЙ МУЗЕЙ: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ

Феномен краеведческого музея в пространстве и во времени: культурологический аспект

С. П. Калита, г. Москва

Краеведение как социокультурный феномен реализует социально значимые функции, решая при этом важные экономические, социальные, исследовательские задачи. Особенности развития краеведения зависят от ряда объективных и субъективных факторов: это и политическая обстановка, и экономическая ситуация, и актуальные направления разных наук, и особенности менталитета различных категорий населения в конкретных регионах. Краеведческие музеи являются «колыбелью» краеведения, но в то же время современный краеведческий музей реализует множество социокультурных функций: документирующую, интеграционную, познавательную, образовательную, мировоззренческую, коммуникационную и др. Но самой важной и основополагающей для любого музея является функция документирования процессов и явлений и хранения собранных артефактов – музейных предметов. Музей как культурная форма, сформировавшись еще во времена античности, подвергаясь соответствующим изменениям, дошел до наших дней. Именно в музее реализуется важная функция сохранения и репрезентации социальной памяти и осуществляет связь поколений.

В настоящее время принято разделять музеи по профилю: исторические, художественные, литературные, технические, естественно-научные и др. В связи с этим хотелось бы отметить особое положение краеведческого музея, включающего в себя, как правило, многие направления: гуманитарные, естественно-научные, технические, экономические, художественные. И если исторические, технические, художественные музеи собирают, комплектуют, хранят и показывают музейные предметы исходя из профильных научных дисциплин или видов искусств, которым они посвящены, то цель краеведческого музея несколько иная. Краеведческие музеи документируют процессы развития природы и общества определенного края (региона, местности) в их

целостности и многообразии [1]. По сути, это музеи определенной территории, их задача – отразить все процессы и явления, происходившие в разное время в определенном регионе. Как писала видный отечественный музейевед Д. А. Равикович, краеведческий музей должен заниматься «сбором и показом местного материала, состоит из отделов, коллекции которых отражают природу края, его историю и экономику» [2].

Предтечей современного краеведческого музея можно считать земские музеи, появившиеся в 80-х гг. XIX в. в структуре органов местного самоуправления – земств. Земские музеи были направлены на помощь в проведении аграрной реформы. В то время была насущная необходимость в собирании и хранении почвенных образцов для определения доходности разных категорий земель, да и вообще, «исследование ограниченных по пространству местностей необыкновенно важно не только для познания всей обширной страны нашей, но и в чисто ученом отношении. Многие явления высокой важности могут быть изучаемы именно лишь с помощью наблюдений, производимых в продолжение многих лет в одной и той же местности» [3]. Исследования проходили в процессе составления земельного кадастра, и справочный натурный материал подобного плана был важен для определения выкупной цены земли, выявления уровня доходности крестьянского хозяйства, а также решения всевозможных споров земельного характера. Но, по мнению многих исследователей, и в первую очередь Д. А. Равикович, «уровень развития науки, находившейся в тот период в стадии накопления и систематизации фактов, чрезвычайно слабая изученность страны, преобладание в провинции любительского труда краеведов – все это приводило к тому, что деятельность по изучению края могла выражаться только в сборе фактического материала о его природе, истории, экономике» [4].

В Санкт-Петербургском обществе естествоиспытателей была создана особая комиссия для разработки устава земского губернского музея. Устав предусматривал два основных направления в работе земского музея – научное и прикладное. В рамках научного направления предусматривалось естественно-научное изучение края, сельскохозяйственных ресурсов, полезных ископаемых и пр. Прикладные исследования касались конкретных проблем, связанных с зональной специализацией сельского хозяйства и кустарной промышленности. В рамках прикладных исследований изучались отдельные отрасли, промыслы или культуры. Принятый в Санкт-Петербурге Устав был разослан во все статистические комитеты и губернские управления для подготовки своего устава для каждого земского музея.

Первые земские музеи были созданы в конце 80-х гг. XIX в. в Полтаве и Нижнем Новгороде. После этого музеи стали открываться на юге империи при земствах южных губерний – Херсонской, Харьковской, Бессараб-

ской. При помощи статистических комитетов были открыты музеи в Архангельске (1859 г.), Владимире (1862 г.), Уфе (1865 г.), Твери (1866 г.), Тобольске (1870 г.), Петрозаводске (1871 г.), Ташкенте (1876 г.), Екатеринодаре (1879 г.), Могилеве (1879 г.), Семипалатинске (1883 г.), Воронеже (1886 г.) и т. д. [5]. В начале XX в. земские музеи получили широкое распространение и в центральных районах России. По отзывам современников, эти музеи стали для крестьян школами агрономических и агротехнических знаний. Как правило, в структуре земского музея было три отдела: естественно-исторический, сельскохозяйственный и промышленный, представлявший кустарные промыслы. Иногда в связи с ростом коллекций естественно-исторический отдел делился на разделы: почвенный, ботанический, зоологический и др.

Специализация земских музеев была связана с зональными и климатическими особенностями региона. Так, для заболоченных районов в Новгороде возник болотно-луговой музей узкого профиля, причем его коллекция включала обширную информацию о происхождении болот, их типах, способах мелиорации, агротехнических навыках для освоения болот и лугов. Земские музеи нечерноземных губерний показывали особенности природы своего края. Так, например, в Туле в 1910 г. возник еще один вид земского музея – энтомологический и фитопатологический, специализацией которого явилось изучение сельскохозяйственных вредителей, а также различных грибковых заболеваний растений.

Вообще в земских музеях большую часть фонда составляли тематические учебные коллекции. Они специально формировались для проведения занятий по агрономии и агротехнике применительно к зональным особенностям. В музеях были специальные «кабинеты участковых агрономов». В арсенале музея были передвижные тематические выставки. С течением времени музеи меняли название, а иногда – специализацию. Некоторое время было распространено название «музей местного края».

Среди музейеведов нет единства в отношении оценки уникальности краеведческого музея как вида: некоторые считают, что краеведческие музеи не имеют прямых аналогов за рубежом, а другие – что за рубежом похожие музеи есть. Как бы то ни было, краеведческие музеи, даже российские, очень различаются между собой. При некотором общем структурном сходстве (и то не всегда) фактурно они различаются, иногда достаточно сильно, начиная от здания, в котором они находятся, и заканчивая составом коллекций: ведь объектами собирания, хранения и экспонирования современных краеведческих музеев является то особенное, уникальное и в то же время типичное, что характеризует историю, культуру, искусство, технику, хозяйственную деятельность, экономику и вообще жизнь того или иного края. Таким образом, краеведческий музей по определению не может

быть однопрофильным. Его можно рассматривать как современную культурную кентавр-модель, включающую в себя два начала: гуманитарное и естественно-научное, техническое.

Практически в каждом краеведческом музее есть отделы природы, характеризующие природные особенности региона. В этих отделах работают специалисты с особым естественно-научным и техническим образованием. Для того, чтобы грамотно показать природу, животный и растительный мир края, наличие и добычу полезных ископаемых на данной территории, динамику развития промышленности, особенности хозяйственной деятельности – для всего этого необходима естественно-научная и техническая компетенция.

В то же время каждый регион богат талантами в области культуры и искусства. И задачи краеведческих музеев в данной области – показывать не только высшие достижения, вошедшие в копилку национальной и мировой культуры, получившие импульс и развитие именно на этой земле. Разумеется, знаменитый писатель, актер или композитор, родившийся в малом провинциальном городе, представляет особую гордость этого города. Именем этого человека называют улицы, в честь него делают экспозиции в местных музеях и даже создают специальные мемориальные музеи, посвященные его жизни и творчеству. Но краеведческий музей призван показывать не только высшие достижения и открытия. Он должен отражать историю повседневности, демонстрировать произведения местных художников второго и третьего ряда и вообще художественную жизнь региона, экспонировать образцы декоративно-прикладного искусства и народных промыслов, бытующих на данной территории. Для комплектования, собирания, хранения и экспонирования подобных экспонатов необходима гуманитарная и искусствоведческая компетенция.

Как правило, краеведческий музей – очень динамичный организм, решающий, помимо функций документирования, собирания, комплектования, экспонирования, и многочисленные просветительские задачи. Сотрудниками музея проводятся лекции и экскурсии, организуются музейные и внемузейные мероприятия, в которых бывают задействованы все сотрудники, вне зависимости от профиля их специализации. Как показывает практика, очень часто сотрудникам краеведческих музеев приходится расширять сферу своей деятельности и своих научных предпочтений, исходя из разнообразных задач и во время реализации общемузейных проектов. В результате сотрудник, долгое время работающий в краеведческом музее, очень часто знаком как с гуманитарной, так и естественно-научной и технической составляющей музея. Краеведческие музеи еще называются комплексными, и их сотрудники вынуждены быть в курсе комплекса разнообразных проблем, разрабатываемых в стенах музея.

Таким образом, современный многопрофильный комплексный краеведческий музей можно рассматривать как культурную кентавр-модель современности, потому что, во-первых, в рамках этого социокультурного института органично сочетаются и взаимно дополняют друг друга естественно-научная, техническая и гуманитарная, искусствоведческая составляющая. Во-вторых, сотрудники музея подобного профиля часто представляют собой универсалов, в процессе работы в музее и под воздействием обстоятельств (а нередко и по собственному желанию) осваивающих новые для себя области наук и сферы деятельности, представленные в данном музее. Основная функция музея – документирующая – представлена в современном краеведческом музее достаточно многогранно. Правда, в последнее время, не оспаривая приоритетность данной функции, ее все же отодвигают и актуализируют культурно-досуговую функцию, превращая музей в культурно-досуговый центр, что, впрочем, является требованием XXI в.

Примечания

1. Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен. М., 2003. С. 343.
2. Равикович Д. А. Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX века // История музейного дела в России. М., 1960. Вып. 2. С. 145–176.
3. Там же. С. 147.
4. Там же.
5. Там же. С. 153.

Модернизация музея: понятие и современная специфика

Р. А. Бадиков, г. Челябинск

Смысловое наполнение термина «модернизация», широко используемого сегодня в системе музееведческой лексики, отличается специфичностью и многозначностью интерпретации. Существуют две ключевые позиции ученых-лингвистов в отношении толкования данного термина.

Для первой позиции характерна обобщенность и относительная простота трактовки. В соответствии с ней термин «модернизация» определяется как «изменение, усовершенствование, отвечающее современным требованиям» [1]. Семантика понятия «модернизация», имеющая место в данной трактовке, позволяет нам считать возможным его употребление по отношению к процессу изменения, трансформации музея и всех сфер музейной деятельности, исходящему из требований конкретного исторического периода (условной «современности»), как термина, наиболее полно отражающего черты данного явления.

Понятие «модернизация» во второй трактовке используется, как правило, в современном социально-политическом дискурсе. Применительно к нему термин «модернизация» в краткой формулировке трактуется как «процесс перехода от традиционного общества к индустриальному (современному)» [2].

Рассматривая в подобной плоскости эволюцию музея как социокультурного института, мы можем утверждать, что в России данный процесс в значительной степени является производным от модернизации российского общества в целом, т. е. процессом, осуществляемым по мере перехода страны от традиционного уклада к индустриальному. На сегодняшний день, по мнению А. С. Ахиезера, Россия еще находится в фазе продолжения «модернизации» на индустриальных началах, а российское общество остается обществом «промежуточной цивилизации» [3]. В связи с активным продолжением модернизационных изменений в стране, мы имеем основания считать адекватным использование понятия «модернизация» в социально-политической трактовке применительно к изменениям в отечественной музейной сфере.

Данное обстоятельство позволяет осуществить генерирование понятия «модернизация музея» в качестве одного из звеньев общей модернизации общества и сферы культуры в России. При этом в музеологической практике мы можем развести использование термина «модернизация». По нашему мнению, в социально-политической трактовке понятие может быть использовано для обозначения глобальных трансформаций музея как социокультурного института, а в обобщенной – для обозначения процесса внедрения новаций в национальных и региональных рамках, а также на уровне отдельных музеев.

Содержание собственно понятия «модернизация музея» достаточно многосложно и требует определенного уточнения. В массиве русскоязычных исследований музейного профиля 1980–2000-х гг. нами выявлены всего несколько работ, в которых рассматривается вопрос феноменологии модернизации музея. Их авторы, помимо прочего, вероятно, впервые в отечественной музеологической практике формулируют определение «музейной модернизации». Так, по мнению Л. Н. Бакаютовой, музейной модернизацией следует считать «глубинные преобразования, позволяющие музею адекватно реагировать на вызовы современного мира» [4]. В целом схожую, но более развернутую трактовку термина считает возможным предложить А. А. Будко: «Модернизация музея – это концептуальные, структурные и технологические изменения, направленные на приспособление музея к окружающей действительности и будущему» [5].

Исходя из анализа указанных выше трактовок понятия «модернизация музея», мы можем сделать следующий вывод: термин описывает множество изменений на различных уровнях, сам процесс модернизации представляет собой многоуровневое, комплексное явление.

Ключевой предпосылкой модернизации музея на современном этапе является, прежде всего, возникновение несоответствия между ожиданиями и запросами посетителей (в особенности, молодых людей) и традиционной методологии и формы музейной деятельности. По мере перехода данной ситуации в разряд кризисной, музейным институтом делаются шаги в сторону модернизации собственной работы, которые могут затрагивать как лишь отдельные элементы музея (частичная модернизация), так и распространяться на весь спектр составляющих институции музея и музейных услуг [6].

Особое место в проблематике, связанной с феноменом модернизации музея, занимает вопрос ее разделения в рамках структуры, т. е. обозначения основных уровней. К настоящему времени авторское представление о структуре (основных уровнях) музейной модернизации имеет место лишь в упомянутых ранее профильных исследованиях Л. Н. Бакаютовой и А. А. Будко.

Опираясь на опыт проведенной модернизации Центрального музея связи им. А. С. Попова (г. Санкт-Петербург), его директор Л. Н. Бакаютова в своей ранней работе отмечала, «что модернизация музеев на современном этапе носит комплексный многоуровневый характер» [7]. В связи с этим в качестве основных уровней она обозначила: концептуальное и контентное обновление; организационно-структурная модернизация; маркетинговые технологии для адаптации; внедрение новых технологий в работу музеев.

Другой музейный менеджер, директор Военно-медицинского музея (г. Санкт-Петербург) А. А. Будко, вероятно, обобщив материалы исследований Л. Н. Бакаютовой, отметил, что модернизация музеев должна «осуществляться на концептуальном, структурном и технологическом уровнях» [8].

По мнению А. А. Будко, первичным и наиболее значимым уровнем модернизации музея видится концептуальный уровень [9]. Основой модернизационного движения на данном уровне является разработка концепции музея как перспективного плана преобразований.

Однако модернизация музея, идеологически подкрепленная концепцией, невозможна без преобразований организационно-штатной структуры.

А. А. Будко выделяет второй уровень модернизации – структурный, связанный с трансформацией структуры музея. В процессе адаптации к изменяющимся условиям среды при сохранении целевой функции музей должен изменить собственную структуру таким образом, чтобы обеспечить максимальную эффективность взаимоотношений с внешней средой.

Формирование стратегии развития музея, программы структурных преобразований и концепции новой коммуникативной формы взаимодействия проблематично без внедрения в музей инновационных технологических ре-

шений на основе последних достижений науки и техники [10]. В связи с этим в качестве третьего структурного уровня модернизации музея, по мнению А. А. Будко, является технологический уровень [11].

Технологический уровень модернизации представляет собой движущую силу стратегии развития музея. Не случайно О. В. Самаковская отмечает, что «технические новации и мультимедиа технологии до неузнаваемости изменили образ современного музея» [12].

В целом структура модернизации музея по А. А. Будко остается сегодня наиболее приемлемой для отечественной музеологической практики. Вместе с тем применительно к сектору государственных музеев реализация подобной модернизационной программы в полном объеме является скорее программой-максимум, поскольку учредитель в лице государства не всегда имеет возможность и не всегда видит основания для финансирования всего комплекса мероприятий по модернизации музея, заявленных его дирекцией.

Подводя итоги, отметим, что музей, следуя по пути модернизации, трансформируясь и изменяясь, к настоящему времени все больше превращается в многофункциональный культурный комплекс [13]. Вместе с тем диапазон возможных перспектив и последствий подобной модернизации достаточно широк – от создания новых форм музейной работы до изменения самой природы музейного института. Именно в неоднозначности последствий и перспектив (разрушение/созидание) модернизационных изменений состоит дуалистическая природа музейной модернизации.

Таким образом, миссию исследования феномена модернизации музея мы видим, с одной стороны, в предвидении ее деструктивных последствий, с другой – в своевременном обозначении позитивных возможностей, открываемых с введением новаций.

Примечания

1. Человек и общество. Культурология: словарь-справочник / под ред. О. М. Штомпель. Ростов-на-Дону, 1996. С. 285.
2. Василик М. А. Политология: словарь-справочник. М., 2001. С. 71.
3. Ахиезер А. С. Социокультурные механизмы циклов культуры // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М., 2002. С. 121.
4. Бакаютова Л. Н. Модернизация деятельности технических музеев: отечественный и зарубежный опыт: (на примере музеев связи): дисс. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2008. С. 3.
5. Будко А. А. Модернизация. Схематизация опыта // Мир музея. 2010. № 4. С. 37.

6. Акулич Е. М. Музей как социальный институт: дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.04. Тюмень, 2004. С. 285.

7. Бакаютова Л. Н. Сущность и основные направления модернизации технических музеев (на примере музеев связи) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 25. С. 20.

8. Будко, А. А. Современный музей: проблемы переходного периода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icom.org.ru/get.asp?ID=N37>. (дата обращения: 20.01.2016).

9. Будко А. А. Модернизация. Схематизация опыта. С. 34.

10. Мазный Н. В. Выставка как универсальная форма экспозиционной деятельности отечественных музеев: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 24.00.03. М., 1997. С. 7.

11. Будко А. А. Модернизация. Схематизация опыта. С. 36.

12. Самаковская О. В. Формирование контента сайтов этнографических музеев: проблемы качественного представления музейной информации в Интернете и пути их решения // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 20. С. 56.

13. Прохорова Д. М. Модернизация форм работы музеев: проблемы, перспективы, решения // Молодежь и наука – 2011: мат-лы межд. науч. конф. 7 апреля 2011 г. Электросталь, 2011. Вып. 6. С. 39.

Инвестиционное развитие территорий Российской Федерации посредством системы музейных услуг

Ж. А. Бодрова, г. Екатеринбург

В современных тяжелых конкурентных условиях развития региональной и муниципальной экономики остро стоит вопрос о повышении инвестиционной привлекательности территории, сохранении рабочих мест, увеличении объемов ввода жилья в средних и малых городах.

Задача повышения конкурентоспособности и рыночной привлекательности территорий также обусловлена выходом региональных предприятий на мировые рынки, необходимостью проведения импортозамещения и введенными против России экономическими санкциями. Решению данной задачи посвящено множество работ отечественных и зарубежных ученых [1].

Одним из подходов к решению данных проблем может стать использование маркетинга территорий. Города, регионы, поселки и отдельные районы России с интересной историей и узнаваемым именем являются привлекательными объектами как для инвесторов, девелоперов, владельцев собственного бизнеса, так и для потребителей товаров и услуг, что позво-

ляет задействовать неиспользуемые резервы [2]. К одному из таких резервов, по мнению автора, относятся музейные услуги, создающие неповторимый имидж территории и способные значительно увеличить объем инвестиций.

Использование скрытых резервов является актуальным для депрессивных регионов России, привлекательных за счет географического положения и развитости инфраструктуры, которые могли бы стать интересными для инвесторов за счет формирования и развития системы музейных услуг [3].

Маркетинг территорий является относительно новым видом маркетинга для России, цель которого – усиление позиций территории в конкурентной борьбе за лучшее положение на национальном, региональном или международном рынках.

Система музейных услуг, являясь инструментом маркетинга территорий, будет способствовать привлечению инвестиций, укреплению потенциала материальных и нематериальных активов, а также развитию туризма и проведению социально-коммерческих мероприятий, влияющих на благосостояние регионов и их способность быть конкурентоспособными на международном рынке [4]. Система музейных услуг способна привлечь финансовые средства инвесторов за счет выявления и развития резервов, формирующих индивидуальные особенности территории в виде образа, имиджа, бренда и др. [5].

Сформулируем определение: система музейных услуг – это совокупность взаимоотношений между субъектами и объектами рынка музейных услуг, связанных процессом создания, сбережения, изучения, предоставления и использования материальных и нематериальных активов организаций и территорий, имеющих социально-культурное назначение с целью развития общества, повышения доходов бюджетов и стоимости территории, а также создания имиджа, бренда и репутации территории.

Цель формирования системы музейных услуг – снижение рисков развития территории за счет привлечения инвестиций, расширения международного и межрегионального сотрудничества, улучшения взаимодействия банковского сектора с малым и средним бизнесом.

Результатом развития системы музейных услуг должна стать развитая территория с выраженным полезным социально-экономическим эффектом в виде положительной миграции, увеличением производительности труда и объемов производства, возрастанием объемов строительства и спроса на жилье, повышением уровня гордости за территорию, патриотизмом, осознанием феномена «малой Родины» [6]. В таблице 1 приведены элементы системы музейных услуг.

Таблица 1. Элементы системы музейных услуг

Элементы	Характеристика
<i>Управляющая подсистема (субъекты управления)</i>	<i>Региональные и муниципальные органы власти:</i> реализуют государственную федеральную социально-экономическую политику, занимаются решением собственных социально-экономических задач с учетом территориальных интересов и т. д.
	<i>Министерство культуры РФ:</i> осуществляет правовое регулирование, разрабатывает и вносит проекты нормативных актов по вопросам культуры, искусства, кинематографии, авторского права, смежных прав, историко-культурного наследия, архивного дела, туристской деятельности, международного культурного и информационного сотрудничества и т. д.
	<i>Министерство экономического развития РФ:</i> осуществляет стратегическое планирование, внешнеэкономическую деятельность, инвестиционную политику, развитие экономики регионов, эффективное управление государственным имуществом, недвижимостью, поддержку и развитие малого и среднего предпринимательства, оценку регулирующего воздействия и т. д.
<i>Процесс управления</i>	<i>Финансирование</i> объектов управления происходит за счет использования бюджетных и внебюджетных источников, средств, полученных от спонсоров, благотворительности и посредством социального партнерства и т. д.
	<i>Инструменты повышения инвестиционной привлекательности территории включают:</i> – элементы территориального маркетинга; – имидж, PR, рекламу, пропаганду; – объекты, памятники культуры и исторического наследия. Посредством использования различных инструментов повышения инвестиционной привлекательности, способствующих увеличению престижа территории, происходит повышение общей стоимости территории с находящейся на ней собственностью различных уровней
<i>Управляемая подсистема (объекты управления)</i>	<i>Объекты управления</i> включают в себя землю, недвижимость различного назначения, стоимость которых возрастает прямо пропорционально степени эффективности использования инструментов и технологий повышения инвестиционной привлекательности территории, формирующих ее конкурентоспособность

Взаимосвязи между элементами системы музейных услуг представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Система музейных услуг



В основе формирования системы музейных услуг лежит механизм управления. Элементы механизма управления системой музейных услуг представлены в таблице 2 [7].

Таблица 2. Элементы механизма управления системой музейных услуг

Элементы	Содержание элементов
<i>Управленческое звено</i>	
<i>Институты управления</i>	Минкультуры РФ; Минэкономразвития РФ; органы исполнительной власти
<i>Финансовое обеспечение деятельности механизма</i>	Бюджетные источники; внебюджетные источники; средства от пожертвований, благотворительности; социальное партнерство
<i>Управление рисками</i>	Привлечения инвестиций; развитие международного и межрегионального сотрудничества; снижение процентной ставки в банках, увеличение объема кредитования
<i>Ресурсы</i>	Кадровые; финансовые; материально-технические; информационно-технологические; природные; интеллектуальные; творческие; правовые; пространственные; управленческие; временные
<i>Инструментарий</i>	Элементы территориального маркетинга; имидж, PR, реклама, пропаганда; объекты, памятники культуры и исторического наследия
<i>Информационные связи</i>	Прямые и обратные связи управленческого звена, инструментария и объекта управления
<i>Объект управления (результат)</i>	
<i>Изменение существующего объекта</i>	Повышение стоимости территории и находящейся на ней недвижимости; строительство новых объектов; развитие бизнеса; положительная миграция; повышение привлекательности проживания; повышение уровня гордости, патриотизма
<i>Новый результат</i>	Развитая конкурентоспособная территория

Управленческое звено механизма состоит из институтов управления и финансового обеспечения, определяющих цель и задачи управления системой музейных услуг, выбор инструментов и ресурсов, необходимых для их осуществления. От правильности определения цели и задач управления системой музейных услуг, а также выбора инструментов и ресурсов напрямую зависит качество управления рисками на территории. Анализ, мониторинг и контроль деятельности механизма и инструментария также осуществляется на всех уровнях механизма благодаря прямым и обратным информационным связям, исходя из поставленных целей. Воздействие на объект управления осуществляется за счет использования инструментария. Действия механизма управления ведут к положительному преобразованию территории (изменение существующего объекта).

Заинтересованными в формировании системы музейных услуг и ускорения темпов социально-экономического развития территории являются как население, так и органы региональной и местной власти. Таким образом, система музейных услуг, будучи инструментом маркетинга территорий, является востребованной и перспективной для внедрения.

Примечания

1. Самофалова Е. В. Государственное регулирование национальной экономики. М., 2008; Тургель И. Д., Маковкина С. А. Сравнительный анализ практики стратегического планирования социально-экономического развития в крупнейших городах России // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 6. С. 22–30; Спиридонов Ю. А. Управление социально-экономическим развитием региона. М., 2001.
2. Бодрова Ж. А., Логинов М. П. Территориальный маркетинг как инструмент привлечения инвестиций // Маркетинг в России и за рубежом. 2015. № 4. С. 107–112.
3. Бодрова Ж. А., Логинов М. П. Теоретико-управленческие аспекты развития музейных услуг // Вопросы управления. 2015. № 4. С. 117–121.
4. Тереньтева А. В. Система услуг как механизм выхода предприятий из кризиса // Современные аспекты экономики. 2004. № 6 (57). С. 62–69.
5. Дерябина Я. Инструменты управления инвестиционной деятельностью на разных уровнях власти: классификация и анализ // Инвестиции в России. 2003. № 8. С. 3–8.
6. Муринович А. А., Логинов М. П. Муниципальный опыт реализации социальных проектов // Муниципалитет: экономика и управление. 2014. № 3 (8).
7. Афанасьев В. В. Формирование экономического механизма народного хозяйства в современных условиях: дисс. ... канд. экон. наук. М., 2003; Логинов М. П. Коноидный подход к исследованию систем // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 14. С. 40–44.

Геобрендинг в развитии музеев

М. Р. Арпентьева, г. Калуга

Геобрендинг – современная технология теории и практики музейного дела и туристики. Маркетинговые, и в том числе брендинговые, стратегии современного музейного дела нацелены не столько на привлечение посетителей, сколько на формирование потребительского поведения [1]. В последнее время, особенно там, где речь идет о маркетинге и брендинге масштабных объектов (брендинга и маркетинга территорий), они включаются в стратегию территориального развития как инструмент моделирования территории и ее будущего (компоненты форсайт-технологий), в том числе как туристического объекта, включающего совокупность музеев и музейных экспо-

зиций того или иного типа. Кроме того, «развитие технологий и доступность информации изменили современного потребителя, сделали его более... пытливым к новым продуктам и местам, мобильным и свободным в мыслях и перемещении. <...> особую актуальность приобретают вопросы правильного позиционирования, конкурентной идентичности и собственно брендинга не только продуктов, услуг или компаний производителей, но также мест и территорий: городов, стран, регионов» [2].

В современном мире, подвергающемся мощной унификации, сохранение и развитие самобытности регионов и их самостоятельности, сотрудничества на основе партнерства и доброй воли во многом противостоит «глобализационной» стратегии «выживания», принудительного обмена ресурсами и принудительной редистрибуции в целом. Начало процессов глобализации было связано с процессами децентрализации и процессами типа «гонки на дно» («race to the bottom») – снижения государственного регулирования в сфере защиты прав человека и сообщества, отказ от социальных гарантий, рост социально-экономических ограничений, ведущий к обострению проблем социальной стратификации, роста бедности и нищеты, уничтожения культуры [3].

Брендинг территорий рассматривается как стратегия формирования и укрепления конкурентоспособности городов и иных поселений с целью завоевания новых и укрепления старых внешних и внутренних рынков, привлечения инвесторов и туристов, а также – гармонизации отношений жителей в регионе и привлечения новых жителей, в том числе мигрантов [4].

Главное условие продуктивности геобрендинга – его системность. Системность проявляется в процессе «брендмейкинга» в целом ряде аспектов и отношений: учет возможно большего количества слоев и аспектов жизнедеятельности региона, его внутренних и внешних отношений, возможностей и ограничений в синхронической и диахронической перспективах. Системная методология геобрендинга учитывает потребности всех заинтересованных групп (стейкхолдеров). Она предполагает также учет прошлого (истории и архетипов) и будущего (целей и форсайт-проектов) формирования и развития региона, в том числе музейного дела и туристики в нем (см. табл.).

Интегративная модель геобрендинга

	Функциональное измерение	Социальное измерение	Духовное измерение
Идентичность	Территория и ее связи, социальная и экономическая политика, принцип матрешки-взаимосвязи	Стейкхолдеры, общие сценарии жизнедеятельности, краудсорсинг и краудфорсайт	Нравственность, ценности и смыслы человеческой жизни, картина мира, место себя и региона в ней

Конкурентная идентичность	Достоинства и слабые стороны территории, целевые рынки и кластеры, целевые группы, принцип сравнения	Конкурирующие группы и организации, отношения конкуренции и взаимопомощи в регионе и вне него	Архетипы и архетипические структуры, исторический опыт региона и его форсайт-проекты
Уникальность, дифференциация	Уникальные события, места, продукты, инновации и инвестиции, принцип уникальности	Особенности групп стейкхолдеров, производства и рынков, согласование разных интересов как миссия бренда	Уникальный жизненный опыт и ценности, человеческий и социальный капитал

Таблица опирается на идентичность региона и основные проблемы его развития, в том числе с точки зрения включенности региона в более крупные структуры (страну). Она предполагает осмысление развития социального и человеческого, а также культурно-исторического капиталов не в меньшей степени, чем капиталов финансовых и материальных, а также технологии краудсорсинга и краудфорсайта, социального партнерства и социального служения, интересубъектного, а не только моносубъектного управления. Опираясь на системную методологию, возможно осуществить разработку и/или трансформацию регионального бренда, который позволит региону не только «обрести новую жизнь», но и осмыслить направления дальнейшего развития и отношений с другими регионами [5].

Ресурсный подход опирается на идею о том, что брендинг территорий (мест, регионов) во многом связан с задачами преодоления дефицита материальных и нематериальных ресурсов в регионе, регионального функционирования и развития. Среди средств развития территорий важное место занимает развитие музейного дела и туризма, которые служат целям привлечения на территорию не только (что, несомненно, важно) материальных ресурсов, но и сохранению и накоплению ресурсов культурных, человеческих и т. д. Бренд территории, как известно, – это люди, представляющие территорию; процедуры взаимодействия между бизнесом, гражданским обществом и властью; товары, производимые на данной территории и отражающие ее идентичность и ресурсы; социальная инфраструктура, обеспечивающая более или менее гармоничное существование проживающих на ней индивидуумов; инвестиционная привлекательность региона; культура труда и быта; это необычные, эксклюзивные, и в то же время аутентичные события, привлекающие туристов и т. д. Важно различие интересующихся территорией стейкхолдеров по критерию нахождения – вовне или внутри ее. Среди внешних и внутренних по отношению к территории групп стейкхолдеров могут быть как «компрадорствующие», так и сотрудничающие, настроенные

на разграбление территории и на обмен с ней. Каждая из двух позиций потенциально может быть полезна для территории и музейного дела, но каждая по-разному: разными должны быть и подходы к этим категориям потребителей. Компрадоры могут привлекаться к инвестициям и иным взаимодействиям с музеями – при наличии у региона заинтересованности в «сбыте» тех или иных продуктов. Сотрудничающие могут и должны привлекаться к взаимодействию в той мере, в какой территория готова и заинтересована в процессах и процедурах обмена.

Кроме того, геобрендинг в его музейно-туристической, а также смежных с ними ипостасях во многом отвечает задачам диверсификации (diversification) – стратегической ориентации бизнеса, сообщества и государственных структур на разнообразие и разностороннее развитие деятельности. Диверсификация – это одновременное развитие не связанных друг с другом производств, расширение номенклатуры и ассортимента производимой продукции в рамках одного предприятия. Многие музеи обладают не только множественными экспозициями, но и ориентированы несколько шире традиционно принятого, включая наличие производства собственных товаров и услуг вне рамок музея.

Традиционно выделяют следующие маркетинговые стратегии диверсификации:

1) Стратегия *центрированной диверсификации*, которая не затрагивает ключевых моментов музейного дела и не предполагает освоения новых его пространств. Ее суть – найти новые возможности для производства новых продуктов и услуг музейного дела на уже имеющихся площадях и ресурсах с применением использующихся на них технологий;

2) Стратегия *горизонтальной диверсификации* предполагает поиск возможностей роста на существующем «музейно-туристическом рынке» за счет новой продукции и услуг, которые будут производиться при помощи новой технологии, отличающейся от уже используемой. В этом случае целесообразно обратиться к выпуску технологически не связанных друг с другом продуктов и услуг, которые бы использовали уже имеющиеся возможности музея/фирмы, и могли бы быть сопутствующими уже производимым продуктам и услугам;

3) Стратегия *конгломеративной диверсификации* – одна из самых дорогостоящих и сложных для реализации. Ее успех зависит не только от наличия средств, необходимых для финансирования осуществления стратегии, но и от компетентности персонала музея, сезонности в жизни туристического рынка и т. д. Суть стратегии состоит в том, что музей, музейное объединение и т. д. должны расширяться за счет производства новых, технологически не связанных с уже производимыми, продуктов и услуг, которые реализуются на новых рынках.

В периоды интенсивных изменений диверсификация деятельности музеев и туристических объектов и территорий, иных структур становится базовой основой для достижения нового уровня внутренней и внешней гибкости, выживания и развития. Особенно важна диверсификация при наличии «сверхресурсов», то есть неиспользованных ресурсов развития, с которыми и работает геобрендинг, осуществляя вертикальную и горизонтальную, внешнюю и внутреннюю диверсификацию (активизацию существующих или привлечение новых ресурсов извне и изнутри территории и ее культурно-исторического и социально-экономического потенциала).

Геобрендинг – мощный инструмент социальной и экономической политики, развития территории, ее социального и человеческого капитала, а также музейного дела и туризма. При разработке бренда нужно учитывать и особенности музейной и туристической активности: носит ли она спорадический, периодический или постоянный характер, каков ее тип: каково соотношение туристических потоков «на территорию» и «из территории». Важно также проанализировать жизнь населения территории, миграционные потоки, а также потоки «входящей» миграции, отношения граждан и гражданского общества и администрации, а также систем образования, здравоохранения, и, особенно, правоохранения. Необходимо проанализировать ситуацию в комплексе и выявить конкретные факторы, мешающие продуктивным изменениям, диверсификацию, а затем поэтапно их устранять.

Две основные внешние аудитории потребителей территориального бренда – туристы и бизнес – часто имеют противоположные цели, и разработчикам бренда приходится так или иначе выбирать аудиторию, однако разумным является совмещать интересы, в том числе – людей, проживающих на территории. Сохранение и воспроизведение культурных ценностей, понимание их важности для развития местных жителей – очень важные факторы, влияющие на формирование геобренда, однако сейчас они часто уходят на последние места. Инвестиции в культурное и социальное развитие региона – в его человеческий и социальный капитал – закладывают основы гармоничного развития в дальнейшем. Кроме того, каждый из районов и каждая из организаций поселения может иметь или имеет собственную бренд-идентичность, благодаря чему они стали известны когда-то стране или миру. Усиливая бренд-идентичность малых структур и населенных пунктов, можно сформировать еще более сильный, разносторонний, аутентичный и востребованный бренд региона в целом. Разработка долговременного, развивающего территорию бренда должна опираться на ценностные приоритеты: тогда каждый из жителей, групповых и организационных субъектов территории будет выступать как непосредственный носитель ценностных характеристик бренда.

Примечания

1. Аакер Д. Стратегия управления портфелем брендов. М., 2008; Анхолт С. Брендинг: дорога к мировому рынку. М., 2004; Арпентьева М. Р. Геобрендинг в индустрии туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Т. 9. №. 3. С. 25–35; Балдерьян И. Маркетинг территории. СПб., 2007; Галумов Э. А. Международный имидж России. М., 2003.
2. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. СПб., 2005. С. 31.
3. Арпентьева М. Р. Геобрендинг в индустрии туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Т. 9. №. 3. С. 25–35; Пикулева О. А. Маркетинг и брендинг территорий. Германия (LAP), 2013.
4. Галумов Э. А. Международный имидж России. М., 2003.
5. Арпентьева М. Р. Геобрендинг в индустрии туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Т. 9. №. 3. С. 25–35.

Динамика развития научно-естественного направления деятельности Сарапульского музея

*С. Л. Шкляева,
г. Сарапул, Удмуртская Республика*

В конце XIX – начале XX в. во многих российских городах, в том числе и уездных, с целью заботы о духовно-нравственной составляющей горожан поднимался вопрос о создании местных музеев. Не стал исключением и Сарапул – старинный купеческий город на Каме. В 1909 г. при поддержке земской управы и широкого круга общественности был открыт музей сарапульского земства. В числе идейных вдохновителей создания музея – акцизный чиновник Леонид Константинович Круликовский и практикующий врач Федор Васильевич Стрельцов. Специалисты своего дела, они внесли неоценимый вклад в развитие музея и музейных коллекций в частности.

Состав «Научно-естественных фондов» был представлен четырьмя коллекциями: «Ботаника», «Зоология», «Палеонтология» и «Минералы». Именно Леонид Константинович Круликовский – потомственный дворянин, сын врача, глубокий исследователь флоры и фауны Прикамского края – начал создавать коллекции научно-естественного направления. Биолог по образованию, он вынужден был трудиться акцизным чиновником. Профессионально занимаясь коллекционированием бабочек, Леонид Константинович пополнил фонды своими бесценными собраниями чешуекрылых, служащих первоисточником для энтомологов настоящего времени. В 1915 г. от Л. К. Круликовского в фонды музея поступил уникальный гербарий сарапульской фло-

ры (876 образцов), позволяющий проследить динамику развития флоры Сарепула за 100 лет и по достоинству оцененный ботаниками современности.

Немалый интерес представляет гербарий Вятской губернии Алексея Порфирьевича Ильинского – нашего земляка, профессора, доктора наук. Удивителен и тот факт, что революция и военные годы не помешали представителям земской управы сохранить и передать в 1918 г. в фонды музея 216 гербарных образцов сарапульской флоры.

В начале сентября 1919 г. в Сарепулу прибыл дивизион воздушных кораблей «Илья Муромец». Дивизионным врачом состоял на службе Леонтий Петрович Александров – профессор, главный врач и хирург Ольгинской детской больницы. Он активно собирал гербарий повсюду, где по долгу службы приходилось ему находиться. В Сарепуле Леонтий Петрович активно включился в работу и передал в дар местному музею 880 гербарных образцов. Составленные списки и дополненный этикетаж коллекции «Гербарий», выполненные Л. П. Александровым, позволяют наиболее полно представить историческую и научную ценность сохраняемой коллекции.

В настоящее время коллекция «Ботаника» насчитывает более 5000 музейных предметов. Радует и то обстоятельство, что гербарий начала XXI в. собирают молодые сарапульцы. Благодаря усилиям выпускницы Удмуртского государственного университета Екатерины Калентьевой в коллекцию «Ботаника» поступило 129 гербарных образцов с территории памятника федерального значения ХВК «Дача Башенина».

Коллекция «Палеонтология» представлена очень скромно – чуть менее 150 предметов основного фонда. История первых поступлений мало изучена. В 80-е гг. XX в. в коллекцию поступили предметы, обнаруженные при погрузочно-разгрузочных работах с гравием в порту Сарепула.

Интересны факты пополнения коллекции «Минераль». В 20-х гг. XX в. из «Мастерской Учебных коллекций» Просветительной комиссии Уральского общества любителей естествознания поступила коллекция «Выветривание мрамора», частные собиратели и коллекционеры передавали в музей образцы горных пород. Хранится в фондах и коллекция минералов, переданная в 2003 г. представителями Уральского геологического музея Уральской горной академии в Дом-музей академика Н. В. Мельникова.

Последнее поступление в коллекцию «Минераль» стало приятной неожиданностью для сотрудников музея. Илья Овчинников, выпускник Сарепульского лицея № 18, студент второго курса Уральского государственного горного университета, передал в музей фрагмент метеорита «Челябинск». Наверное, есть в этом поступке и частичка труда сарапульских музейщиков, которые проводят музейные занятия и лекции как на базе музея, так и выездные.

Повествуя о коллекции «Научно-естественных фондов», невозможно не сказать и о Федоре Васильевиче Стрельцове. Благодаря этому человеку му-

зейные фонды пополнились нумизматической коллекцией, предметами Первой мировой войны. Основной вклад в научно-естественное направление музейной деятельности Ф. В. Стрельцова по достоинству оценивают наши современники – посетители музея. Именно Федор Васильевич Стрельцов пригласил в сарапульский музей уникального таксидермиста, будущего директора музея Дмитрия Васильевича Шабердина. Чучела птиц и млекопитающих, представленные в экспозиции «Зала природы», в большинстве своем выполнены руками Д. В. Шабердина до 1930 г.

Свою лепту в формирование коллекции «Зоология» внесли и купцы, страстные охотники и коллекционеры оружия. Сын купца Николая Зылева Александр подарил музею не только шкуру лося, из которой Д. В. Шабердин сделал великолепное чучело, являющееся на сегодняшний день брендом музея, но и подарил чучела двух волков, добытых у Камбарского завода в 1912 г. Жены купцов жертвовали музею удивительные образцы крупных морских раковин. Неоценимую роль в комплектовании фондов молодого музея сыграла и Императорская Академия наук, передавшая в 1913 г. образцы влажных препаратов Мурманской биологической станции.

В первое десятилетие своего существования музей эффективно развивался, но Октябрьская революция внесла свои коррективы. Комплектование фондов в это время носило нестабильный, разовый характер, остановившись практически на четыре года.

Очередное пополнение «Научно-естественных фондов» произошло в 1921 г. Дмитрий Васильевич Шабердин, будучи уже директором музея, продолжал изготавливать чучела птиц и животных, а часть закупал у охотников. Насколько результативна была деятельность Д. В. Шабердина – таксидермиста и директора в одном лице – покажем на таком примере. За 20 лет работы музея (1909–1930 гг.) в коллекцию «Зоология» поступило 216 чучел. За последовавшие 70 лет (1930–2000 гг.) – всего 61 чучело птиц, рыб и млекопитающих.

В 1921 г. музей распахнул двери для посетителей в новом здании, где можно было познакомиться с отделом природы. Годы шли. В 1925 г. в сарапульский музей поступили предметы из Государственного музейного фонда, но фондов природы это не коснулось. Для просвещения детей и молодых рабочих нужны были новые формы музейной деятельности. 23 ноября 1928 г. на совещании Сарепульского окроно было решено организовать при музее зоопарк. Но в 1929 г. Дмитрий Васильевич Шабердин умер. В музей пришел новый директор Авраам Никодимович Бершант, продолживший дело по открытию музейного зоопарка. «В августе 1930 года были закуплены от “Союзохоты” Каракулинского района 10 птиц: орлан-белохвост, три филина обыкновенных, неясыть серая, две ушастых совы, 2 белых голубя и ворон» [1]. В сентябре новый директор музея А. Н. Бершант, поехал в Свердловск, где

в Уральском зоопарке купил двух китайских гусей, двух медведей, двух волков, шакала, барсука и самого дорогого по стоимости (60 руб.) дикобраза [2]. В это же время от сарапульского отдела Госторга были закуплены две лисы, еще один барсук [3]. Для охраны отдела живой природы были приобретены две собаки Джек и Тальма, а уход и кормление зверей были поручены технической служащей.

Было очень сложно, звери открывали клетки, убежали, на их место закупали новых зверей. Служащие, ухаживающие за зверями, не выдерживали, на их место принимали новых не всегда ответственных работников, и сегодня всплывают воспоминания о том, как одному из работников зоосада (горожане называли так отдел «Живой природы») медведь откусил ногу. И действительно, данные события имели место. Лейтенант запаса Владимир Воронцов, сын директора музея Михаила Елизаровича Воронцова писал, что однажды пьяный рабочий музея Коротков раздражил Урсика (так звали медведя) и попал в его лапы. Нога у работника была изрядно повреждена, позднее он ее лишился [4]. Но это было скорее исключение из правил. Зверей неплохо кормили мясом и рыбой, закупали зерно. Строго соблюдались правила кормления. На 1 января 1938 г. в отделе «Живой природы» насчитывалось 12 хищных животных, среди которых был медвежонок, родившийся 27 января 1937 г. Посетители наблюдали за дневными и ночными хищными пернатыми: орланами-белохвостами, канюками, беркутами, полярными совами, заслушивались пением кочующих птиц: щеглов, чижей и чечеток. Всего в отделе было представлено 23 птицы. Дети любили наблюдать за морскими свинками, белкой и крысами-альбиносами. К сожалению, в 1939 г. музейный зоосад был расформирован [5]. Причина банальна. Произошло слияние сарапульского музея с республиканским музеем, хотя штат, шесть человек, и бюджет были сохранены. Так закрылась одна из ярких, незабываемых даже по сегодняшним меркам инновационная страничка из жизни сарапульского музея.

В настоящее время коллекция «Научно-естественных фондов» насчитывает более 10000 ед. хр. 23 апреля 2014 г. после реконструкции свои двери вновь распахнул «Зал природы», основу которого составляют чучела, изготовленные руками Дмитрия Васильевича Шабердина. Весной 2015 г. побывала в музее правнучка Дмитрия Васильевича – Юлия Преловская. Она долго сидела в зале, восстанавливая по новой экспозиции картины из прошлой жизни, безошибочно указывая на чучела, выполненные руками ее прадеда. Побывали в сарапульском музее и потомки военнослужащих дивизиона тяжелых бомбардировщиков «Илья Муромец». Внук дивизионного врача Леонтия Петровича Александра, Владимир Владимирович, и его жена Вера Николаевна с большим волнением изучали гербарий, собранный дедом и родной тетей Верой Леонтьевной Некрасовой.

В активной переписке с потомками Д. В. Шабердина, Л. П. Александрова, А. П. Ильинского открываются страницы прошлого. Фотографии, личные вещи и воспоминания родственников пополняют личные фонды пионеров музейного дела в Сарапуле. Многие представители животного и растительного мира давно исчезли из окружающего нас мира, и лишь музейные предметы, как первоисточники, позволяют нам изучать, исследовать и находить ответы на поставленные вопросы.

Примечания

1. Научно-инвентарная книга музея за 1930–1938 гг. // Научный архив МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья». Арх. 01.09. С. 7.
2. Книга приказов // Научный архив МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья». Оп. 2. Д. 5. С. 6.
3. Научно-инвентарная книга музея за 1930–1938 гг. // Научный архив МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья». Арх. 01.09. С. 8.
4. Известия «Музея истории и культуры Среднего Прикамья». Вып. 8. Сарапул, 2009 [Электронный ресурс] // Научный архив МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья».
5. Управление по делам архивов администрации г. Сарапула. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

Опыт повышения результативности научно-исследовательской работы в Чистопольском государственном музее-заповеднике в 2013–2015 гг.

*Д. В. Кондрашин,
г. Чистополь, Республика Татарстан*

Утвердившаяся в современных условиях прямая зависимость благосостояния музеев от эффективности работы с населением актуализировала поиск вариаций привлечения посетителя. Адаптация музеев России к новой реальности предопределила обращенность к экскурсионной работе, а более к образовательным и культурно-массовым мероприятиям. Расширение означенной практики негативно отразилось на научно-исследовательской деятельности, в ряде случаев вытесненной из поля музейной работы. Острота проблемы проявилась на региональном уровне, где музеи изначально располагали ограниченным штатом специалистов.

Пристальное внимание Правительства Республики Татарстан к сохранению историко-культурного наследия, реализация программы по развитию туризма в регионе способствовали образованию в июне 2014 г. Чистополь-

ского государственного историко-архитектурного и литературного музея-заповедника, концепция создания которого была одобрена Министерством культуры РФ. Сохранение и восстановление исторического центра г. Чистополя, признанного объектом культурного наследия, увеличение числа музеев в соответствии с историческими доминантами Чистополя, являющегося историческим поселением России, повышение потока туристов до 200 тыс. чел. к 2020 г. – все указанное обозначилось в приоритетах предстоящей работы. Поставленные задачи потребовали кардинального пересмотра организации музейного дела в Чистополе. Первой проблемой, возникшей на этапе подготовки создания новой организации (2013 г.), стала необходимость наращивания опыта самостоятельных научных исследований как в профильной (история), так и в специальной (музееведение) сферах.

Практика проведения профильных исследований не нова, рекомендована к планированию, но слабо распространена в музейном сообществе, особенно на региональном уровне. Принимая во внимание действующие музейные объекты: Мемориальный музей Б. Пастернака, Музей истории города, Литературно-мемориальный музей «Дом учителя» и Историко-мемориальный и этнографический музей Г. Исхаки в с. Кутлушкино, основным профилем исследований был избран исторический. Указанное определялось назревшей необходимостью углубления и расширения границ используемого исторического знания, изначально диктовалось обоснованием создания музея-заповедника, позднее предстоящим совершенствованием имеющихся экспозиций и устройством новых музеев. Предопределялось также потребностью совершенствования не только музейных экскурсий, а разработкой городских экскурсионных маршрутов. Очевидно, результаты исследовательской работы подлежали полноценному внедрению в музейную деятельность.

Обновление исторического знания с учетом новейших научных исследований вошло в практику с 2013 г. посредством написания краткосрочных исследовательских работ: «Джукетау – город болгар на Каме», «Два дня, десятилетия равные... М. И. Цветаева в Чистополе», «Обитель гениев пера: М. В. Исаковский и А. Т. Твардовский в Чистополе», «Политический террор в СССР: советские диссиденты Чистопольской тюрьмы», «Выдающиеся деятели и известные люди России в истории г. Чистополя» и др. Не решение научной проблемы, а качественное обобщение новейших данных с целью понимания местной истории, жизни отдельных персоналий и т. д. выступило востребованным результатом. В период 2013–2015 гг. было оформлено 29 материалов. Прделанная работа позволила выявить вопросы, не получившие полного отражения в исторической литературе, но важные для создания будущих экспозиций музеев. Во избежание искажения исторического процесса, отрывочного отображения исторических взаимосвязей были

определены долгосрочные темы, требующие привлечения исторических источников: «Чистополь в годы Великой Отечественной войны: культурно-идеологические процессы в тыловом городе», «Социально-бытовые аспекты пребывания в Чистополе творческой интеллигенции 1941–1944 гг.», «Предпринимательская деятельность И. Ф. Мамонтова в Чистополе в середине XIX в.» и др. Работа в указанном русле началась с 2015 г. совместно с Академией наук РТ, Казанским (Приволжским) федеральным университетом, а также заинтересованными учеными-исследователями.

Разработка краеведческих тем разнообразила подходы к исследованию фондов музея-заповедника. С 2013 г. стало уделяться больше внимания исторической (источниковой) ценности фондовых материалов, вовлечению их в работу, введению в научный оборот. В частности, поэтапно изучались материалы, относящиеся к пребыванию в Чистополе советских писателей в 1941–1943 гг.

Смешанный подход использовался в параллельном направлении – организации научных исследований в государственных архивах и научных библиотеках. Анализ фондов НА РТ (Национального архива Республики Татарстан) и РГАЛИ (Российского государственного архива литературы и искусства) позволил выявить документы (более 2 тыс. листов) в хронологических рамках XIII, XVIII–XIX вв., представлявших музейную ценность (фото, рукописи), являющихся научно-вспомогательными материалами (планы г. Чистополя начала XIX – начала XX в., проекты городских усадеб XIX в.), а также выступавших историческими источниками, содержащими значимые факты для понимания местной истории. В частности, в ходе исследований был установлен факт пребывания И. Ф. Мамонтова с семьей в Чистополе, выявлена сфера его предпринимательских интересов, обнаружены делопроизводственные документы, характеризующие развитие города в XIX в. и его место в системе торговых центров Волги и Камы.

Изучение фондов Научной библиотеки им. Лобачевского и Национальной библиотеки РТ предполагало обобщение литературы и источников, освещающих историю г. Чистополя, анализ периодических изданий XIX–XX вв.: «Казанские известия», «Казанские губернские ведомости», «Известия по казанской епархии», «Красная Татария», «Прикамская коммуна» и др. В целом работа в фондах государственных учреждений была ориентирована на комплексное документирование исторических процессов.

Документирование исторического процесса музеями имеет свою специфику, обусловленную прежде всего особыми свойствами музейных предметов. Вместе с тем ответственность за изучение местной истории, когда музей выступает единственным центром, проводящим научно-исторические исследования, позволяет расширить практику документирования социально-экономических процессов. С указанных позиций, а также руководствуясь

принципом комплектования фондов материалами, относящимися к новейшей истории, освоена работа по сбору документов устной истории. За 2013–2015 гг. оформлено 17 материалов. Значительную сложность здесь составляла организация труда: определение группы респондентов, тематики, разработка вопросов с целью получения максимального результата. На сегодняшний день идет сбор воспоминаний ветеранов Чистопольского часового завода, а также тружеников тыла.

Утверждение в научно-исследовательской работе Чистопольского государственного музея-заповедника планомерного ведения как профильных, так и музееведческих исследований привело к повышению качества и появлению разности результатов в данной плоскости. В частности, наращивание объема исторической информации, точное обозначение мемориальных мест в историческом центре Чистополя позволило составить в 2013–2015 гг. три городских туристических маршрута: «Чистополь купеческий», «Прогулки с Борисом Пастернаком», «Литературный Чистополь». Маршрут, посвященный Б. Пастернаку, удостоился гран-при республиканского конкурса «ТУРИЗМ–XXI ВЕК», организованного Госкомитетом РТ по туризму в 2014 г.

К видимым результатам научно-исследовательской работы следует отнести изменение содержания периодического издания «Музейный Чистополь». Первые номера газеты (изд. с 2012 г.) несли информацию о состоявшихся мероприятиях, достижениях музея-заповедника, исторических датах, связанных с профилями музеев. Привлечение сотрудников к написанию статей имело трудности: доминировало предоставление материалов, основанных на общеизвестных фактах, не содержащих опыта исследования фондов и т. д. Острота вопроса снижалась по мере расширения вышеописанных форм научно-исследовательской деятельности. Сегодня успешно популяризируется богатство музейных коллекций, подаются материалы, содержащие новизну, раскрывающие историю своего края. Вместе с тем «Музейный Чистополь» еще не отражает всего богатства работы музея как исследовательского центра.

Требования к трансляции полученного знания, в том числе через публикации, увеличение масштабов научно-исследовательской работы привели в 2015 г. к заметному повышению интереса сотрудников к научным форумам и конференциям, росту стремления выступить с результатами своего труда. Описательность, доминирующая в ранних материалах, сменяется сегодня попытками проблемной трансляции имеющегося знания.

Коллектив успешно справляется с подготовкой материалов к изданию. По итогам 2015 г. подготовлены и изданы буклет по истории города «Чистополь – жемчужина Татарстана» [1], а также книга «Литературный Чистополь» [2]. Сборник «Литературный Чистополь», знакомящий читателей с жизнью и творчеством некоторых советских писателей периода чистопольской эвакуации (1941–1943), стал лучшим результатом профильных и музее-

ведческих исследований коллектива. В отзыве на книгу писатель, профессор Н. Б. Иванова отметила: «Краеведы и музейщики Чистополя разместили в книге множество интервью, фотографий и документов, фрагментов воспоминаний, дневников, стихи, созданные там и тогда. В Елабуге – двадцать шесть музеев. В Чистополе – пока – всего два. Но такая книга – фундамент целого музея. Осталось его открыть» [3].

Итак, разработка культурно-исторического наследия Чистополя, обязанность музея-заповедника по сохранению истории края обозначили необходимость как профильных, так и музееведческих исследований. Комплексный подход стал залогом результативности научно-исследовательской работы. При этом приведенные результаты следует рассматривать как первичные, они указывают на возможность дальнейших достижений: издание тематических сборников, оформление каталогов коллекций, путеводителей, публикацию документов. Указанная практика научно-исследовательской работы позволит успешно обозначить вектор комплектования музейных коллекций, станет залогом научного подхода в составлении концепций и создании экспозиций новых музеев. Следует также ожидать усиления роли музея-заповедника как исследовательского центра, призванного вводить в научный оборот, раскрывать имеющиеся уникальные исторические источники.

Примечания

1. См.: Чистополь – жемчужина Татарстана / сост. Д. В. Кондрашин, О. Ю. Пенченкина. Казань, 2014. – 25 с.
2. См.: Литературный Чистополь. М., 2015. – 264 с.
3. Иванова Н. Б. Пестрая лента – 11 // Знамя. 2016. № 1. С. 77.

Публикация результатов полевых исследований как одна из форм популяризации археологического наследия Волго-Ветлужья (на примере деятельности Юринского музея в Республике Марий Эл)

*Е. Г. Шалахов,
пос. Юрино, Республика Марий Эл*

Полевые исследования на эталонных памятниках археологии Марийского Волго-Ветлужья, осуществленные автором в 2008–2011 гг., позволили не только пополнить научно-вспомогательный фонд Юринского историко-художественного музея (ныне – музейная часть ГБУК РМЭ «Замок Шереметева»), но и стимулировали публикационную активность учреждения.

Первой печатной работой стала достаточно информативная статья о результатах археологических сборов в 2008 г. [1].

Обследование поселенческих памятников эпохи камня и раннего металла сопровождалось сбором подъемного материала, пригодного для изучения и экспонирования. В 2008 г. сборы проводились на стоянках и поселениях Сутырского археологического комплекса и у подножия Галанкиной Горы. Самая содержательная коллекция первобытной керамики и кремневых изделий получена нами на Сутырском V поселении. Здесь встречены многочисленные орудия охоты (наконечники стрел и дротиков) и деревообработки (тёсла и долота).

Кроме того, в публикации 2010 г. приводится подробная информация о находках на Сутырском VI поселении и на Юринской IV стоянке.

Ценность следующей работы, увидевшей свет на страницах «Музейного вестника», заключается в том, что нами впервые были опубликованы сведения о находках предметов материальной культуры русского населения Волго-Ветлужья XVIII–XX вв. Разведки на месте несуществующей ныне д. Бардичи проводились летом 2009 г.

Итоговой публикацией многочисленных находок эпохи ранней бронзы явилась статья, посвященная ритуальному объекту, выявленному на Юринской стоянке в парковой зоне «Замка Шереметева» [3].

Фрагменты лепной керамики, медные и кремневые изделия, собранные в разные годы на южном склоне археологического памятника, имеют аналогии в материалах Чирковской ритуальной площадки. Культурная практика древних обитателей Юринской стоянки, как следует из анализа вещевых комплексов и костных остатков, была связана с почитанием медведя и лося.

В нескольких выпусках «Музейного вестника», адресованного сотрудникам муниципальных музеев Республики Марий Эл, работникам образования и культуры, краеведам и этнографам региона, опубликованы материалы, отражающие характер и содержание полевых исследований Юринского музея.

Учитывая возрастающий интерес коллег к проблематике археологических исследований, мы оцениваем нашу деятельность как одну из форм популяризации древностей Волго-Ветлужья.

Примечания

1. Шалахов Е. Г. Полевые исследования Юринского историко-художественного музея им. Г. П. Лосева в 2008 году // Музейный вестник. № 4. Йошкар-Ола, 2010. С. 126–129.

2. Шалахов Е. Г. Полевые работы Юринского музея в 2009 году // Музейный вестник. № 5. Йошкар-Ола, 2011. С. 124–125.

3. Шалахов Е. Г. Об остатках «ритуальной площадки» на Юринской стоянке эпохи бронзы // Музейный вестник. № 6. Йошкар-Ола, 2012. С. 82–85.

Значение экскурсий в развитии музейного дела

В. Н. Блохин,

г. Горки, Могилевская область, Республика Беларусь

За свою историю российские музеи сформировали уникальный музейный фонд и накопили бесценный опыт сохранения и популяризации национального культурного и природного наследия. Оберегая сложившиеся традиции, российские музеи используют инновации в музейной практике, их деятельность заслуженно получила международное признание.

Музеи являются частью государственной системы сохранения культурного достояния нации и обеспечения его передачи будущим поколениям. Забота государства о сохранении и использовании культурного наследия является важнейшим фактором обеспечения преемственности, стабильного и бесконфликтного развития общества.

Богатство и уникальность музейных собраний России в значительной степени определяет ее культурный статус в мировом сообществе.

Музеи способствуют повышению образовательного уровня населения, предоставляют возможности для развития творческой, социально-ответственной личности и тем самым вносят значительный вклад в развитие человеческого потенциала России.

Важной составляющей музейного дела, а также туризма, является проведение и разработка экскурсий.

Сегодня экскурсия – это методически продуманный показ достопримечательных мест, памятников истории и культуры, в основе которого лежит анализ находящихся перед глазами экскурсантов объектов, а также умелый рассказ о событиях, связанных с ними.

Сущность экскурсии заключается в том, что это одна из форм познания окружающего нас мира, состоящая из двух важнейших элементов: показа заранее подобранных зрительных объектов в природе, окружающей действительности или помещении и рассказа о них, который выступает как пояснение зрительного ряда. Если лишить экскурсию показа, то это будет уже не экскурсия, а просто лекция или беседа. Лишенная рассказа экскурсия останется просто осмотром достопримечательностей, эффективность влияния которого на сознание экскурсантов будет минимальной.

В настоящее время экскурсия выступает как нечто законченное, целостное, имеющее свои специфические функции и признаки, своеобразную методику.

В основу любой экскурсии должны быть положены принципы, позволяющие выделить в ней главное. Их следует рассматривать во взаимосвязи друг с другом:

1. Научность – содержание экскурсии должно излагаться в соответствии с данными определенного раздела современной науки;

2. Идейность – это объективный подход к содержанию фактического материала при подготовке экскурсии и убежденность экскурсовода, излагающего этот материал экскурсантам;

3. Связь теории с жизнью – материал экскурсии должен быть увязан с жизнью, действительностью, практикой хозяйственного и культурного строительства, с теми переменами, которые происходят в стране;

4. Убедительность и доходчивость – эффективность экскурсии зависит от того, насколько понятно излагается материал, насколько он по своему содержанию доступен для аудитории [1].

Особую роль играет качество подготовки профессионального экскурсовода. Эффективность использования разнообразного арсенала педагогических технологий, направленных на повышение качества психолого-педагогической подготовки экскурсоводов, снижается из-за отсутствия четких, научно обоснованных педагогических и иных требований к личности экскурсовода. Это обстоятельство с особой остротой ставит проблему педагогического проектирования, моделирования личности экскурсовода, стимулирует дополнительный научный поиск способов изучения уровня ее готовности к экскурсионной деятельности.

Подготовка современных специалистов в сфере туризма требует оперативного реагирования на потребность образовательного рынка, что предполагает как постоянное совершенствование учебных планов и программ, так и коренную перестройку содержания подготовки экскурсоводов в системе туристического образования, направленной в первую очередь на:

- изучение глобальных, основополагающих учебных тем;
- интеграцию тем и проблем, относящихся к разным областям знаний (гуманитарных, экономических, технических и т. д.);
- использование принципа междисциплинарности;
- принцип насыщенности содержания специализированных курсов.

Экскурсовод – это особый тип профессионала, которому должна соответствовать определенная модель личности. Одной из задач подготовки экскурсоводов является формирование индивидуально-личностных, психологических, морально-нравственных качеств [2].

Стоит отметить, что эффективность любой экскурсии определяется не только выбором объекта, разработкой маршрута, знаниями экскурсовода, но и хорошим владением им техникой ведения экскурсии. От этого зависит обеспечение четкого порядка экскурсии, создание благоприятных условий для восприятия материала. Техника ведения экскурсии является составной частью профессионального мастерства экскурсовода, практическим проявлением его качеств как руководителя экскурсионной группы.

К технике ведения экскурсии предъявляется ряд требований. В их число входят: знакомство экскурсовода с группой, выход экскурсантов из автобуса, движение от автобуса к объекту, расстановка группы у объекта, возвращение в автобус, соблюдение плана экскурсии, ответы на вопросы экскурсантов, использование индивидуального текста в ходе экскурсии, работа с микрофоном и т. д.

Подойдя к группе, экскурсовод должен прежде всего познакомиться с ней. С этой целью он приветствует присутствующих, представляется группе, называет свою фамилию, имя, отчество. Затем должна быть озвучена тема экскурсии, перечислены наиболее выдающиеся памятники и знаменательные места. Это должно заинтересовать экскурсантов.

Завершая вступление, экскурсовод излагает правила поведения участников экскурсии. Важно, чтобы с самого начала экскурсовод подчинил свои действия установившимся в экскурсионной практике правилам общения с группой. Он не сразу начинает говорить, а выдерживает паузу, которая длится десять-двадцать секунд. Происходит первое знакомство, от которого во многом зависят дальнейшие контакты экскурсовода с группой. Экскурсанты мысленно оценивают предстоящую экскурсию, экскурсовод же готовится заинтересовать собравшихся людей, привлечь их внимание к теме.

При правильной организации экскурсионной работы подготовка к ней должна происходить заранее. Делают это организаторы экскурсии или турагенты.

У каждой темы – свое вступление. Если состав группы различен (например, местное население и приезжие туристы, взрослые и дети), то у одной и той же экскурсии будут разные вступления.

Экскурсоводу также необходимо внимательно следить не только за своей речью, но и за своими жестами, представляющими собой язык невербального общения, от которого в немалой степени зависит эффективность общения экскурсовода с группой. Правила сознательного, выразительного использования жестов схожи с правилами хорошего тона: с ними не рождаются, их вырабатывают, и они становятся нормой [3].

Таким образом, обозначенные принципы проведения экскурсии и подготовки экскурсовода должны стать залогом успеха любой экскурсионной деятельности. Качественно проведенные экскурсии являются важным условием привлечения посетителей в музеи, способствуют пробуждению интереса населения к историческому и культурному наследию страны.

Примечания

1. Емельянов Б. В. Экскурсоведение. М., 2007. С. 216.
2. Курило Л. В. Подготовка экскурсоводов в системе туристского образования: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08. М., 1998. – 236 с.
3. Емельянов Б. В. Указ. соч. С. 216.

Роль музеев в современном культурно-образовательном процессе

И. М. Назарова, г. Ставрополь

Вопрос о роли музеев в культурно-образовательном процессе был поставлен уже давно. Если мы обратимся к истории создания отечественных музеев, то первое, что вспоминается – это указ Петра I (1714 г.) об учреждении Кунсткамеры – музея, «полезного для студенчества».

Посетив в ходе Великого посольства целый ряд европейских государств, где уже активно функционировали музеи разного ранга, Петр I пришел к выводу о необходимости создания подобных учреждений в России именно «для пользы просвещения». Интуитивно осознав значение музеев в деле повышения культурного уровня населения, российский император отдал приказ о бесплатном входе в Кунсткамеру. Анатомическая часть коллекции Кунсткамеры (выполненная знаменитым Ф. Рюйшем) играла значительную роль в образовательном процессе при подготовке специалистов-медиков.

В XIX в. студенты Петербургской Академии художеств посещали залы Эрмитажа не просто ради удовольствия, а для учебных целей: копирования полотен великих мастеров живописи. Императрица Екатерина II, создавшая этот замечательный музей, в свое время писала в дневнике: «Жаль, что этим люблюсь только я и мыши». К счастью, этот закрытый период деятельности Эрмитажа был не длительным, и музей вскоре стал публичным, общедоступным.

Очень важным периодом в культурной жизни России стала вторая половина XIX – начало XX в. Именно в это время по всей стране стали возникать местные провинциальные краеведческие музеи, которые без ложного смущения можно назвать настоящими «рассадниками культуры».

Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе (СГМЗ), существующий ныне, является правопреемником провинциального Музея наглядных пособий, который возник в губернском г. Ставрополе именно в это благословенное время – в 1905 г.

Отцом-основателем этого музея стал замечательный человек, краевед-энтузиаст Георгий Константинович Пправе. По своему составу коллекции, формирующие фонды музея, были очень интересны и разнообразны: чучела экзотических животных, палеонтологические находки и коллекция минералов, приборы для демонстрации физических и химических опытов, модели орудий труда и книги по многим отраслям знаний.

Поначалу это была частная коллекция, но Г. К. Пправе, понимая общественную значимость собранных материалов, в 1905 г. подарил ее Ставрополю. Предметы были размещены в специально отведенном для демонстрации

зале на втором этаже здания Торговых рядов. С этого времени (и до сих пор) ежедневно гимназисты и школьники посещали наш музей, знакомясь с животным миром планеты и минералами, которые встречаются не только в нашем регионе, но в мире в целом. Уже тогда, в начале XX в., Пправе рассматривал музейные экспозиции как прекрасные варианты наглядности в обучении. Приходя в музей, гимназисты и школьники закрепляли на практике свои теоретические знания по биологии, минералогии, химии.

На пользу народного просвещения трудились многие представители прогрессивной местной интеллигенции. В их число входил известный в нашем крае археолог и этнограф Григорий Николаевич Прозрителев. Он собрал замечательную коллекцию предметов культуры и быта разных эпох, которые легли в основу фонда Музея Северного Кавказа.

В 1927 г. Музей наглядных пособий и Музей Северного Кавказа объединились, дав начало Ставропольскому краеведческому музею. Так как коллекции Прозрителева и Пправе составляют и ныне основу природоведческой и историко-этнографической части фондов музея-заповедника, имена этих людей увековечены в названии нашего музея [1].

В современное время музей продолжает выполнять собирательскую, охранную и культурно-образовательную функции. Кроме обзорных и тематических экскурсий, которые постоянно проводят для посетителей научные сотрудники музея, отдел культурно-образовательной деятельности организует для студентов и школьников г. Ставрополя и Ставропольского края лекции по самой разнообразной тематике: история городской застройки; пищевые предпочтения ставропольцев; казаки: особенности их культуры и быта; быт кочевых народов Ставрополья; особенности традиционного костюма народов Северного Кавказа; промыслы и ремесла народов Ставрополья и Северного Кавказа.

Кроме того, в Ставропольском государственном университете на историческом факультете с 1999 г. появилась музейная специализация, поэтому для студентов 2-го курса стали читать курс лекций по «Музееведению», а по окончании курса – проводить музейную практику. Музейная практика проходит на базе СГМЗ, где студенты знакомятся со структурой фондов, основными экспозициями и выставками музея [2].

В Ставропольском университете (ныне Северо-Кавказский федеральный университет) с 1995 г. студенты исторического факультета изучают курс «Этнография народов Северного Кавказа» [3]. На базе отдела этнографии СГМЗ для них проводят практические занятия, на которых студенты наглядно знакомятся с образцами традиционного костюма горских и кочевых народов региона, с предметами их быта и материальной культуры. В частности, в зале этнографии у нас смонтированы интерьеры юрты, горского и казачьего дома с полной обстановкой. Такого типа занятия вызывают большой ин-

терес у студентов, потому что они видят реальное воплощение того, что изучали как теорию.

Например, при изучении темы «Костюм горских народов Северного Кавказа» в зале этнографии можно увидеть образцы подлинной одежды горянки и горца. Исторические фотографии, которые дополняют видеоряд, помогают наглядно представить себе эволюцию костюма и его особенности.

Хранящиеся в фондах нашего музея костюмы датируются рубежом XIX–XX вв. В это время в женском костюме произошли заметные изменения: кафтанчик, который раньше носили под распашным платьем, стали заменять нагрудником. На нагрудник нашивали все металлические застежки и украшения, которые ранее были нашиты на кафтанчике. Именно такие варианты женской одежды сохранены у нас в музее.

В экспозиции также представлены два образца роскошных женских шалей белого и сиреневого цвета с ручной вышивкой в технике глади и бахромой по краю, выполненной в технике басонного плетения.

Фотографии начала XX в. подтверждают тот факт, что традиция ношения платка замужними женщинами поддерживалась лишь старейшими представительницами знатных семейств. Женщины среднего возраста позволяли себе появляться на людях без платка, но их волосы были аккуратно уложены в модные прически, выполненные профессиональным парикмахером – влияние городской европейской моды того времени.

Неизменный интерес и у посетителей, и у студентов вызывают ходоульки (дополнение к праздничной обуви). Ходоульки, хранящиеся в нашем музее, выполнены из темного дерева, декорированы слоновой костью – это настоящее произведение декоративно-прикладного искусства, образец деятельности северокавказских мастеров-деревообрабочников и косторезов.

В витринах зала этнографии можно увидеть черкеску, бешмет, бурку и настоящие горские сапоги без подошвы и каблука из хорошо выделанной тонкой кожи. Комплект мужской одежды дополняет каракулевая папаха, кожаный ремень, шашка и ногайка. Образцы женского рукоделия представлены в виде девичьих шапочек, а также вышитых шелком и золотыми нитями кисетов и кошельков.

Интерьерная экспозиция – горский дом – дает представление не только об обстановке собственно дореволюционного жилища горцев региона, но и массу интересной информации о ремесленных занятиях горцев, об этикете внутреннего пространства дома и многом другом. Большой интерес, как правило, вызывают мебель и посуда, размещенные в интерьере. Несмотря на свою простоту, они функциональны и достаточно изящны. Привлекают внимание резные деревянные ложки и вилки, керамическая, металлическая и кожаная посуда.

Войлочные ковры, декорированные аппликациями и тесьмой, драгоценные образцы парадной посуды и парадного вооружения горцев дают представ-

ление о мастерстве и таланте горских рукодельниц, мастеров-оружейников и ювелиров. Представление о духовной культуре горских народов Северного Кавказа дают сохранившиеся с начала XX в. разнообразные музыкальные инструменты: барабаны, бубны, трещотки и горская скрипка.

Таким образом, можно отметить огромную роль музейных экспозиций в культурно-образовательном процессе. Несмотря на засилье видео- и телепродукции, современные студенты с огромным удовольствием (и пользой) знакомятся со старинными образцами материальной и духовной культуры народов северокавказского региона, что позволяет им глубже освоить изучаемый курс и в дальнейшем относиться с уважением не только к культуре, но и к носителям этой культуры – представителям соседних народов, чьи мастера оставили нам такие замечательные предметы, характеризующие их быт и повседневную жизнь.

Примечания

1. Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Паве. Роман о музее / авт.-сост. И. Селунская. Пятигорск, 2005.
2. Музейная практика: программа и методические рекомендации по организации и прохождению учебной практики студентов 2 курса факультета истории, философии и искусств. Сб. методических мат-лов / сост. И. М. Назарова, Л. П. Ермоленко. Ставрополь, 2014.
3. Этнология народов Северного Кавказа: учебное пособие / авт.-сост. И. М. Назарова. 2-е изд., доп. Ставрополь, 2014.

Педагогический музей в образовательном пространстве региона

Н. Л. Головизнина, г. Киров

В условиях вариативности образования, учитывающей различные возможности и способности учащихся, идет процесс формирования разнообразных образовательных институтов, которые обеспечивают полноценное развитие ребенка, создают условия для его социальной реализации. При этом сегодня нельзя строго закрепить определенные функции за отдельными образовательными институтами. Только интегрированная деятельность их может привести к прогрессивному развитию образовательной системы в целом.

Площадками, на базе которых осуществляется данный процесс интеграции, развивается интеллект, умение работать с информацией, коммуникативная культура, готовность к интеллектуальному труду в любой сфере деятельности, являются образовательные учреждения, позитивная позиция которых заключается в том, что школьное образование обогащается достижениями

науки и культуры. В их числе особую роль сегодня призваны играть музеи различного ранга и уровня [1].

Музей сегодня – это место, где осуществляется специальная образовательная деятельность, а также формируются множественные связи и отношения, способствующие развитию личности учащегося, педагога, родителя. Музей является не просто важнейшим фактором приобщения к опыту поколений, но фактором личностного, социального развития [2].

Кировский областной музей истории народного образования отвечает как традициям российской школы прошлого, так и гуманистическим идеям современной педагогики.

По профилю это историко-педагогический музей. Основная его концептуальная идея – продолжение положительной традиции, заложенной педагогическими музеями России в конце XIX – начале XX столетия, призванными не только документировать историю образования, но и стать настоящими общественными центрами, разрабатывающими и пропагандирующими актуальные проблемы педагогической науки, обеспечивающими единение педагогов, как теоретиков, так и практиков. В 1911 г. в Вятке были открыты педагогический музей наглядных пособий и педагогическая библиотека. Заведующей была назначена учительница начальных классов, выпускница Вятской женской Мариинской гимназии Мария Николаевна Полкова.

У музейного пространства есть элементы, которые не осознаются, однако оказывают большое влияние на развитие человека. Очевидно, что они стоят в одном ряду с такими педагогическими категориями, как атмосфера или дух школы. На основе требований, предъявляемых к современному образованию и воспитанию, можно говорить о том, что музейные ценности, среди которых главные – человеческая личность и продукты ее высшего мастерства, становятся в ходе формирования пространства музея значимыми для каждого его субъекта [3].

Осознание особой роли музея в системе современного образования требует особого подхода к созданию программ работы не только с самыми различными категориями учащихся, но педагогами, населением региона в целом.

В основе разрабатываемых программ как одна из основополагающих лежит идея постепенного продвижения от музейного просвещения к музейной педагогике. Это позволяет успешно решать проблемы, связанные с вопросами наукоемкости, психологизации, индивидуализации, гуманизации, непрерывности образования.

Важнейшей составляющей данной деятельности является постоянный мониторинг музейной аудитории. В результате чего выявлено, что 40% посетителей музея составляет студенческая молодежь, 30% – учащиеся общеобразовательной школы, 4% – дошкольники, 26% – другие категории граждан. Каждая из названных социальных групп требует реализации собствен-

ных запросов в специальных музейных программах. При этом идет процесс, направленный, с одной стороны, на обновление базовых форм работы музея с посетителем, с другой – на применение новых технологий музейного образования.

Школа очень живой, постоянно развивающийся организм. Поэтому педагогический музей должен быть в курсе как новых педагогических технологий, так и вновь создающихся образовательно-воспитательных моделей.

Становлению инновационных форм музейного образования способствует партнерство с другими образовательными институтами, результатом чего является создание школы юных исследователей «Триз» и Областной очно-заочной историко-краеведческой школы.

Отмечая особую роль музея в формировании исследовательской культуры, приобретении опыта творческой деятельности и развитии ценностно-эмоционального отношения к миру у учащихся, необходимо остановиться на деятельности Областной очно-заочной историко-краеведческой школы и создании творческой лаборатории для педагогов, занимающихся исследовательской, проектной деятельностью.

Итоговым продуктом образовательной деятельности обучающихся в историко-краеведческой школе, подлежащим публичной защите и независимой экспертизе, является исследовательская работа по избранной проблеме. Она строится не на традиционном усвоении прописанных в учебнике истин, а на изучении исторических источников. Немаловажное место в их числе занимают музейные предметы, семейные реликвии. Поэтому стало необходимым ввести в учебную программу школы изучение основ музееведения.

В частности, для того, чтобы постичь язык музейного предмета, прочесть закодированную в нем историческую информацию, обучающиеся должны хорошо разбираться в таких понятиях, как его атрибуция и интерпретация, монографическое исследование. Мы обучаем тому, как в громадном многообразии предметов реального мира выявить те, которые призваны носить особый статус музейного экспоната. Познание сути музейного предмета, интерпретация содержащейся в нем информации невозможна без опоры на основные положения герменевтики, науки, нацеливающей на выявление за вещь конкретное историческое событие, понимание знаковой его сущности. Знаковая сущность тяготеет к общественной сфере, выражает принятые в ней нормы: социальный статус владельца или мастера, его этическое происхождение, образование... Следовательно, музейный предмет может рассматриваться закононосителем или знаковым средством, что означает, что в его предметности содержится семиотическая функция, а именно функция знака, которая состоит в учитывании культуры прошлого в культуре настоящего.

Успешной работе музея с учащимися в области проектно-исследовательской образовательной технологии способствует местонахождение музея, дающее интереснейшие темы для самостоятельного исследования и проекта. Это знаменитая на памятники истории и культуры улица Московская. Именно по ее деревянным тротуарам бежала в Вятскую женскую Мариинскую гимназию Нина Агафонникова, а на пересекающей Никитской ул. стоит дом, где жила ее семья. В коллекции музея хранится часть личных дневников Нины, рисунки, фотографии, письма друзей, позволяющие реально ощутить себя ее современником, увидеть себя в числе ее друзей, прочитать книги и пережить те чувства, которые испытала она, рисовать вместе с ней театральные программы и очень желать, чтобы приобрела их госпожа губернаторша.

Погружение в музейно-историческую предметно-пространственную среду оправданно считается системой параллельного обучения. И, что не менее важно, открытие времени через музейные образы, предметы, документы, городскую среду формирует потребность общения с культурными ценностями, формирует идеалы, развивает нравственно-эмоциональную сферу личности.

Необходимость развития музейной культуры у учащихся начальных классов заставило разработать цикл интеллектуальных игр с музейными предметами, в которые активно включаются и дошколята: «Я – ученый», «Пуговка», «Первоклассница», «Тетрадь Оксаны Бугаевой» и др.

Для студенческой молодежи на протяжении последних лет результативно действует спецкурс по музееведению. В ходе его прохождения подробно рассматривается история становления музееведения как науки; складывание культурного феномена музея; определяются свойства, информационный и духовный потенциал музейного предмета. Студенты на практике овладевают основами музейного дела, создают продукты интеллектуальной деятельности, связанные с монографическим исследованием музейных предметов, участвуют в создании музейной издательской продукции, вносят реальный вклад в просветительную программу музея.

Многоступенчатость, многогранность, громадный образовательный потенциал музейного образования связан с поиском новых форм общения с педагогом. На протяжении последних трех лет музей является членом регионального отделения общероссийского общественного движения творческих педагогов «Исследователь». Музей принимает активное участие в развитии системы подготовки педагогов к исследовательским методам обучения. В этом аспекте необходимо отметить работу двух экспериментальных площадок, позволяющих эффективно реализовывать исследовательскую деятельность: «Инновационные технологии в сельской школе» (Малоконьпская школа Кирово-Чепецкого района и средняя школа с. Полом – базовая по развитию краеведения в Кирово-Чепецком районе)».

В целом музей чутко и мобильно реагирует на все новации, которые переживает сегодня школа. Нередко он становится тем местом, где впервые апробируются и «начинают свою жизнь» в педагогическом сообществе региона технологии, вырастающие из проектов, пионерских по своей сути. Работая на имидж системы образования, музей не только фиксирует вчерашний опыт учительства, но и стремится сосредоточить в своих фондах материал, документирующий современность. На протяжении последних лет музей активно формировал персональный фонд главы департамента образования А. М. Чурина (1988–2015), большую часть которого составляют его статьи, тексты выступлений. Несомненно, для будущего историка образования эти материалы позволят достоверно сказать о реформировании системы регионального образования в 1990-е гг. – начале XXI в.

Историко-педагогический профиль музея определяет его позицию в образовательном пространстве как места, не только реализующего современные педагогические технологии, но и активно внедряющего основы музееведения в практику школьного музейного строительства. В данном отношении необходимо особо отметить участие в создании школьного музея истории с. Среднеивкино Куменского района, который уже на стадии разработки документации был удостоен медали Януша Корчака.

В сфере научно-методических интересов педагогов музея вопросы организации проектно-исследовательской деятельности, учебниковедения, музейной педагогики, вещеведения, организации музейного пространства, использования информационно-культурного потенциала музея в образовательной сфере, патриотического воспитания граждан и др. В данном контексте важными являются встречи с учеными и педагогами, работающими по авторским программам, комплектование в библиотеке раздела их методических наработок, их персональные выставки.

Не оставлены без внимания и люди «зрелого возраста». Пример и опыт ветеранов педагогического труда необходим современной школе, педагогу, родителям. Без сомнения, в данном случае музей может гордиться тем, что на протяжении многих лет является местом, где ежегодно в день рождения заслуженного учителя РСФСР, кавалера двух орденов Ленина А. Н. Тепляшиной собираются ее ученики. Ежегодно проходит церемония вручения премии ее имени лучшим учителям начальных классов области. Свою эстафету сегодня тепляшинцы – так называют себя ее воспитанники, а свое общество «Теплушкой» – передают лауреатам премии А. Н. Тепляшиной, которые создали свою Ассоциацию. Они организуют форумы, слеты под названием «Педагогика сердца», проводят мастер-классы, праздник Первого учителя.

Характеризуя основные направления деятельности музея, нельзя не остановиться и на вкладе педагогов музея в историческое наследие вятской шко-

Музей книжной культуры Республики Коми: первые итоги и перспективы

*Е. Н. Сердитова,
г. Сыктывкар, Республика Коми*

лы и учительства, что по достоинству оценено научным, краеведческим, педагогическим сообществом края. В числе музейных изданий особое место занимают каталоги, содержащие подробное описание наиболее ценных и уязвимых для времени фондовых коллекций. Обязательной частью каталога являются методические рекомендации для организаторов школьных музеев по обработке музейных коллекций, их описанию, хранению, использованию в просветительных целях.

Результаты музейных изысканий находят место на страницах научных сборников конференций, инициатором и организатором которых нередко является музей. В их числе «История музыкального образования и музыкальная культура Вятки», «Традиции православной педагогики», «Вятка: народное образование и благотворительность» и др.

Раскрывая значимость позиции педагогического музея в современной системе образования нельзя забывать, что музей – это интереснейшее зрелище. Кажущееся заимствование многого у театра, библиотеки, самой школы не лишает его свойственной только ему неповторимости, уникальности. И связано это, конечно, с феноменом музейного предмета. Он – главный герой наших экскурсий, по сути моноспектаклей, актов лекций, мастер-классов, семинаров, конференций, интеллектуальных игр. Беспроигрышна ставка и сегодня, при наличии медиа-средств, именно на него. Но диалог с ним может состояться при одном условии: знания языка музейных предметов. Этому стремимся мы научить нашу аудиторию. И более того, осознание музейного предмета частью национального достояния является важным с точки зрения не только образования, но и воспитания. Поэтому глубинное познание предметов окружающего мира имеет нравственный, воспитательный аспект, направленный на формирование исторического сознания, определение своего места в мире как свободно мыслящей личности.

В целом уникальность, современная востребованность, глубокий образовательно-воспитательный, научный потенциал, наличие широкого диапазона уникальных возможностей эмоционального воздействия позволяет Областному музею истории народного образования вместе с другими учреждениями успешно строить в области единое образовательное пространство.

Примечания

1. Троянская С. Л. Музейная педагогика и ее образовательные возможности в развитии общекультурной компетентности: учебное пособие. Ижевск, 2007. С. 78.
2. Создание воспитательного пространства (концепция, программы, технология, методики). СПб., 2005. С. 314.
3. Шляхтина Л. М. Основы музейного дела: теория и практика. М., 2010. С. 21.

Музей в библиотеке – идея с большим стажем, разнообразным опытом и множеством вопросов, некоторые из которых не нашли однозначного ответа и по сей день. Это и нормативная основа деятельности, правовой статус, и обретение своего места, ниши в общекультурном пространстве.

Однозначен и очевиден однако тот факт, что такие музеи есть, и есть к ним интерес и у самих библиотекарей, и у пользователей библиотек. Н. Ф. Фёдоров, русский мыслитель и философ, писал: «Чтение, как препровождение времени, как развлечение, есть профанация книги, и библиотека не исполняет своего назначения, когда делается только читальнейю» [1], – и развивал идею об огромном значении библиотек и музеев как очагов духовного наследия, центров собирания, исследования и просвещения, нравственного воспитания. Он считал, что библиотека и музей должны составлять одно целое и по духу, и по содержанию. Главные факторы появления в наше время библиотечных музеев выделены ведущим научным сотрудником Российской государственной библиотеки С. Г. Матлиной [2]. В их числе и усиление интереса людей к собственным историческим корням, в частности – к библиотечному краеведению. В последние годы наряду с традиционным сбором, хранением и продвижением краеведческих документов весьма популярна поисковая, архивная и музейно-собираТЕЛЬСкая работа.

Сегодня музейно-мемориальная деятельность – одно из направлений культурно-просветительской и научно-исследовательской деятельности библиотек. Реализуются все новые проекты как виртуальных, так и реальных, «живых» библиотечных музеев, музейных комнат, мемориальных уголков. Каждый из них имеет свое неповторимое лицо и предоставляет новые возможности для повышения интереса к библиотеке как к хранилищу ценных исторических документов, комфортному месту для интересного и «не пустого» времяпрепровождения.

23 декабря 2014 г. состоялось открытие Музея книжной культуры Республики Коми при Национальной библиотеке Республики Коми. И, несмотря на то, что это событие произошло в разгар предновогодних хлопот и праздничных мероприятий, оно не осталось незамеченным. На открытие пришли и представители руководящих органов культуры республики, и общественные деятели, и ученые, и журналисты.

От рождения идеи до ее реального воплощения прошло несколько лет. Началась история музея еще в 1990-е гг., когда в библиотеке был создан сек-

тор редкой книги. Именно тогда идея, витавшая в воздухе, начала, что называется, «обрастать плотью». Появились первые проекты, пробные попытки применить методы музейной работы к традиционной библиотечной массовой деятельности. Присоединение Национальной библиотеки Республики Коми к проекту Российской государственной библиотеки «Общероссийский свод книжных памятников» и создание в 2012 г. Регионального центра по работе с книжными памятниками дали мощный импульс к началу реализации давнишних планов. Министерство культуры Республики Коми поддержало проект создания в библиотеке Музея книжной культуры.

Важнейшим начальным этапом стало осмысление миссии будущего музея, его целей и задач. Было решено, что Национальная библиотека как крупнейшее книгохранилище региона и краеведческий депозитарий имеет все основания и возможности для реализации в своей музейно-мемориальной деятельности концепции всестороннего охвата истории коми книжности. В научной концепции основной экспозиции музея отразились важнейшие этапы истории книжной культуры края от истоков к современности: возникновение и развитие коми письменности от времени миссионерства Стефана Пермского, начало книгоиздания на языке коми в России и в самом зырянском крае, первые объединения коми литераторов, история библиотек и библиотечного дела республики.

Главное место в экспозиции занимает, естественно, книга. В основе – издания из фонда краеведческого депозитария, отдела краеведческой и национальной литературы, отдела иностранной литературы, фонда редкой книги, а также отдела периодических изданий. Труды отечественных и зарубежных ученых (прижизненные издания) отражают неослабевающий на протяжении нескольких столетий интерес исследователей к языку зырян. Издания первой в Коми типографии З. Следникова иллюстрируют такой важный этап истории книжности, как начало книгоиздания на территории края в 1906 г. Именно в этой типографии напечатана в 1920 г. и первая книга первого коми издательства – «Букварь» («Лыфдыгыны Велöдчан») В. Молодцова на коми языке. Мы показываем и сегодняшний день коми книгоиздания: каждое из действующих современных издательств представлено своей первой книгой, выпущенной в свет.

Историю и деятельность муниципальных библиотек края ярко отражают как их собственные издания, так и рекламная, сувенирная продукция, а также интереснейшие документы советского периода из архива Национальной библиотеки Республики Коми. Разумеется, важнейшие факты из истории самой Национальной библиотеки нашли свое место в экспозиции. Показать эту историю мы решили не только сухим языком цифр и иллюстративным фоторядом, но и через книжные знаки, которые естественным образом меняли свой облик с каждой сменой названия и статуса библиотеки. Генеалогия би-

блиотеки начиная с 1837 г. изучается давно, и наше библиотечное генеалогическое древо занимает видное место в ряду экспонатов.

Историческая реконструкция рабочего места читателя конца 50-х – начала 60-х гг. XX в. (мемориальный уголок) погружает нас в первые годы существования библиотеки в новом, специально построенном для нее в 1958 г. здании. Именно тогда, одновременно с новым домом, библиотека получила и новое имя – имя В. И. Ленина.

Разумеется, музей, даже посвященный книге, без предметного ряда – просто книжная выставка. Поэтому с самого начала реализации проекта ведется работа по сбору различных «не книжных» экспонатов. В первую очередь это, конечно, предметы, имеющие отношение к книге, грамоте, письму. В период подготовки музея к открытию Национальная библиотека объявила в СМИ (в том числе и в социальных сетях, и на портале библиотеки) об акции «Новый взгляд на старые вещи». Это обращение к читателям, ко всем любителям книги и чтения, к каждому жителю республики о том, что любая вещь, относящаяся к книге, чтению, письму, особенно вещь «с историей», найдет свое место в Музее книжной культуры, а имя ее бывшего владельца – в почетном списке дарителей. И на сегодняшний день в фонде нашего музея хранится более 50 предметов, полученных нами в дар от читателей. Это перьевые и шариковые ручки, сувениры, памятные значки, раритетные открытки, настольные лампы и даже печатная машинка, принадлежавшая в 50-е гг. XX в. одному из коми писателей. Дарят и книги: издания с автографами выдающихся земляков, изоиздания и редкие журналы.

В соответствии с образом внутреннего наполнения придумывался и внешний образ музея, его художественное воплощение. В рамках проекта открытия музея был создан и дизайн-проект, призванный создать достойное оформление экспозиции, особенное настроение. Сегодня помимо специальных витрин у нас есть возможность использования различных световых решений для демонстрации экспонатов. Некоторые сложности с финансированием не позволили нам полностью реализовать все задумки художника к открытию музея, работа по его оборудованию необходимой экспозиционной мебелью и техникой, по приведению его облика в полное соответствие с художественным проектом ведется и сейчас, и будет продолжаться еще не один год, но музей открыт и успешно работает.

Экспонирование бумажных документов, редких книг, книжных памятников требует особых условий, и совершенно естественно, что при создании музейного пространства были учтены и требования сохранности. Экспонаты защищены от прямых солнечных лучей, от длительного воздействия источников искусственного освещения, для предотвращения попадания пыли используются закрытые витрины, экспонирование сшитых документов в открытом виде производится кратковременно.

За первые месяцы своей жизни наш музей стал не просто выставочным залом, но местом, куда приходят жители города и республики для того, чтобы узнать историю края через историю книги. Одна за другой проходят экскурсии по экспозиции, проводятся краеведческие встречи, заседания клубов.

Мы активно привлекаем к музейной работе всех, кто неравнодушен к истории и книге, кто может принять участие и словом и делом. Практически сразу после открытия музея при нем по инициативе сотрудников фонда редкой книги появился клуб «Коллекционер-книжник». Участники клуба – сыктывкарские библиофилы, обладатели богатых личных собраний, люди замечательные и по биографиям, и по истории создания их коллекций, и по уровню эрудированности. Это, к примеру, член Национального союза библиофилов России Анатолий Александрович Попов; доцент СыктГУ, историк Николай Иванович Сурков; член международного общества пушкинистов (США) Иван Иванович Свистельник и другие не менее значительные персоны. Интересы наших книжников не ограничиваются собственно книгой, в их коллекциях календари, марки, значки, предметы медальерного искусства. Также в «зоне внимания» участников клуба этническая музыка, игрушки и даже посуда (коллекция заварочных чайников). И все это многообразие коллекционерских жанров непременно находит свое отражение в экспозиции нашего музея либо как предметный ряд, обрамляющий книжную историю, либо как главные экспонаты, но с неперемным «книжным акцентом».

Заседания клуба, встречи коллекционеров с читателями – это потрясающие по своей положительной энергетике мероприятия. Они дают возможность каждому раскрыть свой творческий потенциал, получить бесценный опыт, войти в совершенно особый мир коллекционирования вообще, и редкой книги в частности. Выставка-встреча «Редкости книжные и не только» стала первой под знаком клуба коллекционеров. Участники клуба представили свои коллекции лучшими экспонатами: календари, миниатюрные издания пушкинской тематики, геральдика Республики Коми. Жители города, побывавшие на этих встречах, узнали о том, как начинается коллекция и о том, как стать настоящим, грамотным коллекционером, а не просто собирателем. Беседы получились живыми, увлекательными и весьма познавательными.

Необходимо отметить, что сотрудники фонда редкой книги представляют наиболее интересные результаты своей исследовательской работы участникам клуба и получают весьма интересный и профессиональный разбор этой деятельности, в том числе и идеи для продолжения того или иного исследования, для новых мероприятий, для формирования коллекций.

Отмечая первый год со дня рождения нашего музея, мы подводим и первые итоги. В цифрах это выглядит так: 400 посетителей (индивидуальных и в группах), 52 массовых мероприятия, более 40 благодарственных записей от наших посетителей на специальных настенных листах отзывов, из кото-

рых мы составили уже небольшую коллекцию. В наших планах есть место и развлекательно-познавательной деятельности, и научно-исследовательской работе. Приобретаются и формируются новые коллекции, продолжается изучение истории формирования фондов Национальной библиотеки Республики Коми на разных этапах развития страны и региона. Результаты этих исследований непременно будут отражены и в пространстве музея книжной культуры.

Анализ исторических фактов и событий, относящихся к коми книжности и истории края в целом, необходим и для организации экспозиции, и для грамотной экскурсионной работы, и для развития музея. Только в развитии, в постоянном движении – жизнь. В том числе и жизнь музея как места культуры, общения и знания.

Примечания

1. Фёдоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Фёдорова. Т. 2. М., 1913. С. 398–473.
2. Матлина С. Г. Нужны ли библиотекам музейные подразделения? // Библиотечное дело. 2007. № 18 (66). С. 2–6.

Развитие Литературного музея имени К. В. Иванова в г. Чебоксары Чувашской Республики

*А. А. Бронникова, И. А. Диарова,
г. Чебоксары, Чувашская Республика*

Литературный музей имени К. В. Иванова – филиал Чувашского национального музея – был открыт в октябре 1940 г. Создание музея чувашской литературы и искусства было приурочено к 50-летию со дня рождения классика чувашской литературы К. В. Иванова. В начале Великой Отечественной войны музей временно был закрыт.

В 1957 г. экспозиция вновь была открыта в бывшем доме купца Н. Корытникова. В 1978 г. в связи со строительством Чебоксарской ГЭС музей, попавший в зону затопления, был закрыт. 27 мая 1990 г., к 100-летию со дня рождения К. В. Иванова, Литературный музей возродился в самом центре г. Чебоксары (ул. Ленинградская, №29/20). Общая экспозиционная площадь составляет 952 кв. м.

Музей носит имя основоположника чувашской литературы. К. В. Иванов (1890–1915) – учитель Симбирской чувашской школы, переводчик, художник, классик чувашской поэзии, автор бессмертной поэмы «Нарспи». Поэма «Нарспи» – энциклопедия жизни народа, сохранившая древние чувашские

языческие обряды и обычаи. Трагедия любви Нарспи и Сетнера сопоставима с шекспировской драмой «Ромео и Джульетта».

Экспозиция музея знакомит посетителей с этапами развития чувашской литературы со времени ее зарождения до наших дней. Отдел дореволюционной литературы рассказывает об истоках чувашского народного творчества, о первых чувашских писателях и развитии чувашской литературы до 1917 г. Особо выделено творчество К. В. Иванова. В интерьере кабинета экспонируются мемориальные вещи поэта, среди которых – самодельная пишущая машинка, письменные принадлежности, рукописи и рисунки.

Питательной средой для произведений чувашских писателей часто являются древние верования, народные обычаи и обряды. Около селений до сих пор можно встретить ограды Киремет – языческого божества, требовавшего регулярных жертвоприношений. Диорама «Киремет» работы художника Ю. Матросова рассказывает о месте обрядов и жертвоприношений в жизни народа.

По картинам художника В. Агеева можно составить представление о народных обрядах и праздниках. Каменные столбы – надмогильные памятники со следами забытого рунического письма, старинная вышивка раскрывают богатый духовный мир чувашского народа в устнопоэтический период развития литературы.

Особый интерес представляет раздел «И. Я. Яковлев и Симбирская чувашская школа». Первый чувашский алфавит, первый чувашский букварь, первые книги для чтения на чувашском языке, первые чувашские учебники, переписка между И. Я. Яковлевым и И. Н. Ульяновым, диорама «Приезд И. Я. Яковлева в чувашскую деревню», работы художника В. Семенова рассказывают о жизни и деятельности просветителя народов Поволжья. Экспонаты следующего раздела повествуют о формировании чувашской интеллигенции из выпускников Симбирской чувашской школы.

Отдел «Зарождение и развитие чувашской литературы» знакомит с творчеством поэтов, писателей и драматургов: Н. Никольского, Т. Семенова (Таэр Тимкки), А. Княгининой (Васса Анисси), Н. Полоруссова-Шелеби, М. Сеспеля, Ф. Павлова, И. Максимова-Кошкинского, П. Осипова, С. Эльгера, Н. Васянки, П. Хузангая, С. Аслана, В. Давыдова-Анатри, А. Воробьева, Г. Ефимова, А. Алги, Т. Педеркки, Н. Евстафьева, Г. Орлова, М. Трубиной, А. Талвира, А. Артемьева, Л. Агакова, И. Петровой-Нарс, А. Эсхеля, М. Ухсай, С. Шавлы, Н. Айзмана и многих других литераторов, деятелей культуры и искусств Чувашской Республики.

Достойное место в музее занимает раздел, посвященный литераторам-фронтовикам, в котором экспонируются рукописные блокноты военных корреспондентов, сборники стихов военного времени, фотографии и личные вещи литераторов Чувашии – участников Великой Отечественной войны.

Отдел современной чувашской литературы представлен материалами Н. Терентьева, В. Эльби, М. Юхмы, Ю. Семендера, П. Афанасьева.

В литературном салоне при музее проводятся презентации книг, вечера поэзии, вечера памяти, творческие встречи поэтов и прозаиков со школьниками и студентами, литературно-музыкальные вечера с участием актеров ЧГАДТа, кукольного театра, ТЮЗа; солистами Чувашского государственного театра оперы и балета, Чувашской государственной академической капеллы; детскими и взрослыми коллективами художественной самодеятельности.

Через выставки музей осуществляет живую связь с современностью. Каждая из них отражает новую грань жизни, обычаев, быта, характера горожан. Сегодня в музее можно посетить выставочные экспозиции, в которых отражены исторические события, времена, судьбы наших земляков.

Музеи играют важную роль в сохранении национального наследия народов Российской Федерации. Они являются основой «культурного каркаса» России, который обеспечит эффективную охрану и использование ее национального наследия. Основная роль любого музея – помочь людям вступить в мир искусства не как его пассивный наблюдатель, а как его полноправный участник. Музеи России в силу масштабности и уникальности, исключительно высокого уровня своих коллекций представляют собой явление общечеловеческой значимости.

Новый этап в истории Слободского музея (о музеефикации объектов историко-культурного наследия)

*Т. М. Долматова,
г. Слободской, Кировская область*

В 2016 г. Слободскому краеведческому музею исполняется 95 лет. Как и многие муниципальные музеи, он неразрывно связан с городом, в котором находится, являясь его коллективной памятью и гордостью.

«Центром вятского мироздания» назвал г. Слободской известный архитектор-реставратор Б. В. Гнедовский [1]. Городу во многом удалось сохранить свой архитектурный облик XVIII – начала XX в. В настоящее время здесь находится 156 объектов разного статуса (памятники истории и культуры федерального и регионального значения, выявленные объекты, объекты, представляющие историко-культурную ценность) [2]. Это богатство расположено на территории города, занимающего всего 49,6 кв. км и насчитывающего 34 тыс. жителей. Сохранять такое наследие нелегко. Большая роль в этом принадлежит Слободскому музейно-выставочному центру, ведущему

работу по пропаганде наследия и занимающему шесть исторических зданий и шесть усадебных построек.

Многие проекты Слободского музея направлены на сохранение историко-культурного наследия. Один из них – «Жемчужина Вятского края» – стал победителем грантового конкурса «Музеи Русского Севера». Проект предусматривал создание мультимедийной экспозиции, показывающей облик города второй половины XIX – начала XX в., и открытие пункта коллективного доступа к информации о городских зданиях [3].

Действенным путем сохранения и использования памятников истории и культуры, исторических ландшафтов является музеефикация.

В настоящее время перед Слободским музейно-выставочным центром стоит задача освоения сразу нескольких объектов, наиболее масштабным из которых является открытие музея в здании по адресу ул. Советская, 91.

Особняк был построен известным слободским купцом Ксенофонтом Алексеевичем Анфилатовым (1761–1820) в 1790-е гг. Документальное подтверждение этому приводит Г. А. Замятин в своей книге «Ксенофонт Алексеевич Анфилатов. Очерк его жизни и деятельности», изданной к столетию Слободского общественного Анфилатова банка: «План каменного двухэтажного дома для постройки купцу Ксенофону Алексею сыну Анфилатову на отведенном месте по улице Глазовской подписан губернатором Федором Федоровичем Желтухиным 13 мая 1791 года по старому стилю, а план месту подписан 10 января 1792 года» [4]. План места был составлен «для построения на оном каменного дому да двух флигелей, каждый по пяти сажень, в улице Глазовской, на углу улицы Поповской...» [5]. Глазовская – ныне Советская, Поповская – ныне улица Степана Халтурина. Подтверждают первоначальную принадлежность здания К. А. Анфилатову и данные Государственного архива Кировской области – «Книга для записи городских обывателей в Слободском за 1799–1801 гг.» [6]. Хотя долгое время домом К. А. Анфилатова в г. Слободском считалось другое здание (современный адрес – ул. Ленина, 61), построенное в более ранний период [7].

В фондах Слободского музейно-выставочного центра сохранился подлинный план дома [8].

После банкротства К. А. Анфилатова в 1812 г. каменный дом в Слободском со всеми службами и подворной землей был описан полицией. В 1815 г. с трехкратного аукционного торга дом за 16 тыс. руб. был куплен слободским купцом второй гильдии Петром Николаевичем Платуновым [9].

Последними владельцами дома были представители купеческого рода Ончуковых. Петр Гаврилович Ончуков был удостоен звания потомственного почетного гражданина. Грамота на почетное гражданство хранится в фондах Слободского музейно-выставочного центра [10]. Его сын Михаил Петрович, унаследовав дом, в 1890 г. расширил его, пристроив к старому зданию

два крыла. Здание считалось одним из красивейших в г. Слободском. Как известно, сам хозяин Ончуков в доме бывал лишь наездами, но за порядком в нем строго следили служащие. Память о первом владельце дома – К. А. Анфилатове – сохранялась и в это время. Так, во время торжественного празднования 100-летия Анфилатовского банка, с разрешения Ончуковых именно в этом доме было решено дать торжественный праздничный обед в честь замечательного события [12].

В 1918 г. здание было национализировано и стало главным административным зданием города. До 1974 г. в нем находился городской комитет партии и городской исполнительный комитет. В годы Великой Отечественной войны здесь был расположен эвакогоспиталь № 1734. После строительства нового здания для администрации города и района, партийных органов, здание было передано под Дом пионеров (после 1991 г. – Дом детского творчества).

Ныне оно переходит Слободскому музейно-выставочному центру для размещения краеведческого музея, выселяемого из здания Благовещенской церкви, которое по Федеральному закону от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ передается РПЦ.

Как известно, просто перевести музей в новое здание нельзя, нужно создавать новый. В связи с этим встал вопрос о концепции нового музея. Благодаря победе в конкурсе «Музейный десант» Благотворительного фонда В. Потанина к работе над концепцией удалось привлечь известного проектировщика, кандидата исторических наук В. Ю. Дукельского, который выступает в качестве внешнего куратора. В разработке участвуют также ведущие сотрудники Слободского музейно-выставочного центра и привлеченные специалисты.

Общая площадь новых помещений – около 1500 кв. м. В здании сохранились камин, паркеты, лепные украшения конца XIX – начала XX в. Сохранилась мебель ончуковского дома, которая использовалась советскими и партийными органами, а в 1974 г. была передана в музей. Безусловно, дом будет одним из действующих лиц будущей экспозиции.

Особенности здания, его планировка позволяют создавать различные по характеру и тематике экспозиции. Кроме краеведческой эпической темы «Слободиада» будут созданы залы «лирических отступлений», а также «воссоздана» картинная галерея им. С. М. Луппова, представляющая различные направления в искусстве начала XX в. (в основном русский авангард). Помещения нового музея будут носить различный характер: здесь расположатся детский центр, исследовательский центр, который представит научный архив музея, библиотеку, материалы из архивов краеведов А. В. Ревы, О. В. Рожникова, А. В. Кузьмина и др.

Надеемся, что наша новая экспозиция поможет сформировать целостный образ территории и у местных жителей, и у туристов.

Примечания

1. Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Дорогами земли Вятской. М., 1971. С. 60.
2. Позолотина Е. Е. Перечень объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, расположенных на территории Слободского района // Сб. мат-лов конф., посвященной международному дню охраны памятников и исторических мест. Слободской, 2008. С. 86–99.
3. Долматова Т. М. Жемчужина Вятского края // Справочник руководителя учреждения культуры. 2014. № 6; Долматова Т. М. Итоги реализации проекта «Жемчужина Вятского края» // Справочник руководителя учреждения культуры. 2015. № 2.
4. Замятин Г. А. Ксенофонт Алексеевич Анфилов. Очерк его жизни и деятельности. СПб., 1910. С. 38.
5. Там же.
6. ГАКО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 3157. Л. 3.
7. Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII вв. Киров, 1956.
8. СМВЦ 11977 ОФ.
9. Замятин Г. А. Ксенофонт Алексеевич Анфилов. Очерк его жизни и деятельности. СПб., 1910. С. 203.
10. СМВЦ 11883 ОФ.
11. Рева А. В. Спасти дом Анфиловых! // История и культура Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров, 1994. С. 506.
12. Долматова Т. М. Торжества по случаю празднования 100-летия основания Анфиловского банка // Анфиловские чтения: Сб. краеведческих мат-лов. Слободской, 2005. С. 33.

Технология реновации Музея Трудовой Славы Кирово-Чепецкого химического комбината

*А. М. Рафиков, П. Н. Шарабаров,
г. Киров*

В 2015 г. одним из направлений работы кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета являлась разработка новой концепции экспозиции Музея Трудовой Славы Кирово-Чепецкого химического комбината (КЧХК), выполнявшаяся по договору с руководством этого предприятия.

Музей Трудовой Славы КЧХК функционирует с 1988 г. Его потенциальные посетители – работники и ветераны КЧХК, учащиеся общеобразовательных, средних специальных и высших учебных заведений, жители г. Кирово-Чепецка и Кировской области, гости и деловые партнеры из других субъектов Российской Федерации.

Знакомство с фондами музея показало, что здесь хранится богатое собрание разнохарактерных материалов документального и вещественного характера: книги почета предприятия с 1946-го по 2014 г.; различные награды (кубки, ордена, грамоты, почетные знамена, свидетельства об участии в выставках); образцы продукции (удобрения и химические соединения в колбах, различные агрегаты); многочисленные фотоальбомы со снимками мероприятий разного уровня, наиболее выдающихся работников, видов г. Кирово-Чепецка; газетные вырезки со статьями о предприятии и его сотрудниках; подшивки заводской газеты и многое другое.

Наличие этих материалов, многие из которых ранее не были введены в широкий публичный оборот, предопределило возможность создания новой по содержанию научно-исторической концепции экспозиции музея. Отправной точкой в создании проекта экспозиции музея стал историко-хронологический принцип, базирующийся на идее единства трех составляющих: развитие предприятия, деятельность и достижения заводчан, значимый вклад в развитие социальной инфраструктуры г. Кирово-Чепецка.

При проектировании экспозиции учитывался и тот факт, что функционирующей при КЧХК Завод минеральных удобрений (ЗМУ) является наследником его богатейших традиций и опыта, а сам КЧХК входит в структуру компании УРАЛХИМ. Поэтому концепция экспозиции музея разрабатывалась с учетом позиционирования данной компании в целом и основывалась на соображениях, что УРАЛХИМ это:

- один из лидеров российского рынка минеральных удобрений, активный участник экономического и социального развития региона (г. Кирово-Чепецк, Кировская область);
- организация высокой социальной эффективности;
- предприятие-партнер, которому можно доверять, которое постоянно совершенствуется, чтобы улучшать свою работу;
- предприятие, которое ценит своих сотрудников, а сотрудники чувствуют себя активными участниками всех процессов.

Вместе с тем при разработке проекта принимались во внимание не только специфика материалов, характер и направленность деятельности музея, но и общие, основополагающие принципы и методы создания музейных экспозиций. В частности, использовалась технология научного проектирования, в ходе которого была проделана работа по изучению необходимой литературы, фондов музея, составлены чертежи-планы экспозиционных залов с указанием предполагаемых мест размещения разделов экспозиции и крупногабаритных экспонатов, определен примерный перечень материалов для наполнения экспозиции. Использовалось также художественное проектирование, призванное обеспечить образное, пластическое воплощение темы.

Помимо этого методология исследования была ориентирована на создание экспозиции, обладающей высоким информационным потенциалом, для

того чтобы сделать возможным использование такой традиционной формы культурно-образовательной деятельности музея, как экскурсия. При проектировании экспозиции была заложена концепция многоуровневой структуры подачи материала. Экскурсоводы и лекторы в зависимости от аудитории смогут выбирать стратегию демонстрации и характеристики экспонатов – от общего обзора для малоподготовленной аудитории до углубленного анализа для специалистов. В целом концепция музея включила в себя следующие виды и варианты экскурсий:

– по характеру тематики – обзорные, предназначенные для посетителей, впервые пришедших в музей и желающих получить общее представление о его истории и коллекциях; тематические, наиболее детально раскрывающие одну тему или проблему;

– по целевой направленности – общеобразовательные и учебные;

– по составу экскурсантов – экскурсии для подростковой и взрослой аудитории; для местных жителей (работников) и для туристов или партнеров по бизнесу.

Разработанный проект предполагает разделение экспозиции на две части: визуальную и виртуальную. Основная масса материалов, имеющихся в настоящее время в музее, будет размещена в виртуальном виде. Преобладающим способом подачи виртуальной информации станет использование интерактивных информационных киосков с сенсорным экраном, которые обеспечат свободный доступ посетителей к основным и дополнительным материалам, связанным с тематикой экскурсий. Помимо этого будут использоваться 3D-панели, медиакнижки, интерактивные видеостены и интерактивные столы.

Визуальная экспозиция будет включать в себя в первую очередь уникальные экспонаты, несущие важную информационную нагрузку, являясь объектом внимания экскурсовода и посетителей, и формирующие особый эмоциональный настрой. Визуальная экспозиция должна быть оснащена аппаратурой звуковоспроизведения и сопровождаться текстовым материалом, вплетенным в изобразительный ряд и не мешающим зрительному восприятию предметов.

В тематическом плане экспозиция музея делится на три масштабных раздела, каждый из которых размещается в отдельном помещении:

1. *Зал почета.* Освещает огромный опыт предприятия, мощный потенциал компании через отражение деятельности выдающихся работников, а также раскрытие основных этапов развития завода с демонстрацией образцов уникальной продукции.

Центральными экспонатами зала являются музейные предметы, содержащие информацию об отцах-основателях предприятия: бюсты Я. Ф. Терещенко, Б. П. Зверева, фотографии Б. П. Константинова и Е. П. Славского с текстовым материалом, освещающим основные заслуги и регалии выдающихся химиков. Бюсты дополнительно выделяются специальным освещением, придающим экспонатам особый объем и торжественность. По обе стороны от бю-

стов в специальных витринах представлены наградные знамена, подчеркивающие особый статус предприятия (Красное знамя в честь 50-летия Октябрьской революции; Юбилейное Красное знамя в честь 50-летия образования СССР; Красное знамя комсомольской организации «как символ чести и моральной сплоченности комсомольцев»; Красное знамя комбината).

Правая сторона зала посвящена вкладу работников в становление, развитие и совершенствование предприятия. Здесь размещаются витрины с фотографиями: празднования особых, памятных дат в истории завода и наиболее выдающихся работников (орденоносцев, лауреатов различных премий, Героев Социалистического Труда). Над витринами будут оформлена «Галерея директоров предприятия». Кроме того, на специальных планшетах разместятся газетные статьи с иллюстрациями, повествующие об особых заслугах завода.

Особый стенд планируется посвятить участникам Великой Отечественной войны, ушедшим на фронт из цехов завода.

Левая сторона зала призвана показать специфику предприятия через выпускаемую им продукцию, осветить основные этапы развития завода. Здесь разместится выставка образцов выпускавшейся продукции, стенды с фотографиями цехов и предприятия в наиболее значимые периоды его развития. Помимо этого отдельно будет установлен стенд «Мы – первые!», в котором представлено описание продукции комбината, впервые созданной в России, ее образцы и награды за эти достижения.

В центре зала планируется установить три-четыре квадратные витрины с размещенными в них наиболее значимыми наградами предприятия и его работников (Орден Трудового Красного Знамени с описанием истории награждения; боевые награды сотрудников предприятия, хранящиеся в фондах музея и другое).

Виртуальная экспозиция в Зале почета будет представлена материалами мультимедийного киоска, где формируются следующие разделы:

– руководители предприятия: обширная информация о директорах, главных инженерах, начальниках цехов с соответствующими фотографиями;

– поименный список с возможными биографическими данными и фотографиями участников Великой Отечественной войны, «поднятия целины», строительства Байкало-Амурской магистрали, войн в Афганистане и Чеченской республике, ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и др.;

– «Наша гордость»: биографии, описания заслуг и фотографии лауреатов Ленинской премии, Государственной премии СССР, Совета Министров СССР, Премии Правительства РФ; кавалеров орденов «Знак Почета», Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции, Трудовой Славы I, II, III степеней, Ленина, Дружбы Народов; Героев Социалистического Труда; работников, носящих почетные звания;

- книги почета (с 1947 г. до начала 2000-х гг.);
- фотолетопись предприятия: все фотографии, которые представляют цеха и завод в целом вместе с их работниками, структурированные в соответствии с тематическим принципом.

2. *Зал ЗМУ.* По правой стене будет оформлена историческая часть экспозиции, призванная показать накопленный ЗМУ опыт, используемый в настоящее время для достижения высоких результатов производства. Планируется установка стендов с фотографиями цехов завода, заслуженных работников, начальников цехов и директоров предприятия.

Виртуальная экспозиция представлена материалами мультимедийного киоска. Разделы, помещенные в киоске, отображают полный объем фотохроники предприятия, биографии директоров, начальников цехов и выдающихся работников, которые внесли значительный вклад в развитие ЗМУ.

Современная часть экспозиции (центр зала, лицевая и правая стены) призвана обосновать уникальность завода, технологии производства и выпускаемой продукции. В центральной части зала планируется поместить самовращающийся глобус диаметром 150 см с нанесенной на нем политической картой мира, где представлен обзор деловых взаимоотношений компании с зарубежными партнерами. При этом разные страны мира должны по мере необходимости подсвечиваться различными цветами в зависимости от поставляемой в них продукции. Управлять подсветкой должен экскурсовод в ходе рассказа о широких деловых связях предприятия.

В витринах будет демонстрироваться современная продукция, информация о заслугах, достижениях и наградах завода, фотографии наиболее значимых событий, освещаться социальная, благотворительная деятельность предприятия, информация об участии в выставках различного уровня.

Планируется установка звукового оборудования, воспроизводящего гимн компании УРАЛХИМ (гимн ЗМУ; гимн химиков и т. п.).

3. *Наш город – Кирово-Чепецк.* Данный экспозиционный зал призван показать значительный вклад предприятия в развитие инфраструктуры г. Кирово-Чепецка, поддержку образования, физической культуры и спорта в городе, районе, области и стране в целом. В нем планируется четкое деление информации по различным этапам жизни города, видам спорта и важнейшим событиям в истории России, что будет отражено в установленных стендах с фотоснимками города, иллюстрирующими его развитие и спортивные мероприятия, а также в стендах с документами, содержащими информацию о социальной деятельности завода и его наградами.

Виртуальная экспозиция будет представлена материалами мультимедийного киоска, в разделах которого размещаются все оцифрованные альбомы по данной теме, с информацией о значимых мероприятиях и людях, принимавших в них участие.

С левой стороны зала будет организован уголок УРАЛХИМА с демонстрацией наиболее актуальной информации о деятельности, достижениях компании, ее миссии, стратегии, корпоративных ценностях.

Вдоль окон планируется разместить банкетки для организации кратковременного отдыха посетителей музея.

Отдельно, в соответствии с корпоративными цветами предприятия и с размещением логотипа компании УРАЛХИМ, оформляется фойе музея. Здесь будет установлена мультимедийная интерактивная книга. Одним из ее вариантов может стать решение на основе терминала с сенсорным экраном, позволяющим перелистывать страниц, управлять картинками и видеофайлами, расставлять закладки и проводить прочие операции.

Таким образом, в ходе проделанной работы была создана концепция экспозиции Музея Трудовой Славы КЧХК, имеющая историческую направленность и призванная популяризовать деятельность предприятия, показать его уникальность и значимость на современном этапе, осветить вклад в развитие г. Кирово-Чепецка и области.

Взаимодействие Дома-музея Ф. Э. Дзержинского с общественными организациями

*Т. И. Копчикова,
с. Кай, Верхнекамский район, Кировская область*

Дом-музей Ф. Э. Дзержинского расположен в с. Кай Верхнекамского района. Кай был основан в 1558 г. как город и находился на старинном Сибирском тракте. В прошлом здесь шла бойкая торговля товарами. Сегодня же это небольшое село, в котором проживает не более 300 чел.

В Доме-музее работают три сотрудника. Нашему маленькому учреждению в условиях современной жизни приходится искать новые формы взаимодействия с обществом. Такой формой работы для нас стало сотрудничество с различными учреждениями и организациями.

Так как нам сложно самостоятельно проводить крупные мероприятия, мы тесно сотрудничаем с библиотекой, домом культуры, администрацией Кайского сельского поселения, школой и др., организуя групповые занятия и массовые праздники различной направленности: экологические, фольклорные, патриотические и другие.

Восемь лет назад музей совместно с сельской библиотекой организовал работу клуба по интересам для женщин «Собеседник». Несколько раз в месяц члены кружка с удовольствием приходят на мероприятия, где узнают что-то новое, сами делятся своими воспоминаниями в непринужденной

обстановке за чашкой чая. Наши женщины – это кладезь талантов. Каждая по-своему уникальна и интересна. Например, Валентина Николаевна Кенина, несмотря на солидный возраст (ей 79 лет), помогает проводить уроки живой истории для школьников, знакомя современных детей с жизнью и бытом детей военной поры. Валентина Николаевна подарила музею вещи из своего далекого детства: домотканые скатерти работы ее бабушки и угольный самовар, из которого их семья не только пила чай, но в котором варила пельмени.

Людмила Васильевна Артюкина знает великое множество старинных песен. Ее живая память сохранила то время, когда она, еще будучи маленькой девочкой, ходила со своей бабушкой на вечерки-пирушки к деревенским родственникам, слушала и запоминала песни неграмотных бабушек. На основе ее воспоминаний фольклорная группа «Журавушка» Кайского СДК реконструирует обрядовые действия, существовавшие в сельской глубинке. И наши дети, проводящие свой досуг перед экраном компьютеров, с удовольствием играют в игры своих прабабушек, водят хороводы. И так можно рассказывать о каждом участнике нашего клуба.

Уже седьмой год музей совместно с районным историческим музеем и Кайским СДК принимает участие в организации и проведении тура выходного дня «Кай – всему свету край». Чтобы узнать историю с. Кай, к нам приезжают экскурсанты со всего района. По пути следования они из рассказа экскурсовода узнают еще и историю района. Очень познавательным является музейное занятие «Один день из жизни кайской деревни». Катания на лошади и с горки делают этот тур еще и веселым. Изюминкой тура является фольклорный праздник в доме культуры «Как бывало в старину» с участием фольклорной группы «Журавушка», участники которого играют в старинные игры, отгадывают загадки, поют песни, а в конце всех ждет чаепитие с деревенскими шаньгами. Наши гости возвращаются домой усталые и довольные, узнав много нового и интересного о жизни предков. Такое мероприятие было бы невозможно без совместного участия нескольких учреждений.

Музей, являясь местом хранения исторической памяти, стремится сохранить культурное и историческое прошлое своего края. Историко-культурное наследие состоит из таких компонентов, как язык, традиции, обряды, обычаи, народные промыслы и ремесла, произведения искусства, музейные, архивные и библиотечные фонды, памятники архитектуры, науки и искусства, достопримечательные места, представляющие особую ценность с точки зрения истории.

Наш Кайский край богат песенным фольклором. В последние годы его изучением занимаются специалисты Санкт-Петербурга и Москвы. В августе 2015 г. в Кае работали сотрудники Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. Участников экспедиции заинтересовали свадебный обряд, реконструированный фольклорной группой «Журавушка», а также уникальный жанр устного народного творчества – похоронный плач-причитание

и наговоры-заговоры, связанные в том числе и с водой (баней). Руководитель группы Г. В. Лобкова назвала Кайский край заповедником песенного творчества. Здесь есть что изучать и сохранять, чтобы передать потомкам.

Неоценима помощь музею со стороны Управления Федеральной службы безопасности России по Кировской области.

Дом-музей Ф. Э. Дзержинского был основан в 1939 г. в доме, где жил, находясь в ссылке в 1899 г., основатель органов безопасности и разведки страны Феликс Дзержинский.

В «лихие» 1990-е гг., в связи с распадом СССР и кризисом, культура оказалась в сложной ситуации. В 1994 г. Дом-музей был перепрофилирован в музей истории с. Кай, а недофинансирование привело к разрушению многих памятников. Пример тому – памятник Ф. Э. Дзержинскому в селе Кай. Благодаря вновь возобновившемуся сотрудничеству с Управлением ФСБ России по Кировской области этот памятник был приведен в порядок. Не был оставлен без внимания и сам музей: отремонтирована кровля, заменены электрическая проводка, счетчик электроэнергии, появились ноутбук, многофункциональное устройство, фото и видеокамера, триммер, телефакс и др.

Ежегодно, в день рождения Ф. Э. Дзержинского, совместно с управлением культуры, районным историческим музеем, советом ветеранов, руководством района и поселения, школой у памятника проходит митинг, на который приезжают руководители, совет ветеранов и молодые сотрудники Управления ФСБ России, а также кадеты Кировского колледжа Международной полицейской ассоциации.

В конце 2015 г. депутат Законодательного Собрания Кировской области Рахим Азизбоевич Азимов поддержал инициативу местных жителей о возвращении музею истории с. Кай имени Ф. Э. Дзержинского. С 1 января 2016 г. музей стал носить первоначальное название. Р. А. Азимовым была организована рабочая встреча представителей Кировского областного краеведческого музея, заведующей музеем истории с. Кай, начальника управления культуры Верхнекамского района с ветеранами и сотрудниками музея ФСБ РФ. Встреча состоялась в Культурном центре ФСБ. На встрече присутствовал внучатый племянник Феликса Эдмундовича, ветеран ФСБ, полковник Владимир Михайлович Дзержинский. Основной целью встречи явилось обсуждение концепции проекта по созданию Дома-музея Ф. Э. Дзержинского.

На встрече поднимались вопросы о необходимости создания координационного совета по реализации проекта, строительства дополнительного здания музея, пополнения фондов музея новыми экспонатами, архивными данными, построения музейной экспозиции, ремонт дороги в с. Кай и другие.

Научным исследованием, направленным на изучение архивных материалов о пребывании Ф. Э. Дзержинского на Вятской земле, занимаются историки-профессионалы: директор Кировского областного краеведческого

музея, доктор исторических наук, профессор Михаил Сергеевич Судовиков, заведующий научно-исследовательским сектором КОКМ, кандидат исторических наук, доцент Павел Николаевич Шарабаров, а также старший научный сотрудник научно-исследовательского сектора Денис Андреевич Садаков.

Финансирование проекта по сохранению культурно-исторического наследия реализует компания «УРАЛХИМ» под руководством депутата ОЗС Р. А. Азимова.

Сегодня ведется работа по подготовке и утверждению проектной документации нового здания, переговоры с подрядной организацией. Завершить строительство нового и реконструкцию старого здания музея и презентовать обновленный музейный комплекс планируется в октябре этого года. Безусловно, проект увеличит туристическую привлекательность района, в короткие сроки расширит потенциальную музейную аудиторию и начнет работать как бренд региона.

В январе 2016 г. музей в составе делегации Верхнекамского района принял участие во встрече земляков в Москве, организованной председателем региональной общественной организации «Вятское землячество», президентом Ассоциации российских вузов, летчиком-космонавтом В. П. Савиных. Работники музея подготовили выставку-ярмарку «Верхнекамские узоры», на которой были представлены изделия народных умельцев со всего Кайского края, а необычное самобытное, фольклорное оформление выставки они создали вместе с участниками творческих объединений Верхнекамья.

Благодаря такой совместной деятельности работа в музее выходит на более высокий качественный уровень, что, безусловно, приводит к привлекательности предлагаемого музейного продукта не только у населения Верхнекамского района, но и жителей Кировской области и страны.

Друзья Музея естественной истории Татарстана Музея-заповедника «Казанский Кремль»

*А. А. Давыдова, Э. В. Давыдов,
г. Казань, Республика Татарстан*

Наиболее эффективным способом социализации личности и распространения экологической культуры является создание и развитие экологического волонтерского движения. Мы являемся руководителями экологического объединения и активистами Татарстанского регионального отделения «Зеленая планета». Через участие в различных экологических мероприятиях в Музее естественной истории Татарстана Музея-заповедника «Казанский Кремль» мы приобщили к изучению природы, исследованию полезных ископаемых и природных ландшафтов уже не одно поколение юных экологов.

Активисты движения принимают участие в таких праздниках, организуемых в музее, как «День защиты животных», «День воды», «День Земли», «День охраны окружающей среды». Мы были волонтерами и помогли проводить экологические квесты в музее, опросы посетителей музея об актуальных экологических проблемах нашей республики, флэшмоб «Голубая лента». Стало традицией проведение совместной акции «Защитим ежика!» по сбору использованных батареек, привлечению внимания посетителей к проблеме их утилизации. Ярким, незабываемым событием явилось участие совместно с сотрудниками музея в природоохранной акции «Зеленый субботник», приуроченной ко Дню Республики. Вот и сейчас в сквере Казанского Кремля располагается кормушка с семенами подсолнечника, изготовленная юными экологами Буинского района как призыв к участию в акции «Каждой пичужке – наша кормушка!».

За семь лет деятельности Музея естественной истории Татарстана тысячи школьников, приобщившись к природоохранной работе в школе, решили продолжить ее, будучи студентами или выпускниками вузов. Молодое поколение имеет возможность реализации своих благих намерений в области оказания помощи Особо охраняемым природным территориям. Вместе с тем большинство ООПТ нуждаются в помощи: необходима уборка мусора, оборудование культурных мест отдыха для посетителей, учет птиц, организация экологических троп. Так и родился проект «Эковолонтер». Проект экологического туризма организует связь между волонтерами и территориями, нуждающимися в помощи (заповедники, заказники, национальные парки).

Нашими основными задачами является увеличение охвата людей, вовлеченных в процесс экологического волонтерского движения; развитие природоохранной деятельности, воспитание активной жизненной позиции в сохранении природных богатств; привлечение широкого круга профильных и заинтересованных организаций и учреждений к экологическому воспитанию подрастающего поколения.

Имеется опыт организации и проведения волонтерской работы силами сотрудников Музея естественной истории Татарстана и активистов движения «Зеленая планета» на территории Волжско-Камского природного государственного биосферного заповедника (Раифский участок), заказников «Свияжский» Зеленодольского и «Чулпан» Высокогорского района Республики Татарстан, Музея-заповедника «Болгары», ООПТ «Карьер» г. Казани и Лаишевского лесничества.

В итоге в 2014–2015 гг. был обобщен опыт реализации экологических природоохранных мероприятий в Буинском, Сармановском, Зеленодольском, Верхнеуслонском, Спасском, Елабужском районах Республики Татарстан и г. Казани. Кроме того, было развешено 120 противопожарных листовок; организовано четыре выставки рисунков и фотографий «Заповедная приро-

да»; обустроено три экологические тропы; очищено от мусора 57 км; посажено 570 деревьев; развешено 60 скворечников; проведено 33 экологических мероприятия; освобождено от сорняков 10000 саженцев молодых деревьев. 1500 чел. приняли участие в Международных днях учета птиц; организованы две экологические экспедиции на территории ООПТ.

Благодаря мероприятиям, реализованным в рамках проекта «Эковолонтер», сформировалась постоянная команда участников (сотрудники музея, педагоги и школьники различных образовательных учреждений). Кроме того, в коллектив активистов включились родители, а также посетители музея и активные члены кружка «Пилигрим», принявшие решение участвовать в природоохранных акциях на особо охраняемых природных территориях.

«Брынь проект» как базис для музея села Брынь

*А. С. Коршунов,
с. Брынь, Думиничский район, Калужская область*

Многообразна и удивительна история нашего государства. Множество городов и территорий значимых и известных, а сколько еще мест малоизвестных или просто забытых. Но не в размере населенного пункта дело и даже не в его статусе. Сегодня интересуются больше местами раскрученными, или хотя бы теми, что на слуху, такими как «Золотое кольцо».

За приходящим пониманием, что реклама – двигатель не только торговли, но и культуры, появилось «Серебряное кольцо», «Озерное ожерелье» и т. д. Привлечение туристов становится задачей не только туриндустрии, но и музеев. Переосмыслить прошлое, подать его по-новому и, после нахождения «изюминок», привлечь как можно больше людей, поделиться с ними радостями и напомнить о своем существовании – вот какие цели ставятся сегодня перед музеями и музейными комплексами.

Мне хотелось бы рассказать о месте, которое хоть и расположено, по сегодняшним меркам, недалеко от Москвы, но не может похвалиться широкой известностью. Поблизости два областных центра, связанных федеральной трассой, и оно могло бы быть привлекательно с точки зрения туризма и развития музейного дела, но, к сожалению, держится сейчас лишь на энтузиазме, что, однако, уже радует и вдохновляет.

Сельское поселение Брынь расположено в Думиничском районе Калужской области среди лесов, полей и рек, в местах удивительных и славных. Бывшая Брыньская волость Жиздринского уезда гостеприимно распахивает свои объятия приезжающим сюда людям. Село Брынь – излюбленное ме-

сто отдыха рыбаков и охотников, но редко посещают его любители архитектуры и истории, хотя здесь есть на что посмотреть и даже что увезти с собой.

Краеведы не покладая рук трудятся над сохранением исторической памяти о селе. Вышли в свет книги по истории села и окрестностей; об известных людях, проживавших и бывавших в селе; событиях, происходивших в годы Великой Отечественной войны и т. д. В здании сельского клуба существует и народный музей, о котором мы поговорим ниже.

В 1146 г. на правом берегу р. Брынь в окружении древних курганов черниговскими князьями был основан одноименный город. 15-метровые валы городища привлекают к себе внимание и сегодня. Удивительные дали открываются с этой высоты. Когда-то окруженный суровыми Брыньскими лесами, которые описывает в своих произведениях М. М. Пришвин, город служил защитным укреплением, контролировавшим прямоезжую дорогу в Киев. Именно здесь, в этих лесах, хозяйничал Соловей-разбойник и был повержен и пленен Ильей Муромцем. Проходя через Брыньские леса, нес православную веру вятичам Кукша Печерский. Узнав о пребывании в Брыни Михаила Черниговского, за князем посылали смоленские князья, чтобы встретиться и обсудить совместные действия против войск хана Батгя. Но, не выдержав нападения Батгя, город пал и был сожжен дотла, к сожалению, уже как город не возродившись.

В 15 км южнее, на той же трассе М-3 «Украина», но уже в Думиничском районе, расположилось богатое село с каменными домами и одноименным названием Брынь. На старой карте от 1726 г., хранящейся в Российском государственном архиве древних актов, читаем: с. Толстосеево. Именно оно и ассоциируется сейчас с понятием Брынь, хотя Брынью оно стало благодаря Никите Демидову, купившему данное село и построившему здесь, на запрудном озере, Промышленную усадьбу (единственную сохранившуюся на сегодняшний день в центральной России) и заводской комплекс «Брынь». Впоследствии ветвь Н. Н. Демидова прервалась, хотя завод в разных вариантах существовал до начала XX в.

Именно на этом заводе (по сведениям БСЭ), который при Толстых стал ткацким, работал местный «Кулибин» Г. Нестеров, который в 1834 г. (на 20 лет раньше, чем в Европе) изобрел механический ткацкий станок большой ширины. Продукцию завода без проверки закупал даже Китай, что свидетельствовало о высоком качестве изделий.

Брынь и Брыньские леса стали убежищем для последователей старой (Брыньской) веры и хранителей канонического Брыньского (восьмиконечного) креста, что отражено в сочинениях Димитрия Ростовского, и как сказано в похвалении святому, «Брыньские ереси победиша».

Брыньская земля известна в том числе и самой древней сохранившейся в центральной России глиняной игрушкой, происходящей родом из деревни Хлудного, а также соответствующим промыслом.

*В. В. Гребенева,
пос. Даровской, Кировская область*

История Брыни и окрестностей связана со многими известными личностями: Скобелевы, Тургеневы, братья Ляпины, Рябиныны, Демидовы, Мальцевы, Борис Зайцев, Яков Пятницкий и многие другие.

Столь богатая история, безусловно, нуждалась в сохранении, в музее, посвященном историческому наследию Брыни, непосредственно в самой Брыни, а поскольку его не существовало, то, как уже было сказано выше, был создан народный музей в новом здании сельсовета и клуба. Впрочем, он не единственный на Брыньской земле: есть музей Великой Отечественной войны в д. Маклаки, музей мер и весов в г. Сухиничи, музей «Чугунолитейный завод» в г. Думиничи, музей Хлудневской игрушки, музей «Гончарная семья» в д. Хлуднево.

В 2012 г. по инициативе Анатолия Коршунова (бывшего сотрудника ГНИМА имени А. В. Щусева) разработана концепция поэтапного создания музейно-туристического комплекса «Брынь проект» и музея промышленного становления России. Суть концепции состоит в переосмыслении имеющегося материала музея, выработке новых подходов к экспозиции с использованием мультимедийных технологий и создании нового типа музея – «живой музей». Важной идеей является также объединение на добровольных началах существующих музеев в музейный кластер с целью образования туристического предложения и проведения единой как рекламной, так и брендовой политики. В том же году был выкуплен бывший сельский клуб под создание музейно-туристического центра. Это комплекс зданий, построенных ок. 1870 г. купцом Максимом Ивановичем Пономаревым, который в настоящий момент находится на реконструкции. В здании и на территории проведен комплекс работ по удалению культурных наслоений, укреплению фундаментов, замены перекрытий первого и второго этажа, а также вычинка фасадов с восстановлением архитектурных элементов и восстановление деревянного второго этажа с реставрацией подлинных наличников. Параллельно осуществляется сбор материалов и реставрация экспонатов, пополняется коллекция музея. Прорабатываются архивы для уточнения исторических деталей и аккумуляции всех материалов и исследований по данной теме. Разрабатывается и готовится к воплощению, совместно с Московской государственной художественно-промышленной академией имени С. Г. Строганова, проект иконы «Святые отцы земли Брыньской», которая должна стать духовным сосредоточением исторической памяти.

В связи с отсутствием денег у государства на создание и содержание музея исторического поселения и сокращением трат на культуру музей финансируется из частных средств, а сельсовет представляет помещение для размещения музея на время реконструкции здания. Все работы по реставрации здания и экспонатов, а также пополнению фондов осуществляются на частные средства автора концепции.

Прошедший 2015 год был для нашего музея очень тяжелым и вместе с тем богатым на события.

В 2014 г. был выигран и реализован проект муниципального района «Строим будущее, сохраняя прошлое» по ремонту здания больницы, являющегося памятником Кировской области, для дальнейшего размещения на первом этаже районного краеведческого музея. Открытый в 1981 г. как музей комсомольской славы для увековечения памяти о созданном в 1979 г. в Даровском районе сводном комсомольском отряде животноводов, музей долгие годы существовал на общественных началах. В нем ветераны несли дежурство по графику. Первыми экспонатами стали стенды о бойцах сводного отряда. С тех пор музей семь раз переезжал. Но не закрылся, а из года в год увеличивал количество экспонатов. Нам приходилось долгие годы просто доказывать право на существование.

И вот 15 мая 2015 г. состоялось долгожданное новоселье в самом красивом здании пос. Даровской. Это был восьмой переезд, и все жители района надеются, что он станет последним. Для музея передано не все здание, а пока лишь половина первого этажа. В ближайшие год-два весь первый этаж станет музейным.

Первая экспозиция – «Крестьянская изба» – со множеством предметов быта неизменно привлекает интерес и старых, и молодых. Здесь же мы проводим занятия по краеведению.

Зал «Боевая слава» посвящен самым тяжелым страницам истории района. Здесь расположены предметы времен Великой Отечественной войны и войны в Афганистане, воспоминания участников боевых событий, фотографии, письма, военные трофеи. Невольные слезы наворачиваются на глаза посетителей, когда они знакомятся с фактами, рассказывающими о том, какой ценой ковалась Победа у нас, в тылу.

3 ноября 2015 г. – акция «Ночь искусств» – стала для нашего музея поистине «звездной ночью». Именно в эту ночь состоялось открытие в музее зоологического отдела. Жители не только поселка, но и всего района очень долго ждали, когда же, наконец, будет перевезена в поселок частная зоологическая коллекция из Заборской школы, созданная учителем географии, орнитологом Сергеем Федоровичем Акулилкиным. Перевезти, установить и экспонировать коллекцию стало возможно только после переезда. Сбылась мечта и жителей, и нашего уважаемого орнитолога. Сейчас он – наш коллега, работает хранителем музейных предметов. Сергей Федорович занимается ор-

нитологией с 1987 г. За эти годы он создал коллекцию, состоящую из чучел более 250 видов птиц, десятков гнездовых и яиц, млекопитающих. Участвует в создании областной научной коллекции. Является соавтором множества научных статей и книг по орнитологии, участником и докладчиком научно-практических конференций различного уровня. С 1987 г. ежегодно участвует в экспедициях по изучению природы Кировской области, Кольского полуострова, Урала, Дальнего Востока, Туркмении, Таджикистана. Благодаря ему природа и животный мир Даровского района изучены достаточно хорошо. Сергея Федоровича во всем поддерживает его семья.

За одну первую ночь музей посетили около трехсот человек, и до сего дня интерес к коллекции не ослабевает. Особенно радует тот факт, что в музей идут семьи: родители с детьми, дети с бабушками и дедушками. Жители района ведут к нам своих гостей.

Нас в коллективе четверо, и наш девиз – «Храним прошлое, живем настоящим, стремимся в будущее!». Коллектив дружный, идейный, действительно стремящийся в будущее. Мы никогда не останавливаемся на достигнутом, оформление экспозиций продолжается. Мы рады каждому посетителю и с нетерпением ждем вас к нам в пос. Даровской!

Знакомьтесь, наш музей

*Г. Д. Федорова,
г. Чебоксары, Чувашская Республика*

Музей – символ национального самосознания, национальной гордости, взаимодействия культур. В современном обществе велико значение музеев как культурных центров, каковым является и музей культуры родного края нашей школы, где расположены секции культуры, литературы и искусства, археологии, этнографии, истории школы и истории с. Протопопихи.

Кто мы? Откуда и куда идем? Где наши корни, истоки творчества? Над этими вопросами задумывается каждый человек.

Каждый из нас хранит ценности, сокровища прошлого, которые создавались на протяжении всей многовековой истории. Это наши города и села, памятники архитектуры и искусства, традиции народного творчества, трудовые навыки; это и природа, и такие непреходящие ценности народа, как язык, мудрость, искусство, правила жизни, обычаи и праздники, сказки, легенды, сказания. Все это представлено в секции культуры, литературы и искусства родного края. Материал базируется на краеведении и включает в себя практически все направления краеведческой работы: историческое, литературное, географическое и художественное. Стенды, содержащие экспозицион-

ные материалы, позволяют раскрыть всю среду, созданную культурой чувашского и других народов, населяющих нашу республику.

Наш музей создавался постепенно. В 1986 г. под руководством учителя истории Н. Ф. Григорьевой в школе начал работать кружок «Юный археолог», члены которого заинтересовались историей и стали приносить старинные вещи. Первыми были монеты XIII–XIX вв., затем другие вещи, археологические находки. Археологическая экспозиция посвящена далекому прошлому нашего края. Собранные материалы по археологии впервые были выставлены в марте 1991 г.

Изучение и развитие культурного наследия, изучение чувашских народных традиций, обрядов, изучение и возрождение народных промыслов и ремесел, изучение и анализ землепользования, участие школьников в этнографических материалов привело к тому, что в 1998 г. на базе предметного кабинета был образован мини-музей этнографии, который возглавила учитель истории и культуры родного края Л. В. Иванова.

В 2003 г. учитель истории Е. М. Ильина начала собирать материалы по истории родной школы. В этом же году было решено выделить отдельный кабинет и объединить все мини-музеи в единое целое. Руководителем была назначена Л. В. Иванова.

В музее собран большой археологический, культурно-этнографический и нумизматический материал. Это одежда конца XIX – начала XX в.: платья всех этнических групп чуваш, сурбаны и масмаки, свадебное покрывало невесты и мужские рубашки; обувь – лапти разных размеров и групп, останки кожаных сапог и подковки к ним.

Из археологических материалов можно увидеть осколок колонны весом 5 кг, привезенный с побережья Черного моря нашими учениками, лопаточную кость и зуб, найденные членами кружка «Юный археолог» в Шемуршинском районе под руководством профессора В. Ф. Каховского, бивень мамонта и орудия труда каменного века. Имеется коллекция керамики эпохи неолита, а также кухонные и столовые принадлежности: светец, ключи, кочедык, которые относятся к средневековому Чебоксарам.

Большой интерес для посетителей представляют утюги разных лет – начиная с конца XIX в. и кончая современными. Имеются детали ткацкого станка; поражает своими размерами гребень с длинной ручкой, который использовался нашими предками для расчесывания конопляного и льняного волокна, и многие другие предметы.

В секции истории родной школы выставлены вещи и фотографии 1970-х гг.: школьная форма, старая парта, учебники и другие школьные принадлежности. Можно даже посчитать на счетах, на которых учились в начальных классах. Также представлена атрибутика школьной жизни: барабан, вымпелы, знамена, школьный штандарт, гимн школы № 18, сочиненный учителями

и многое другое. Главным экспонатом является символический ключ, который был вручен строителями на открытии школы в сентябре 1972 г.

Секция истории села Протопопихи самая молодая. Здесь много старинных вещей, переданных старожилом села А. Г. Родионовой: сарафан, блуза, передник и головной убор, копии фотографий, рисунков Чебоксар прежних времен, изображение старинного герба города.

В настоящее время в музее работает четыре секции, общее количество экспонатов более шестисот. Значительная часть из них – подлинные памятники старины.

Древняя латинская мудрость гласит: учим и сами учимся. Радость жизни состоит не в том, что человек просто существует, а в том, что живет сознательно, что передается из рода в род, от родителей к наследникам все, им накопленное. А. М. Горький в свое время изрек мудрые слова: «Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего». И поэтому мы не только собираем материалы, но и учимся анализировать, как та или иная находка попала на территорию Чувашии. Так, ученица 9-а класса принесла иностранную монету конца XVIII в., которая была пришита к тухле бабушки. После проведения исследовательских работ выяснилось, что ее далекий родственник участвовал в Отечественной войне 1812 г. и привез оттуда подарок для жены.

В школе работает кружок «Юный экскурсовод», который ведут учитель истории О. М. Круглова и учитель чувашского языка и литературы Г. Д. Федорова. Учащиеся-экскурсоводы с интересом изучают экспонаты и рассказывают о них на русском и чувашском языках.

Музейная работа помогает познать глубину творений народа, разжечь интерес к истории родного края и желание сохранить память о прошлом, позволяет развивать интерес к слову, способствует развитию речи учащихся-экскурсоводов.

Надеемся, после нашего знакомства вам захотелось посетить наш музей. Всегда будем рады видеть вас в нашем музее!

Из опыта работы музея «Бичурин и современность»

*Р. Г. Пыркова, Ю. А. Казакова, К. В. Осипова,
г. Чебоксары, Чувашская Республика*

Краеведческий музей расширяет кругозор, воспитывает у граждан познавательные интересы и способности, развивает активность. Работа музея направлена на сохранение исторической памяти и наследия, развития интереса к истории своего народа.

Для школьников музей является одной из форм дополнительного образования, имеющей воспитательную и познавательную ценность, формирующей интерес к отечественной культуре и уважительное отношение к нравственным ценностям прошлых поколений.

Учащиеся МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 33» г. Чебоксары сотрудничают со всеми музеями города и республики. Эти музеи ведут традиционную деятельность: экспозиционно-выставочную, просветительскую и культурно-образовательную, научно-фондовую работу.

Но особенно тесной является совместная работа школы с музеем «Бичурин и современность», который находится в пос. Кугеси Чебоксарского района Республики Чувашия. Этот музей, находящийся в районном центре, можно назвать музеем международного уровня, потому что он посвящен нашему земляку, Никите Бичурину, человеку мирового масштаба.

Заслуги Н. Я. Бичурина (1777–1853) перед Россией, перед российской наукой велики. 14 лет возглавлял он Российскую православную миссию в Пекине, где больше занимался наукой. Он глубоко профессионально изучал историю народов Востока и положил начало всестороннему изучению «Поднебесной истории» – Китая. Он по праву является основоположником научного китаеведения в России. Создав школу отечественных синологов и монголоведов, Бичурин определил свое направление в науке, опередив в этом плане многих западноевропейских ориенталистов.

Учитывая мировое значение заслуг видного ученого Н. Я. Бичурина, в МУК ЧРМ «Бичурин и современность» создана музейная экспозиция «Научный подвиг Бичурина», целью которой является пропаганда научного подвига выдающегося ученого и показ научных достижений основателя российской востоковедения Н. Я. Бичурина.

Основная масса трудов, вывезенных из Китая на 15 верблюдах, сегодня хранится в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург), в архивах Республики Татарстан, Чувашского государственного института гуманитарных наук. Творческая группа под руководством директора музея И. Удаловой вела кропотливую работу в отделе редких книг Российской национальной библиотеки, Национальной библиотеки Чувашской Республики и в архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук.

В ходе научно-исследовательской работы удалось скопировать для фонда музея уникальные труды Н. Я. Бичурина: «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» (1828 г.), «Описание Пекина с приложением плана сей местности» (1829 г.), «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем его состоянии» (1829 г.), которые стали достоянием музея. Работа в этом направлении продолжается, в ближайшее время должны быть закуплены еще шесть уникальных трудов (в музее имеется большинство трудов Н. Я. Бичурина).

В последнее время в музее было подготовлено и открыто 14 выставок (три передвижных, три обменных, восемь из собственных фондов). Передвижные выставки из собственных фондов: в Доме культуры Чувашского государственного университета – «Литераторы Чебоксарского района»; в Центре культуры и досуга пос. Кугеси – «Литераторы Чебоксарского района»; работы победителей конкурсов «Асамлă тĕрĕ тĕнчи». Обменные выставки: выставка «Вокруг железного коня» – из фондов негосударственного учреждения культуры «Научно-технический музей истории трактора» концерна «Тракторные заводы» (г. Чебоксары); фотовыставка «Наш Крым» – из фондов Чувашского национального музея; «Атӑл ял» – из фондов ЧНК. Из собственных фондов в музее организованы фотовыставки: «Виталий Станьял – таврапĕлӳсĕ, вĕрентекен, ӑсчах»; «К 120-летию основателя журнала «Капкӑн» И. И. Илларионова (Иван Мучи)»; «Литераторы Чебоксарского района»; «Не померкнет летопись Победы»; «Памятники и обелиски воинам-землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»; «Путь к победе Н. С. Тониной»; выставка плакатов «Мы за мир»; «Во мне, как и во всех, живет творец», к 65-летию В. Г. Федорова.

В рамках празднования 70-летия Великой Победы были открыты две фотовыставки «Памятники и обелиски воинам-землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (выставка рассказывает о памятниках, расположенных на территории Чебоксарского района) и «Не померкнет летопись Победы». Выставка посвящалась участникам Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., уроженцам Чебоксарского района. Здесь были представлены фотографии и документы из личных архивов 25 человек. Проект реализовывался совместно с Государственным архивом электронной и кинодокументации Чувашской Республики.

Проводятся также «Бичуринские чтения», «Абашевские чтения» – это новые проекты.

Все виды деятельности, несомненно, привлекают в музей все новых и новых посетителей.

Традиционная деятельность и внедрение инновационных технологий в музее

*Е. В. Гришина,
г. Чайковский, Пермский край*

Музей «Крестьянская усадьба» находится в черте молодого города Чайковский и является памятником деревянной архитектуры конца XVIII – начала XIX в. Был открыт 28 февраля 1993 г. Распоряжением губернатора Перм-

ской области от 5 декабря 2000 г. памятник отнесен к категории памятников регионального значения. Старейшая постройка на территории музея – дом Е. И. Щелканова, где полностью сохранен интерьер. Музей рассказывает о жизни и быте крестьян с. Сайгатка, известного с 1646 г., о мужских и женских занятиях крестьян, знакомит с домашней утварью и предметами быта местного населения.

Музей является очагом научно-просветительской деятельности, культурным центром. Наряду с литературой, театром, музыкой и телевидением музей принимает активное участие в формировании личности. Суть образовательной деятельности музея в сложном и многогранном процессе передачи культурного опыта через педагогическую деятельность в условиях музейной среды.

Сотрудники музея работают с разными категориями посетителей: взрослыми, студентами, школьниками, как организованными в группы, так и с одиночными посетителями, кроме того музей активно сотрудничает с детскими дошкольными учреждениями. Для удобства посещения музея с детскими садами и школами заключаются договоры.

Наибольшей популярностью у взрослой категории пользуется «Обзорная экскурсия по музею», у детской – игровая экскурсия «В гостях у Матрены».

Для учащихся младших классов проводится цикл занятий «Красна изба», включающий в себя пять занятий: «В гостях у хозяйюшки», «Хлеб да соль и обед пошел», «Как рукодельница семью одевала», «Забывшие ремесла», «От лучины до электричества». Для учащихся старших классов проводятся тематические экскурсии «Крестьянская усадьба конца XIX – начала XX в.», «Крестьянская архитектура», «Одежда русского населения», «Питание и кухонная утварь русских крестьян», «Клеть».

Огромной популярностью пользуются интерактивные экскурсии, посвященные календарным праздникам – Кузьминки, Святки, Масленица, Пасха, когда посетители сами становятся активными действующими лицами.

Существует и такая форма работы, как чтение лекций и проведение бесед в музее.

Сотрудники музея помогают учащимся подготовиться к краеведческим викторинам, олимпиадам, играм, дают консультации для написания исследовательских работ.

Музей «Крестьянская усадьба» активно сотрудничает с фольклорным коллективом «Беседушка» (руководитель Арина Вячеславовна Лузина). В последнее время стало востребованным мероприятие «Свадьба по старинке» с участием этого коллектива. Ансамбль позволяет создать «живые» фрагменты обрядов, праздников, гуляний, а гостям музея принять участие в реконструкции подлинных фольклорных традиций, бытовавших в нашей местности. Посетители, присутствующие на мероприятии, с удовольствием при-

нимают участие в русских играх и состязаниях, поют песни, беседуют о жизни русских в старину.

На базе музея «Крестьянская усадьба» проходят краевые открытые фестивали с фольклорным направлением «Расписная суббота», «Осеннее многоцветие». Данные фестивали проводятся в рамках проекта «Фестивальное Прикамье: 59 фестивалей 59 региона». Учредителем фестиваля является Министерство культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края, управление культуры и искусства администрации Чайковского муниципального района. В фестивальных мероприятиях принимают участие фольклорные коллективы Удмуртии и Пермского края.

Музей «Крестьянская усадьба» сотрудничает с ГБПОУ «Чайковское музыкальное училище» (техникум), в котором на базе актерского отделения создан учебный театр «Новый театр», художественным руководителем которого является Валерий Анатолевич Конев. Территория музея стала своеобразной сценической площадкой для премьеры спектакля «Женитьба Балзамина» по пьесе А. Н. Островского. Подобная форма проведения музейных спектаклей становится источником ярких эмоциональных переживаний, а музейные экспонаты «превращаются в живые запоминающиеся образы, с помощью которых появляется возможность по-иному обратиться к культуре, истории, национальным традициям, человеческой личности» [1].

С 2005 г. музей включен в экскурсионную программу речных круизов, совершаемых по рекам Каме и Волге, которые организуют туристические компании Перми, Казани и Москвы. Ежегодно здесь бывает более 6 тыс. туристов из различных регионов России и иностранных групп [2].

Сегодня многие музеи ищут возможности, чтобы быть интересными своим посетителям: организывают новые программы, используют новые методы работы. Музей «Крестьянская усадьба» не стал исключением. В 2012 г. сотрудниками музея разработана экскурсия-путешествие «Сайгатка – Чайковский: старина и новь» для оснащения стационарной экспозиции средствами коммуникации. Данная программа позволила расширить возможности экспозиции, не разрушив привычного пространства. Экскурсия загружена в планшетные компьютеры, которыми посетители музея «Крестьянская усадьба» могут воспользоваться. Во время электронной экскурсии посетители знакомятся не только с основной экспозицией музея, но и могут получить другую информацию благодаря дополнительным материалам на планшетном ПК.

В процессе создания программы сотрудниками музея был проведен отбор информационных документов, проводилась фотосъемка экспонатов и экспозиций музея, разработана структура виртуальной экскурсии и пакет рекламных документов, проинформированы учебные заведения и население города. Техническая часть программы выполнена руководителем некоммерческо-

го партнерства «Пермское информационно-ресурсное содружество – Культура» Анатолием Михайловичем Бобровым. Электронная экскурсия вызывает интерес у различных категорий посетителей музея – школьников, студентов, родителей с детьми.

В декабре 2015 г. в музее «Крестьянская усадьба» введена новая услуга. На территории музея установлена система электронного мобильного гида «Маугри», принцип работы которой основан на популярной технологии распознавания QR-кодов.

QR-код «QR – Quick Response – Быстрый Отклик» – это двухмерный штрихкод, предоставляющий информацию для быстрого ее распространения с помощью камеры мобильного телефона. При помощи QR-кода можно закодировать любую информацию, например, текст, номер телефона, ссылку на сайт или визитную карточку [3].

Для получения данной услуги необходимо наличие мобильного устройства с видеочастью и возможностью выхода в Интернет, а также установленной на устройстве программы, считывающей штрих-коды. При наведении камеры на QR-код на экране мобильного устройства появится ссылка на Интернет-ресурс. Перейдя по ссылке, можно прочитать зашифрованную в коде информацию.

Теперь у посетителей музея появилась возможность не только самостоятельно осмотреть экспозицию, но и с помощью своего мобильного устройства получить доступ к информации об экспонатах.

К летнему туристическому сезону в музее «Крестьянская усадьба» планируется ввести еще одну новую услугу – аудиогид на иностранном языке.

В настоящее время не каждый музей может позволить себе экскурсоводов, владеющих иностранными языками, или переводчиков, поэтому для иностранных туристов возникают большие трудности. Использование аудиогидов позволит гостям из других стран слушать аудио-экскурсию на родном языке.

Формы культурно-образовательной деятельности нашего музея различны: это традиционные формы работы с посетителями – экскурсии, лекции, беседы; и инновационные – музейные праздники и спектакли, творческие встречи, фестивали. Использование современных технологий в работе музея привлекает все новых и новых посетителей.

Примечания

1. Тропова Н. П. Театр живописи // Мир музея. 2005. № 3 (211).
2. Проблемы развития этнографических музеев под открытым небом в современных условиях: мат-лы науч.-практ. конф., состоявшейся в Иркутске 6–9 августа 2006 г. Иркутск, 2006.
3. Генератор QR кодов [Электронный ресурс]. URL: <http://qrcoder.ru/>.

Театр теней как форма работы в Музее изобразительных искусств г. Ижевска

*А. А. Горынцова,
г. Ижевск, Удмуртская Республика*

Поиск новых форм работы – с этой задачей сталкивается каждый сотрудник экскурсионного отдела музея. Но иногда новое оказывается хорошо забытым старым. Экскурсионно-массовый отдел Удмуртского музея изобразительных искусств открыл для себя совсем не новое, и уж точно не современное искусство театра теней. Его принцип прост – контраст света и тени. Экран, силуэты, источник света – таковы составляющие театра. За многие века существования теневой театр не претерпел практически никаких изменений, разве что источник света стал электрическим.

Теневой театр по своей сути близок изобразительному искусству, что для нас как для художественного музея было немаловажным. Искусство силуэта – предельно лаконичное, четкое по форме, требующее от художника твердости руки и наблюдательности – было популярно начиная с XVIII в.; к нему обращаются и некоторые современные художники [1]. В музейной деятельности театр теней использовал еще Я. Мексин в 30-е гг. XX в. в московском Музее детской книги [2]. С его помощью зрителей знакомили с произведениями русской и мировой литературы. Постановки театра были передовыми для своего времени, была разработана специальная аппаратура, с помощью которой силуэты проецировались на экран издалека. Использовалась и «китайская система» – силуэты двигались при помощи палочек, прикрепленных к ним перпендикулярно. Именно этим способом воспользовались и мы – ввиду его простоты.

Появившись как своеобразный эксперимент, теневой театр в Музее изобразительных искусств быстро упрочил свои позиции. «Репертуар» постепенно рос. На сегодняшний день есть композиции, рассчитанные на аудиторию разных возрастов. Разрабатывая «постановки» для взрослых, мы сделали ставку на редкое в наше время явление – качественный, «проверенный временем» юмор. Так появился цикл по произведениям А. Аверченко «Неизлечимые», «Масленица» [3].

Реакция зрителей на нашу «самодеятельность» оказалась положительной; театр теней стал хорошим дополнением к проводимым музеем по разным поводам праздничным мероприятиям. «Не ожидали, что в музее может быть весело» – среди прочих были и такие отзывы.

Но основная аудитория Музея изобразительных искусств все-таки дети. Для них мной была разработана новогодняя постановка «Домовой в витрине» по произведению шведской писательницы Эльсе Бесков [4].

Сама атмосфера театра теней – полумрак, пляшущие по стенам тени – способствует ощущению тайны. Поэтому с его помощью так удобно рассказывать сказки. «Домовой в витрине» – история домовенка Нуссе, случайно вместо куклы оказавшегося в витрине магазина игрушек. Действие происходит накануне всеми любимого Рождества. За несколько дней в большом городе домовенок успевает многое: создать спрос на кукол-домовят и тем существенно помочь старушкам-кукольницам поправить свои дела, подружиться с мальчиком Снорри и помочь ему оправиться от болезни и понять, что никакие приключения на свете не сравнятся с радостью возвращения домой.

«Девочка из города» – еще одна постановка для детей. Она была задумана как дополнение к экскурсии по выставке, посвященной Великой Отечественной войне. В основе – произведение детской писательницы Л. Воронковой [5]. Это история девочки Валентины, оставшейся во время войны сиротой и пригретой в крестьянской семье Шалиховых. Это правдивый и в то же время удивительно добрый рассказ; ощущение, что все преодолимо, что все будет хорошо, не покидает при прочтении книги ни на минуту. Рассказать о войне на примере судьбы девочки-ровесницы многим нашим посетителям оказалось удачным шагом для музейщиков. Главная героиня – шестилетняя Валентинка близка и понятна маленьким зрителям. Понятны ее мысли и чувства. Во многом Валентинка – типичная девочка. Она собирает открытки и заботливо хранит их в маленькой сумочке, она шьет платья куклам, старательно разрисовывает новую скатерть цветами – из лучших побуждений, в подарок. Но обстоятельства, в которых оказалась маленькая Валентина, современным школьникам не ясны. Она часто пугается по мелочам – как любая девчонка. Она боится огромного быка, бежит от него со всех ног, и это понятно, но страшится Валентинка и шума пролетающих самолетов – вдруг это бомбардировщики. Вопросы, которые задают дети, показывают, насколько, к счастью, далеки от них реалии военного времени. Так, многие недоумевают, почему деревенские ребяташки не покупают подарки маме в ближайшем супермаркете на сэкономленные карманные деньги, а делают их своими руками, или почему на столе во время обеда нет такого популярного «блюда», как колбаса.

Просмотр театра теней настраивает ребят на определенный эмоциональный лад. Дети начинают проявлять не «нужные» эмоции, которых, они чувствуют, от них ждут, а искренне выражают собственные мысли и чувства. В данном случае театр теней помогает сделать историю более конкретной, «живой», не такой непоправимо прошедшей и далекой.

Практика показала, что театр теней в Музее изобразительных искусств оказался удачным проектом; он может быть использован как дополнение к любой выставке. Свою роль сыграл и эффект неожиданности, и качественная

подборка литературных произведений, которые, как оказалось, знают немногие посетители. На сегодняшний день среди авторов М. Зошенко, Д. Хармс, Л. Воронкова, А. Аверченко [6].

Театр теней в музее – это своеобразный синтез разного рода технологий – музейных, театральных, изобразительного искусства, и как форма музейной работы, несомненно, заслуживает внимания, не как единственная альтернатива экскурсии, но как один из многочисленных вариантов музейного времяпрепровождения.

Примечания

1. Приятнейшая тень / под ред. С. Н. Разгонова // Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Вып. 2. М., 1996. С. 191.
2. Юхневич М. Ю. Я. П. Мексин и его игромузей // Музей. 2014. № 1. С. 50–51.
3. Аверченко А. Неизлечимые [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Неизлечимые_\(Аверченко\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Неизлечимые_(Аверченко)) (дата обращения 15.02.2016 г.); Аверченко А. Широкая масленица [Электронный ресурс]. URL: www.rulit.me/books/shirokaya-maslenica-read-329302-1.html (дата обращения 15.02.2016 г.).
4. Бесков Э. Домовой в витрине; пер. с швед. Л. Брауде // Подарок тролля: сказки писателей Скандинавии. Петрозаводск, 1993.
5. Воронкова Л. Девочка из города [Электронный ресурс]. URL: www.znaniy.com/proza-i.../34-devochka-iz-goroda-l-voronkova.html (дата обращения 15.02.2016 г.).
6. Зошенко М. Елка [Электронный ресурс]. URL: www.razumniki.ru/elka_zoschinko_rasskaz.html (дата обращения 15.02.2016 г.); Хармс Д. Как Володя быстро под гору летел [Электронный ресурс]. URL: www.peoples.ru/.../harms/poetry_kak_volodja_bystro_pod_goru_letel.s (дата обращения 15.02.2016 г.).

Проект «Музей на колесах» – музей вне стен музея

*Л. А. Носова,
г. Соликамск, Пермский край*

Знаковой тенденцией последних лет является внимание к культурно-образовательной деятельности музеев, которая становится одним из приоритетных направлений музейной работы. Музей давно перестал быть только центром хранения и передачи культурного наследия, становясь в современном меняющемся мире центром как формального, так и неформального образования для всех категорий населения. В наше время музеи имеют высокий социальный статус и спрос на результаты своей деятельности. И не всегда культурно-образовательная функция музеев ограничивается только экспозиционно-выставочным пространством самого музея.

Безусловно, экспозиции и выставки Соликамского краеведческого музея (СКМ) – основная форма музейной коммуникации, которая способствует популяризации исторических знаний и поддержанию интереса к истории родного города, края, страны. Наряду с традиционными лекциями и экскурсиями на музейных площадках СКМ чаще реализуются программы с активным взаимодействием музея и посетителей: мастер-классы, театрализованные экскурсии, интерактивные музейные мероприятия (викторины, праздники, поисковые игры-квесты). Таким образом, работая с музейной аудиторией на площадках музея, мы взаимодействуем с посетителями «внутри» музея. А может ли существовать музей вне стен музея? А можно ли взаимодействовать с посетителем «снаружи»? Проект Соликамского краеведческого музея «Музей на колесах» доказывает, что можно.

Как возникла идея такого рода образовательного проекта взаимодействия с музейной аудиторией вне стен самого музея? Сотрудники научно-просветительского отдела СКМ столкнулись со следующей проблемой: образовательные учреждения города и района, находясь в партнерских отношениях с музеем и будучи чрезвычайно заинтересованными в реализации музейно-образовательных программ, испытывают определенные трудности с организацией похода (поездки) учащихся в музей. В целях ужесточения мер безопасности изменились правила перевозки детей. Выполняя соответствующие требования, многие образовательные учреждения вынуждены были отказаться от сотрудничества или сократить посещение музейных мероприятий. От многих талантливых педагогов и руководителей мы слышали: «Приезжайте лучше вы к нам!». Так возникла идея музейно-образовательного проекта «Музей на колесах».

Наш проект создан для того, чтобы в школе или детском саду, колледже или клубе появилось музейное пространство, а вместе с ним – пространство творческого познания и радости. Для музея проект давал возможность не только увеличить количество посетителей, но и расширить экспозиционно-выставочное пространство и увеличить число экспонируемых предметов [1]. Для музейных профессионалов далеко не секрет, что изменение экспозиционно-выставочного пространства требует больших финансовых вложений, которых у муниципальных музеев зачастую нет даже на условиях софинансирования с грантовыми средствами. Или же тематика музейной программы является интересной, но востребованной в короткий промежуток времени, и менять музейное пространство на короткий срок представляется просто нецелесообразным. Все эти сугубо музейные проблемы решал проект «Музей на колесах». Тематика передвижных выставок и музейных программ в рамках этого проекта была сформирована с учетом целого ряда условий: актуальность и социальная значимость; интерактивность и культура соучастия; возможность размещения на любой площадке заказчика; мобильность.

Проект «Музей на колесах» стартовал в апреле 2014 г. передвижной выставкой «Предметы старины далекой...», на которой были представлены предметы крестьянского быта. Выставка побывала в десяти образовательных учреждениях города. Музейные уроки «Секреты ремесла», «Прадеды умения» на базе передвижной выставки были интересны как воспитанникам, так и педагогам, а также их родителям. Выставку посетило около тысячи человек. Безусловно, интересной в рамках проекта была передвижная выставка «Школьные годы наших предков», где музейная программа рассказывала об особенностях школьного обучения в прошлом, а интерактивный уголок позволял научиться письму гусиным пером и перьевой ручкой, а желающим – «постоять на горохе» или «попробовать» на себе розги. Данная передвижная выставка побывала в гостях в семи учреждениях, посетителей – около 700 чел. Одновременно были успешно реализованы следующие музейные программы на базе передвижных выставок: «Соленый урок», «Государственная символика», «Откроем тайны музея», задачей которых было научить детей уважать исторические корни, любить свое Отечество, ценить «умные» развлечения. Интерактивные формы (мастер-класс по лепке из соленого теста, создание собственной экспозиции, викторина на знание истории государственных символов) усиливали эмоциональное воздействие передвижной выставки.

Наиболее социально востребованной программой проекта была передвижная выставка «Вещи с фронта», посвященная 70-летию Великой Победы. Выставка побывала во всех образовательных учреждениях города, выезжала в соседний город. Посещаемость выставки составила более 2000 чел. Можно по-разному рассказать о страшных событиях Великой Отечественной войны, но рассказ вещей солдата, немых свидетелей боев, смерти, лишений трудно переоценить. Приезжая в гости к сегодняшним мальчишкам и девчонкам, выставка делает их сопричастными к исторической памяти народа, наделяет их полномочиями хранителей этой памяти. За солдатской каской, планшетом, котелком или ложкой стоят конкретные судьбы земляков-защитников Родины в лихую военную годину. А боевые медали позволяют прикоснуться не просто к металлу, а к подвигу. Мастер-класс по изготовлению солдатского фронтального «треугольника» с написанием письма солдату Великой Отечественной войны, завершая музейную программу, одновременно дает возможность педагогам образовательного учреждения продолжать работу по патриотическому воспитанию уже после закрытия музейного пространства.

Таким образом, проект «Музей на колесах» является дополнительным успешным средством коммуникации музейя и посетителя, когда музейной аудитории происходит «снаружи», позволяя музею жить вне своих стен, что отвечает современным требованиям меняющегося мира.

Примечания

1. Соликамский краеведческий музей, владея крупнейшим в Пермском крае общим фондом хранения более 80 тыс. единиц, имеет возможность экспонировать на своих площадях около 5% предметов музейного значения.

Художественно-выставочный комплекс «Дача Башенина» – бренд г. Сарапула

*В. С. Конюхова,
г. Сарапул, Удмуртская Республика*

Художественно-выставочный комплекс «Дача Башенина» располагается в бывшей купеческой усадьбе. Здание было передано Музею истории и культуры Среднего Прикамья в 1991 г. для расширения экспозиционно-выставочных площадей. Само архитектурное сооружение и окружающая парковая среда предполагали большие перспективы для развития музейной деятельности. Несмотря на критическое состояние здания (разрушенная кровля и дренажная система, выбитые окна и потрескавшиеся стены), а также полное запустение парка, это место притягивало своей аутентичностью. Здание было на грани разрушения, но сохранило собственное имя – дача Башенина. Это имя стало брендом музея, гордостью возрождавшегося города.

Несколько лет на даче велись ремонтные работы. Реставрационные исследования проводили специалисты Московского института «Спецпроектреставрация». Городская администрация, местные предприятия, частные лица и сотрудники музея были вовлечены в процесс восстановления дачи.

Указом Президента РФ от 20 февраля 1995 г. № 176 дача Башенина была отнесена к объектам культурного наследия федерального значения. 1 ноября 1995 г. открылся Художественно-выставочный комплекс «Дача Башенина». В экспозиционных залах разместилась уникальная художественная коллекция музея: картины русских и европейских мастеров, скульптура, мебель и декоративно-прикладное искусство. Помимо этого хотелось создать атмосферу купеческого быта прошлой эпохи, но никаких сведений о внутреннем убранстве дома, о судьбе его обитателей не сохранилось. Поэтому возрождение дачи шло параллельно научным исследованиям по истории дома и семьи Башениных.

К началу постсоветского периода купеческая тема была мало изучена, но оказалась очень востребованной. История старого купеческого города открывалась новыми гранями: взлетами культурного и экономического развития, яркими личностями и трагическими судьбами целых династий. В ходе

научных исследований (изучения архивных материалов, печатных изданий, воспоминаний, консультаций специалистов) был собран интересный материал, позволивший далее применять его в просветительской и выставочной работе, а также проектной деятельности музея. История дома оказалась богата событиями и именами.

Дача строилась в 1909 г. для городского головы Павла Андреевича Башенина (1868–1910), который не успел пожить в этом особняке, но оставил ему свое имя. По наследству усадьба перешла к младшему брату – Петру Андреевичу Башенину (1875–1920-е). Он жил здесь с женой и двумя детьми. Петром был установлен фонтан со скульптурой «Первая любовь». На даче собирались друзья и родственники, на Рождество устраивались елки, здесь принимали почетных гостей города. Накануне революционных событий Башенины покинули Сарапул. После национализации в 1918 г. на даче открылся санаторий для детей из приютов. В 1919–1920 гг. здесь размещался Вотский комиссариат, проходили первые партийные съезды коммунистов и учителей удмуртов. В 1922–1926 гг. дача была отдана под хирургическое отделение городской больницы. В 1927 г. был создан туберкулезный диспансер для взрослых. С 1940 г. дача вошла в состав республиканского детского санатория № 1 [1].

Благодаря сотрудничеству с профессором Ярославского гостехуниверситета Владимиром Валентиновичем Богородицким, удалось установить имя автора проекта дачи. Им оказался московский архитектор Павел Алексеевич Трубников (1877–1936), разработавший по заказу Башенина четыре проекта для Сарапула [2]. Здания Трубникова, выполненные в стиле модерн, открыли моду на новое направление, определившее архитектурное своеобразие уездного города. Дача Башенина явилась вершиной творческой фантазии мастера. Спустя сто лет она признана красивейшим памятником архитектуры, считается лицом города и является хранилищем музейных предметов и своеобразной творческой площадкой.

В начале 2000-х гг. в Художественно-выставочном комплексе проходила выставка «В поисках большого стиля», посвященная сарапульскому модерну. Модерн вызвал большой интерес у зрителей, поэтому была создана еще и передвижная фотовыставка, разработано мероприятие «Каприз в стиле модерн», выпущен сувенирный диск «Модерн в архитектуре Сарапула». В 2008 г. музейный проект «Здесь живет модерн» стал победителем грантового конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире». В рамках проекта был организован городской праздник «Дефиле в стиле модерн». В дачном парке состоялся шоу с показом исторических костюмов и модных авторских коллекций. Сама дача нашла отражение в творчестве художников, поэтов, модельеров, дизайнеров и кинематографистов. Она вдохновляет на создание новых образов и произведений. Сегодня изображение дачи широко используется в рекламной и сувенирной продукции.

Личность хозяина дачи также открыла огромный потенциал для развития исторического бренда города.

Павел Андреевич Башенин родился в Сарапуле, был купцом 1-й гильдии, занимался лесной промышленностью. В 1904 г. заступил на место городского головы, в 1906 и 1910 гг. вновь избирался на эту высокую должность. Приложил все усилия для укрепления городского хозяйства: мощение дорог, освещение улиц, строительство новых зданий. Благодаря его деятельности было открыто новое здание женской гимназии – одно из лучших в Казанском учебном округе. Будучи председателем пожарного общества, Башенин предпринял кардинальные меры по борьбе с пожарной опасностью. Внедрил систему капитального водоснабжения, которая прослужила городу до 1980-х гг., а также построил первую в Среднем Прикамье электростанцию. Башенин был удостоен звания почетного гражданина; современники отмечали: «Его имя будет стоять выше всех сограждан и светить путеводной звездой к добру и общественным подвигам» [3].

Образ удачливого предпринимателя и общественного деятеля, радушного хозяина сразу стал использоваться в музейных мероприятиях: театрализованных экскурсиях, праздничных программах, встречах гостей. Более 10 лет роль Башенина с успехом исполняет заслуженный артист Удмуртской Республики Алексей Агапов.

В 2008 г., к 140-летию со дня рождения Павла Башенина, был разработан проект «Башенин – это Имя!». В течение всего года шли мероприятия, раскрывающие роль Башенина в истории города. Проект стартовал 4 марта, в день памяти Башенина. В Воскресенской церкви была отслужена торжественная панихида, также как в 1910 г., и это стало возрожденной ежегодной традицией. К Международному дню музеев в Художественно-выставочном комплексе была проведена праздничная театрализованная программа, посвященная делам Павла Башенина. В дачном парке при участии представителей городской администрации заложили «Аллею градоначальников». Тогда же состоялся пленер художников по созданию портрета Башенина, и лучшие произведения потом были представлены на выставке художников Прикамья «Город Башенина». По итогам городского конкурса детского творчества была создана выставка «Есть город золотой». Победители конкурса и участники проекта были приглашены на Рождественский бал, где получили награды и памятные призы. Массированная пропаганда имени и образа Павла Башенина имела свои последствия. Краеведческое занятие для школьников «Башенин – это Имя!» на протяжении нескольких лет остается востребованным в рамках патриотического воспитания и формирования правильной гражданской позиции подрастающего поколения.

В 2014 г. городским информационно-методическим центром был разработан городской конкурс исследовательских работ для школьников «Дороги

Павла Башенина». В 2015 г. имя Павла Башенина прозвучало во Всероссийской акции «100 великих предпринимателей и меценатов России» в рамках проекта «История российского предпринимательства».

С 2008 г. на даче Башенина ежегодно проходят встречи потомков «Именины Петра и Павла». Близкие и дальние родственники, друзья семьи и краеведы приезжают из разных городов страны, чтобы узнать историю своего рода, поделиться своими сведениями. Совместными усилиями составлена родословная таблица Башениных, включающая более 200 чел. Каждый раз открываются новые имена и новые факты из жизни Башениных, что дает возможность для дальнейшего изучения темы, участия в научных конференциях, создания новых выставок и проектов.

В 2014 г. в Сарапул впервые приехала семья Дупленковых из Москвы; они привезли альбом с семейными фотографиями Башениных и рассказали, как сложилась судьба детей Петра Башенина. Каждый снимок – это микроистория, семейный альбом – история рода. Так появилась идея создания проекта «Родинка», нацеленного на сохранение семейных традиций и преемственности поколений. В мае 2015 г. состоялась презентация выставки «Семейный альбом Башениных». Это итог многолетней исследовательской работы, дающий возможность интерактивного знакомства с родной историей. Открывающееся окно и родословное дерево, детские игрушки и семейные реликвии, фотографии и альбом с воспоминаниями – все вовлекает зрителя в живую историю.

Интерес к даче как родовому гнезду подтолкнул к многостороннему изучению территории усадьбы. Из архивных источников стало известно, что в конце XIX в. усадьба принадлежала сарапульскому купцу Андрею Анисимовичу Башенину (1832–1889). Им был создан комплекс деревянных жилых и вспомогательных помещений [4]. К началу XX в. две дачи, предназначенные сыновьям Петру и Павлу, сгорели, а два флигеля 1881 г. постройки сохранились до сих пор. Сохранилась и кирпичная конюшня, где у Петра Башенина стоял первый в городе автомобиль.

В 1911–1912 гг. на территории усадьбы проводились археологические изыскания, и были обнаружены следы старой оранжереи. Тогда возникли идеи по созданию небольшого дендросада и экологической тропы, а в перспективе и игровой площадки. Благоустройство территории в традициях дачной культуры конца XIX – начала XX в. открывает новые горизонты в развитии познавательного туризма и укреплении дачного бренда.

Комплексное изучение исторических, биографических, дендрологических материалов позволяет представить в концентрированном виде весь спектр особенностей дачной жизни как своеобразного явления культуры прошлой эпохи.

Восстановление старой купеческой дачи возродило имя почетного гражданина, открыло историю целого рода, создало неповторимый бренд города.

Сегодня имя Павла Башенина и дачу Башенина знают не только многие жители Сарапула, но и далеко за пределами региона. Место, сохраняющее тепло живой истории, имеет значение!

Примечания

1. Конюхова В. С. История и перспективы развития дачной усадьбы купца П. А. Башенина // Сведомские чтения: Доклады и материалы Четвертых и Пярых чтений / под ред. В. И. Якунцова. Чайковский, 2010. С. 64–71.
2. Канаева Л. В., Богородицкий В. В. Павел Трубников // Красное Прикамье. 1999. 10 июля.
3. Памяти Башенина // Прикамская жизнь. 1910. 5 марта.
4. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 3. Д. 434. Л. 36.

Сохранение культурного наследия в малых музеях: краеведческий музей г. Ломоносова

О. В. Рожнова, г. Ломоносов

*Сохранение культурной среды – задача не менее важная,
чем сохранение окружающей природы.
...Культурная среда столь же необходима
для его (человека) духовной, нравственной жизни,
...для его нравственной самодисциплины и социальности [1].*

В последнее время наибольшую остроту приобрел диалог между сохранением культурной среды и утилитарным ее использованием. Причем перевес часто оказывается на стороне утилитарной. Поэтому краеведческий музей как хранитель информационной модели социальной памяти приобретает статус практически единственного источника сохранения культурной среды малого города.

Один из аспектов исторического прошлого г. Ораниенбаума – Ломоносова связан с дачной жизнью. «Особую прелесть... придавали деревянные постройки, использовавшиеся для постоянного проживания и в качестве летних дач. Стилистика частных домов была разнообразной, нередко эклектичной: в них переплетались “русские”, “швейцарские”, “готические” и другие элементы. Но при этом в подавляющем большинстве постройки отличала целостность художественной концепции и профессионализм исполнения. Они составляли архитектурную ткань города, сейчас почти полностью утраченную» [2].

Говоря о культурной среде города Ломоносова, нельзя не сказать о существовании целого комплекса зданий, связанных в XIX – начале XX в. с военной историей России. Это Офицерская стрелковая школа, в которой высший командный состав империи проходил повышение квалификации. На полигоне школы проходило испытание боеприпасов различных образцов мирового уровня, что послужило разработке отечественных моделей стрелкового оружия. В комплекс входили сооружения вспомогательного характера (казармы, офицерское собрание, штаб и пр.).

Длительное время постройки использовались в качестве жилых домов, часть была отдана в аренду организациям. В наше непростое время эти дома стали обременительны для содержания и постепенно исчезают с лица города.

Одно из последних сохранившихся зданий – дом по улице Еленинской, 25. Построенное для нужд Офицерской стрелковой школы, оно претерпело ряд изменений. Сегодня в нем расположен городской краеведческий музей. И благодаря этому новому назначению здание не просто приобрело новый статус, но и постепенно становится централизованным объектом сохранения культурного фонда города, не только сберегая вещи как таковые в их материальном воплощении, но и те ощущения, которые вызывает данный предмет.

Краеведческий музей г. Ломоносова гостеприимно распахнул свои двери после многолетнего ремонта в 2011 г. в рамках празднования 300-летнего юбилея города.

История создания историко-краеведческих музеев в г. Ораниенбауме – Ломоносове после 1917 г. такова. Есть сведения, что на ул. Ленинской, 2 (ныне ул. Еленинская, 25) в 1920–1921 гг. располагались отдел народного образования, библиотека и музей учебных пособий [3]. В дальнейшем в доме находились райвоенкомат, жилые помещения.

На ул. Пароходной, 7 был создан Ораниенбаумский музей обороны Петрограда (другое название – «Музей подавления Кронштадтского восстания», предположительно организован в 1931–1935 гг.), на здании была установлена памятная доска [4]. Музей существовал до середины 1950-х гг. Дом был разобран в 1984 г. после пожара.

В 1970 г. на базе комнаты боевой славы был организован Краеведческий музей г. Ломоносова. Он занимал различные здания: на Дворцовом пр., 46; ул. Рубакина, 15/11, затем переехал по адресу ул. Еленинская, 25.

За более чем 40-летнюю историю в музее активно пополнялись фонды в самых разных направлениях, но приоритет был отдан истории Ораниенбаумского плацдарма. Затем сформировались такие направления, как история города, дачный быт и др. Археологические изыскания на территории района привнесли свое направление в формирование фондовых коллекций. Особое место занимают мемориальные коллекции (В. В. Бианки, Н. М. Филатов,

Г. Д. Костылев, И. Ф. Стравинский). Музей ставит перед собой задачу – сохранить постепенно исчезающее историческое прошлое города, а также и района (переключаясь с деятельностью районного краеведческого музея, располагающего по адресу ул. Профсоюзная, 7).

Стремление сберечь память об архитектурном убранстве города породило в 1980-е гг. проект по созданию серии акварелей и рисунков. Сегодня эта коллекция служит основным источником информации об облике города в разные временные периоды и постоянно используются в архивной и научной работе.

Раскопки в крепости Копорье, организованные Ленинградским отделением института археологии АН СССР в 1970-е гг., в которых участвовало почти 150 человек – архитекторы, инженеры, студенты, школьники из Ленинграда и Ломоносова, в том числе школьный отряд под руководством председателя Ломоносовского районного отделения общества охраны памятников, заслуженного учителя РСФСР А. А. Плаксина, – позволили обнаружить многочисленные материальные свидетельства крепостного быта XVIII столетия. Результаты археологических изысканий были переданы в Краеведческий музей г. Ломоносова. Сегодня эти предметы разместились на панели макета крепости Копорье, специально разработанного для экспозиции.

Другой пример утраченного сооружения – фабрика М. В. Ломоносова по производству цветного стекла в Усть-Рудице. Ныне на месте фабрики – памятный гранитный знак, а в экспозиции музея в специально созданных драйверах макета фабрики – цветное стекло, стеклярус и бисер с места раскопок.

Мумии из захоронений пос. Мартышкино, переданные в 2007 г. в музей, являются единственной памятью о лютеранском кладбище. Мумификация произошла исключительно благодаря условиям захоронения в хорошо вентилируемых склепах. Само кладбище было отдано в 1975 г. под жилую застройку.

Скульптура Психея была найдена в 1980 г. на пустыре г. Ломоносова при экскаваторных работах. В этом месте в XIX столетии размещался дачный участок семьи Голубевых. Сегодня на месте дачи – комплекс жилых домов, центральная площадь города. Работа неизвестного мастера XIX в. представляет собой мраморный торс парковой женской фигуры. Рабочие назвали ее Венерой, но при рассмотрении аналогов очевидно родство с Психеей, с ее кокетливо изогнутыми бедрами, декорированные драпировкой, из-под которой выглядывает изящная женская ножка. На спине у скульптуры два отверстия для крепления, предположительно для крылышек.

Археологический фонд содержит элементы декора деревянного зодчества. Фонд пополнялся деталями при разборке домов. Сегодня фрагменты резного деревянного убранства, заботливо сохраненные поисковиками-краеведами, представлены в экспозиции музея в разделе «XIX век».

Экспонаты по теме военной археологии разместились в зале воинской славы, посвященном двум основным направлениям: офицерская стрелковая школа в Ораниенбауме, развитие русского стрелкового оружия и Ораниенбаумский плацдарм.

В разделе, посвященном деятелям Офицерской стрелковой школы, демонстрируются образцы пуль и патронов системы Смит-и-Вессон, Наган, пули Минье, винтовки Бердана № 2, унитарный патрон к винтовке Мосина, найденные при полевых исследованиях территории полигона.

Ораниенбаумский плацдарм – это не просто слова для многих, кто живет и трудится в г. Ломоносове. События, разворачивавшиеся в период Великой Отечественной войны на территории Ораниенбаума, отражены в части экспозиции, посвященной данной тематике. За годы существования музея было собрано огромное количество предметов военной археологии, занявших почетное место в новой экспозиции музея.

Создавая новое выставочное пространство к 300-летию города, хотелось сделать историю доступной для посетителей различного возраста, вывести на новый уровень показ и интерпретацию музейного объекта. В основе построения экспозиции – принцип интерактивности, чтобы посетитель мог включиться в процесс активного узнавания и участия в событиях. С этой целью используются технические новинки: интерактивная карта города, действующий макет фабрики М. В. Ломоносова в Усть-Рудице, модель винтовки Мосина и не имеющая аналогов модель кабины самолета ЛА-5, воссозданная по образцу самолета Героя Советского Союза, уроженца г. Ораниенбаума Г. Д. Костылева.

Второй принцип построения – мемориальность. Три основные персоналии – М. В. Ломоносов, И. Ф. Стравинский, Г. Д. Костылев – занимают центральное место в экспозиции. Среди мемориальных комплексов особое место отведено уголку Игоря Федоровича Стравинского, композитора с мировым именем. Игорь Стравинский родился в Ораниенбауме в доме полковницы Худынцевой на Швейцарской улице в 1882 г. и был третьим сыном артиста Федора Игнатьевича Стравинского, солиста Мариинского театра. Вторично И. Стравинский побывал в Ломоносове во время своего визита в 1962 г. От дома на Швейцарской улице осталось лишь упоминание и несколько фрагментов ступеней, сейчас на этом месте располагается электростанция. В экспозиции демонстрируются стилизованный комплекс дачной гостиной и кабинета отца композитора – Федора Игнатьевича Стравинского. Это единственное в России мемориальное воплощение памяти Игоря Стравинского (на Украине есть музей Стравинского, г. Устилуг). Тема Стравинского вышла за рамки музея, она реализовалась в создании двух музыкальных фестивалей под общим названием «Стравинский-фест», в которых приняли участие ведущие музыканты и музыковеды города.

Работа с документами и людьми – важный этап в сохранении памяти о городе и горожанах. Происходит пополнение информационного потенциала краеведческих объектов. В музей приходят потомки именитых горожан, людей, история семей которых неразрывно связана с Ораниенбаумом-Ломоносовым. Семейные архивы открывают новые страницы жизни города (в качестве примера семья купца Савельева – горожане XIX в., семья Пыжовых в своих дневниках описывает городскую жизнь начала XX в. и периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Часто получается так, что только благодаря семейным архивам становится известна новая информация (получение единственного изображения купца Савельева, о городском фотографe И. Яковлеве, о школьной жизни начала XX в. от Владимира Константиновича Курец, чья семья проживала на территории Мартышкино). Ведется работа с потомками семьи Стравинских в России. Огромное число воспоминаний связано с военным периодом. Музей формирует архив и использует фотографический и рукописный материал в лекционной и выставочной работе. На лекциях активно обсуждаются новые материалы, и жители привносят свою лепту в формировании исторической памяти о городе.

В 2011 г. музей принял участие в конкурсе «Музейный Олимп», получив премию в номинации «Экспозиция года». Безусловно, все стало возможным благодаря активному вкладу тех, кто стоял и до настоящего времени руководит и направляет работу музея – его историков-краеведов-директоров (А. Н. Бурак, В. А. Шанаев, А. А. Плаксин, Ю. В. Кучук) – и кропотливому труду рядовых сотрудников музея.

В 2015 г. музею исполнилось 45 лет. К этой дате музей подошел со значительными достижениями. Помимо основной экспозиции, музей ежегодно проводит более 15 временных выставок в год. Эти проекты отражают работу музея с частными коллекционерами, взаимодействие музея с центральной библиотечной системой района, музеями Санкт-Петербурга. В результате работы выставок часто возникает еще одна область работы музейного сотрудника – это изучение личных семейных архивов. Через музей люди хотят найти своих близких, сведения о которых утеряны в годы войны или ранее. И в ходе обсуждений иногда становится возможным узнать новые сведения о проживавших в городе людях и их судьбах. Порой после просмотра выставки посетитель делится материалами из семейного архива.

Так произошло с семьей купца Савельева, который играл заметную роль в истории г. Ораниенбаума. Нам были знакомы его владения, но ничего неизвестно о нем самом и его семье. В 2013 г. на выставку «Ораниенбаумский артефакт» были представлены предметы из личного семейного архива. Впервые стало доступным для музея и широкой публики изображение купца 1-й гильдии Григория Савельева. Завязалось близкое знакомство, и потом-

ки передали в музей фотографии и документы, связанные с женой и дочерью купца, а также семейную Библию.

В результате работы выставки «Улица Есенинская» (2014 г.) одна из посетительниц принесла в музей документы своих родных, живших в Ораниенбауме. Музею были представлены цифровые изображения членов семьи Шиловых, а также копии писем из архива семьи, которая, за исключением одного из сыновей, провела блокаду в Ораниенбауме, где и погибла от голода. Письма дают представление о том, как начиналась и длилась блокада для обычных жителей города Ораниенбаума.

Работа с личными архивами требует пристального внимания и большого количества времени. Многие наработки находят отражение в выставочной работе, а большая часть закладывает основу для дальнейшей научной работы. Суть краеведческой работы и складывается из пристального внимания к мелочам к судьбам обычных людей, которые, как кусочки мозаики, формируют представление о картине городской жизни.

Лекторий музея, связанный с военной историей, собирает большое число слушателей, в особенности на различных площадках района. Интерактивные программы, экскурсии, интересные мероприятия для взрослых и детей – далеко неполный перечень всех интересных направлений работы музея. За последние несколько лет музей стал ярким представителем учреждений культуры Петродворцового района Санкт-Петербурга.

Примечания

1. Лихачев Д. А. Великое наследие. Заметки о русском. СПб., 1997. С. 547.
2. Цит. по: Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. СПб., 2001. С. 322, 325.
3. ЦГА СПб. Ф. 577. Оп. 2. Д. 97. Л. 71; там же. Оп. 1. Д. 275.
4. Козлов Д. Сталин в Ораниенбауме // Песpektива. 1999. 20 мая (№ 20).

Раздел VII

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

К вопросу о строгановских иконописных мастерских

Л. Е. Такташова, г. Владимир

Строгановы известны как государственные деятели средневековой Руси, крупные солепромышленники и купцы. В истории их имя связано с освоением Прикамья и Сибири, в истории русского искусства – с одним из ярких стилистических направлений иконописи конца XVI – начала XVII в., так называемой строгановской «школой».

Сегодня дискутируют вопрос о работе иконописных мастерских в вотчинах Строгановых. Для историка искусства он далеко не праздный, так как связан с представлением о становлении и развитии «школы», ее влиянии на иконопись XVIII–XIX вв.

Главный довод, который приводят в пользу существования мастерских – размах миссионерской деятельности родоначальника династии Аники и его сыновей. В 60–70-х гг. XVI в., выполняя волю правительства, Строгановы обустроили Пыскорский, Коряжемский, Борисоглеский монастыри, возвели Орел, Керкедан, Сылву и другие «городки». Это были прежде всего хорошо вооруженные крепости, в которых стояли простые «деревян клетки» церкви, их малые размеры предполагали убранство небольшим количеством икон. Так, в храме св. Якова Алфеева было всего шесть икон [1].

В 1558–1560 гг. Строгановы строили знаменитый Благовещенский собор – первый каменный храм в Сольвычегодске [2]. Для убранства храма заказали один большой и два малых иконостаса. Большой иконостас оплатил Аника Строганов совместно с промышленником Леонтием Пырским, два других – сыновья Аники. На строгановском дворе иконописных мастерских, очевидно, еще не было. В 1569 г. на помин Аники сыновья дали Коряжемскому монастырю землю, крупные денежные суммы, икон среди дарений не было [3]. Раздел наследства А. Строганова показал, что на дворе у него работал всего лишь один иконник [4].

В 70–80-х гг. XVI в. земли Строгановых находились на военном положении. Угроза исходила от воинственных ханов местных народностей, а также русского населения, недовольного жесткой политикой, которую вели Строга-

новы от имени правительства. Люди гибли в военных столкновениях, от голода, эпидемий, разбоя на дорогах, убийств с целью грабежа. Потери были столь значительны, что вести доходили до Москвы. Иван Грозный требовал от Строгановых взамен дарованных земель и льгот решительных действий.

По описи 1579 г. собор изобиловал иконами. Обычно для выполнения крупных заказов приглашали мастеров. Вместе с тем трудно представить, что в эти годы на строгановский двор шли художники из мест, где было относительное спокойствие, немалые заказы и щедрая оплата. Однако Сольвычегодск входил в Ростовскую епархию, не исключено, иконописцев, как было принято, присылали из Ростова. Работали и свои северные мастера, а таковые в Сольвычегодске и соседних Устюге и Устюжне были. Кроме того, Строгановы, имевшие свой флот и гужевой транспорт, могли привезти иконы из мест, где вели торговлю, в том числе из Москвы. Наши предположения подтверждает разнотильность дошедших до нас памятников иконописи Благовещенского собора Сольвычегодска [5].

В 90-е гг. XVI в. военные действия продвинулись в Сибирь, жизнь в строгановских владениях стала спокойнее, значительно прибыло население. В начале XVII в. дом Строгановых процветал, в то время как Москва переживала Смутное время; эпидемии, голод, пожары, разорение, насилие и смерть тысяч людей. В 1608 г. братья Никита и Максим Строгановы, будучи в Москве, среди всеобщей паники и страха просили Василия Шуйского дать им подводы с пятью сёдлами и проводниками от Москвы до Сольвычегодска [6]. Что увозили Строгановы из столицы: товары, документы; но для этого сёдла не нужны, да и хранили их в подвалах и тайниках Сольвычегодске. Может быть, с ними уходили из столицы художники: дорога в Сольвычегодск им была хорошо знакома, в 1600 г. москвичи Фёдор Савин и Степан Арефьев «со товарищи» расписывали Благовещенский собор.

Среди людей на строгановских дворах проживало немало потерявших имена, данные при крещении; они имели лишь клички: Сивко, Трубка, Ключиха и т. п. [7]. Напротив, у художников, выполнявших заказы Строгановых, известны имена: Михаил, Григорий, Семён, Истома и др.; написание имен без уменьшительных суффиксов говорит о том, что носители их были пришлыми, но уважаемыми людьми. Фамилия некоторых, например, Емельяна Москвитина, прямо указывает на связь с Москвой. Художники отменно владели навыками миниатюрного письма и выполнили для Строгановых небольшие многодельные, тонкого письма иконы. Некоторые из мастеров, например: Истома Савин, Михаил, Первуша, Перша, Москвитин, несомненно, видели миниатюры Лицевого летописного свода, происхождение которого связано с царским мастерскими. Изводы ряда икон этих и других подобных им мастеров близки изводам Строгановского иконописного лицевого подлинника, что могло быть при работе в одной мастерской, происхождение последнего также тяготеет к царским мастерским [8].

В 90-е гг. XVI – начале XVII столетий поток иконописных заказов Строгановых был велик, как никогда. Так, в 1595 г. М. Я. Строганов поставил в Коряжемский монастырь 48 икон, писанных на золоте [9]. В 1602 г. Н. Г. Строганов на свои средства построил и украсил иконами храм «о дву верхах» в Великом Устюге [10]. В 1606 г. Строгановы передают из Благовещенского собора в Борисоглебский монастырь большой иконостас, взамен делают новый, дополняя его еще одним ярусом икон и т. д. [11]. Большое количество икон находилось в личном пользовании Строгановых: две «иконные горницы»; полторы сотни большемерных икон, а также пядниц, уложенных в лубяные коробки, иконы в «полуделе», т. е. недописанные [12] и другие. Кроме того, в коробе хранили краски, пятьдесят листов золота для иконописных работ [13]. И наконец, среди рукописей Благовещенского собора были два Стоглава [14]. Их наличие, очевидно, диктовала практическая необходимость: одна из глав Стоглава регламентировала работу мастерских и поведение иконописцев в быту.

Братьев Никиту и Максима Строгановых современники называли «любопытателями» иконного писания, т. е. особенно тонкими знатоками и ценителями. Может быть, их любовь к живописи была столь действенной, что они и сами пробовали держать кисть. Возможно, так можно понять приписку в описи Благовещенского собора Сольвычегодска: «свой перевод писан» [15]. Но можно и иначе: писано в своих мастерских, своими мастерами.

К 1613 г. жизнь в столице постепенно стабилизировалась, но у Строгановых художники еще работали. Замерла работа после смерти Никиты (1616 г.), а затем и Максима Строгановых (1624 г.). Продолжай иконописцы работать, думается, не было бы нужды летом 1620 г. отправлять незавершенные работы на распродажу в Москву, а иконное золото и краски хранить в подвале собора, о чем было сказано выше. Художники, выполнявшие заказы Строгановых, после Смуты ушли в Москву или другие места. В Москве на царском дворе славились Прокопий Чирин и Назарий Савин. Семён Бороздин поселился в Ярославле, годы спустя его сын Сибиряк Дмитрий Семёнов возглавлял вызванную на царский двор ярославскую дружину иконописцев. По отзывам современников, иконы он выполнял самым «добрым письмом» [16].

Сольвычегодцы во второй половине XVII–XVIII в. писали иконы в Тобольске; по строгановскому «пошибу» работали старообрядцы. В местах, где иконописание стало потомственным занятием, среди жителей часто встречались фамилии (прозвища) «Иконниковы». Однако в переписных книгах начала XVIII в. среди фамилий строгановского двора Иконниковых нет [17]. Сольвычегодск более славился золотым шитьем, драгоценными цветными эмальями, ювелирным делом – занятиями, которым покровительствовало следующее поколение «именитых людей», а затем и баронов Строгановых.

Старшее поколение Строгановых – братья Никита и Максим – культивировало направление столичной иконописи, которое требовало особой изощренности мастерства, тонкости работы, выразительности; оно справедливо вошло в историю искусств под их именем – строгановская «школа».

Примечания

1. Об этом см.: Никулина Н. В. Строгановские деревянные церкви Верхнего Чусовского городка // chus-kraeved-muzeum.ru.
2. Общепринято считать, что Благовещенский собор в Сольвычегодске строили 24 года (заложили в 1560, освятили в 1584 г.). Автором найдены документы, свидетельствующие, что собор был освящен в 1560 г.
3. Поступное письмо братьев Якова, Григорья и Семена Аникиевичей Строгановых Пыскорскому монастырю 1570 г. // Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. I: Древности бывшей Перми Великой. Пермь, 1889. С. 8.
4. Веденский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962. С. 43.
5. Результаты реставрации икон Благовещенского собора города Сольвычегодска обобщены в книге: Иконы строгановских вотчин. М., 2003.
6. Купцов И. В. Род Строгановых. Челябинск, 2005. С. 27.
7. Веденский А. А. Указ. соч. С. 89.
8. Строгановский иконописный лицевой подлинник конца XVI – начала XVII в. СПб., 1869. Подлинник принадлежал графу С. Г. Строганову, был литографирован и издан в мастерской Строгановского училища. В настоящее время подлинник не найден, возможно, он был утрачен. Вопросы принадлежности. Подлинника семье Строгановых, живших в конце XVI – начале XVII в., его происхождения рассмотрены автором в специальной работе, которая находится в печати.
9. Безроднов В. С. Вкладная и кормовая книга Коряжемского Никольского монастыря. С. 75–76.
10. Чебыкина Г. Н. Вклады Строгановых в храмы Великого Устюга в XVI–XVII вв. // severnoe-trehrechie.ru
11. Савватов П. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. С приложением соборной описи 1579 г. СПб., 1888. С. 23. Примеч. 1
12. Историк А. А. Веденский полагал, что в описи дворов Н. Строганова «иконными горницами» названы мастерские, в которых работали художники. Под этим названием они вошли в искусствоведческую литературу. Однако заметим, что горницей в те времена называли парадное помещение дома. В иконописной мастерской, даже если все черновые работы проводили в другом месте, держался стойкий запах чеснока, старых яиц, мездрового клея, стояли доски с красками и т. д. К тому же иные горницы в холодное время года не отапливали. На Северной Двине, как и в других местах Руси, горницу обычно убирали иконами. По этому поводу была даже поговорка, сложившаяся во времена старообрядчества: «Наша горница с Богом не спорится». Иконные горницы были в крупных монастырях, предназначались они для хранения готовых икон, красок, кистей, других материалов, необходимых для иконописных работ. Художники работали в кельях. Об этом см.: Словарь

русских иконописцев XI–XVII вв. / ред.-сост. И. А. Кочетков. М., 2009. С. 610, 617; Веденский А. А. Указ. соч. С. 187.

13. Там же. С. 187, 191. Веденский ссылается на сведения о продаже имущества после смерти Н. Строганова на аукционах в Москве. По списку последнего привоза, всего их было три, продавали 28 досок, на которых был нанесен только рисунок, двадцать одну икону на полотенцах, т. е. на пролевкашенной ткани, на ткань также был нанесен лишь рисунок.

14. Савваитов П. Указ. соч. С. 50, 52.

15. Там же. С. 36. Однако приписку можно истолковать иначе: перевод, созданный в своих мастерских.

16. Переписная книга 1711 г. Соликамского уезда вотчин именитого человека Г. Д. Строганова переписи дьяка сибирского приказа Алексея Никеева // РГАДА. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2119. Л. 1–4.

В книге есть фамилии Чиров и Савины. Однако вряд ли они связаны с известными изографами, первая напоминает о том, что во времена Ивана Грозного в эти места переселили новгородцев, вторая достаточно популярна, ее носили многие.

17. Словарь русских иконописцев XI–XVII вв. / ред.-сост. И. А. Кочетков. М., 2009. С. 616.

Ошибка в дате или долгострой? (К вопросу о датах строительства Благовещенского собора в Сольвычегодске)

Л. Е. Такташова, г. Владимир

Благовещенский собор в Сольвычегодске – один из знаковых памятников древнерусского искусства: исследователи единодушно указывают на него как на ранний пример двухстолпных храмов, отмечают уникальность его иконописного убранства. Даты строительства собора точно не известны, в преобладающем большинстве источников они указаны как 1560–1584 гг. Если принять их, то собор следует отнести к одному из самых удивительных долгостроев за всю историю церковного строительства Древней Руси, – строили 24 года! Случай исключительный, но так ли это?

Есть другие указания на окончание строительства – 1560 г., однако они единичны и главное не аргументированы. Вместе с тем аргументированность, определенность дат начала и окончания строительства Благовещенского собора Сольвычегодска могли бы внести ясность в историю уникального памятника древнерусского зодчества, в историю живописи Древней Руси.

Обратимся к источникам, давшим основание для общепринятых дат. П. Савваитов приводит летопись, сделанную вязью, на внутренних стенах собора: «Лета от сотворения мира 7068, от рождества же по плоти Бога Сло-

ва 1560, индикта 8 месяца, основан сей храм соборной каменной Благовещения Пресвятыя Богородицы и Приснодевы Марии и с приделы у Соли Вычегодской на посаде, при благоверном государе царе и великом князе Иоанне Васильевиче всея России, и при великом господине Макарие, митрополите Московском и всея России, и при архиепископе Никандре Ростовском» (надпись приведена в современной транскрипции) [1]. Сравнивая ее с подобными, в том числе ниже приведенной летописью, нельзя не заметить, что в ней нет указаний на месяц и число. Возможно, их не было, а может быть, они утрачены, ведь собор долгое время находился в запущенном состоянии.

Далее летопись сообщает: «Лета основания мира 7092 от рожества же по плоти Бога Слова 1584, индикта 12, месяца июля в 9 день освящен бысть храм...». И наконец, сказано, что в 1600 г. храм расписали и освятили «в другой ряд». Последнее П. Савваитов поясняет: «т.е. во второй раз» [2]. Из замечания П. Савваитова следует, что первоначальное освящение произошло в 1584 г., т. е. его строили в 1560–1584 гг. Однако заметим: освятить в «другой ряд» не означает во второй раз; согласно церковным правилам, освящение храма могло быть многократным: после пожара, осквернения (например, после ограбления), завершения строительства как в целом, так и отдельных приделов и т. д. Вместе с тем именно эти даты строительства собора – 1560–1584 гг. – были приняты и вошли в многочисленные научные и популярные издания [3].

Противоречит столь необычно долгому строительству один из важных законодательных документов того времени – Стоглав. Согласно постановлению 70-й главы Стоглава, при затянувшемся строительстве храма строители получали тарханную, т. е. льготную грамоту. Она давала право в течение 15 лет направлять пошлины, полагающиеся с храма, на завершение строительства. Но ни грамота, ни ее копии, а Строгановы важные документы тщательно хранили и даже многократно копировали, не известны и нигде не упоминаются. Не соответствует необычно длительному строительству также постановление 84 главы Стоглава, которая запрещает ставить новые церкви, если старые находятся в запустении. Но за указанные 24 года Строгановы поставили много церквей в возведенных ими городках – крепостях.

Для разрешения нашей задачи важны две надписи, выполненные по палеографическим признакам в середине XVI в., т. е. современные интересующим нас событиям [4]. Первая была выявлена в процессе реставрации, находится она на тыльной стороне иконы «Благовещение»: «Образ церковной Благовещенья Пресвятыя Богородицы и Николы Чюдотворца и Козьмы и Дамьяна у Соли Вычегодские на посаде соборново храма. Благословение архиепископа Никандра Ростовского, а поставление в дом Аникея Фёдорова сына Строганова, начальной образ лета 7066-го» (выделено мною. – Л. Т.). По церковному уставу храм обязательно освящают; только после свершения этого

таинства простое строение – дом становится домом Бога – храмом. В связи с этим понятно, что речь идет не о личном доме Строганова, но о церкви, строительство которой он вел. Забытое ныне слово «поставление» в документах Древней Руси означало «учреждение, строительство» [5]. Стало быть, запись следует понимать как дар иконы Строганову на учреждение, строительство собора. Более ранние даты, связанные с Благовещенским собором, не известны; из этого следует, что в 1558 г. собор начали и продолжали строить.

Вторую запись можно прочитать в рукописи «Иерусалимского Устава», связанного по происхождению с Благовещенским собором Сольвычегодска: «Лета 7068-го у Соли на посаде *основан* храм каменной Благовещения Пресвятыя Богородицы с пределы» (выделено мною. – Л. Т.). «Основан» в документах Древней Руси употребляли как «построен» [6]. В 1560 г. строительство завершили, Благовещенский собор Сольвычегодска был построен.

Кроме этих записей, современных интересующему нас памятнику, известна также грамота архиепископа Никандра. На время публикации ее начало, обычно это указание адресата, было утрачено. Но вероятно, ее адресовали в Устюг, так как Устюг во времена Никандра был административным центром епархии, туда Никандр присылал свои распоряжения, в том числе на освящение вновь построенных церквей. Грамота датирована 1560 (7068) годом, речь идет о передаче в Сольвычегодск антими́нса – тканевого покрывала на престол в алтаре – святая святых храма; без него храм не освящали. В грамоте говорится об освящении храма, начале служения в нем, и, соответственно, выплате пошлины, а также о необходимости отчитаться за получение святыни – антими́нса. «...А как троецкой диак Федко Тимофеев с Москвы приедет, – пишет архиепископ Никандр, – и митрополичь антими́нс привезет, и ты б велел вычегодским старостам поповским дати его на крепкую поруку з записью в нашей пене, а за порукою велел ему учинити срок стати передо мною архиепископом Никандром в Ростове часа того. Писана в Ростове лета 7068, сентября в 8 день» [7]. Другие Храмы Сольвычегодска, строительство которых связано с указанной датой, не известны. Очевидно, речь идет именно о Благовещенском соборе.

Рассмотренные нами документы дают основание для вывода о том, что строили Сольвычегодский Благовещенский собор с 1558 по 1560 год. Именно эти даты строительства дают возможность убедительно объяснить тематику уникального иконописного убранства, дают ключ к пониманию нового в архитектуре и строительстве собора.

Если принять во внимание, что строительство храмов, его законодательная основа, летописи строительства, порядок освящения вновь отстроенной церкви были традиционны, то сведения, приведенные нами, могут помочь в атрибуции и других культовых сооружений второй половины – конца XVI в., в том числе и на Владимирской земле.

Примечания

1. Савваитов П. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. СПб, 1886. С. 5.
2. Там же.
3. Министерство культуры Российской Федерации. Государственное предприятие Институт по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». Объект. Тема: Памятник архитектуры XVI в. Благовещенский собор г. Сольвычегодск Архангельской области. Научно-проектная документация. Т. 4. Кн. 4. М., 2006. Научно-технический архив. Шифр 1233. Арх. № 13461. Л. 6.
4. Тарасов А. Е. Архиепископ Ростовский Никандр и церковное строительство в Сольвычегодске середины XVI века // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2014. С. 47, 49.
5. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902. Стлб. 1259.
6. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб., 1893. Стлб. 731.
7. Русская историческая библиотека. Т. 12: Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1. 1500–1699 гг. СПб., 1890. Стлб. 131–132. Грамота издана в актах Холмогорской епархии РИБ. Местонахождения грамоты сегодня не известно. Цитируется по указанной публикации РИБ.

Миссия Федора Ившина

М. А. Орлов, г. Киров

Восемнадцатый век в истории Русской Церкви навсегда остался в памяти церковных историков как время тяжелых испытаний. Это было время, когда делалась попытка разорвать живые связи в церковном организме, внедрить в него схемы «Реформации» и даже «Контрреформации». Создавался план по переустройству церковной жизни. Феофановский «Регламент» должен был реформировать церковный строй, подчинить его «регулярному государству» в видах «общего дела» или «пользы». С трудом приходилось преодолевать эти соблазны. Выход был один – твердое хранение предания, бдение в посте и молитве. Только строгая духовная жизнь и могла разобрать тогда эти неожиданные новинки, появлявшиеся, как правило, с ярлыками «практичность», «полезность», «общее дело». И немногим удалось тогда «бдеть» и «быть». Но именно они продолжили в своем подвиге древнюю традицию, стали живым звеном между прошлым и будущим, продолжили культурный рост православной традиции.

Причуды Реформы коснулись и миссионерского дела. И хотя в «Регламенте» и прочих законодательных актах петровского времени редко затра-

гивалась тема миссии, уже сама инерция от Реформы вводила в круговорот событий и вопросы миссионерства. Исследователь русской духовной жизни протоиерей Г. В. Флоровский так оценил церковную Реформу Петра I: «Государство берет от Церкви, отбирает на себя, берет на себя ее собственные задачи», «за Церковь не оставляется и не признается право творческой инициативы даже в духовных делах» [1]. «Империя» отныне решала также непростые вопросы проповеди среди инославных. Своим неловким бюрократическим аппаратом пыталась вывести язычников на путь истины. Создавалась целая программа поддержки миссионеров, получившая свое оформление в Указе от 11 сентября 1740 г.

В этом Указе было немало противоречий. Причины неудач миссии определялись весьма поверхностно: совместное проживание новокрещеных с язычниками, ибо те «видя от них соблазны, паки к ним пристають» [2]. Выход виделся в изоляции новокрещеных, в создании своего рода кастовых общин. Но у апостолов и отцов мы видим иной подход. Они не замыкали христиан, но посылали их же на проповедь. Далее, сами новокрещеные представлялись законодателю какими-то недееспособными, словно у них невозможен был духовный рост. В Указе много говорилось о постоянной опеке над ними, даже со стороны «русских людей». Но не нуждались ли и сами русские люди тогда в опеке? Обязательные посещения богослужений, ежегодная исповедь, список необходимых молитв – все это напоминало петровскую попытку заставить русских людей ходить в храмы и казаться благочестивыми под страхом штрафа. Русская история показала провал такого начинания. И история миссии вряд ли могла стать исключением, но лишь неудачным дополнением. Священству в этой грандиозной кампании отводилась роль исполнителей, но не творцов. Их место занимала бюрократия. Наконец, сама система льгот и поощрений не могла изначально привести к положительному исходу, вносила зачастую и вовсе неприемлемые явления, такие как «двойное» крещение с целью наживы. Этот Указ подходил скорее какому-нибудь чиновному ведомству, но не мог изначально обеспечить живую встречу христианского мира с языческим. В литературе можно встретить мнение о том, что Указ создавал «благоприятные условия для этой деятельности» [3]. Скорее он создавал преграды, которые приходилось преодолевать искусным миссионерам, рассчитывавшим не на помощь «империи», но на слова молитвы «яко на Мя упова и избавлю и». И на Вятке в лице о. Федора Ившина мы видим именно такого благовестника.

Образ о. Федора всего более напоминает активных церковных деятелей XVII в., и так мало похож он на нарождавшееся тогда в России «ученое» монашество. Жизнь о. Федора вся в традициях древнерусского благочестия. Ученость духовная и молитвенная становится «альфой» и «омегой» в подвиге о. Федора. Именно это и давало ему то вдохновение, которое он привно-

сил в процесс миссии. И именно такой подход должен был закладывать основы здоровой христианизации.

Миссионерский подвиг о. Федора начался в те бурные 1740-е гг., когда и началось «хождение в народ». Из своего с. Закаринского, где был посвящен в священники в марте 1741 г., о. Федор сразу направился в удмуртские селения. Назначение оказалось столь неожиданным, что даже не успели решить вопрос по заручному приговору и оплате ему денежных средств, часть из которых была оплачена о. Федору из церковной казны с условием возврата ее на счет «мира». По приказу епископа Вениамина (Сахновского) о. Федор тут же был взят в с. Еловское, так что финансовый вопрос остался открытым. И только через пятнадцать лет, в 1756 г., по этому вопросу было вынесено окончательное решение консистории в пользу священника, поскольку переведен он был не по собственному желанию, а деньги даны ему по общему согласию [4].

Специального богословского образования о. Феодор не имел. Уже позже, когда священник отошел от миссионерской деятельности, Вятская консистория в 1761 г. написала про него: «не токмо проповеди Слова Божия но и увещания по неучению ево едваль употребить может» [5]. У этого определения, правда, своя история. Оно вовсе не вяжется с тем статусом, который о. Федор приобрел в глазах местного общества. По крайней мере, еще в 1753 г. консистория же писала про него как «обращавшего» и «утверждавшего» [6], а еще раньше, в 1746 г., как первенствующего в крещении вотяков [7]. Во всяком случае была какая-то связь со сменой слободского «закащика», с кадровой перестановкой. В этом определении видится лишь правда об отсутствии специального образования. Федору Ившину приходилось уже в ходе соприкосновения с языческим миром решать непростые богословские вопросы. И сам опыт сделался богословием для о. Федора. «Ревность» в деле стала его отличительной чертой, и проповедовал он всегда *ab imo rectore*.

Во время столкновений с язычниками в действиях о. Федора чувствовался недостаток подлинной духовной крепости. Не раз его жизнь была под угрозой. Летопись Слободского монастыря рассказывает, что однажды во время угроз он покрыл свою голову императорским указом, давая понять, что убивши его, язычники «подвергнуты будут жестокой казни». Но при этом говорил им о радости мученической кончины [8]. В другом подобном случае о. Федор даже убежал. «Здесь поколебалось великодушие Апостола» – пишет позже семинарист Федор Пинегин [9].

Миссионерский труд не ограничивался только проповедью, это вместе с тем и дальнейшая работа с новокрещеными. И сразу возникали вопросы, которые приходилось решать самим миссионерам, хотя по Указу 1740 г. все обеспечение должно было решаться властями. Федор Ившин неоднократно совершал поездки в Казанскую новокрещенскую «кантору», причем «на сво-

ем коште», «а за то де ево службу жалованья от новокрещенской канторы не получал» [10]. Писал и в Вятскую консисторию, что нет средств для выдачи награждения для восприявших крещение. За «высокие» власти приходилось «взаимообразно» выдавать из архиерейской казны [11]. Получалось, что «империя» организовала это грандиозное «хождение», брала на себя все обязательства, а конкретные вопросы решали сами проповедники.

В ходе миссионерской работы принимали участие и сами новокрещенные, причем именно с целью «увещевать и обращать». В 1746 г. в Вятскую духовную консисторию было направлено письмо от новокрещеного Ивана Поздеева [12]. В нем он просил проповедовать вместе с о. Федором. Уже сам этот факт свидетельствует о встречном движении прежде глухого языческого мира. Душа дремлющая откликается. И еще: сами духовные власти не забраняли новокрещеным участвовать в миссии, что говорит о духовном чутье властей, их доверии к творческой инициативе, что благовестие не ограничено только «властями», но есть некий синергический порыв в желании привести к свету Христову. В таком доверии складывается подлинная миссионерская школа. Такой подход есть некий образ Христа и «неученых» апостолов, но ревностных в духе: «Они пошли и проходили по селениям, благовествуя и исцеляя повсюду» (Лк. 9. 6).

Федор Ившин не остановился только на просвещении язычников. В 1748 г. от него поступило доношение о восприятии крещения 40 «бесермянами» (мусульманами). И хотя в деле не указывается, что именно он принимал участие (что не исключается) в «обращении», но показательна сама причастность [13]. Миссия о. Федора, казалось бы, закончилась в 1749 г. После смерти жены он был пострижен и отправлен в Верхочепецкий Крестовоздвиженский монастырь. Е. В. Кустова отмечает, что «последующая жизнь игумена Феодота напоминала скитания». В пору этих скитаний игумену было поручено ехать на Егошихинский завод к местным раскольникам. Итогом поездки стало обращение восьми раскольников, которые после этого усердно посещали церковные службы и на Страстной Седмице сподобились принять Таинства [14].

Миссия о. Федора не проходила без разбирательств, как со своей паствой, так и с духовенством. Жалоб было немало. Часть доносов консистория признавала «посторонними и недельными», ибо были они заявлены «без свидетелей», «сам собой», сами доносители порой были неосновательны [15]. В пору пребывания в Шерьинской пустыне местные крестьяне пытались избавиться от игумена, не желая выполнять монастырские работы и негодую о строительстве у них вместо ветхой старой новой каменной церкви. Братия монастыря писала, что «оной игумен святую обитель наблюдает с неусыпным старанием и строит все благополучно, а оные крестьяне на него игумена затевают и поносят напрасно» [16]. Староста от имени крестьян говорил, что

работать они готовы, но не с игуменом Феодотом. В итоге консистория решила перевести игумена в Верхочепецкий Крестовоздвиженский монастырь. Важно отметить, что подобные разбирательства тогда уже случались. Похожее дело Вятская духовная консистория разбирала в 1762 г. по поводу ослушания крестьян Верхязвенской Успенской пустыни, которые также отказывались работать на нужды монастыря [17]. Личные мотивы в истории увольнения игумена Феодота были бесспорными. Не складывалась ли тут тенденция? Ибо подобное разбирательство, как мы видим, было уже не новостью для епархии.

Итоги миссионерского дела о. Федора поражали многих, начиная с современников. Уже при жизни консистория признавала его «первенствующим» миссионером [18]. Сам Ившин писал о более десяти тысяч крещеных [19]. Цифры не должны быть мерилем для историка, тем более церковного. Более важно рассмотреть место о. Федора в истории русского миссионерства. Вся жизнь его напоминает более всего древнего аскета. Подобно «отцам» духовный подвиг становится для о. Федора делом жизни. Это было так не похоже на малороссийское монашество XVIII в., явившееся и на Вятке и образовавшее тут свою «колонию». Для такого направления подвиг, молитва, аскеза становится излишним грузом и вряд ли они когда-либо близко подходили к этому христианскому идеалу. Их школьные схемы переносятся и на церковное законодательство, даже миссионерское. Верным было тогда лишь определение самих задач просвещения язычников. В этом историческая своевременность Указа. Но сама система, более всего напоминавшая какую-нибудь старую иезуитскую программу, аргіогі обрекалась на отсутствие исторической перспективы. Слишком многое зависело от «Правительства» и оно чрезмерно притязало. У зарождавшегося тогда «постоянного государства» стояла своя задача. «Империи» было необходимо прежде всего укрепление внутреннего единства. Именно из таких посылок зарождается у нас миссионерская школа. Изначально в ней не было апостольского духа. И все же стоит признать, что и такая система давала плоды. В рамках ее рождались подлинные проповедники, помощь государства оказывалась иногда весьма значимой и помогала в обеспечении миссии. Языческий мир получил возможность войти в подлинное церковное общение, принять соучастие в строительстве греко-восточной Церкви и таким образом приобщиться к вселенской эллинистической культуре, почувствовать ритм христианской жизни.

Поколение «просвещенцев» во главе с Екатериной II отступило от этого начинания. И вся вторая половина XVIII в. напоминает уже миссионерскую «дремоту», как бы и вовсе не было тех бурных 1740-х гг. В делах консистории мы видим по большей части разбирательства по поводу совершения языческих обрядов новокрещеными. И это было показателем тех изъянов, которые привходят вместе с Указом.

Федор Ившин оставался как бы вне этой государственной политики. Древнее благочестие в подвиге о. Федора вовсе не означало «отката» в развитии. Это была попытка продолжить традицию русского миссионерства в делах преп. Лазаря Нуромского, Феодорита Кольского, которого он так напоминает, Трифона Печенгского, и конечно, Стефана Пермского. Именно в таком «сердечном» миссионерстве и была перспектива. Труд о. Федора и нужно рассматривать как опытное, подлинно христианское культурное строительство.

Примечания

1. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М., 2009. С. 115.
2. Полное Собрание Законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. XI. № 8236.
3. См. об этом: Кустова Е. В. Личностный фактор в миссионерской деятельности среди удмуртов в середине XVIII в.: на материалах жизни игумена Феодота (Ившина) // Вестник Удмуртского государственного университета. Вып. 1: история и филология. 2014. С. 48–55.
4. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 50–51.
5. Там же. Оп. 82. Д. 1. Л. 1.
6. Там же. Оп. 2. Д. 15. Л. 192.
7. Там же. Д. 8. Л. 485 а об.
8. Там же. Ф. 430. Оп. 1. Д. 190. Л. 2.
9. Там же. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 3. Л. 81 об.
10. Там же. Ф. 237. Оп. 2. Д. 15. Л. 192.
11. Там же. Д. 4 а. Л. 40.
12. Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 125 об.
13. Там же. Л. 234–234 об.
14. Там же. Д. 4. Л. 188.
15. Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 483 об. – 484.
16. Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 190 об.
17. Там же. Д. 8. Л. 1 об. – 2, 347 об. – 348 об.
18. Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 485 а об.
19. Там же. Д. 15. Л. 192.

К вопросу о происхождении и родственном окружении вятского протоиерея Михаила Любимова

*Э. В. Фролова,
п. Мелехово, Ковровский район, Владимирская область*

Одним из направлений деятельности многих краеведческих музеев является проведение научных исследований не только в области светской, но и церковной истории. Историко-краеведческий музей Ковровского района

Владимирской области не является исключением. Будучи одним из молодых муниципальных музеев региона, а создан он был в 2000 г., музей Ковровского района к настоящему времени стал признанным центром по изучению церковной истории не только Ковровского уезда в прежних его границах, но и Владимиро-Суздальской епархии в целом.

Открытая в первый же год работы музея экспозиция «Православие на земле Ковровской» постоянно привлекает внимание историков и краеведов не только из Владимирской области, но и других регионов. Проведенные сотрудниками Историко-краеведческого музея Ковровского района исследования, базирующиеся на изучении материалов фондов Государственного архива Владимирской области, позволили открыть многие страницы истории РПЦ в нашем крае, в том числе проследить взаимодействие Владимиро-Суздальской епархии с другими епархиями как на уровне епископата, так и на уровне приходского духовенства. Одной из таких страниц стала биография протоиерея Михаила Ивановича Любимова, чья судьба связана с г. Вяткой.

Протоиерей М. И. Любимов происходил из старинного рода священно-церковнослужителей Суздальской епархии. Не одно поколение его предков служило в Преображенском храме с. Спас-Юрцево Суздальского (с 1778 г. Ковровского) уезда. К сожалению, до сегодняшнего дня церковь в Спас-Юрцево не сохранилась – она была закрыта в 1930-е гг. и разобрана до основания, а бывшее село ныне входит в черту пос. Колобово Шуйского района Ивановской области. Еще в царствование Петра I настоятелем Преображенской церкви в Спас-Юрцево был прапрадед протоиерея Любимова священник Андрей Иванов, которого во второй половине XVIII в. сменил его сын Захар [1].

В синодальный период истории РПЦ приходские должности зачастую переходили по наследству от отца к сыну, а в самом причте члены одного семейства занимали одновременно несколько должностей. Подобная практика наглядно прослеживается на примере причта с. Спас-Юрцево, состоявшего из священника, дьячка и пономаря. Так, в начале XIX в. в Преображенском храме служили священником Захар Андреев, а пономарем его сын Степан Захаров, т. е. прадед и дед вятского протоиерея М. И. Любимова [2]. Позднее, когда в 1811 г. священник Захар Андреев вышел за штат, место настоятеля унаследовал его 21-летний внук Иван Степанов.

Именно при священнике Иване Степанове в Спас-Юрцево в 1824 г. вместо деревянного был построен каменный храм с колокольней. Новая церковь была устроена на средства прихожан, в том числе дворян Епишковых, которые долгое время жили в своей усадьбе, находившейся в приходском селе Колобово. о. Иоанн оставался настоятелем Спас-Юрцевской церкви более 35 лет. Интересно отметить, что все это время пономарем в том же храме служил его родной брат Петр Степанов, потомки которого получили впоследствии фамилию Каллистовы [3].

У священника Ивана Степанова и его супруги Александры Михайловны была довольно большая семья – пять сыновей и три дочери [4]. Начальное духовное образование сыновья спас-юрцевского священника получили в Шуйском духовном училище, где им была дана фамилия Любимовы. Конечно, о. Иоанн мечтал, чтобы его сыновья и дальше продолжили учебу, но крайне тяжелое материальное положение сельского священника не позволило ему осуществить мечту. Лишь младшего из сыновей и самого способного Михаила, будущего протоиерея, отец смог отдать учиться во Владимирскую духовную семинарию.

В 1854 г. М. И. Любимов окончил семинарию во Владимире по первому разряду седьмым в списке выпускников [5]. Получив отличный аттестат, он мог бы вскоре стать священником. Однако правящий тогда во Владимиро-Суздальской епархии епископ Иустин (Михайлов) считал, что каждый выпускник семинарии, прежде чем занять священническую должность, несколько лет должен прослужить дьячком и на себе испытать всю тяжесть жизни простого церковника. Подобный порядок владимирский иерарх ввел для того, чтобы в будущем выпускник семинарии, когда уже станет священником, с большим вниманием и заботой относился к подчиненным ему членам причта.

Следуя утвержденной практике, Михаил Любимов вскоре по окончании семинарии по указу епископа Иустина был определен дьячком к трехприходной Казанской церкви большого с. Плесец Ковровского уезда. Место церковного служения М. И. Любимова было выбрано не случайно. К этому времени в Плесце уже 11 лет служил пономарем старший брат Михаила Дмитрий Любимов. С детства братьев связывала крепкая дружба, каждый из них мог в любую минуту рассчитывать на помощь и поддержку друг друга, и даже своего первенца Дмитрий назвал в честь своего младшего брата Михаилом [6].

Именно «под крылом» брата находился М. И. Любимов все три года, пока служил в Плесце. Если у Михаила в 1857 г. закончилось исполнение обязанностей дьячка в Плесце, то для Дмитрия это село стало единственным местом служения. Трагическим для семьи пономаря Д. И. Любимова стал август 1871 г., когда в приходе плесецкого храма возникла эпидемия холеры. Только за месяц здесь скончались 46 женщин и 28 мужчин, среди них и Любимовы. В один день 17 августа 1871 г. от холеры в возрасте 47 лет умерли пономарь Дмитрий Любимов и его супруга Елена Васильевна, а еще через пять дней – 22 августа – скончался их 19-летний сын Павел, послушник Боголюбовского монастыря [7].

В ноябре 1857 г. дьячок плесецкой церкви Михаил Любимов был рукоположен во священника к Богородице-Рождественской церкви с. Горницы Шуйского уезда. Супругой его стала Мария Ивановна Тихомирова, дочь диакона с. Хотимль Ковровского уезда, а затем священника с. Горницы Ивана Петро-

вича Тихомирова. Тихомировы принадлежали к старинному роду священно-церковнослужителей с. Горицы. Тесть о. Михаила Любимова приходился двоюродным братом архиепископу Тверскому и Кашинскому Савве (Тихомирову). Отдельного внимания заслуживает также тот факт, что дед супруги М. И. Любимова диакон с. Горицы Петр Иванов был восприемником при крещении будущего владыки Саввы, который родился у него дома. Горицкий священник И. П. Тихомиров, еще обучаясь в юности в Шуйском духовном училище, квартировал вместе с братьями Михаилом, Алексеем и Николаем Соловьевыми, сыновьями священника погоста Ильинский-Телешово Шуйского уезда Михаила Николаевича Соловьева. Среди братьев Алексей – будущий архиепископ Волынский и Житомирский Агафангел (Соловьев) [8].

С братьями Алексеем и Михаилом Соловьевыми Иван Тихомиров оставался однокурсником и во Владимирской духовной семинарии. Многолетняя дружба юношей сблизила их семьи, поэтому вполне закономерно, что, окончив семинарию, И. П. Тихомиров вскоре женился на сестре братьев Соловьевых Анне. Таким образом, дочь Ивана и Анны Тихомировых Мария, ставшая затем супругой М. И. Любимова, находилась в родстве сразу с двумя архиереями – Саввой (Тихомировым) и Агафангелом (Соловьевым) [9]. Первому иерарху она приходилась двоюродной племянницей, а второму – племянницей.

С 1857 по 1863 г. супруг М. И. Тихомировой иерей Михаил Любимов занимал должность настоятеля Богородице-Рождественского храма с. Горицы, после чего он подал прошение на имя владимирского епископа Иустина (Михайлова) о переводе его в Вятскую епархию. Место же священника горицкой церкви наследовал иерей Александр Яковлевич Невский, свояк М. И. Любимова. Перевод священника Михаила Любимова в другую епархию напрямую был связан с карьерой его родственника владыки Агафангела (Соловьева). В 1860 г. епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургской епархии Агафангел (Соловьев) возглавил самостоятельную Вятскую епархию. Вятские иерархом он оставался более шести лет. В Вятке епископ Агафангел стал инициатором издания «Вятских епархиальных ведомостей», основал епархиальную библиотеку, а также значительно пополнил фонды библиотеки Вятской духовной семинарии, куда пожертвовал книги из личной библиотеки. Однако главным памятником деятельности Преосвященного Агафангела в Вятке стало основание епархиального женского училища.

Училище было открыто в сентябре 1863 г. При нем в каменном училищном доме при общеземном на пожертвования от церквей и духовенства епархии устроили и домовую церковь. Новый храм был освящен 7 сентября 1863 г. епископом Агафангелом в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Первым настоятелем училищной церкви стал родственник вятского архиерея священник Михаил Любимов, прибывший незадолго до это-

го в Вятку из Владимирской епархии. Одновременно о. Михаил преподавал в женском епархиальном училище арифметику, а также состоял учителем в Вятском духовном училище [10].

Из печатных трудов М. И. Любимова известно слово, произнесенное им в училищной Введенской церкви в первый же престольный праздник и опубликованное в 1863 г. в «Вятских епархиальных ведомостях» [11]. Стоит отметить, что иерей Михаил Любимов был не единственным родственником владыки Агафангела, кто служил по протекции этого иерарха в Вятке. Так, должность судебного следователя по особо важным делам при Вятском окружном суде занимал Александр Иванович Тихомиров – выпускник юридического факультета Московского императорского университета, племянник владыки Агафангела (Соловьева).

Более 20 лет прослужил священник М. И. Любимов в Вятке. К 1871 г. он был уже настоятелем Знаменского храма г. Вятки, из наград имел скуфью и продолжал учительствовать в Вятском духовном училище [12]. Настоятелем Знаменской церкви о. Михаил Любимов оставался вплоть до своей кончины. Скончался уроженец Ковровского уезда Владимирской губернии протоиерей М. И. Любимов 24 декабря 1884 г. Погребен он был в церковной ограде Знаменского храма г. Вятки. Надгробная надпись на памятнике гласила: «Под сим камнем погребено тело настоятеля Знаменской церкви протоиерея Михаила Ивановича Любимова, скончавшегося 24 декаб[ря] 1884 г. на 52 году от роду» [13].

Изучение владимирского периода жизни протоиерея М. И. Любимова, а также анализ биографий лиц, составлявших его родственное окружение, позволит значительно пополнить страницы истории жизни одного из церковных деятелей Вятской епархии второй половины XIX в.

Примечания

1. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 61. Л. 209.
2. Там же. Ф. 301. Оп. 5. Д. 277. Л. 61.
3. Там же. Оп. 3. Д. 230.
4. Там же. Д. 206. Л. 305.
5. Малицкий Н. В. Списки выпускников Владимирской духовной семинарии. 1750–1900 г. М., 1902. С. 153.
6. ГАВО. Ф. 556. Оп. 107. Д. 336.
7. Отдел ЗАГС Ковровского района. Метрическая книга с. Плесец за 1863–1873 гг.
8. Хроника моей жизни. Автобиографические записки Высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 1. Сергиев Посад, 1898. С. 3–25.
9. Иереи Шуйского уезда Владимирской губернии (XIX в. – 1918 г.): Историко-генеалогический справочник / авт.-сост. О. И. Захарова. Иваново, 2003. С. 241–242.
10. Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 19. С. 369–376.
11. Там же. № 23. С. 643–649.

12. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии на 1871 г. Вятка, 1871. С. 88, 113.

13. РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 10. Л. 159.

Медное старообрядческое литье в Вятском крае XIX–XX веков

В. А. Бердинских, г. Киров

Меднолитая пластика (кресты, иконы, складни) – замечательное явление национальной русской культуры [1]. Теснейшим образом оно связано со старообрядчеством. Указы Петра Первого 1722 и 1723 годов фактически запрещали лить и продавать в России, а также иметь в частных домах медные и оловянные кресты, иконы, складни. Расцвет этого меднолитейного промысла связан в выговской поморской общиной, начиная с XVIII в. Преображенская община в Москве затем развила и подхватила эту традицию.

В целом ряде подмосковных сел уже в XIX в. активно развивалось производство меднолитой пластики (Гуслицы, село Патриаршее...) Многоцветные эмали, огневое золочение, тщательнейшая обработка превратили многие предметы культа в настоящие произведения искусства, ориентированные на лучшие образцы этой традиции допетровской эпохи.

Широко для всего православного люда продавались на разного рода ярмарках и торгах изготовленные старообрядцами медные кресты, иконы, складни. Стоит отметить, что их качество было очень разнообразно. Чем больше тираж – тем обычно ниже художественная сторона изделия.

В Вятском крае XVIII–XIX вв., как и на всем Русском Севере, существовали как отдельные старообрядческие семьи, так и старообрядческие общины и скиты разных согласий. Если в 1861 г. в Вятской губернии зафиксировано 47125 старообрядцев (реально их было существенно больше), то в 1904 г. – 97208. По старым образцам дониконианской эпохи, а также по изделиям Выговской и Преображенской общин на Вятке в некоторых местах лили самостоятельно «русскую медь». Прежде всего, конечно, технически не очень сложные и небольшие изделия без эмалей и огневого золочения.

Проще всего здесь оказалось лить нательные кресты из меди, серебра, олова. Значительные группы старообрядцев проживали еще в XX в. в Уржумском, Малмыжском, Омутнинском, Мурашинском и ряде других районов Кировской области.

Стоит вспомнить горестную судьбу Луки Арефьевича Гребнева (Гребенева) – выдающегося старообрядческого книгопечатника, иконописца и просветителя. После работы в 1907–1909 гг. в типографии Преображенской общины он открыл типографию в с. Старая Тушка Малмыжского уезда. После

конфискации в 1918 г. новой властью станков и шрифтов – перешел вместе с сыном Фомой и помощниками на иконописание и литье медных икон и крестов. Мастерская работала в 1920–1929 гг. Изделия его были замечательны и высокохудожественны (тираж их невелик). Тщательная и четкая проработка деталей удивляет по сей день. Новации его очень интересны (например, применение зеленого цвета в эмалях киотных крестов). Лука Гребнев погиб после изгнания с родины и ареста где-то в пересылке Котласа в 1932 г.

Можно предположить, что отдельные умельцы медь закупали в слитках, либо переливали старую медную посуду, коей в обиходе XVIII–XIX вв. было очень много. Для получения серебра также могли использовать серебряную монету (как высокопробную, так и биллон).

В тех регионах, где были залежи медной и серебряной руды, даже бедной, использовали местное сырье. В нашем крае (и далее на север) встречаются нательные кресты, отлитые из очень низкокачественного серебра и меди.

К сожалению, значительное количество медной пластики, дошедшей до нас, сильно пострадало от чистки в домашних условиях (порошком красного кирпича, валенком, дресвой и т. д.).

В коллекциях медной пластики, собранных в Вятском крае в 1990–2000-е годы, в основном представлены изделия XVIII–XIX вв. Нательных крестов не так много, поскольку собирателей интересовали, прежде всего, высокохудожественные малотиражные вещи. Но и то, что есть, представляет немалый интерес. Такие нательные кресты отливались непосредственно в старообрядческих общинах и скитах Вятского края. Образцами служили часто выгорецкие изделия. Кресты делались небольшим тиражом и, чаще всего, не на продажу, а для членов своей общины. Потому-то так ценится среди собирателей скитская работа, что мастер не жалел сил, времени, искусства – для сравнительно небольшого изделия.

Обе стороны такого креста максимально насыщены художественно и религиозно значимыми изображениями, вмещающими представления о мире и вере средневекового человека, нередко требующими расшифровки для современных людей. Удивительное изящество и гармоничность такого нательного креста делают его произведением большого искусства. Мастер-одиночка мог лить небольшие нательные кресты, используя форму из особого вида камня (представлена в коллекции), практически в любой глухомани.

Буквы и текст на нательных крестах стали неотъемлемым элементом художественной гармонии целого. Несмотря на общую каноничность изображений на нательных крестах, они удивительно разнообразны и неожиданно оригинальны. Мысль нескольких поколений мастеров билась над созданием оптимально значимого варианта изображения, которое затем бережно воспроизводилось долгие десятилетия, что вовсе не мешало его развитию.

Длинное средневековье в отдаленных уголках русской провинции с его мифопоэтическим восприятием жизни сохранялось вплоть до начала XX в.

Примечания

1. См.: Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века: из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. М.: Интербук-бизнес, 2000. – 136 с.: ил.

Обстоятельства возникновения Холуницких заводов и судьба их строителя А. С. Ярцова

*С. Н. Шулаков,
г. Белая Холуница, Кировская область*

Начало Холуницким заводам положил А. И. Глебов со строительства первых двух заводов – вначале Климковского, а затем Холуницкого. Их главным строителем стал А. С. Ярцов, прославившийся своей успешной деятельностью в горнозаводской промышленности России.

10 апреля 1761 г. указом Берг-Коллегии было получено разрешение на строительство Климковского завода. Александр Иванович Глебов в это время занимал должность генерал-кригс-комиссара, а Аникита Сергеевич Ярцов только что закончил обучение в Московском университете и получил звание шихтмейстера штата Московской Берг-конторы [1].

25 декабря 1761 г. императорский трон России перешел от Елизаветы Петровны к Петру III. Близость дат 10 апреля 1761 г. и 25 декабря 1761 г. может показаться случайностью, но это не так.

Во-первых, начнем с того, что 25 декабря 1761 г. А. И. Глебов непосредственно участвовал в событиях у императорского трона и, по свидетельству Д. В. Волкова, заранее подготовил Манифест о кончине Елизаветы и вступлении на престол Петра III. Именно 25 декабря 1761 г. А. И. Глебов получил место генерал-прокурора и был утвержден в должности генерал-кригс-комиссара [2]. С. М. Соловьев отмечал, что князь Н. Ю. Трубецкой и А. И. Глебов 25 декабря находились «за две комнаты от спальни умирающей», «что-то писали» и периодически ходили «к великому князю» [3]. А. И. Глебов не случайно оказался вместе с князем Н. Ю. Трубецким. Никита Юрьевич умел оставаться наверху и был союзником Шуваловых в борьбе с Бестужевыми. Приближение же А. И. Глебова ко Двору происходило под покровительством влиятельнейшего графа П. И. Шувалова, начиная с 1756 г. [4].

Во-вторых, авторство изданного при Петре III Манифеста об отобрании крестьян от духовенства от 16 февраля 1762 г. приписывается А. И. Глебову [5]. С большой вероятностью так оно и было, так как у А. И. Глебова на это был свой интерес. К вновь открываемым заводам положено было припи-

сывать казенных крестьян, которые по большей части повсеместно уже были разобраны, а монастырских крестьян на территории будущих Холуницких заводов было довольно многочисленно [6]. До конца это дело было доведено уже Екатериной II указом от 26 февраля 1764 г. [7]. В результате у монастырей, находившихся на территории будущей хозяйственной деятельности Холуницких заводов, были изъяты: Спасо-Вобловицкое (Полом), Сырьяны-Никольское (Сырьяны), Сырьяно-Прокопьевское (Прокопье) и Холуницко-Троицкое (Троицкое) [8]. Примечательно, что в начальное время Холуницкий завод некоторое время упоминался как «Ново-Троицкий-Холуницкий».

В-третьих, А. И. Глебов задумал строительство Климковского завода как минимум за два с половиной – три года до воцарения Петра III, так как 23 августа 1759 г. уже оформил отвод рудников и место под строительство завода [9]. Очевидно, что он знал, какие законодательные проекты намечены к осуществлению в ближайшей перспективе, в том числе при воцарении Петра Федоровича, так как они готовились П. И. Шуваловым, а А. И. Глебов являлся фактически исполнителем его поручений [10].

Далее попробуем выяснить, почему именно А. С. Ярцов стал строителем заводов А. И. Глебова в Вятской провинции, как это связано с вышесказанным. Родился Аникита Сергеевич Ярцов 6 августа 1737 г. недалеко от Барнаула, предположительно во время переезда семьи с Колывано-Воскресенских заводов (на Алтае) А. Н. Демидова в Екатеринбург [11]. Его отец – Сергей Феклистов (Феоктистов) Ярцов (1703–1778) – получил широкую известность тем, что объявил в 1735 г. тайному советнику Татищеву найденную местным «вогуляком» гору Благодать [12]. Вскоре С. Ф. Ярцов (в 1736 г.) сменил звание «шихтмейстер» на «берггешворен» [13]. Эта благосклонность может объясняется, возможно, еще и активным участием шихтмейстера Сергея Ярцова в попытке реализовать проект В. Н. Татищева по открытию школ на частных заводах Урала [14]. С 15 февраля 1730 г. по ноябрь 1734 г. С. Ф. Ярцов был учителем словесной школы в Екатеринбурге [15], поэтому мог хорошо понимать суть поставленных задач. Акинфий Демидов, противодействуя В. Н. Татищеву, 12 декабря 1735 г. добился, по сути, отмены наказа, по которому шихтмейстеры действовали как представители власти с широкими полномочиями, в том числе и «О содержании церквей и школ» [16]. Возможно, что, желая защитить С. Ф. Ярцова от снижения его служебного и социального статуса и сохранить в качестве своего помощника, В. Н. Татищев определил его в берггешворены [17] и отправил на фактически изъятый в пользу казны Колываново-Воскресенский завод (предположительно назначаем). В мае 1737 г. завод был остановлен и к концу лета 1737 г. возвращен Акинфию Демидову [18]. При возвращении (или во время сборов к возвращению) С. Ф. Ярцова с женой Матреной Павловой [19] в Екатеринбург, по всей видимости, и родился Аникита Сергеевич.

Еще важно отметить, что с 30 января 1748 г. С. Ф. Ярцов был определен поручником и в том же году назначен управителем Верх-Исетского завода, а с 1751 г. назначен управителем Верх-Исетского и Алапаевского заводов [20]. Именно в это время (с 1751 г.), «дом» Шуваловых начал приобщаться к металлургии. В 1751 г. А. И. Шувалов получил от казны в вечное потомственное владение два завода. В 1754 г. на очень льготных условиях начал приобретения П. И. Шувалов [21]. Одним из них стали Гороблагодатские заводы. Здесь Петр Иванович никак не мог обойти своим вниманием С. Ф. Ярцова и его сыновей. П. И. Шувалов в своих проектах во многом опирался на идеи В. Н. Татищева и должен был хорошо знать всех его сподвижников, так как к Василию Никитичу и его связям у Двора всегда было особое внимание.

Факт того, что А. С. Ярцов был направлен после Московского университета к А. И. Глебову на строительство Климковского завода, требует пояснения.

По замыслу Климковский завод «должен был стать одним из крупнейших в стране чугуноплавленных предприятий» [22]. В указе Бергколлегии от 21 марта 1762 г. записано, что по определению Бергколлегии от 18 июня 1761 г. и «по решению господина Глебова, велено для освидетельствования рудников и снятия планов и протчих надобностей отослать к нему господину Глебову, тебя, шихтмейстера Ярцова и при том заводе на коште его господина генерал-прокурора и кавалера, быть тебе один год, а по прошествии года паки явитца, тебе Ярцову, в Бергколлегию». Во-первых, здесь важно обратить внимание на фразу «по решению господина Глебова», что говорит о том, что А. И. Глебов сам принял решение относительно выбора именно Аникиты Сергеевича. Во-вторых, шихтмейстер Ярцов направлялся на один год, и его руководящая роль при этом никак не обозначена. В-третьих, на месте уже вел какие-то работы шихтмейстер Клепинин, и была возведена плотина. Н. И. Павленко, ссылаясь на рукопись А. С. Ярцова, пишет: «...Глебову и настояла надобность для довершения этого завода в исправном горном офицере» [23].

Аникита Сергеевич сразу показал высокий уровень профессионализма в горнозаводском деле. Показательны два примера: 1) Успешное строительство зимой домны на Климковском заводе (обыкновенно домны зимой не строили); 2) Выпуск с самого начала (с пробной выковки) высококачественного полосового железа, после отправки которого партией в две тысячи пудов А. И. Глебовым по контракту в Англию, «оному Ярцову из самой Англии благодарность прислана» [24]. В 1762 г. к А. И. Глебову на Холуницкие заводы был направлен брат А. С. Ярцова Семен (в возрасте около 16 лет), числившийся с 20 апреля 1760 г. пробирным учеником при Берг-коллегии [25]. Очевидно, что он был затребован по просьбе А. С. Ярцова для контроля качества металла.

А. Г. Козлов о результатах службы А. С. Ярцова в Вятской провинции у А. И. Глебова писал: «Им и с его участием были построены горные заводы

Шермяитский и Климковский (1762), и Холуницкий (1764)» [26]. По описанию самого А. С. Ярцова, было еще начато строительство Чернохолуницкого завода, но в связи с продажей в 1769 г. А. И. Глебовым своих горных заводов С. Я. Яковлеву завод был продан недостроенным. А. С. Ярцов, сдав «с рук своих присланному от его Саввы Яковлева» приказчику Климковский, Холуницкий и недостроенный Чернохолуницкий, отбыл с отчетом в Петербург к А. И. Глебову [27].

Далее судьба А. С. Ярцова складывалась под чутким вниманием и заботой обер-прокурора М. Ф. Сойманова (сына Ф. И. Сойманова – приятеля П. И. Шувалова). 27 августа 1771 г. Михаил Федорович был назначен главой Берг-коллегии. 23 декабря 1771 г. М. Ф. Сойманов подал список командиремых на Олонекские заводы, первым в котором значился бегмейстер А. С. Ярцов. Вскоре после прибытия на место А. С. Ярцов был назначен главным командиром заводов [28].

Примечания

1. Холуницкие горные заводы наследников действительного статского советника Альфонса Фомича Поклевского-Козелл Вятской губернии Слободского и Глазовского уездов. Вятка, 1896. С. 3; Глебов Александр Иванович // Русский биографический словарь А. А. Половцова. Т. 5: Герберский – Гогенлоэ. С. 341–348; Козлов А. Г. Выдающийся горный деятель и металлург А. С. Ярцов // Металлург. 1963. № 2.
2. Глебов Александр Иванович. С. 343.
3. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В 18-ти кн. Кн. 13. Т. 25–26. 1762–1765. С. 8.
4. Глебов Александр Иванович. С. 342.
5. Манифест о полной секуляризации церковной недвижимости с передачей ведавшей ими Коллегии экономии Сенату. От 16 февраля 1762 г. // ПСЗРИ, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 15. № 11441; Мельников А. С. Петр III. Повествование в документах и версиях. Молодая гвардия, 2002. С. 407; Глебов Александр Иванович // Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=25372 (дата обращения: 15.02.2016).
6. Порошин И. В. Откуда мы родом?: из истории сельских поселений Белохолуницкого района Кировской области // Слободское региональное объединение краеведов «Уезд». Альманах № 3. Слободской, 2001.
7. ПСЗРИ, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 16. № 12060. С. 549–553.
8. Порошин И. В. Указ. соч. С. 17, 19–20, 25, 27–28.
9. ГАКО. Ф. 761. Оп. 3. Д. 18 а. Л. 22–29.
10. Мельников А. С. Указ. соч. С. 143; Андриянин С. В. Империя проектов: государственная деятельность П. И. Шувалова. СПб., 2011. С. 44–46.
11. Разницин Н. В. Материалы по поиску места захоронения А. С. Ярцова // МБУК «Белохолуницкий краеведческий музей Кировской области». Ф. 61 [А. С. Ярцов] (находится на оформлении); Аникита Сергеевич Ярцов // [Электронный ресурс] // Первый век освоения Россией Алтайского региона в публикациях и рукописях XVIII–XIX вв.

Биографическая справка. URL: <http://library.altspu.ru/althistory/biobibliographies/RU%5CASPAS%5CALTPERSON%5C106> (дата обращения: 15.02.2016).

12. Елькин М. Ю. Родословная роспись Ярцовых: Уральские Ярцовы – представители разных сословий. Родословная роспись Ярцовых // Уральский родовед. Вып. 5. Екатеринбург, 2001. С. 19–22; Родословная роспись Ярцовых: [рабочая рукопись] // Личный архив М. Ю. Елькина; Рапорт генерала Ярцова и приложенный к нему «Осмотр» пяти Гороблагодатских заводов // Горный журнал. 1883. № 11.

13. Елькин М. Ю. Указ. соч.

14. Сафронова А. М. Проект В. Н. Татищева по открытию школ на частных заводах Урала и попытка его претворения в жизнь // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 118, 120, 126.

15. Елькин М. Ю. Указ. соч.

16. Сафронова А. М. Указ. соч. С. 101–104, 130–132.

17. Елькин М. Ю. Указ. соч.

18. Юркин И. Н. Демиодовы: Столетие побед. М., 2012. С. 237.

19. Елькин М. Ю. Указ. соч.

20. Там же.

21. Андриянен С. В. Указ. соч. С. 138, 141.

22. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в.: заводы и заводладельцы. М., 1962. С. 415.

23. 21 марта 1762 г. Указ Бергколлегии шихтмейстеру Н. Ярцову о разрешении А. И. Глебову построить Железодельный завод на р. Большой Холунице // РГАДА. Ф. Бергколлегии. Кн. 2238. Л. 217–220. Копия 1798 г.; Павленко Н. И. Указ. соч. С. 415.

24. Варакин А. А., Разницин Н. В., Вавилов А. П. [и др.]. Машинописные тексты с результатами прочтения фотокопий листов рукописного труда А. С. Ярцова «Российская горная история» в 8-ми томах // МБУК «Белохолуницкий краеведческий музей Кировской области». Ф. 61 [А. С. Ярцов] (на оформлении).

25. Елькин М. Ю. Указ. соч.

26. Козлов А. Творцы науки и техники на Урале. XVII – начало XX века // Биографический справочник. Свердловск, 1981. С. 178.

27. Варакин А. А., Разницин Н. В., Вавилов А. П. Указ. соч.

28. Гольденберг Л. А. Михаил Федорович Соимонов (1730–1804). М., 1973. С. 26, 28, 31.

Развитие земской медицины в Сарапуле и Сарапульском уезде после реформ Александра II

*Е. С. Опалева,
г. Сарапул, Удмуртская Республика*

Вторая половина XIX в. для России – время великих перемен в общественной и культурной жизни страны. Реформы, проведенные Алексан-

дром II, вывели Россию на новый этап развития, расширили границы гражданского общества и правового государства.

Одной из основных реформ, проведенной после освобождения крестьян от крепостной зависимости в 1861 г., являлась земская реформа. Она была призвана помочь правительству создать новые принципы устройства крестьян, вышедших на волю.

В 1864 г. вышло «Положение о губернских и уездных учреждениях», которое утвердило на местах новую ветвь власти – земское управление. «Земством называется учреждение, в котором само население заведует своими местными делами и пользуется правом облагать имущества земским сбором и расходовать полученные суммы на необходимые общественные нужды в уезде или губернии» – так охарактеризовал земства сарапульский краевед, священник Николай Николаевич Блинов [1].

Одним из важнейших видов деятельности земства стала медицина – единственный в истории пример организованной медицинской помощи сельскому населению. Она не имела аналогов в мировой истории и стала национальной гордостью России.

Несмотря на то, что права земства в оказании медицинской помощи населению были отнесены к необязательным земским повинностям, деятельность их в этом направлении заняла одно из ведущих мест. Расходы на медицину составляли более одной трети земского бюджета.

В вопросах развития медицинского обслуживания населения Сарапульское уездное земство не стало исключением – медицина стала одним из главных видов его деятельности.

На земских врачах лежала большая ответственность: «Земский врач должен был не только лечить, давать лекарство; по необходимости он учил деревенских жителей, объяснял, как себя держать в той или иной болезни, снисходил к слабости больных, рассказывал, от чего приключилась болезнь, указывал на грязь помещений и дворов в деревнях, приучал к осторожности в обращении с заразными больными» [2].

В 1877 г. земской управой были выработаны условия договора с врачами для службы в Сарапульском уезде. Вот некоторые из этих требований: «Всякий врач, желающий служить в Сарапульском земстве, должен строго руководствоваться всеми существующими врачебными законами... Все вообще врачи обязываются кроме заведывания лечебными заведениями, принимать амбулаторных больных, давать им медицинские советы и оказывать медицинскую помощь бесплатно, согласно врачебному уставу» [3]. По этому договору врачи могли быть командированы управой в волости для оказания медицинской помощи.

Все медицинские работники представляли земской управе отчеты о своей деятельности и могли быть уволены земским собранием. Оклад врача составлял от 1300 до 1500 руб.

Сарапульский уезд для обеспечения всего населения медицинской помощью был разделен на восемь медицинских участков: Сарапульский, Ижевский, Каракулинский, Бурановский, Воткинский, Больше-Норьинский, Соновский, Дебесский. Кроме того, некоторые городские врачи просили у земской управы небольшие участки для медицинской практики.

Медицинский персонал Сарапульского земства состоял в 1892 г. из восьми врачей (на каждый участок по одному), одного провизора, трех помощников провизора, двух участковых повитух, 16 фельдшеров при больницах и 15 участковых фельдшеров, 15 оспопрививателей. Земством содержались и сестры милосердия российского общества Красного креста, которое располагалось при Сарапульской земской больнице. В 1903 г. медицинский персонал увеличился: 11 врачей (в Сарапульском участке – четыре врача, во всех остальных по одному), 46 фельдшеров, 11 акушерок [4].

Главным лицом в земской медицине был врач-специалист, оказывавший квалифицированную медицинскую помощь при различных заболеваниях. Это был универсал, который использовал возможности медицины того времени. Одним из организаторов земской медицины в Сарапуле был врач Сарапульской земской больницы Константин Фадеевич Круликовский. Вместе с Александром Капитоновичем Добронравовым они развивали медицину в Сарапуле и уезде. Оба были очень уважаемы и получали от земств многочисленные благодарности. Уважением и любовью горожан и жителей уезда пользовались и Роберт Иосифович Готвальд, Александр Александрович Гридин, Порфирий Иванович Ильинский. Все эти люди были врачами с большой буквы и отдавали свой опыт и знания на служение людям.

Для повышения качества медицинской помощи Сарапульское земство посылало на курсы врачей, фельдшеров, акушерок. Так, в 1896 г. в Московский родовспомогательный дом было решено отправить несколько акушерок из разных волостей Сарапульского уезда для обучения «повивальному искусству». Для этого выделялись деньги – на путевые расходы по 25 руб. и на содержание и обучение по 100 руб. на каждую обучаемую.

Сарапульское уездное земство уделяло огромное внимание оспопрививанию, для чего привлекало и обучало всех желающих. За каждое удачное оспопрививание земство выплачивало вознаграждение: в 1867 г. – пять копеек [5], а в 1876 г. – уже по двадцать копеек [6].

Земская медицина занималась и инфекционными заболеваниями. Как только появлялись первые признаки таких заболеваний, как тиф, холера, сразу же принимали меры для предупреждения эпидемий. Причем, отслеживалась обстановка не только по России, но и за границей. Так, в 1885 г. на юге Франции появилась холера, и вятский губернатор призвал все земские управы заняться профилактикой холеры в губернии. В Сарапуле было создано чрезвычайное земское собрание, на котором были выработаны следующие меры:

- «1) Производство санитарных осмотров торговых и бойких пунктов, преимущественно на Каме и очистка их;
- 2) отвод во всех селениях помещений для заболевающих холерой;
- 3) в селениях, имеющих пристани устроить приемные покои (в Каракулино, Галанове, Гольянах, Усть-речке);
- 4) в Сарапуле устроить приемный покой у пристани, для больных, снимаемых с пароходов, а для городских больных – в другой части города, в земскую больницу холерных не помещать;
- 5) заготовить белье на 100 человек;
- 6) для борьбы с эпидемией пригласить 10 студентов – медиков и 20 фельдшеров;
- 7) раздать возможно большему числу лиц простые медикаменты для первой помощи заболевающим» [7].

Благодаря этим мерам Сарапульский уезд был готов к борьбе с эпидемией холеры.

При поддержке Сарапульского земства с начала XX в. в уезде работал «глазной отряд попечительства императрицы Марии Александровны о слепых». Руководили отрядом женщины, командированные попечительством, а остальной персонал состоял из врачей и фельдшеров уездного земства. Глазной отряд помогал больным и в городе и в деревнях. Эта работа поощрялась и имела успех, что отмечалось в местной периодической печати [8].

Для обсуждения вопросов о состоянии, развитии и нуждах врачебно-санитарного дела в Вятке созывались общегубернские съезды врачей. Сарапульские врачи принимали самое активное участие в работе съездов, выступали с докладами о нуждах медицины в городе, о новых методах лечения и оздоровления населения. 23 августа 1909 г. делегатами от Сарапула на очередной съезд врачей были избраны: председатель уездной земской управы М. С. Тюнин, врачи Гуршкович, Домрачев и Кротков. Эта делегация представила доклады о борьбе с эпидемиями и об учреждении в уездах очень необходимых тогда врачей – бактериологов и окулистов [9].

Одним из основных в земской медицине был принцип бесплатности и общедоступности медицинской помощи. Первоначально земства брали плату за лечение в больницах, так как это практиковалось в доставшихся им больницах приказов общественного призрения. Однако уездные земства постоянно понижали эту плату. С 1885 г. в земских больницах Сарапульского уезда действовало следующее постановление: «...ввиду того, что земствами других уездов и губерний за лечение в них больных жителей Сарапульского уезда взимается плата, установить взимание платы с больных, принадлежащих к другим губерниям. Взимать плату только с жителей тех уездов, в земских больницах которых взимается плата за лечение жителей Сарапульского уезда. Причем, размер платы определить в 15 копеек за каждый проведенный день в больни-

це; о лицах же несостоятельных к уплате представлять ежегодно ведомость на предмет сложения недоимок» [10]. Вся медицинская помощь от земства была бесплатной – стационарная, амбулаторная, хирургическая, родовспоможение и проведение всех мероприятий против инфекционных болезней.

Нельзя не сказать, что расходы на земскую медицину были велики. Год от года они увеличивались и в Сарапульском земстве. В 1882 г. расходы составили 67312 руб., в 1893 г. – 78644 руб., в 1900 г. – 113494 руб., в 1904 г. – 205212 руб. (37,9% от общего расходного бюджета) [11]. Причем в Сарапульском уезде на медицину закладывали и расходовали больше средств, чем в других уездах Вятской губернии.

Конечно, в земской медицине было далеко не все гладко – не хватало персонала, средств, оборудования; на одного врача приходилось большое число больных.

Преодолевая все трудности, медицина в Сарапульском уезде продолжала развиваться, врачи постоянно совершенствовали свои знания и умения. Сарапульское уездное земство старалось улучшать качество медицинского обслуживания, увеличивать средства на его развитие, тем самым способствуя оздоровлению местного населения.

Примечания

1. Музей истории и культуры Среднего Прикамья. Ф. Редкая книга. Блинов Н. Н. Земство за полвека 1864–1914 гг. Сарапул, 1914 г. С. 4.
2. Там же. С. 18.
3. МИКСП. Ф. Редкая книга. Журналы 18-го чрезвычайного Сарапульского уездного земского собрания сессии 29 марта 1878 г. Сарапул, 1878. С. 35–36.
4. МИКСП. Ф. Редкая книга. Сборник постановлений Сарапульского уездного земского собрания очередных и чрезвычайных сессий 1882–1903 гг. Т. 2. Вятка, 1908. С. 254, 391.
5. МИКСП. Ф. Редкая книга. Сборник постановлений Сарапульского уездного земского собрания очередных и чрезвычайных сессий 1867–1881 гг. Т. 1. Вятка, 1906. С. 124.
6. МИКСП. Ф. Редкая книга. Журналы Сарапульского уездного земского собрания 11 очередной сессии 1877 г. Вятка, 1879. С. 80.
7. МИКСП. Ф. Редкая книга. Сборник постановлений Сарапульского уездного земского собрания очередных и чрезвычайных сессий 1882–1903 гг. Т. 2. Вятка, 1908. С. 193–194.
8. МИКСП. Ф. Редкая книга. Прикамская жизнь. 1909. 14 июня (№ 84). С. 3.
9. МИКСП. Ф. Редкая книга. Прикамская жизнь. 1909. 26 авг. (№ 141). С. 2.
10. МИКСП. Ф. Редкая книга. Сборник постановлений Сарапульского уездного земского собрания очередных и чрезвычайных сессий 1882–1903 гг. Т. 2. Вятка, 1908. С. 190.
11. МИКСП. Ф. Редкая книга. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 г. Вятка, 1905. С. 130.

Алексеевское реальное училище в г. Сарапуле: историко-архитектурный аспект

*Н. В. Рыжкова,
г. Ижевск, Удмуртская Республика*

В Российской империи середины XIX в. вместе с ростом промышленного производства, развитием торговли и сельского хозяйства возникла потребность в подготовке специалистов так называемого технического профиля, которые могли бы применить свои знания на практике – в различного рода промышленно-торговых операциях. Решить эту задачу можно было через систему реального образования, где, в отличие от классического образования, упор делался на изучение предметов физико-математического и естественнонаучного циклов, изучение современных языков вместо древних. В 1864 г. в России стали открываться реальные гимназии, в 1872 г. они были преобразованы в реальные училища. Также реальное образование давали военные гимназии, кадетские корпуса и коммерческие училища.

В учебные планы этих учебных заведений были внесены соответствующие изменения: значительное количество времени отводилось на лабораторные и практические работы по естественной истории, физике и химии, на изучение географии, родному и современному языкам, менялись задачи изучения этих предметов, их содержание и методы преподавания. Реальное образование было рассчитано на средние слои городского населения. К этой категории относились дети купеческого и мещанского сословия, а также других свободных сословий.

Инициатива создания такого рода учебных заведений отводилась, как правило, местным городским и учебным властям.

Одним из первых реальным училищ в Российской империи и первым на территории Удмуртии стало Алексеевское реальное училище в г. Сарапуле. 11 февраля 1873 г. состоялось его торжественное открытие. Предыстория училища была довольно длительной и началась еще в 1865 г., когда реальных училищ в России не существовало [1]. В 1870 г. в Сарапульское земское собрание поступил доклад земской управы с просьбой об открытии в г. Сарапуле не классической прогимназии, как предполагалось ранее, а реальной, которая должна была приготовить для уезда «хороших учителей», «которые давали бы детям не только грамотность, но и основы полезнейших земледельческих и технических наук» [2]. 15 мая 1872 г. ходатайство Сарапульского земства было рассмотрено положительно: Министерство народного просвещения дало свое согласие на открытие в г. Сарапуле реального четырехклассного училища, приспособленного к механико-техническим потребностям. Содержание училища приняло на себя сарапульское земство [3].

Начались поиски подходящего помещения под училище. Строить земству специальное здание для училища было дорого, поэтому принимается решение подыскать наемное помещение. 17 октября 1872 г. последовало официальное разрешение открыть училище в нанятом по контракту помещении – в доме наследников Хвостовых за 800 руб. в год. Источник свидетельствует о том, что нанятое помещение «было вовсе неудобным и не приспособленным к учебному заведению» [4]. Дом Хвостовых состоял из трех этажей, но нанято по контракту для училища было два – второй и третий этажи. В каждом из этих этажей было по восемь комнат, четыре из них были очень маленькими и потому не использовались, а две комнаты в обоих этажах служили гардеробом для учеников. Самая большая комната была площадью не более 15 кв. м, а оставшиеся комнаты – по 12 кв. м. Не было помещений под лаборатории, библиотеку, физический кабинет, для занятий гимнастикой.

Кроме того, имелись недостатки и в расположении самого наемного дома. Дом стоял на Базарной площади, где было всегда достаточно многолюдно и шумно. Недалеко от дома и напротив него располагались питейные заведения, и, более того, в первом этаже училищного дома велась виноторговля.

К 1875 гг. училище состояло уже из пяти классов, в нем обучалось 79 учеников, поэтому вопрос помещения стал ощущаться очень остро. Земское собрание поручило управе подробно разработать этот вопрос. Итогом этой работы стало три варианта решения вопроса: во-первых, постройка нового здания для училища; во-вторых, покупка и приспособление дома училищного врача Круликовского; в-третьих, передача и приспособление под училище здания земской больницы.

3 мая 1875 г. было принято решение передать училищу здание земской больницы, а для больницы построить новый дом. Очевидно, в подтверждение этому мы находим архивные документы, в которых говорится о работах, которые предполагалось провести для переустройства [5].

В 1878 г. после ремонта и всевозможных приспособлений реальное училище получило свое собственное здание – бывшее здание земской больницы. Само здание земской больницы было построено в 1871 г. по проекту архитектора М. С. Купинского [6]. Этот проект был утвержден земством 14 декабря 1868 г.

Был одобрен и фасад и план на постройку каменного дома с двумя деревянными флигелями и прочими надворными постройками для помещения в нем: в первом – сельской больницы, а во флигелях – квартиры смотрителя больницы и фельдшера [7].

Главным больничным корпусом было двухэтажное каменное, побеленное по штукатурке здание, окна главного фасада которого выходили на юг. Здание решено в классицистических формах. Композиция фасада отличается преобладанием горизонтальных членений и профилированными карниза-

ми. Одинаковые прямоугольные окна фасада декорированы профилем. Перед главным входом было устроено крыльцо, над крыльцом – металлический навес.

Планировка этажей основана на коридорной схеме с комнатами по обеим сторонам. На верхнем этаже было мужское отделение, а на первом этаже были женское и арестантское отделения, контора, комната для операций и приема больных. Больница была рассчитана на 84 человека. В одном флигеле размещалась аптека, а в другом квартира врача и смотрителя. В таком составе помещений здание земской больницы и было передано для училища.

Здание располагалось на окраине города, рядом с сосновым лесом и среди городских дач, имело вид на р. Каму и занимало достаточно большой участок, огороженный с четырех сторон каменной оградой с деревянной решеткой.

Внутренняя обстановка больницы после ремонта и приспособлений была все-таки не удобна для организации учебного процесса – классные комнаты, фундаментальная и ученическая библиотека, хоть и были светлыми и сухими, но очень маленькими, также плохо были устроены ретирады, но, по сравнению с предыдущими помещениями, источник говорит о том, что данное помещение было просто роскошным [8]. 13 января 1881 г. реальному училищу было присвоено наименование «Сарапульское Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича реальное училище» – и принято под Высокое покровительство Его Высочества [9].

Обучались в нем преимущественно уроженцы г. Сарапула и торговых сел уезда, Ижевского и Воткинского заводов – дети дворян, чиновников, купцов, мещан и крестьян.

В 1883 г. на частные пожертвования и средства купцов Д. Г. Ижболдина, А. О. Башенина и А. Т. Шитова в училищном здании была устроена домовая церковь в честь Святителя Алексия. Под церковь была отведена самая лучшая часть училищного здания – училищный зал и смежная с ним комната. До 1888 г. училище состояло из семи классов. В 1892 г. при училище было открыто общежитие на 15 человек. Оно помещалось в большом одноэтажном деревянном доме. Отдельно была построена и кухня.

Согласно статистическому отчету, в 1894 г. здание училища отмечалось как весьма светлое, сухое и теплое, с широкими коридорами и высокими комнатами внутри, отапливалось голландскими печами. Комнаты вентилировались, ретирады были вынесены за территорию здания и соединялись с главным зданием посредством стеклянной галереи [10].

В начале XX в., вероятно, училищное здание претерпело некоторые изменения – было расширено, что мы и видим в измененном облике здания на открытках и фотографиях начала XX в. В архиве были обнаружены документы о перестройках, датированных 1902 г. (протокол строительного отделения

Вятского губернского правления от 8 февраля 1902 г.) [11]. Более ранних сведений, документально подтверждающих значительные перестройки, пока не обнаружено.

После Октябрьской революции 1917 г. реальные училища в России были упразднены. Вместо них возникли близкие по задачам школы фабрично-заводского ученичества.

В настоящее время здание училища занимает педагогический колледж.

Примечания

1. Орлов Н. Краткая историческая записка о Сарапульском реальном училище (с 1873 по 1894 г. включительно). Сарапул, 1896. С. 3.
2. Там же.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 108. Д. 110.
4. Орлов Н. Указ. соч. С. 12.
5. ГАКО. Ф. 583. Оп. 498. Д. 99.
6. См. подробнее: Курочкин М. В. Архитектура Прикамья. Михаил Купинский – Вятский губернский инженер и архитектор. Ижевск, 2013. С. 65.
7. ГАКО. Ф. 583. Оп. 492. Д. 2.
8. Орлов Н. Указ. соч. С. 17.
9. Там же. С. 20.
10. Там же. С. 16.
11. ГАКО. Ф. 583. Оп. 525. Д. 52.

Творчество сарапульских архитекторов периода городской реформы Александра II

*М. В. Курочкин,
г. Ижевск, Удмуртская Республика*

*Материалы статьи подготовлены при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 15-14-18001.*

Россия второй половины XIX столетия в связи с градостроительным ростом испытывала острую нужду в архитектурных кадрах. Не явилась исключением и Вятская губерния. Вместе с городской реформой Александра II 1870 г., имевшей за собой цель дать населению городов право вести свое хозяйство, вновь избранная управа Сарапула учредила должность городского архитектора. Статьей 2-й «Городового положения» оговаривалось, что городским архитектором мог стать любой гражданин империи с инженерным образованием и навыками в художествах.

Первым архитектором Сарапульской городской управы стал Грос Густав Людвигович (1833–1878, Глазов) – инженер-архитектор. В 1852–1859 гг. учился в Новгородском строительном училище, по окончании которого был назначен помощником начальника искусственного стола в новгородскую строительную и дорожную комиссию. В 1861 г. был младшим инженером Уфимского губернского правления. Звание инженера-архитектора получил в 1866 г., через некоторое время после отставки был вновь причислен к Министерству внутренних дел и в 1868 г. поступил на должность городского архитектора Тамбова. С 1870 г. переведен на должность городского архитектора в Сарапул. С 1873 г. назначен на должность архитектора Глазовского земства. Умер в г. Глазове Вятской губернии в 1878 г. Похоронен у городского собора.

В служебной практике Густав Людвигович занимался освидетельствованием строительных дел в городе. Предположительно был автором проекта здания Сарапульской городской управы совместно с вятским губернским инженером М. С. Купинским.

Здание Сарапульской городской управы (ул. Труда, 6) расположено в центре города на пересечении красных линий улицы Труда и Красной площади [1]. Управа играет важную градостроительную роль, доминируя среди окружающей застройки. Это одно из самых величественных и монументальных зданий в центральной части города. Оно достаточно ярко отразило в своем образе сложное и противоречивое время перехода от традиций классицизма к периоду историзма в архитектуре Прикамья. Здание Сарапульской городской управы возведено поверх перестроенных торговых рядов в 1870–1874 гг. [2]. Первый этаж здания занимали купеческие лавки и ломбард; на втором этаже были размещены городская управа, сиротский суд, городской общественный банк и мещанская управа; третий этаж был отдан под женскую гимназию с квартирой начальницы.

Акимов Николай Павлович (около 1830 – 6 июня 1880, Баку) – преподаватель Сарапульского Алексеевского реального училища, коллежский секретарь, архитектор. Выпускник курсов в Санкт-Петербургском строительном училище. С июля 1873 г. – преподаватель рисования и черчения Сарапульского Алексеевского реального училища. С 16 декабря 1873 г. по 31 мая 1875 г. исполнял обязанности Сарапульского городского архитектора [3]. С 1879 по 1880 г. занимал должность городского архитектора г. Баку. Автор проекта здания окружного суда в Сарапуле.

История здания окружного суда начинается с продажи купцом 3-й гильдии Евстратом Татаринковым в городскую казну своего жилого дома, расположенного на Вознесенской площади [4]. Его вчерне он сам продал за семь тысяч рублей серебром (24 тыс. ассигнациями) [5]. Здание не устраивало «своим внешним обликом и планировкой третьего этажа» [6], поэтому было принято решение «уличную стену разобрать и выложить заново» [7]. Рабо-

ты по реконструкции здания начались в 1853 г. и проводились в течение почти двух лет. Строительные работы возобновились в 1874 г. по проекту Сарапульского архитектора Николая Павловича Акимова и сохранились в чертежах, «подписанных собственноручно» [8].

Здание окружного суда доминировало в окружающей застройке северного фронта Вознесенской площади и отличалось своими масштабами. Архитектурный декор выдержан в скромных формах позднего классицизма. Прямоугольный в плане, вытянутый по красной линии, симметричный по композиционному решению. Центральная часть в пять окон выделена слегка выступающим ризалитом, завершенным ступенчатым высоким аттиком. Ризалит подчеркнут контрастным ленточным рустом второго этажа и лопатками в простенках между осями третьего этажа. Прямоугольные проемы в основном (кроме окон первого этажа) обрамлены рамочными наличниками. Наличники флангов третьего этажа украшены лепными розетками и профилированными сандриками на кронштейнах. Горизонтальное членение развернуто междуэтажными профилированными карнизами, которые венчают лепные и тянутые фризы, ленточный руст первого этажа. Планировка здания была изначально анфиладная.

Оловягин Николай Петрович (1853 – 30 (17) апреля 1918, Таганрог) – инженер-технолог, архитектор. Образование получил в Санкт-Петербургском технологическом институте на механическом факультете. До назначения в Таганрог работал на Камском броневом заводе помощником управляющего по технической части. С 1878 по 1889 г. преподавал в Сарапульском Алексеевском реальном училище [9]. Архитектор Сарапульской городской управы. С 1889 г. трудился в Красноуфимском промышленном училище и затем переехал в Пермское горнозаводское училище. С 1899 г. в Таганрогском училище преподавал механику и арифметику. Первый директор Таганрогского восьмиклассного технического училища (ныне Таганрогский авиационный колледж им. В. М. Петлякова).

Автор проекта каменной колокольни Покровской церкви в селе Выезд Сарапульского уезда (1881–1894 гг.) [10]. Несколько зауженный западный притвор колокольни служит ее основанием, состоящим из высокого четверика и промежуточного полуяруса. Ярус звона прорезан удлинненными арками и завершается четырехгранным куполом со скосами «под восьмерик». Арочное завершение восьмерика перекрыто сферическим куполом. Венчает колокольню тонкий шпиль на цилиндрической ножке. Первый ярус колокольни завершен изящными фигурными городками. Кирпичные стены здания побелены по кладке. Сельский приходской храм отличается сдержанным декором упрощенных форм позднего классицизма.

К сожалению, о полноте творчества сарапульских городских архитекторов известно слишком мало. Утрачено значительное количество графиче-

ских документов, заверенных подписями. Будем надеяться, что приведенная выше хронология поможет в дальнейших исследованиях.

Примечания

1. ГАКО. Ф. 583. Оп. 491. Д. 9. Дело по отношению Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел о замене деревянных зданий каменными. 1868 г.
2. Там же. Оп. 493. Д. 207. Дело об освидетельствовании некоторых местностей в г. Сарапуле. 1870 г.
3. Там же. Оп. 495. Д. 167. Дело по отношению Сарапульского городского головы о переустройстве господина Акимова Сарапульским городским архитектором. 1873 г. Л. 1.
4. Там же. Ф. 619. Оп. 2. Д. 1970. Дело по отношению Вятского губернского правления о рассмотрении плана на место и дом Сарапульского купца Татарина. 1851–1853 гг. Л. 12.
5. Блинов Н. Н. Сарапульская старина. Первые пароходы на Каме // Известия Сарапульского земского музея. Сарапул, 1914. С. 162.
6. Там же. С. 13–14.
7. Там же. С. 15–16.
8. ГАКО. Ф. 583. Оп. 496. Д. 11. Дело об устройстве помещения под Окружной суд и тюрьмы при нем в г. Сарапуле, равно и об устройстве тюрьмы при Вятском Окружном суде. 1873–1878 гг.
9. Краткая историческая записка о Сарапульском Алексеевском реальном училище. С приложением отчета за 1894 гражданский год. Сарапул, 1896.
10. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 11.

Вклад сельскохозяйственных обществ в развитие аграрной модернизации России (по материалам Ярославской губернии второй половины XIX – начала XX в.)

А. В. Ахсянов, г. Ярославль

Аграрные реформы 60–70-х гг. XIX в. послужили толчком к осуществлению раннеиндустриальной модернизации в России. Пореформенный период стал временем напряженных поисков усовершенствованных приемов земледелия и животноводства. Деятельность сельскохозяйственных обществ служило наглядным примером попыток отечественных рационализаторов выйти из кризисного состояния сельскохозяйственного производства при помощи научно-технических усовершенствований и нововведений.

Одной из ведущих организаций, осуществлявших модернизацию аграрного сектора Ярославского края как в дореформенное время, так и в пореформенный период было Ярославское общество сельского хозяйства, основанное

22 сентября 1842 г. по инициативе помещика-рационализатора Е. С. Карновича [1]. С этого времени оно начинает развивать активную деятельность: общество выступало инициатором проведения губернских сельскохозяйственных выставок, целью которых было передать крестьянам опыт лучшего ведения хозяйства, производства сельскохозяйственной техники, выращивания породистого скота. В дореформенный период в губернии было проведено четыре сельскохозяйственных выставки. На первой из них (1844 г., с. Великое) в число предметов, допущенных на выставку, входили молотилки и веялки [2]. На последующих выставках также экспонировались сельскохозяйственные машины. Так, на вторую Великосельскую выставку (1846 г.) были доставлены: от управляющего имением графа Мусина-Пушкина – сеяльная машина; от помещика П. А. Протопопова, члена ЯОСХ – жатвенная машина. На третью выставку (1850 г.) П. А. Протопоповым была представлена молотильная машина. За свое изобретение этот ярославский помещик был награжден похвальным листом. На четвертую сельскохозяйственную выставку (1860 г., Ярославль) помещиком А. А. Хрущевым была представлена веяльно-сортировочная машина, за которую он был удостоен почетного отзыва [3].

Во второй половине XIX столетия в состав Ярославского общества сельского хозяйства в разное время входили: М. М. Леонтьев (президент общества) [4]; А. П. Миславский (вице-президент); Н. П. Павлов и А. М. Заплетин (члены совета); А. С. Тутуров (казначей общества); В. П. Сабанеев (секретарь общества); О. А. Бычков, Н. П. Сабанеев, И. Н. Ельчанинов, М. Г. Кох, Д. Е. Гордеев, А. И. Смарагдов, Н. И. Хомутов, А. Ф. Быченский, Н. П. Офицов, Н. И. Афанасьев (члены общества) [5]. В среднем общее число членов общества составляло порядка 12–14 человек.

Работу всех сельскохозяйственных обществ координировал департамент сельского хозяйства, куда и поступали их годовые отчеты. Вся деятельность обществ была направлена на внедрение новых передовых хозяйственных технологий с целью как усовершенствования местного сельского хозяйства в целом, так и тех его отраслей, которые наиболее присущи для губернии, а именно: льноводства, огородничества, возделывания картофеля и других овощных культур, выращивания породистого скота, улучшения овец романовской породы, усовершенствования многопольной системы обработки земли, использования сельскохозяйственной техники и вольнонаемного труда, что, в свою очередь, вело к скорейшему развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Работа обществ способствовала капиталистической эволюции аграрных отношений. Благодаря обмену передовым опытом применения машин шло совершенствование сельскохозяйственного производства [6].

Через общества можно было сделать заказы в иностранные фирмы по изготовлению сельскохозяйственных орудий. Например, через Ярославское обще-

ство можно было заказать в бельгийском торговом доме братьев Брельс (г. Антверпен) различные виды машин (паровая переносная молотилка – 1220 руб., паровая молотилка с веялкой – 1560 руб., жатвенная машина – 330 руб., соломорезка – 30–54 руб., машина для дробления овса – 56 руб. и др.) [7].

В круг обязанностей ярославского общества входило удешевление сельскохозяйственных инструментов путем понижения пошлин с импортного оборудования; поощрение крестьян-дворохозяев за введение лучших орудий медалями и преимуществом при получении мелкого кредита; открытие складов земледельческих машин и инструментов; заказ последних местным кустарям; устройство питомников при школах садоводства; учреждение сельскохозяйственных музеев; организация передвижных пунктов для очистки семян; снабжение крестьянского населения улучшенными семенами и др. [8].

Для обмена опытом Ярославское общество вело переписку не только с ведущими центральными (Вольное экономическое общество и Московское общество сельского хозяйства), но и с региональными организациями. Кроме того, оно установило тесные связи с отечественными механическими заведениями по изготовлению сельскохозяйственных машин. Примером может служить переписка ЯОСХ с заводом братьев Бутеноп (Москва) [9]. Члены губернских обществ сельского хозяйства, занимаясь практической деятельностью в обществе, не только содействовали распространению сельскохозяйственных знаний, инструментов [10] и др., но также сами совершенствовали земледельческие машины и орудия [11].

Усовершенствование сельскохозяйственной техники волновало и крестьян – из этой среды зачастую выходили изобретатели-самоучки. Так, Пошехонский уезд славился мастерами, делавшими хорошие молотильные машины [12]. Крестьяне дер. Дурдино Рыбинского уезда братья Алексей и Феофан Хитровы получили «привилегию на 10 лет» за изобретение сенокосилки, которая в течение восьми часов, управляемая одним работником, скашивала и разбрасывала траву на пяти десятинах [13]. В имении графа Мусина-Пушкина крестьянином И. И. Липиным была изобретена сеяльная машина [14]. В Ярославской губернии действовали заводы, принадлежавшие крестьянам: в дер. Папоротной Мышкинского уезда, находилось шесть заводов по выделке крупы – один принадлежал крестьянину С. Петрову, другие держали Г. Дмитриев, П. Дмитриев, Е. Яковлев, И. Иванов, И. Максимов [15].

Доходы общества состояли из уплаты членских взносов, продажи семян со склада, торговли комиссионным товаром, машин и др. орудий труда. Расходы включали в себя содержание канцелярии, складского помещения, покупки и доставки семян, выдаче комиссионных, приобретение инвентаря, выплаты в типографию, письмоводителю, покупку книг для конторы, выписку газет и журналов, жалованье смотрительнице и сторожу и т. д. [16].

Очередные заседания общества проходили по мере надобности, чрезвычайные созывались в случае каких-либо особых обстоятельств. Так, в 1890 г. состоялось три очередных заседания Ярославского сельскохозяйственного общества: 5 марта, 26 июня, 15 декабря. Значительное внимание члены общества уделяли внедрению новых сельскохозяйственных знаний в среде местного населения. Для этих целей И. Н. Ельчаниновым и Н. П. Сабанеевым было предложено обустроить при содействии Шубино-Вахтинской сельскохозяйственной школы сады и огороды при начальных народных школах губернии, создаваемых по решению крестьянских общин [17]. Здесь следует отметить, что в конце XIX столетия на территории Ярославского края и соседних губерний наряду с низшими сельскохозяйственными учебными заведениями, осуществлявшими общую сельскохозяйственную подготовку, были организованы специализированные школы (молочного хозяйства и др.), имевшие ускоренный курс обучения [18].

Заботой об «облегчении и улучшении положения трудящейся массы» как в целом по стране, так и в Ярославском крае конца XIX столетия было также занято Общество улучшения народного труда. Интересна оценка общества сельской общины в России: «Дав крестьянину свободу личности <...> царь и его правительство озаботились переустройством гражданских условий народного быта. В основу этого переустройства было принято выборное начало, как идея самобытности, саморазвития и самоуправления. Явились и получили гражданскую жизнь сельская община, волость <...> на эти местные самостоятельные управления была возложена забота исследования и удовлетворения местных нужд и потребностей; на них легла обязанность привести к прочному устройству <...> все крестьянское население. Но выполнены ли эти задачи, оправдалось ли то доверие?» [19]. Общество улучшения народного труда приходит к выводу, что не выполнены и призывает «встать на почву практической исполнительской деятельности», «привлечь в свои члены возможно больше число лиц» с тем, чтобы «...вся наша обширная страна, как сеть, покрылась разветвлениями... общества» [20].

Цели и основные направления деятельности данной организации во многом переключались с курсом, которым следовало ЯОСХ: «...способствовать... развитию и усовершенствованию занятий и промыслов местного населения...», «...дать детям крестьян... низшие земледельческие, ремесленные, технические и промысловые школы. Взрослым... дать возможность усовершенствования посредством образовательных чтений и курсов... возбудить соревнование между трудящимися посредством местных выставок произведений народного труда... из местных складов... дать крестьянину возможность пользоваться сельскохозяйственными орудиями, машинами и улучшенными семенами... дать рабочему сословию возможность сберегать каждую копейку для образования» [21].

В конце XIX – начале XX в. в губернии стали возникать и другие сельскохозяйственные общества: к 1915 г. уже существовало 89 различных обществ, включая 18 специальных (10 обществ пчеловодства и др.), однако ЯОСХ продолжало сохранять свои позиции главного сельскохозяйственного общества губернии, координирующего работу местных рационализаторов.

Ключевым принципом деятельности указанных организаций был синтез общественных аграрных традиций и западноевропейских новаций, при котором учитывались как элементы архаичного земледельческого уклада, так и общие черты, связывавшие помещиков и крестьян (особенности национального менталитета, традиции деревенского патернализма и др.) [22].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что одной из основных задач, стоявших перед Ярославским обществом сельского хозяйства и Обществом улучшения народного труда со времени их основания и до закрытия в 1917 г., было «распространение сельскохозяйственного образования между населением» [23], взаимодействие с сельскими обществами, пропаганда и распространение агрономических знаний и практическая помощь крестьянам-общинникам в модернизации своих хозяйств. Сельскохозяйственное общество Ярославской губернии способствовало зарождению и распространению капиталистических отношений в крае, под его руководством проводились выставки, на которых экспонировались продукты сельского производства. Сами члены общества в своих хозяйствах вводили многопольную систему обработки земли, применяли передовые сельскохозяйственные инструменты, распространяли прогрессивные методы ведения хозяйства и т. д. Ярославское общество сельского хозяйства и Общество улучшения народного труда сыграли значительную роль в модернизации сельского хозяйства губернии.

Примечания

1. ГАЯО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
2. Ярославские губернские ведомости. 1844. № 3. С. 24.
3. Описание третьей ярославской губернской выставки сельских произведений. Б. м., б. г. С. 39; Ярославские губернские ведомости. 1850. № 52. С. 384.
4. ГАЯО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
5. Там же. Д. 29. Л. 21.
6. Киняпина Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е годы XIX века). М., 1968. С. 308.
7. Записки Ярославского общества сельского хозяйства за 1858 год. СПб., 1859. С. 172–173.
8. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Ярославская губерния. СПб., 1903. С. 20–22.
9. ГАЯО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.
10. Отчет Ярославского общества сельского хозяйства за 1855 год. СПб., 1856. С. 71–73.

11. Отчет Ярославского общества сельского хозяйства за 1857 год. СПб., 1859. С. 31–37.
12. ГАЯО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 6. Л. 70.
13. Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России, в течение 10 лет, с 1844 по 1854 год. СПб., 1855. С. 250–253.
14. ГАЯО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 6. Л. 25, 88.
15. Широчин И. Крестьяне-предприниматели // Волжские зори. 1994. 2 февр.
16. ГАЯО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 30. Л. 12 об. – 13.
17. Там же. Л. 9 об.
18. Александров Н. М. Мероприятия земства и частных лиц по развитию сельского хозяйства в Костромской губернии в конце XIX – начале XX в. // Крестьянство и власть на Европейском севере России. Материалы науч. конф. Вологда, 2003. С. 60–61.
19. ГАЯО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 32. Л. 49.
20. Там же. Л. 50 об.
21. Там же. Л. 44, 49 об. – 50.
22. Козлов С. А. Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XVIII – начале XX века (основные этапы) // Отечественная история. 2004. № 2. С. 23.
23. ГАЯО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.

Из характеристики профессиональной и общественной деятельности первого председателя Вятского окружного суда Рудольфа Павловича Ренненкампа

Е. С. Бальбердина, г. Киров

Важное место среди Великих реформ Александра II занимала судебная. Уставы от 20 ноября 1864 г. провозгласили бессловесный принцип ведения судопроизводства. Система судов стала более упорядоченной, вновь созданными учреждениями стали мировые и окружные суды. Для разбора мелких уголовных, гражданских дел учреждался институт выборных мировых судей. Мировой судья единолично рассматривал дела по обвинению в преступлениях, за совершение которых могло быть определено одно из следующих наказаний: замечание, выговор, денежное взыскание на сумму не свыше 300 руб., арест на срок не свыше трех месяцев, заключение в тюрьму на срок до одного года. Окружной суд учреждался для рассмотрения гражданских и уголовных дел, выходящих за рамки подсудности мирового судьи.

Первым председателем Вятского окружного суда стал Рудольф Павлович Ренненкампа (1821–1886). Образование он получил в Императорском учи-

лище правоведения. По окончании в 1841 г. курса был выпущен в чине коллежского секретаря. Поступил в том же году на службу в межевой департамент Правительствующего Сената, вскоре стал помощником секретаря. Через год был отправлен в Тверь на должность стряпчего по уголовным делам. 2 июня 1845 г. был назначен на должность товарища председателя Витебской палаты уголовного суда. С 30 сентября 1848 г. по 8 октября 1853 г. являлся губернским прокурором сначала в Нижнем Новгороде, затем в Симбирске, Калуге, Харькове, оттуда вновь его перевели в Симбирск, где он прожил 15 лет. Несколько раз Ренненкампа избирали дворянским собранием на должность председателя палаты уголовного суда. По приказу Министерства юстиции в 1865 г. Рудольф Павлович собрал судебно-статистические сведения по Симбирской губернии для проведения в действие судебных уставов от 20 ноября 1864 г., за это ему была объявлена благодарность от Министерства.

В 1869 г. уголовная и гражданская палаты суда в Симбирске были объединены, Рудольфа Павловича перевели в Одессу, он стал там членом судебной палаты. Через полгода был перемещен на ту же должность в Казань. В начале 1874 г. Ренненкампа перевели на должность председателя Вятского окружного суда, в этой должности он был до конца жизни. В 1844 г. ему был присвоен чин титулярного советника, в 1849 г. – чин надворного советника, в 1858 г. он получил орден Святого Станислава 2-й степени. 12 марта 1865 г. Р. П. Ренненкампа получил чин действительного статского советника, 22 сентября 1869 г. – орден Святого Владимира 4-й степени, 9 декабря 1871 г. – Святого Владимира 3-й степени, 1 января 1876 г. – орден Святого Станислава 1-й степени, 1 января 1879 г. – орден Святой Анны 1-й степени, 1879 г. – Высочайше установленный знак Красного Креста. 1 января 1883 г. – чин тайного советника, 22 августа 1883 г. – знак отличия беспорочной службы за 40 лет [1].

На открытии 1 июля 1874 г. вятского окружного суда Рудольф Павлович сказал следующее: «На мою долю выпала честь открытия действий Вятского Окружного суда, и я приступаю к этой обязанности с уверенностью, что со стороны судебных деятелей будут употреблены все возможное к водворению, согласно воле Государя Императора, суда скорого, правового и милостивого, и что между новым судом и администрацией будет установлен прочный союз, при котором только и возможно всеобщее служение Государю Императору» [2]. До конца жизни он следовал своему обещанию.

По воспоминаниям сослуживцев, Рудольф Павлович был требовательным, но справедливым начальником. Александр Александрович Прозоров в своих мемуарах описывает его так: «... немец, высокого роста стройный старик с генеральской осанкой, требовательный и крикун. “Всех под суд!” – кричал он на подчиненных ему секретарей и канцеляристов, но никогда никого не отдавал, а напротив, оказывал всевозможную помощь каждому» [3].

Прозоров в своих воспоминаниях рассказывает об интересных случаях, произошедших с Рудольфом Павловичем на службе: «...некто капитан Черненко попал под военный суд. Наказание грозило строгое, положение безвыходное. Капитан заходит лично ему знакомому председателю гражданского отделения Батьянову и просит оказать ему содействие. Батьянов говорит, что он, безусловно, не может, и никого выхода их создавшегося положения не знает, но по неотступной просьбе говорит: “А, впрочем, я думаю, что если кто и может вам помочь, то это Ренненкампф, просите его”. – “Но я его не знаю”, – говорит Черненко. – “Тогда пойдемте сейчас. Я Вас отведу на квартиру, рекомендую, а Вы все объясните. Его и просите Вам помочь, теперь вечер, он должен быть дома”. Идут. Звонок. “Его превосходительство дома?” – “Да”. Батьянов представляет ему Ч. и уходит. Ренненкампф выслушал Ч., и сказал: “Сделать я в военном ведомстве ничего не смогу, но постараюсь Вам помочь, как могу”. Когда приехал в Вятку временный военный суд, Ренненкампф облачается во все свои регалии с голубой лентой через плечо и делает визит председателю и прокурору военного суда, чином стоящим ниже его. Получив визит, приглашает их к себе на обед и тот объясняет положение Ч., прося оказать ему возможное содействие. В результате Ч. отделался арестом» [4].

В некрологе, посвященном Рудольфу Павловичу, приводятся воспоминания других его сослуживцев: «Строгий к себе, честный и неумолимый труженик, он был строг и требовательным к подчиненным, но за наружную суровостью таил благородную и горячую готовность всегда и всеми возможными средствами помочь подчиненному в нужде и несчастье. Бывало бедняк еще не раздумывает о своем горе, не решаясь обратиться к начальнику, а тот уже проведал стороною о беде и сам спешит с помощью. Умение соединить требования служенной дисциплины с теплотою и задушевностью в отношениях к подчиненным было у покойного замечательное, и кто хоть раз испытал на себе его участие, тот навсегда сохранит о нем благодарную память как о начальнике справедливом и добром. Но благородное сердце Рудольфа Павловича не удовлетворялось одними гуманными отношениями к подчиненным. Он был отзывчив и ко всякому общественному делу, внося в него свои знания и жертвуя здесь не капиталами, которых у него не было, а своими упорными трудами, как бы велики эти труды не были» [5].

Ренненкампф был еще и видным общественником. До переезда в Вятку он являлся казначеем Общества милосердия в Симбирске; с переходом на службу в наш город Рудольф Павлович и здесь в течение всех 12 лет также трудился с пользой для населения. Например, по его инициативе в 1882 г. в Вятке на средства благотворительного общества было создано «убежище для бедных престарелых вдов и девиц», в котором, на 1886 г., находились 13 вдов и при них – 10 малолетних детей. В том же 1882 г. благодаря стараниям Ру-

дольфа Павловича было расширено помещение Прозоровского ремесленного приюта благотворительного общества, и в приюте вместо тридцати воспитанниц размещалось пятьдесят. Рудольф Павлович стал инициатором множества предложений, связанных с распределением средств, собранных для благотворительности.

Не менее заметна и полезна была деятельность Ренненкампфа для г. Вятки и в других учреждениях, например в обществе Красного Креста и публичной библиотеке. Будучи попечителем, заведующим распорядительной и хозяйственной частями по библиотеке, он приложил усилия по приведению в порядок как самой библиотеки, так и по устройству здания [6]. Квартира, где проживал Рудольф Павлович, находилась при библиотеке, ранее там находился публичный музей [7].

Умер Ренненкампф 16 февраля 1886 г. Автор некролога так описывает его похороны: «Всеобщее сочувствие к памяти покойного и глубокое уважение к нему ясно выразилось после его смерти. Во время панихид, совершаемых ежедневно соборным духовенством, небольшие комнаты квартиры покойного с трудом вмещали огромное число лиц, приходивших помолиться за усопшего <...> Кроме судебных чинов, председателей разных ведомств и многих знакомых покойного, присутствовало множество народа всех классов общества, соединенных одним общим чувством глубокого уважения к покойному» [8]. В знак особого уважения благотворительное общество Вятки постановило одну из стипендиаток ремесленного приюта именовать стипендиаткою Р. П. Ренненкампфа; убежище для вдов и сирот, устроенных по его инициативе, именовать убежищем имени Р. П. Ренненкампфа; постановило также изготовить и поставить портрет Рудольфа Павловича в зал ремесленного приюта.

Сложно недооценить вклад Рудольфа Павловича в развитие судопроизводства на Вятке; именно ему выпала честь стать основоположником традиций в судебной практике окружного суда. Как вспоминали его сослуживцы, он был примером для них как профессионал и просто человек.

Примечания

1. Вятские губернские ведомости. 1886. 22 февр. (№ 16).
2. Там же. 1874. 3 июля (№ 53).
3. Прозоров А. А. Город Вятка и его обыватели: мемуары / под ред. М. С. Судовикова, Е. И. Пакиной. Киров, 2010. С. 56.
4. Там же. С. 56–57.
5. Вятские губернские ведомости. 1886. 22 февр. (№ 16).
6. Там же.
7. ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 600. Л. 23–24.
8. Вятские губернские ведомости. 1886. 22 февр. (№ 16).

А. С. Грин в Вятском городском училище

М. А. Махнёва, г. Киров

Основные сведения о жизни А. С. Грина в Вятке исследователи черпают из его «Автобиографической повести», которая вышла отдельной книгой в 1932 г. Работая над ней, писатель не просто вспоминал события прожитой жизни, но хотел нарисовать картины своей эпохи. «Повесть» нельзя считать документальным произведением, в ней нет биографической достоверности, но тем не менее она является источником ценных биографических и психологических свидетельств о детстве и юности автора.

В 1892 г. после исключения А. Гринецкого из Вятского Александровского реального училища отец устроил сына для продолжения обучения в четырехклассное городское училище.

Наиболее точные сведения о годах учебы в этом заведении содержат материалы, хранящиеся в ГАКО. Это классные журналы, протоколы педсоветов, формулярные списки, отчеты педагогов, которые и легли в основу данной статьи. Также сделана попытка сравнения архивных документов и глав из «Повести», где Грин упоминает учебу в школе.

Вятское городское четырехклассное училище располагалось на Московской улице в здании, принадлежавшем ранее купцу Я. Прозорову (ул. Московская, 33). Здесь получали образование мальчики всех социальных слоев населения. Курс обучения составлял шесть лет (два младших класса делились каждый на два отделения), после окончания которого можно было поступить в средние специальные учебные заведения.

В «Автобиографической повести» А. С. Грин так описывает свое первое впечатление о новой школе: «Городское училище было грязноватым двухэтажным каменным домом. Внутри тоже было грязно. Парты изрезаны, исчерчены, стены серы, в трещинах; пол деревянный, простой – не то, что паркет и картины реального училища. <...> В реальном драке существовала как исключение и преследовалась очень строго, а здесь на все смотрели сквозь пальцы.<...> Напряженность жизни этого заведения была так велика, что даже зимой сквозь двойные рамы на улицу вырывался гул, подобный грохоту паровой мельницы» [1].

Служебный персонал состоял из учителя-инспектора и пяти педагогов. Это были молодые люди, выпускники Казанского учительского института, законоучитель А. К. Серафимов окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию. Поле деятельности преподавателя распространялось на одно из шести отделений, и вся программа, кроме Закона Божьего, проходила под руководством одного педагога. Учителем А. С. Грина был Дмитрий Константинович Петров, служивший в училище с 1890 г. «Добрейший человек» – так писатель охарактеризовал в «Автобиографической повести» своего настав-

ника. «Учитель любил меня, но любя, преследовал строже, чем других», – вспоминал А. С. Грин [2]. Именно Дмитрий Константинович на уроках словесности заметил литературные способности Александра, его отличные сочинения, хотя не всегда написанные на заданную тему.

К сожалению, мы до сих пор очень мало знаем об этом талантливом педагоге. Из формулярных списков о службе Петрова за 1890–1907 гг., хранящихся в ГАКО, стало известно, что он – сын отставного солдата. После окончания курса Казанского учительского института в 1888 г. был определен помощником учителя в Слободское трехклассное училище. 24 июля 1890 г. перемещен на должность сверхштатного учителя в Вятское городское четырехклассное училище с годовым жалованьем 375 руб. Трудился «весьма усердно и с хорошими результатами» [3].

19 января 1893 г. Дмитрий Константинович написал прошение на имя учителя-инспектора городского училища с просьбой о ходатайствовании перед высшим начальством о разрешении вступить в брак с дочерью чиновника Надеждой Николаевной Огородниковой. Разрешение было получено, и 24 декабря того же года в Знаменской церкви молодые были повенчаны. Через год у них родилась дочь Ксения, в 1897 г. – Татьяна. В феврале 1895 г. Д. К. Петров был переведен учительствовать в г. Глазов Вятской губернии, ему выдано пособие на переезд 100 руб. В формулярном списке чиновников и преподавателей Вятской дирекции училищ за 1901 г. надворный советник Д. К. Петров значился учителем-инспектором Глазовского трехклассного городского училища (1895), председателем педсовета Глазовской женской прогимназии (1896). Имел награды: орден Святого Станислава 3-й степени, серебряную медаль в память императора Александра III и бронзовую – за труды по первой Всеобщей переписи населения 1897 г. Получал содержание 1060 руб. в год. Сведения о Д. К. Петрове обрываются в 1907 г. В то время он уже инспектор народных училищ Глазовского уезда [4].

Именно у Д. К. Петрова остановился на ночлег юный А. Гринецкий, когда отправился пешком на Урал в поисках работы. Александр читал любимому учителю свои стихи, много и горячо говорил с ним о жизни и литературе.

Отношения с учителями – особая страница в биографии А. С. Грина. «В городском училище я учился посредственно, был на плохом счету, как озорник...» [5]. Оценку по поведению часто снижали до трех баллов. Замечания были следующего характера:

«13 октября 1893 г. Часто обращался к учителю с вопросами, не имевшими отношения к урокам, с тем лишь, чтобы затянуть время и отвлечь учителя от спрашивания уроков.

18 октября 1893 г. Не имел герба с буквами “ГУ” на форменной фуражке. Кроме того, дурно вел себя на улице: толкался, кидался комьями земли.

21 января 1894 г. Участвовал в драке.

29 октября 1894 г. Безобразничал во время панихиды, мешал другим» [6].

В «Автобиографической повести» А. С. Грин описал такой случай: «В четвертом отделении случился выстрел: я имел глупость принести с собою в класс пистолет, собственноручно сделанный из солдатского патрона, заряжаемый порохом, дробью и воспламеняемый бумажным пистоном; я его держал в парте, трогая стальную пластинку с гвоздиком, заменяющую курок, – как вдруг курок сорвался, гром выстрела едва не сбросил учителя со стула; пошел дым столбом – и все повскакали» [7].

Вероятно, историю с выстрелом Грин выдумал. В журнале замечаний Д. К. Петровым сделаны следующие записи: «12 октября 1893 г. Березовский Аркадий принес в класс самодельный пистолет и в перемене производил выстрелы из него <...>

13 октября 1893 г. Гриневский Александр принес в класс самодельный пистолет, заряженный порохом и дробью, который отобран» [8].

В «Повести» А. С. Грин описал еще один случай, не нашедший подтверждения документально: историю его стычки с учителем Алексеем Ивановичем Терпуговым, когда на обидное замечание педагога Александр запустил в него жареным рябчиком. Казалось бы, что инцидент серьезный и должен был отразиться в официальных документах училища. Однако в архиве обнаружить ничего не удалось. Да и учителя с такой фамилией в училище не было. Грин ее выдумал.

Писатель имел в виду педагога Алексея Васильевича Панкратьева (1872–1906), сына отставного унтер-офицера г. Ярославля. Он был переведен в Вятское городское четырехклассное училище на место Д. К. Петрова из Котельнича. «Это был крайне желчный, истеричный человек, измученный невралгией и ненавидевший учеников до того, что, забывшись, кричал на них и топал ногами», – писал о нем А. С. Грин [9].

Между тем с 1896 г., помимо основных уроков, ему было поручено преподавать дополнительную дисциплину, введенную в программу обучения – бухгалтерию, а с 1900 г. арифметику и чистописание на педагогических курсах, открытых при городском училище. Возможно, А. В. Панкратьев действительно страдал какой-то болезнью, так как умер молодым, оставив жену и дочь.

Еще одно столкновение Гриневского с законоучителем Алексеем Константиновичем Серафимовым, произошедшее 31 октября 1894 г., подробно зафиксировано в Журнале заседаний педсовета городского училища, но Грин в «Автобиографической повести» не упомянуто.

Ученики третьего класса Александр Гриневский и Петр Зверьковский пожаловались в обход учителя Д. К. Петрова и инспектора И. С. Деренкова директору народных училищ Вятской губернии на недобросовестную, по их мнению, оценку законоучителем ответов на уроках Закона Божьего. В тот день Гриневский получил «неуд», хотя, как считал сам, был достоин более высокого балла. Учителя оскорбились и вечером того же дня на педсовете

потребовали объяснения от учеников. Совет обвинил их в неуважении к священнику, в несоблюдении субординации, в поспешности и необдуманности поступка (оказалось, что только Гриневский получил неудовлетворительную оценку, а Зверьковский – удовлетворительную). Педсовет постановил снизить им оценку по поведению за четверть и объявить об этом всем ученикам [10]. Учителей беспокоил собственный престиж.

Об атмосфере, царившей в городском училище, можно узнать из отчета инспектора И. С. Деренкова за полугодие 1894 г. В том году он был переведен в Вятское четырехклассное городское училище из г. Нолинска.

В своем первом отчете Иван Степанович писал, что в день знакомства с училищем испытал невольное чувство испуга при виде шумной толпы детей. Полное отсутствие дисциплины среди них говорило о недостаточном надзоре за учениками. По мнению Деренкова, дежурства преподавателей были простой и неприятной формальностью. Далее молодой педагог описал сцену, свидетелем которой он стал: «Только что закончился второй урок. Получасовой отдых. В воздухе невыносимо пыльно и шумно. Преподаватели, совершенно безучастные и равнодушные к тому, что делается за стенами учительской, широко пользуются правом того же самого отдыха. И только один из них, объявленный «дежурить» в этот день, то и дело торопливо выходит из комнаты, за стенами которой раздается затем его угрожающий окрик шалунов, также торопливо возвращается в учительскую и с таинственно-серьезным видом заносит на отдельный лист бумаги какие-то краткие заметки. Затем на заседании педсовета по вопросу о поведении учеников тот же самый преподаватель немилосердно настаивал на снижении многим ученикам балла по поведению, ссылаясь на находившийся в его руках лист с такими замечаниями, как “дрался”, “кричал”, “пачкал классную доску”, “выбегал на улицу” и т. д. Это был тот самый лист, который неизменно сопровождал преподавателя в дни его обязательных дежурств» [11].

Несколько таких листов нам удалось случайно обнаружить вложенными в классный журнал первого отделения 2-го класса на 1892–1893 учебный год, где учился Александр Гриневский. Первый лист вырван из школьной тетради в клеточку. На нем есть заголовок «Кто в классе дурел» и далее список фамилий учеников. Вероятно, писал школьник, так как почерк не похож на учительский. Второй листок озаглавлен: «Кто бегал после звонка». Фамилии учеников вписаны красивым каллиграфическим почерком черными чернилами. И еще два обрывка бумаги с записями «Кто шалил в классе». Во всех четырех листах встречается фамилия А. Гриневского [12].

В своем отчете И. С. Деренков сделал вывод, что господствовавший в училище воспитательный режим вместо того, чтобы предупреждать ученические шалости, состоял в исключительной обязанности уличать в этих шалостях и наказывать уличенных. Учитель и ученик были далеки друг от дру-

га. Кое-кому из наставников часто не было никакого дела до внутреннего мира своего питомца. Инспектор отмечал, что этот пробел в воспитании соznавался многими педагогами, но считался ими неизбежным явлением, с которым нужно примириться, так как у них «не остается» ни минуты свободного времени на нравственное воспитание питомцев.

В 1896 г. А. Гриневский благополучно окончил училище, получил аттестат и уехал из Вятки, чтобы через много лет вернуться к нам известным писателем А. Грином.

Художник не рождается на пустом месте: среда, традиции, школа, сам воздух времени влияет на формирование характера. Богатство чувств, яркость впечатлений, пережитых в детские годы – обязательные условия для становления и развития личности писателя. Атмосфера казенщины, царившая в училище, не смогла подавить в А. Гриневском индивидуальность и стремление к независимости.

Пусть не всегда у юноши было взаимопонимание с педагогами, нельзя отрицать благотворного влияния лучших учителей на юную душу А. С. Грина.

Примечания

1. Грин А. С. Автобиографическая повесть // Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками / сост. В. Ковский. М., 2012. С. 41–42.
2. Там же. С. 48.
3. ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 259. Л. 2.
4. Там же. Ф. 205. Оп. 2. Д. 2311. Л. 53–54.
5. Грин А. С. Указ. соч. С. 48.
6. ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 301. Л. 60–60 об., 89 об.
7. Грин А. С. Указ. соч. С. 49.
8. ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 301. Л. 60.
9. Грин А. С. Указ. соч. С. 49.
10. ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 302. Л. 59–60.
11. Там же. Д. 312. Л. 46–56.
12. Там же. Д. 282. Л. 41 б, 41 в.

Культурно-просветительская деятельность дворянства Воронежской губернии в пореформенную эпоху

Е. М. Чигирева, г. Воронеж

Великие реформы императора Александра II открывали перед страной новые пути развития экономики, общественно-политической жизни, образования и просвещения. Важнейшая задача формирования основ гражданско-

го общества была возложена на самую образованную и компетентную часть общества – отечественное дворянство. Особую роль оно играло в развитии культуры и образования российской провинции во второй половине XIX – начале XX в.

Действуя индивидуально, через сословные корпоративные органы или земство, созданное реформой 1864 г., дворянство крупнейшей черноземной губернии внесло большой вклад в развитие культурных и образовательных учреждений, оказывая влияние на вопросы просвещения не только своей губернии, но и России в целом.

Одной из виднейших фигур воронежской культурной жизни пореформенного периода был губернский предводитель дворянства М. А. Веневитинов (1844–1901), глубокая и многогранная личность. В 1868 г. Веневитинов окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Будучи историком, археографом, организатором музейного дела, почетным членом Имперской Академии наук с 1897 г., членом археографической комиссии, Московского археологического общества, Веневитинов внес огромный вклад в культурное развитие не только Воронежской губернии, но и всей России. С 1879 по 1884 г. служил во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В это время он стал членом Общества любителей Российской словесности, почетным членом Русского библиографического общества, редактировал издания Православного Палестинского общества.

К 300-летию Воронежа в Москве в 1887 г. вышла книга, написанная М. А. Веневитиновым, «Из Воронежской старины. Краткий очерк Истории Воронежского края (1586–1886)», представляющая собой информативный очерк по истории Воронежского края за три века. В ней были опубликованы найденные в Новожиловинном послания воронежских дьяков к Антону Лаврентьевичу Веневитинову с распоряжениями Петра I. В 1890 г. была издана книга Михаила Александровича «Расписные кирпичные избы», посвященная селу Новожиловинное. В разные годы он принимал участие в работе IV, VI, VIII, и X Всероссийских археологических съездов.

М. А. Веневитинов писал краеведческие статьи и книги. Свою обширную библиотеку с книжными и художественными редкостями, перешедшими к нему от графов Виельгорских, и документами, ценными для истории литературы пушкинской эпохи, вместе с семейным архивом, М. А. Веневитинов пожертвовал московскому Румянцевскому музею, в котором с 1896 по 1901 г. занимал должность директора [1]. Среди веневитиновской коллекции хранился альбом графа Матвея Юрьевича Виельгорского, гениального виолончелиста, одного из основателей Русского музыкального общества. Также М. А. Веневитинов написал книгу стихов «Про былое» [2].

Следующий губернский предводитель дворянства – С. М. Сомов (1853–1924) – являлся большим ценителем искусства, ежегодно выделял субсидии

на содержание Воронежского музыкального училища, будучи председателем отделения Императорского русского музыкального общества с 1895 г. Его жена В. А. Сомова, любившая и сама занимавшаяся рисованием, в 1896–1900 гг. была председателем воронежского Кружка любителей рисования, руководила при нем бесплатной рисовальной школой, добиваясь выделения средств на него [3].

Значительный вклад в культурное развитие края внесли представители старинных дворянских родов губернии: В. К. Вульферт (1844–1906) – собиратель старинных изданий и рукописей, чья уникальная коллекция более чем в 800 томов в 1913 г. поступила в Воронежскую публичную библиотеку; А. А. Марин (1825–1900) – член комиссии по организации губернского музея, в 1886 г. выступавший с инициативой создать в Воронеже Ученую архивную комиссию; В. Н. Тевяшов (1840–1919) – историк, археограф и археолог; Е. Н. Тевяшов (1846–1914) – библиофил, основатель петербургского Кружка любителей русских изящных изданий; семья Паренаго, собравшая и сохранившая уникальную библиотеку редких книг.

Однако особое внимание нам хотелось бы обратить на просветительскую и образовательную деятельность дворянства в рамках земских учреждений, ведавших нуждами народного образования. Активный земский деятель барон П. О. Корф писал, что «начальная наша школа всецело обязана своим существованием земским учреждениям». В труде Г. Фальборка и В. Чернолусского «Народное образование в России» говорилось, «что главная заслуга в создании народной школы, бесспорно, принадлежит тем свежим общественным силам, которые появились у нас в пореформенную эпоху, и прежде всего земству». По словам воронежского гласного дворянина М. А. Лутовинова, «школа с самого начала земской жизни была любимым детищем земства» [4]. Действительно, дворянство, представлявшее собой интеллектуальную элиту российского общества, понимало ценность и необходимость знаний и было озабочено проблемой образования народных масс намного больше, чем сам народ.

Забота о народном образовании проявлялась в различных формах. Так, в 1866 г. губернская управа ходатайствовала об учреждении стипендии «в память сохранения жизни Императора Александра II от опасности 4 апреля 1866 года» крестьянским детям при Воронежской губернской гимназии. Размер ее определялся в 240 руб. На данные стипендии было потрачено 5440 руб. из средств воронежского земства [5]. В 1868 г. гласные барон Р. Ю. Будберг, И. А. Лисаневич, С. Г. Писарев, Л. М. Стрижевский, Ф. Д. Чертков добились открытия в губернии двухклассных педагогических курсов для учителей (24 стипендиата ежегодно), попечителем которых был назначен богучарский дворянин И. А. Лисаневич [6]. В течение семи лет на этих курсах был подготовлен 61 учитель.

В конце 1870-х гг. бывший земец П. Ф. Панютин самостоятельно устроил в Задонском уезде двухклассную народную школу на 100 учеников на средства, которые получил в качестве директора Козловско-Воронежско-Ростовской железной дороги [7]. Тайный советник Я. М. Неверов завещал все свои средства Воронежскому земству. На них земская управа решила открыть в с. Муховка Бирюченского уезда одноклассную школу с ремесленным отделением [8].

Чрезвычайно важным вопросом, поднимавшимся на земских собраниях в 1890-х гг., было учреждение бесплатных народных библиотек, о чем неоднократно заявлял один из самых активных деятелей земства, дворянин из Воронежского уезда И. Т. Алисов. Алисов являлся активным инициатором многих начинаний в области образования. Гласный говорил о том, что Россия занимает чуть ли не первое место по отсталости в области народного образования. Для борьбы с невежеством населения, которая не менее важна, чем борьба с эпидемиями, губернское земство должно прийти на помощь тем уездам, которые не могут уделить значительных сумм на народное образование [9]. К. Н. Харкеевич предложил организовать удешевленную продажу книг в уездах. Также И. Т. Алисов занимался устройством бесплатных библиотек для учителей при земских управах и инициировал выпуск для них специальных педагогических и общественно-литературных журналов [10]. В 1897 г. были осуществлены устройство летних педагогических поуездных курсов и выдача пособий на библиотеки для учителей.

По словам И. Т. Алисова, учитель, заброшенный в деревню и получающий в среднем около 20 руб. в месяц, не имел возможности удовлетворить свои интеллектуальные потребности. Между тем ему, чтобы быть на высоте образовательного и воспитательного призвания и уметь удовлетворять предъявляемые к нему запросы как школьников, так и взрослых, необходимо было непрерывно пополнять свои знания по всем отраслям науки и жизни. Его же любимым детищем были народные чтения: в 1897 г. в губернии было проведено более 2000 чтений в 96 местах; Алисов просил позволить ему продолжать ходатайствовать о расширении народных чтений, расширяя программу, включая в нее литературу по истории, географии, гигиене и пр. [11]. Отметим, что иногда забота дворянских гласных о народном образовании была поистине трогательной: так, в 1904 г. на собрании, помимо вопроса об организации льготных экскурсий для учителей и учащихся, были выделены деньги на покупки «волшебных фонарей» и картин, чтобы народные чтения были более привлекательными для простого народа [12].

Отметим, что к началу XX в. количество народных училищ увеличилось до 709, из которых общественно-земских было 668 с количеством учащихся

55654 чел. [13], по сравнению с 326 народными училищами с количеством учащихся 13420 и 409 учителями в 1868 г.

Нельзя не упомянуть и о том, что на губернских дворянских собраниях в Воронежской губернии неоднократно поднимались вопросы, касавшиеся интеллектуального развития губернии. Например, вопрос об открытии в Воронеже сельскохозяйственного института был успешно решен благодаря многочисленным ходатайствам Воронежского губернского дворянского собрания, признававшего распространение сельскохозяйственного образования крайне насущной первоочередной задачей [14].

В заключение хотелось бы сказать, что новые реалии российской действительности, возникшие после великих александровских реформ, еще больше раскрыли интеллектуальный и просветительский потенциал отечественного дворянства, которое теперь реализовывало свои инициативы не только через классические корпоративные институты и не только во благо элиты российского общества, но и через созданные реформами новые органы местного самоуправления, стремясь к распространению знаний среди всех сословий.

Примечания

1. Андреева Р. В. Новожиловское. Усадьба Веневитиновых // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Воронеж, 2001. С. 96.
2. Акиншин А. Н., Ласунский О. Г. Воронежское дворянство в лицах и судьбах: историко-генеалогические очерки с приложением перечня дворянских родов Воронежской области. Воронеж, 2009. С. 17.
3. Там же. С. 273.
4. Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. СПб., 1911. С. 447–448.
5. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 34. Л. 28 об.
6. Краткий обзор десятилетней деятельности губернских и земских учреждений Воронежской губернии. Воронеж, 1876. С. 281.
7. Журналы чрезвычайного земского собрания за 1884 год. Воронеж, 1885. С. 56.
8. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1893 год. Воронеж, 1894. С. 33.
9. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1895 год. Воронеж, 1896. С. 71.
10. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1896 год. Воронеж, 1897. С. 65.
11. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1897 год. Воронеж, 1898. С. 65.
12. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1904 год. Воронеж, 1904. С. 59.
13. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1902 год. Воронеж, 1903. С. 254.
14. ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 2703. Л. 3.

Конфессиональная политика в отношении баптистов и евангельских христиан в период Думской монархии

А. А. Машковцев, г. Киров

17 апреля 1905 г. Николай II подписал указ «Об укреплении начал веротерпимости», введший в России свободу вероисповеданий и отменявший правовую ответственность за выход из православия. Следствием этого стал стремительный численный рост различных протестантских и сектантских общин, в частности баптистов и евангельских христиан. Это вызвало серьезное беспокойство православного духовенства, направлявшего в Святейший Синод многочисленные жалобы на прозелитизм баптистов. При этом Православная церковь нашла поддержку со стороны правоконсервативных сил страны. «Правые радикалы (черносотенцы), декларируя свою приверженность Православной церкви, считали религиозное многообразие опасным для стабильности государства. Для них русские протестанты были отступниками от традиционного православия, а следовательно, и предателями России», – отмечает Т. К. Никольская [1].

Правительство П. А. Столыпина не могло полностью игнорировать мнение официальной церкви и правых, тем более что они имели влиятельных сторонников в окружении императора. Кроме того, смягчение конфессионального курса в 1905 г. во многом произошло под влиянием событий Первой русской революции, когда власти подобными уступками стремились стабилизировать общественно-политическую ситуацию в стране. После подавления революции они могли уже не столь строго придерживаться либерального подхода при реализации религиозной политики. И хотя полного свертывания реформ в этой сфере не произошло, после 1907 г. в вероисповедном курсе стали усиливаться консервативные тенденции. На это обращает внимание такой крупный специалист по конфессиональной политике российского правительства в начале XX в., как А. А. Сафонов: «Министерство внутренних дел под руководством П. А. Столыпина предлагало паллиативный вариант вероисповедной реформы, основанный на осуществлении идеи религиозной свободы в условиях конфессионального государства. По мере ослабления накала революционных выступлений в начале 1907 г. оно стало занимать более консервативную позицию, исключив из своих законопроектов важные составляющие свободы совести» [2].

Наконец, правительство не могло не беспокоить политические взгляды лидеров российского баптизма (например, поддержка идей демократизации страны), а также их явное сочувствие либерально-оппозиционному движению в России. Агент Московского охранного отделения под псевдонимом «Блондинка», присутствовавшая на съезде баптистов в Москве (25 сентября – 1 октября 1911 г.), доносила: «Насколько можно судить по составу съез-

да, в рядах баптистов нет правых и все его симпатии на стороне конституции. На предстоящих выборах в Государственную Думу, насколько можно заключить из бесед с делегатами съезда, баптисты едва ли будут голосовать даже за октябристов, так как они встретили со стороны них мало сочувствия к своим жалобам на стеснения» [3].

Все обозначенные факторы привели к постепенному ужесточению правительственного курса в отношении евангельского движения в России. Вскоре после окончания революции 1905–1907 гг. в качестве одной из приоритетных задач при разработке дальнейшего конфессионального курса было объявлено «согласование вероисповедных свобод старообрядцев и сектантов с ограждением православных от насилий и охранение государственных начал от пагубного влияния таких сектантских учений, свобода распространения которых противоречила бы прямым интересам государства» [4]. Для того чтобы ограничить дальнейшее распространение баптизма в России и затруднить осуществление баптистскими проповедниками миссионерской деятельности среди православных, 4 октября 1910 г. П. А. Столыпин подписал новые Правила для устройства сектантами богослужебных и молитвенных собраний [5]. Данный документ, адресованный руководству губернских администраций, заметно ограничивал действие либеральных указов от 17 апреля 1905 г. и от 17 октября 1906 г.

Циркуляр от 4 октября 1910 г. в первую очередь был направлен на усиление административно-полицейского контроля за деятельностью сектантов. Зарегистрированные религиозные объединения по-прежнему могли проводить молитвенные собрания, однако были обязаны информировать о них местную администрацию: «Зарегистрированная религиозная община (приход) или отдельные – в количестве не менее 25 – состоящие в русском подданстве совершеннолетние лица, исповедующие известное правительству и уголовно ненаказуемое вероучение, желающие устроить богослужебное или молитвенное собрание... должны об этом письменно заявить административно-полицейской власти (полицмейстеру, исправнику или заменяющих их лицам)» [6]. Заявление подавалось за три недели до предполагаемого собрания. В нем указывалось конфессиональная принадлежность просителей, а также время и место проведения молитвенного собрания. Согласно п. 4 циркуляра местные административно-полицейские органы могли направить на разрешенное собрание своего представителя, которому устроители были обязаны обеспечить условия для осуществления контроля [7].

Циркуляр от 4 октября 1910 г. вводил ряд серьезных ограничений при проведении религиозных собраний баптистов, имевших целью пресечь их прозелитизм среди православных: «Не допускается устройство под видом богослужебного или молитвенного собрания собраний для сообщений, чтений или беседований, не имеющих характера собственно богослужения или молитвословия... а равно собраний для евангелизации или катехизации

несовершеннолетних, или для совершения иных действий, знаменующих их приобщение к сектантскому вероучению» [8].

Помимо рассмотренного циркуляра МВД в 1910–1913 гг. выпустило еще ряд нормативно-правовых актов, ориентировавших местные органы управления на усиление административного контроля за баптистами, а также сбор информации об их идейно-политических воззрениях. К примеру, 31 июля 1913 г. вышел циркуляр департамента полиции, предписывавший изучение сведений о политической лояльности баптистов и их связях с революционным движением в России [9]. Интерес полиции к взаимоотношениям революционеров и баптистов объясняется получением агентурных сведений о попытках социал-демократов привлечь последних на свою сторону и использовать в целях революционной пропаганды. Так, еще на II съезде РСДРП была принята резолюция «О работе среди сектантов», а направление по взаимодействию с ними возглавил известный религиовед В. Д. Бонч-Бруевич [10].

После издания циркуляра от 4 октября 1910 г. региональные власти стали более жестко пресекать попытки баптистов и евангельских христиан осуществлять миссионерскую деятельность среди православных христиан. Факты закрытия их молитвенных собраний, задержаний баптистских активистов и даже снятия с регистрации отдельных общин фиксировались по всей стране. К примеру, в марте 1913 г. решением губернских властей была снята с регистрации харьковская община евангельских христиан, а в сентябре 1913 г. закрыт Дом Евангелия в Петербурге [11]. По обвинению в пропаганде баптизма среди православных были задержаны полицией и привлечены к суду известный проповедник В. Г. Павлов, редактор журнала «Слово Истины» М. Д. Тимошенко и др. [12] В Среднем Поволжье и Приуралье на том же основании подверглись судебному преследованию лидеры пермских евангельских христиан – Н. П. Найданов и Д. Д. Драчëв [13].

Ужесточение правительственного курса в отношении евангельского движения в России зачастую порождало произвол со стороны уездной и волостной администрации. Многочисленные примеры подобных незаконных действий содержатся в документах Государственного архива Российской Федерации. Так, в июле 1910 г. в Тамбовской губернии полицейский урядник вместе со старостами в ночное время врывается в дома баптистов, живших в селах Горелое, Татановка и Донское, отбирая у них религиозную литературу [14]. Центральные власти, зачастую, просто закрывали глаза на подобный произвол.

Несмотря на заметное ужесточение политики в отношении баптистов и евангельских христиан, полного отхода от либеральных принципов, положенных в основу указа «Об укреплении начал веротерпимости», не произошло. Репрессиям подвергались в основном те представители евангельского движения, которые нарушали не отмененную норму уголовного законодательства о запрете прозелитизма среди адептов Православной церкви, либо

открыто критиковавшие власть и официальную церковь. Сам переход из православия в баптизм по-прежнему не воспрещался, так же как и регистрация новых баптистских общин, количество которых накануне Первой мировой войны продолжало быстро расти [15]. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД в справке о причинах перехода православных в баптизм в 1912 г. объясняло это «той легкостью, с которой в настоящее время достигается вполне законное разрешение на отпадение от православия» [16].

Сохранение (до лета 1914 г.) либеральных основ конфессионального курса объясняется несколькими факторами. Во-первых, после окончания революции 1905–1907 гг. и до начала Первой мировой войны Россия развивалась в условиях относительной политической стабильности, что позволяло руководству страны рассчитывать на успешное завершение начатых реформ, в том числе и в религиозной сфере. Под давлением правых и Православной церкви правительство скорректировало вероисповедную политику в сторону ужесточения, однако пока оно не собиралось менять ее доктринальных основ, закрепленных в указах 1905–1906 гг. Во-вторых, сами баптисты и евангельские христиане занимали активную гражданскую позицию и пытались отстаивать свои права. Так, в марте 1913 г. лидеры баптистов (Д. И. Мазаев, В. А. Фетлер и др.) обратились к председателю Совета министров В. Н. Коковцеву с ходатайством расследовать многочисленные случаи административного произвола местных властей [17]. Почти одновременно с этим лидером евангельских христиан И. С. Прохановым была составлена записка о правовом положении представителей данной конфессии [18], которую разослали депутатам Государственной думы, членам Государственного совета и Совета министров. В-третьих, после издания указа 17 октября 1905 г. у баптистов появился серьезный союзник в лице возникших либеральных партий, в первую очередь кадетов. Представители партии «народной свободы» в Государственной Думе неоднократно выступали с критикой действий властей, нарушавших свободу совести [19]. Аналогичную позицию занимали многие либеральные историки и правоведы, в частности С. П. Мельгунов и М. А. Рейснер [20]. Наконец, определенную роль мог сыграть и внешнеполитический фактор, а именно серьезная моральная поддержка русского баптизма со стороны части западного истеблишмента и общественности. Так, в 1911 г. делегация русских баптистов, прибывшая в Америку для участия во Всемирном конгрессе баптистов, проходившем в Филадельфии, была принята президентом США Уильямом Тафтом [21]. А в октябре 1913 г. в Лондоне и 24 провинциальных городах Великобритании прошли митинги в поддержку баптистов России, поддержавшимся преследованиям со стороны властей [22]. В условиях приближающейся Первой мировой войны вряд ли российское правительство могло полностью игнорировать общественное мнение в странах, которые могли стать потенциальными союзниками России.

Примечания

1. Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. СПб., 2009. С. 39.
2. Сафонов А. А. Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 40.
3. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1911 г. Оп. 241. Д. 85. Л. 15.
4. ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 424. Л. 56 об. – 57.
5. Циркуляр Министерства внутренних дел губернаторам, начальникам областей и градоначальникам от 4 октября 1910 г. за № 9623 // Правительственный вестник. 1910. № 221.
6. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1912 г. Оп. 242. Д. 132. Л. 1 а.
7. Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917 гг.). СПб., 1999. С. 303.
8. Там же.
9. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915 г. Оп. 245. Д. 85. Л. 65.
10. Никольская Т. К. Указ. соч. С. 41.
11. Савинский С. Н. Указ. соч. С. 305.
12. Там же. С. 306.
13. ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 35. Л. 32 об.
14. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910 г. Оп. 240. Д. 85. Л. 34.
15. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1911 г. Оп. 241. Д. 94 л. «Б». Л. 10 об.
16. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 283. Л. 199.
17. Савинский С. Н. Указ. соч. С. 307.
18. Проханов И. С. Записка о правовом положении евангельских христиан, а также баптистов и сродных им христиан в России. СПб., 1913.
19. Никольская Т. К. Указ. соч. С. 41.
20. Рейснер М. А. Государство и верующая личность. СПб., 1905; Он же. Церковь и государство. Свобода и тирания в делах веры. Пг., 1917; Мельгунов С. П. Церковь и государство в России // В переходное время: Сб. статей. Вып. 1. М., 1907.
21. Гость. 1911. № 10. С. 195.
22. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1912 г. Оп. 242. Д. 132. Л. 69 об.

Николай Григорьевич Джмухадзе в вятской ссылке

Е. Б. Касаткина, г. Киров

Фигура Николая Григорьевича Джмухадзе (в архивных документах – Джмухадзе) давно вызывает интерес у исследователей истории Вятского края. Его профессиональная деятельность растянулась в Вятке более чем на десятилетие, затронув как дореволюционный, так и советский периоды. Наибольшую известность Н. Г. Джмухадзе принесли декоративные работы

в знаменитом особняке Т. Ф. Булычёва на ул. Николаевской (сейчас – Ленина), который по сей день является одним из символов нашего города. После Октябрьской революции 1917 г. бывший ссыльный грузин начал деятельность в музейном деле, став членом коллегии Музея искусства и старины.

В статьях, посвященных жизни и творчеству Н. Г. Джмухадзе, отсутствуют документально подтвержденные данные о времени его высылки в Вятскую губернию. Например, Н. В. Клементьева и А. В. Плетенёва в статье «Творческая биография Н. Г. Джмухадзе в контексте художественной культуры Вятки начала XX в.» пишут, что точная дата появления в городе Н. Г. Джмухадзе неизвестна и считают, что он появился здесь предположительно в конце 1912 – начале 1913 г. [1]. А. Г. Тинский, подробно повествовавший о деятельности артели Н. Г. Джмухадзе, также обходил стороной вопрос о точной датировке его появления в нашем регионе.

Нам удалось пролить свет на эту неизвестную страницу биографии Н. Г. Джмухадзе, опираясь на документы Государственного архива Кировской области (в частности, фонда вятского полицмейстера). Согласно этим данным, он прибыл в Вятку летом 1909 г. в связи с применением к нему такого наказания, как административная ссылка, которая стала довольно распространенным явлением после поражения Первой русской революции [2]. Высылка Н. Г. Джмухадзе с Кавказа была осуществлена на основании «Положения о местностях, состоящих на военном положении», впервые изданном в 1892 г. По этому документу права и обязанности по охранению государственного порядка и общественной безопасности возлагались на местного генерал-губернатора или главноначальствующего, которые наделялись широкими полномочиями. Согласно п. 17 ст. 19, последние могли «высылать отдельных лиц во внутренние губернии Империи с извещением о том министра внутренних дел, для учреждения за ними полицейского надзора на время не свыше продолжения военного положения» [3]. В период революции 1905–1907 гг. и Думской монархии такое было объявлено во многих регионах и городах России, охваченных революционным движением. В Европейской части страны к ним относились Привислинский край, в состав которого входило 10 польских губерний, Прибалтика (три губернии), а также такие крупные города, как Одесса, Ростов-на-Дону, Харьков, Кременчуг и Белосток. Помимо этого, военное положение было введено в трех кавказских губерниях и областях (Кутаисской, Тифлисской и Терской) [4]. После отмены военного положения на той или иной территории отбывшие наказание лица не могли беспрепятственно возвратиться на родину и должны были получить разрешение местных властей. Таким образом, Н. Г. Джмухадзе был выслан из Тифлисской губернии на весь период введения в последней военного положения с привычной для того времени формулировкой – «ввиду вредной для общественного порядка и спокойствия деятельности» [5]. После снятия

военного положения для возвращения на родину ему необходимо было получить разрешение кавказского наместника. Однако пребывание этого грузина в Вятской губернии не ограничилось только ссылкой. Административное наказание тифлисского мещанина закончилось в сентябре 1911 г., а сведения о его нахождении в Вятке встречаются вплоть до 1928 г. [6].

Тем не менее вернемся к началу ссылки Н. Г. Джмухадзе в Вятской губернии. Он был водворен в одну из деревень Орловского уезда и подчинен надзору полиции с 3 июля 1909 г. Его жена – Мария Александровна с малолетней дочерью остались на родине. Как и многие ссыльные, находившиеся в этот период времени в Вятской губернии, Н. Г. Джмухадзе, безусловно, тяжело адаптировался к новым реалиям жизни, испытывая серьезные материальные лишения.

Вскоре после прибытия на место ссылки он написал прошение губернатору П. К. Камышанскому о выдаче ему кормового пособия. Д. А. Калинина справедливо отмечает, что критическим было начало отбывания надзора, так как ссыльные не имели никаких представлений о природно-климатических условиях и социально-экономических особенностях места водворения [7]. Спустя определенное время многие ссыльные старались найти себе занятие, применив свои профессиональные навыки. Это объяснялось тем, что пособие от МВД было небольшим, выдавалось лишь при условии невозможности ссыльного зарабатывать собственным трудом или при доказанной нехватке средств к существованию.

Трудовая деятельность Н. Г. Джмухадзе по документам фиксировалась с зимы 1910 г. и развивалась довольно успешно во многом благодаря его редкой профессии. В полицейской анкете в графе «знает ли какое ремесло» указано – «комнатный живописец / художник-декоратор» [8]. Кроме того, ссыльный грузин был не простым кустарем-отделочником, а специалистом высочайшей квалификации. Е. А. Андреева в книге «Архитектор Иван Чарушин» отмечает, что «по свидетельству современников, Джмухадзе учился в Венской академии» [9]. В этом же списке мы узнаем и о возрасте уроженца Тифлисской губернии на момент начала ссылки – 32 года (1877 г. р.) [10]. Тем не менее А. Г. Тинский, а также Н. В. Клементьева и А. В. Плетенёва указывают в своих исследованиях другую дату его рождения – 1874 г.

Первая декоративная работа ссыльного грузина была выполнена в д. Переходнице Орловского уезда, находившейся неподалеку от его места ссылки. Для ее выполнения Н. Г. Джмухадзе было даже разрешено посетить губернский город для покупки отделочных материалов [11]. По всей видимости, эта работа так впечатлила местных крестьян, что молва об искусном грузинском мастере быстро разнеслась по всему Орловскому уезду. Так, житель д. Сидоровичи М. Ф. Кононов в апреле 1910 г. пригласил ссыльного для осуществления малярной и живописной работы. Кононов объяснил свое решение тем,

что он видел работу ссыльного в д. Переходнице, и она ему пришлось по вкусу [12]. С ним был солидарен и житель д. Мураши М. В. Малков. «До меня дошли слухи о том, что в д. Переходнице проживает ссыльный Джумухадзе, который на родине занимался оклеиванием жилых помещений. Прошу разрешить мне нанять Джумухадзе, поскольку мне необходимо произвести оклейку бумагой внутри дома, а мастеров в данной местности для выполнения этой работы нет», – писал он в своем прошении местной полиции [13].

Первоначально уездные власти не дали согласия на эту работу, опасаясь, что ссыльный грузин может развернуть антиправительственную агитацию среди местных жителей. Однако вскоре орловский уездный исправник сменился, и мастеру было разрешено осуществлять свою профессиональную деятельность на ст. Мураши. Этим был крайне недоволен пристав 5 стана, подзревавший мастера в политической неблагонадежности. «По слухам, Джумухадзе часто без разрешения ездит в Вятку, посещает на ст. Мураши клуб, а также ожидает прибытия поездов на вокзале ст. Мураши, где имеется почтовое отделение», – писал он в ноябре 1910 г. [14]. Интересно, что даже после переезда в Вятку, Н. Г. Джумухадзе неоднократно посещал Мураши, в частности на Пасху в апреле 1911 г.

В начале мая 1910 г. к властям обратился и житель д. Тихоны Пинюжанской волости Митрофан Пестриков, желавший использовать опыт мастера в отделке своего дома. Однако в данной просьбе было отказано в связи с политической неблагонадежностью просителя. Сын Пестрикова – Тимофей – подозревался в ограблении сборщика винных лавок и был объявлен в розыск [15]. В то же время в июне 1910 г. Н. Г. Джумухадзе было разрешено начать реставрационные работы в церкви села Пинюг [16].

Вместе с тем осуществлять свою профессиональную деятельность Н. Г. Джумухадзе было крайне непросто не только потому, что полицейские власти пытались всячески минимизировать его контакты с местным населением и пристально следили за ним. Джумухадзе, как и другие ссыльные, имел ограничения в свободном передвижении по уезду, а работа зачастую находилась в соседних деревнях. Для каждой отлучки из места водворения требовалось разрешение уездного исправника. С. Н. Токарева подчеркивает, что «временные отлучки разрешались строго на определенный срок и в конкретное место. Поднадзорному выдавалось проходное свидетельство и маршрут, в которых содержались необходимые сведения и куда вносились записи о его отбытии и следования в пути. При возвращении эти документы сдавались местному полицейскому начальству» [17].

В июне 1910 г. Н. Г. Джумухадзе ходатайствовал об освобождении перед кавказским начальством, которое разрешило заменить ему вятскую ссылку выездом за пределы империи. Просьба же о возвращении на родину не была удовлетворена [18]. Весной 1911 г. ссыльный грузин действительно собирал-

ся уехать за границу и во многом поэтому принимал заказы на работу, однако планам покинуть пределы России не суждено было сбыться. По всей видимости, Т. Ф. Булычёву стало известно о талантливом грузинском мастере, и он решил пригласить его к себе на работу. В январе 1911 г. Т. Ф. Булычёв просил губернатора И. М. Страховского о переводе Н. Г. Джумухадзе в Вятку для проведения декоративных работ в его доме [19]. Ссылному было разрешено поселиться в губернском центре, и он начал заниматься отделкой интерьера особняка. В частности, им были созданы стрельчатые готические арки с восточными росписями, в которые вводились арабские надписи, имевшие значение благопожелания входящим [20]. Стоит особо отметить, что сохранилось совместное фото создателей купеческого особняка – И. А. Чарушина и Н. Г. Джумухадзе, сделанное в 1911 г.

В августе 1911 г. было снято военное положение в Тифлисской губернии, поэтому вскоре полицейский надзор над Н. Г. Джумухадзе был отменен, что означало упразднение всех ограничений, характерных для ссылки. Судя по всему, тифлисский мещанин все же уезжал из Вятки на неопределенное время на Кавказ, а затем возвращался для дальнейшего продолжения своей профессиональной деятельности. Так, 3 ноября 1912 г. Н. Г. Джумухадзе просил вятского полицмейстера разрешить ему выехать на Кавказ сроком на один месяц [21].

Таким образом, местом ссылки Н. Г. Джумухадзе был выбран Орловский уезд Вятской губернии. Несмотря на наличие статуса поднадзорного, тифлисский мещанин смог применить здесь свои профессиональные навыки и вскоре зарекомендовал себя как первоклассный мастер. Н. Г. Джумухадзе не оставил Вятку даже после окончания срока ссылки, осуществляя в нашем крае строительные, отделочные и орнаментальные работы, некоторые из которых сохранились и в настоящее время.

Примечания

1. Клементьева Н. В., Плетенёва А. В. Творческая биография Н. Г. Джумухадзе в контексте художественной культуры Вятки начала XX в. // *Symposion: историко-культурологический альманах*. Киров, 2015. С. 61.
2. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1023. Л. 40.
3. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о местностях, объявляемых состоящими на военном положении 18 июня 1892 г. // *ПСЗРИ-3*. Т. XII. № 8757. С. 481.
4. Луппов П. Н. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933. С. 133.
5. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1023. Л. 6.
6. См.: Тинский А. Г. «Николай, он же Георгий Джумухадзе» // Улицы. Площади. Дома. Вятка. Страницы истории. Киров (Вятка), 1999. С. 155–163.
7. Калинина Д. А. Трудовая деятельность как элемент повседневной жизни административных политических ссыльных в конце XIX – начале XX века (на материале Вятской губернии) // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2009. № 117. С. 57.

8. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1023. Л. 86.
9. Андреева Е. А. Архитектор Иван Чарушин. Ижевск, 2007. С. 96.
10. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1023. Л. 85.
11. Там же. Л. 24 об.
12. Там же. Л. 92–92 об.
13. Там же. Л. 31.
14. Там же. Л. 67.
15. Там же. Л. 33 об.
16. Там же. Л. 99.
17. Токарева С. Н. Полицейский надзор в Российской империи // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 98.
18. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1023. Л. 51.
19. Там же. Л. 78.
20. Андреева Е. А. Указ. соч. С. 97.
21. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1023. Л. 134.

Вятское фотографическое общество: документы и факты

М. А. Лобанова, г. Киров

Комплекс материалов Вятского фотографического общества из фондов Кировского областного краеведческого музея раскрывает одну из интересных сторон культурной жизни Вятки в начале прошлого века. Создание общества свидетельствует как об увлечении жителей города новыми достижениями техники, так и об их общественной активности. «С конца девяностых годов прошлого столетия вятские фотографы Лобовиков и Тихонов принимают участие в российских и заграничных фотографических выставках. Ознакомление с результатами их выставок вызвало бурный рост числа фотографов-любителей. Естественно, увеличилась потребность в фотобумаге, фотоплёнке и химических реактивах, а их завозилось очень мало» [1].

Фонд Вятского фотографического общества включает уставные и отчетные документы, сметы расходов, правила проведения конкурсов, заявления об участии в выставках, переписку. Общество было организовано в 1903 г., тогда же был разработан и напечатан Устав, в котором обозначались следующие задачи: «содействовать иллюстрированию и воспроизведению выдающихся архитектурных сооружений, храмов, памятников, живописных местностей, видов городов, заводов и сел, типов населения, сцен из местной жизни, имеющих значение для истории, географии и культурно-экономического развития родины» [2]. В планах ВФО было открытие собственного фотографического павильона и фотолaborатории, учреждение фотографической библиотеки и читальни. Предполагалось проведение фотографических экс-

курсий, выставок и конкурсов. Финансовая сторона деятельности общества в Уставе не оговаривалась, поэтому было принято такое существенное дополнение: «Действительные члены уплачивают ежегодный членский взнос в размере трех рублей. Кроме того, при устройстве склада или торговли – пай в один рубль. Количество паев, коими может владеть одно лицо, определяется общим собранием» [3]. Фактически фотообщество начало работать в 1905 г., после утверждения Устава в губернской канцелярии, а затем в Министерстве внутренних дел [4]. Инициатором организации общества, а также первым председателем стал В. В. Берштекер – преподаватель Александровского реального училища, увлекавшийся фотографией, первый издатели открыток с видами Вятки. Помощником председателя избрали его коллегу по училищу Д. И. Кряжева. В списке членов ВФО 1906 г. значится 44 фамилии: П. Г. Тихонов, К. В. Лаврентьев, В. В. Шмидт, А. Н. Роцин, Н. А. Ефимов, В. Н. Попов и др. [5], причем власти вычеркнули 17 человек, находившихся под надзором полиции, сочтя их неблагонадежными. Собрания фотографического общества проводились в доме торговца И. С. Кардакова на углу Московской и Царевской улиц (сейчас – ул. Московская, 21) [6]. Каждый из членов получил право заключать договоры на услуги от имени общества, иногда заказы поступали на имя председателя. Сохранилось письмо директора Вятской гимназии В. В. Берштекеру с просьбой не отказать в фотографировании общежития Вятской гимназии на углу Царёвской и Копанской улиц и выполнить снимки со всех сторон здания [7]. О появлении Вятского фотографического общества вскоре узнали и за пределами губернии. Доказательство этого – просьбы вновь организуемых фотографических обществ: «Группа лиц, учреждающих новое фотографическое общество в Москве, обращается к Вам с убедительной просьбой выслать <...> устав и последний список членов Вашего общества, а также сведения по истории и деятельности Вашего общества» [8]; «Вновь возникшее общество шлет старшему собрату свой привет и <...> просит о высылке устава, правил, программ и вообще всех печатных изданий общества» [9].

Популярности ВФО способствовало проведение в 1907 г. конкурса фотографий «Весна». Объявления о мероприятии и бланки заявок разослали всем постоянным корреспондентам: члены общества вели оживленную переписку со своими коллегами. К участию в конкурсе приглашались фотографы-любители, которые ранее не участвовали на выставках и конкурсах или участвовали, но не получали наград. К каждому снимку предлагалось прикрепить конкурсный бланк, который можно было получать в складе фотографического общества [10]. В заявках указывались размер и количество снимков, а также площадь, необходимая для экспонирования. Одно из условий: фотографии, получившие премии, становятся собственностью ВФО. Лучшие работы предполагалось отбирать по следующим критериям: жюри должно

было ставить две оценки, первую – за фотографическую технику, вторую – за художественную сторону снимка. Общие оценки: С – слабо, У – удовлетворительно, Б – безукоризненно [11]. Желавших участвовать в конкурсе оказалось гораздо больше, чем планировалось первоначально. Среди заявок – письма из Москвы, Хабаровска, Самарской и Пермской губерний. Следуя заявленной теме (весна), авторы в основном представляли городские или сельские пейзажи. Проведение выставок и конкурсов стало хорошей традицией вятских фотографов.

В 1908 г. В. В. Берштекера перевели в Симбирск, где он организовал и возглавил Симбирское фотографическое общество [12]. Председателем ВФО стал С. А. Лобовиков, признанный мастер художественной фотографии и участник нескольких международных конкурсов. Благодаря его личным контактам у общества появилось множество друзей среди российских и зарубежных фотографов. Добровольно отказавшись от обязанностей председателя в 1909 г. С. А. Лобовиков долгое время оставался одним из самых активных его членов. За 1910 г. было проведено 12 общих собраний, приведена в порядок библиотека, заключен договор с поставщиками о скидке на фотопринадлежности для членов общества. Для всех желающих была организована лекция по фотографической химии [13]. С 29 ноября 1910 г. общество возглавил Н. П. Журавлёв.

Анализ документов показывает, что финансовая сторона деятельности ВФО была максимально открытой для его членов, а правление ежегодно отчитывалось по всем направлениям работы, в том числе по доходам и расходам. В смете расходов за 1911 год приведены такие цифры: «приход: 45 руб. – членские взносы, 7 руб. 50 коп. – процент за выписку со склада фотопринадлежностей, 10 руб. – за проведение вечера. Общая сумма 62 руб. 50 коп. Расход составил ту же самую сумму – 62 руб. 50 коп. Средства были потрачены на канцелярские принадлежности, переплетные работы, почту» [14]. Из отчета за 1912 г. узнаем, что в марте в Общественном собрании был устроен вечер, на котором демонстрировались диапозитивы С. А. Лобовикова. В этом году общество также открыло кооперативную торговлю фотографическими принадлежностями, «причем при этом же складе г. Бронников любезно согласился уступить за небольшую плату комнату для собраний общества» [15]. Прибыль за 1912 г. составила 96 руб. 9 коп. Однако часто расходы превышали доходы, например, в 1913 г. приход, состоявший из: членских взносов (45 руб.), процента от продажи членских взносов (5 руб.) был ниже расхода (55 руб.). Средства были потрачены на выписку и переписку книг и журналов и канцелярские расходы. За аренду помещения заплатили 15 руб. [16]. Поскольку основной доход составляли членские взносы, правлению приходилось рассылать напоминания, например, такие: «Господину Члену Вятского Фотографического О-ва Николаю Александро-

вичу Любимову. Правление Вятского Фотографического Общества просит Вас, Милостивый государь, поспешить с уплатою членского взноса за текущий 1913 год» [17]. Таким образом, общество если и было самокупаемым, то с большими трудностями, и далеко не всегда. Краткие отчеты и информация о всех мероприятиях периодически размещались в газете «Вятская речь». В сентябре 1914 г. газета напечатала сообщение о том, что фотографическое общество предложило фотографировать раненых, находящихся в лазаретах [18]. На протяжении всего периода работы ВФО вело оживленную переписку с подобными объединениями, кроме указанных выше, это Архангельское, Подольское, Симбирское фотографические общества. Налаживались связи с продавцами фототехники и специальной литературы для приобретения товаров со скидкой. В 1905 г. было получено согласие владельца складов фотопринадлежностей в Москве и Санкт-Петербурге на продажу новой фотографической литературы с 30% скидкой и доставку «по одному экземпляру каждого издания для просмотра» [19]. Сохранились ответы поставщиков фотографической техники: из Вильно о замене объектива [20], письмо от представителя Англо-русской фото-компании о доставке «увеличительного аппарата» [21].

В 1915 г. владельцы склада фотопринадлежностей сообщили о том, что по случаю эвакуации фабрика переведена в Харьков, и обращаться с заказами нужно в Харьков, на ул. Сумскую [22].

Последний из документов фонда ВФО – предписание главного комиссара по взиманию ежемесячного 5% налога председателю фотообщества Н. Журавлёву: «Вследствие разъяснения Кооперативного отдела Губсовнархоза от 20 сего ноября за № 947 о том, что Фотографическое Общество не является кооперативной организацией, прошу дать непосредственно мне 25-го сего ноября отчет о всей продаже и выручке предметов личного потребления и домашнего обихода за время с 1-го сентября с[его] г[ода] с указанием главнейших проданных предметов. Тогда же прошу внести дополнительно 5% налог со всей выручки без подразделения» [23]. Так сама жизнь подвела итог некоммерческой деятельности фотообщества, после чего в 1920 г. как по экономическим, так и по политическим причинам, оно свою работу прекратило.

Благодаря деятельности ВФО в жизнь провинциального города вошли новые формы досуга: лекции о фотоделе, конкурсы и показы «туманных картин». Участниками общества были подготовлены и изданы открытки с видами старой Вятки – ценнейший вклад в летопись вятской истории.

Создание фотообщества невозможно рассматривать в отрыве от культурных тенденций конца XIX – начала XX в. Вслед за Москвой и Петербургом в губернских и уездных городах создавались любительские творческие союзы, в том числе и фотографические общества. В Вятке в начале XX в. откры-

вались одна за другой художественные выставки, в 1909 г. был организован Вятский художественный кружок, а в 1910 г. открыт Вятский художественно-исторический музей. Появление творческих объединений было вызвано потребностью эстетического переосмысления жизни и желанием влиять на культурный уровень сограждан. Фонд Вятского фотографического общества дополняет картину городского быта, позволяет представить культурную среду Вятки начала XX в. с определенной стороны. Документы фотообщества периода Первой мировой войны и революции 1917 г. – свидетельство перемен в общественном укладе этого времени.

Примечания

1. Рева Б. К. Вятское фотографическое общество. Рукопись. Л. 1. КОМК 9294 НВФ.
2. Устав Вятского фотографического общества. КОМК 25413.
3. Изменения и дополнения устава вятского фотографического общества. КОМК 25439/90.
4. Рева А. В. Мастера светописы // Энциклопедия земли Вятской. Т. 9. Киров, 1999. С. 396.
5. Список членов общества. КОМК 33396/14.
6. Любимов В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Первая часть. Начало. Киров, 2004. С. 20.
7. Письмо А. И. Павлова. 29 сентября 1905 г. КОМК 33396/10.
8. Письмо А. С. Мосягина. [Б. д.]. КОМК 25439/20.
9. Письмо Харьковского общества фотографов-любителей. 26 февраля 1906 г. КОМК 25439/14.
10. Бланк-объявление о конкурсе. 1907. КОМК 25439.
11. Положение о жюри. 1907. КОМК 25439/37.
12. <http://ja-grazhdanin.ulgov.ru/opuo/gsgf.htmlhttp://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/20457>.
13. Краткий отчет о деятельности ВФО за 1911 г. КОМК 25439/46.
14. Смета доходов и расходов за 1911 г. КОМК 25439/53.
15. Отчет Правления Общества за 1912 г. КОМК 25439/18.
16. Смета доходов и расходов за 1913 г. КОМК 25439/11.
17. Письмо ВФО Н. А. Любимову. 1913 г. КОМК 25439/16.
18. Вятская речь. 1914. 30 сент. (№ 212). С. 3.
19. Письмо Г. Стеффена. 1907 г. КОМК 25439/13.
20. Письмо торгового представителя из Вильно. 1 октября 1911 г. КОМК 33396/12.
21. Письмо представителя Англо-русской фото-компании. 29 сентября 1912 г. КОМК 33396/6.
22. Письмо. 28 сентября 1915 г. КОМК 25439/11.
23. Уведомление. 23 ноября 1918 г. КОМК 25439/55.

Роль вятских меценатов в развитии изобразительного искусства

А. В. Леушина, г. Киров

Известный отечественный театральный деятель Константин Сергеевич Станиславский в 1922 г. оставил запись в альбоме Генриетты Гиршман. Она гласит: «Для того, чтобы процветало искусство, нужны не только художники, но и меценаты» [1]. Так он выразил свое восхищение теми энтузиастами, которые внесли свой вклад в развитие театрального искусства.

Выделяемые государством на развитие искусства средства всегда были незначительны. И хотя большая часть учреждений культуры поддерживается за счет средств государственных и региональных бюджетов, роль отдельных меценатов в развитии духовной сферы общества крайне важна. Многие театры, музеи существуют именно благодаря жертвователям, чьи громкие имена навсегда вписаны в историю культуры России. Вклад целых меценатских династий во многом разнообразил отечественное искусство.

В каждой губернии были свои ценители прекрасного, которые также были неравнодушны к культурному развитию своего региона. Бесспорно, их вклад менее заметен на фоне крупных вложений столичных жертвователей, но для провинции эти меценаты оставили глубокий след в развитии культурной жизни и поддержке искусства.

Во второй половине XIX в. в культурной жизни Вятки наметились позитивные изменения. И хотя общая картина развития культуры и искусства не была идеальной, именно в данный период происходили события, ставшие знаковыми для Вятки. В первую очередь необходимо отметить факт, что в культурную жизнь стали постепенно включаться представители всех сословий общества. Во многом этому поспособствовала меценатская деятельность вятских жертвователей, сделавшая искусство более доступным для народа.

Для губернской творческой интеллигенции долгое время одной из главных задач было создание художественного музея. Именно в создании и развитии музея активно проявили себя как меценаты вятские деятели искусств. Начало ему положил Вятский художественный кружок, основанный в 1909 г. известными вятскими художниками – Николаем Николаевичем Хохряковым, Николаем Николаевичем Румянцевым, Алексеем Ивановичем Столбовым, фотографом Сергеем Александровичем Лобовиковым, возглавившим кружок, и др. Постепенно в число членов кружка вошли и другие местные художники, известные всей стране: Васнецовы, Иван Иванович Шишкин, Аркадий Александрович Рылов. К ним присоединился историк русского искусства Николай Георгиевич Машковцев. Он занимался сбором материалов по истории искусства для музея, а также выступал с публичными лекциями.

Первоочередной задачей члены кружка ставили организацию выставок местных и столичных художников на Вятке с целью ознакомления населения с лучшими произведениями отечественных мастеров [2]. Первую выставку картин провели уже на следующий год в здании мужской гимназии. В последующие годы выставки также действовали при посредничестве гимназии, однако они были менее удачными. Сами они объясняли неудачным выбором летнего сезона для проведения выставок.

Следующим, за что принялись художники, было создание художественного музея в городе. Председатель Лобовиков ездил в Москву, чтобы лично встретиться с художниками. На просьбы откликнулись все вятские художники – Васнецовы, Хохряков, Иванов, Рылов. Пришла на помощь московская меценатка Маргарита Кирилловна Морозова, подарившая 12 произведений известных российских художников [3]. Всего в качестве дара от художников и коллекционеров будущий музей получил 38 произведений. В последующем помощь поступала и от представителя другой меценатской династии: Иван Абрамович Мамонтов пожертвовал 1000 руб. на постройку здания и приобретение картин [4]. Это означало, что деятельность художественного кружка находила поддержку со стороны частных лиц столицы. Однако контакты не были тесными и не имели длительного характера, поскольку больше от них значительной помощи не было, не смотря на то, что А. Васнецов и другие вятские художники предпринимали попытки поиска меценатской поддержки в Москве и активно призывали местных ценителей прекрасного помогать музею.

Музей разместился в комнате бывшего книжного склада, предоставленной земской управой. Добился этого кружок не без помощи младшего брата художников Васнецовых – Аркадия. Он служил в городской управе, отвечая за просвещение населения [5]. Занимаемая должность и родство с известными вятскими художниками не позволяли остаться Аркадию Васнецову в стороне от происходившего, он активно включился в процесс создания художественного музея.

Через два года музею пришлось переехать в дом купцов Клобуковых, поскольку расходы по его содержанию оказались слишком большими. Зинаида Дмитриевна Клобукова была членом кружка, большим ценителем живописи и, по сути, первым профессиональным скульптором Вятки, поскольку училась у известного российского скульптора Анны Семеновны Голубкиной. Меценатствовала она вместе с мужем, приобретая картины вятских мастеров. Впоследствии эти произведения были переданы в дар музею. Зинаида Дмитриевна была одной из немногих, кто постоянно поддерживал музей своими средствами [6]. Именно благодаря активным действиям таких же неравнодушных участников кружка музей не закрылся, хотя и оставался в тяжелом положении до революции.

Кружок также ставил перед собой задачи поддержания начинающих художников, поиска для них работы, организации личных выставок и распространения художественного образования среди талантливых художников. Так, Аполлинарий Васнецов, будучи преподавателем в Московском училище, возглавил вятское землячество студентов. Под его опекой находились А. В. Исупов, М. А. Демидов, Л. А. Сырнев, А. А. Репин, Л. А. Казенин и др. Для них занимался организацией персональных выставок, а также принял ряд других мер для развития и продвижения своих подопечных [7].

И все же главной мечтой для всех художников было открытие на Вятке художественной школы. Однако для реализации данной идеи у кружка не хватало финансов. Каждый член общества делал ежегодный взнос в размере 2 руб., Аполлинарий Васнецов – 50 руб., а Лобовиков и купчиха Клобукова – 150–160 руб. [8]. Сумма взносов с трудом покрывала расходы по содержанию музея, поэтому в 1913 г. кружку пришлось выступить с просьбой о материальной поддержке к ряду уездных земств, однако лишь орловское земство выразило желание помочь пособием в 25 руб. [9]. Часть художников выступила с идеей открытия в Вятке филиала одной из существовавших в учебном округе школ, некоторые поддерживали идею открытия художественных курсов прикладного плана.

Несмотря на все трудности, члены художественного кружка находили способы оказывать помощь талантам при получении художественного образования. Так, в 1913 г. они выступили с ходатайством перед Вятской губернской земской управой об отправке гимназиста Якова Васильева в художественную школу и выделении для него стипендии, поскольку ни у кружка, ни у Васильева не было свободных средств. Такая просьба поступила и в отношении приказчика Михаила Николаевича Шиляева. Художники просили оказать ему материальную поддержку при поступлении в Московскую школу живописи, ваяния и зодчества [10].

Вятский художественный кружок просуществовал до 1919 г. Наследие, оставленное меценатами, имеет большое значение как для прошлого Вятки, так и для ее будущего. Картины и скульптуры, дарованные музею, в наши дни представляют собой подлинные шедевры отечественного и зарубежного искусства. Они являются гордостью Кировского художественного музея, и в XXI в. эти предметы искусства не утратили своего значения в плане развития эстетических чувств у населения.

Примечания

1. Лысак А. Коллекционеры Гиришманы и МХАТ: [электронный документ] // Русская народная линия. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/1998/10/01/kollekcionery_girshmany_i_mhat. (проверено 25.05.2015).

2. Вятский художественный кружок. Деятельность кружка в 1909–1910. Вятка, [1911]. С. 4.

3. Там же. С. 5.
4. Отчет Вятского художественного кружка. Деятельность кружка за 1911–1912. Вятка, 1913. С. 7.
5. Малышева Т. В. Роль братьев Васнецовых в создании Вятского художественно-исторического музея // А. М. Васнецов – выдающийся общественный деятель Вятки XIX–XX веков: сб-к науч. статей по мат-лам регион. науч.-практ. конф. 5 декабря 2008 г. Киров, 2008. С. 47.
6. Рылов А. А. Воспоминания. Л.–М., 1940. С. 59.
7. Малышева Т. В. Роль братьев Васнецовых. С. 49.
8. Малышева Т. В. Проблемы существования художественно-исторического музея в начальный период // Десятые Петряевские чтения: мат-лы Всерос. науч. конф. Киров, 2010. С. 124.
9. ГАКО. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 18. Л. 60.
10. Там же. Д. 12. Л. 14 об.

Почтовые ящики на улицах Вятки

Т. И. Лебедева, г. Киров

13 декабря 1848 г. в Санкт-Петербурге появился первый в России почтовый ящик. Он был сделан из дюймовых досок и обшит железом, его высота составляла 58, ширина – 34, глубина – 32 см. На переднем скате, защищенном козырьком, был изображен почтовый конверт с красной сургучной печатью. Этот рисунок сохранялся на всех почтовых ящиках вплоть до первых лет советской власти. Его образец находится в Центральном музее связи им. А. С. Попова в Санкт-Петербурге.

В январе 1858 г. Вятская губернская почтовая контора уведомила своих клиентов о начале торговли почтовыми марками и о том, что письма с ними можно опускать в ящик, выставленный для этого у здания почтовой конторы, на ул. Преображенской, 35.

Спустя некоторое время часть жителей Вятки посчитала, что одного ящика недостаточно и высказала пожелание, чтобы особые ящики для приема писем были устроены в отдаленных от почтовой конторы частях города, для первой части города – на самом видном месте – на углу дома Лаврова [1].

В качестве ответа управляющий почтовой конторой поместил в «Вятских губернских ведомостях» статью, в которой привел доводы против устройства почтовых ящиков: «а) обывателю приятнее вручить письмо лично в руки почтмейстеру, тогда – де он будет уверен, что его письмо дойдет до адресата; б) обыватель не имеет в запасе марок, и ему все равно надо идти на почту, чтобы их купить».

Кроме того, почтмейстер считал, что одних только статей в «Вятских губернских ведомостях» мало для того, чтобы установить почтовые ящики, и эти статьи не являются доказательством, что ящики нужны населению, и что только на основании этих статей он не может ставить вопрос об устройстве почтовых ящиков перед высшим начальством [2].

Несмотря на вышесказанное, свои предложения вышестоящему руководству почтмейстером были отправлены. Об этом свидетельствует ответ почтового департамента от 3 декабря 1867 г. В нем говорилось: «Вследствие представления от 27 минувшего ноября, Почтовый Департамент разрешает Вятской губернской почтовой конторе привести в исполнение предложение об устройстве почтовых ящиков для писем в штемпельных конвертах и с почтовыми марками в местах, удаленных от помещения губернской конторы, и равно допустить продажу почтовых марок и штемпельных конвертов в некоторых магазинах и лавках, наиболее посещаемых публикою, но с тем, чтобы они отпускались не в долг, а за наличные деньги» [3].

Вскоре ящики для писем появились еще в нескольких местах города, о чем губернская почтовая контора объявила через местную газету [4]. Почтовые ящики были прибиты в следующих местах: на Спасской улице – у дома Благородного собрания, на Московской улице – у дома купца Блинова и на Воскресенской улице – у дома мещанки Матанцевой. В информации говорилось также, что письма, опускаемые в почтовые ящики, вынимались из оных ежедневно, утром в 10 и вечером – в 5 часов.

Здесь же контора сообщила, что при вскрытии почтовых ящиков и выемке писем, среди них были обнаружены два письма, адресованные: одно в Москву, на имя купца Егора Федоровича Калмыкова, другое в Пермь на имя Александры Васильевны Сунгуровой. Оба эти письма не отправлены по назначению, так как наклеенные на них марки оказались подложными, о чем губернская почтовая контора объявила подавателям этих писем, предупредив, что все письма с подобными марками будут уничтожаться.

Спустя некоторое время почтовой конторе пришлось опять обратиться к отправителям писем: «В почтовые ящики в г. Вятка очень много опускается писем с марками, наклеенными на то место, где должна быть печать. Это неправильно. Почтовая марка должна наклеиваться на той стороне письма, на которой вообще пишется адрес. Объявляя об этом, Вятская губернская почтовая контора просит: на опускаемые в почтовый ящик письма не наклеивать марок на то место конверта, где обыкновенно прикладывается печать. Кроме того, письма в два и более лота, не опускать в почтовый ящик с однолотною маркой и в однолотною штемпельном конверте» [5].

1 октября 1871 г. для доставления корреспонденции между жившими в городе начала свою работу городская почта. Плата за городскую корреспонденцию была следующей: а) до 1 января 1872 г. с каждого письма – по 5 коп.,

а с этого времени – по 3 коп. за письмо; б) с каждого печатного, литографированного визитного или приглашительного билета – по 1 коп. и в) с каждого объявления, прайс-листа, циркуляра и т. п. извещения напечатанного, или налитографированного не более как на одном листе писчей бумаги обыкновенного формата – по 1 коп. Все эти отправления должны были оплачиваться соответственной ценности почтовыми марками.

Письма и означенные выше извещения для доставления по городу должны были опускаться «вполне оплаченные, в почтовые ящики, установленные для иногородней корреспонденции в следующих местах: при губернской почтовой конторе, при магазине Силина, при магазине Красовского, при канцелярии г. губернатора и при доме, бывшем купца Блинова».

Почтовое ведомство поместило об этом информацию в «Вятских губернских ведомостях», где также уведомило, что «...для иногородней и городской корреспонденции в скором времени имеют быть выставлены еще два ящика, один – на Сенной площади у дома цехового Пупырева и один во второй части – у дома купца Чарушина. Из всех показанных ящиков городские письма будут выниматься, кроме воскресенья, ежедневно между 10 и 12 часами утра и доставляться по адресам вместе с иногородними письмами, а по возможности и отдельно, в тот же день. По воскресеньям же будут выниматься в 7 часов вечера, и доставляться – близ живущим к почтовой конторе в тот же день и всем остальным адресам на другой уже день» [6].

В 1909 г. почтовых ящиков в Вятке, согласно годовому отчету почтовой конторы, стало 18, и они находились: снаружи почтовой конторы; на углу улиц Николаевской и Кукарской, Семеновской и Владимирской, Казанской и Копанской, Николаевской и Спасской, Спасской и Царевской, Спасской и Никитской, Никитской и Преображенской, Московской и Никитской, Копанской и Владимирской, Спасской и Гласисной, Всесвятской и Раздерихинской, Владимирской и Богословской, Раздерихинской и Николаевской, Московской и Николаевской; а также у Присутственных мест, на пристани (от открытия до закрытия навигации) и на ул. Владимирской [7].

Статистика 1916 г. говорит уже о 22 почтовых ящиках, установленных на улицах Вятки: внутри и снаружи почтовой конторы; на углах улиц Николаевской и Кукарской, Семеновской и Владимирской, Московской и Владимирской, Никитской и Преображенской, Спасской и Никитской, Спасской и Казанской, Казанской и Набережной, Московской и Николаевской, Николаевской и Пятницкой; а также у дома губернатора, у реального училища, у казармы, у арестантских рот, у губернской тюрьмы, у мужских первой и второй гимназиях, у общественного собрания, у присутственных мест, на паровой пристани (во время навигации) и на Владимирской улице [8]. Выемка писем из почтовых ящиков производилась три раза в день, в 5 и 9 часов утра и в 5 часов вечера на лошади. В годовом отчете Вятского 1-го почтово-

телеграфного отделения связи, расположенного в доме Хохлова на ул. Царевской (ныне Свободы), учтен еще один почтовый ящик, установленный у входа в это отделение связи, выемка из которого производилась восемь раз в день его чиновниками [9].

В 1934 г. на улицах города было 65 почтовых ящиков [10].

На сегодняшний день Кировский почтамт обслуживает 336 почтовых ящиков, выемка из которых производится два раза в день, причем на каждом указаны конкретные часы и минуты.

Большая часть сегодняшних почтовых ящиков – старые, изготовленные еще в советское время. Они лишились с того времени белого пластмассового герба СССР, оставившего после себя характерные углубления, да по два небольших отверстия от мест крепления последнего. Поверхность ящиков говорит о многократно нанесенной краске сине-голубого цвета, поглотившей под собой белую надпись «ПОЧТА».

Время выемки и номер почтового ящика указаны теперь на кусочках белой бумаги с напечатанным текстом. Погодные условия Вятки не способствуют их длительному сроку службы и придают почтовым ящикам неряшливый вид. Только на здании почтамта, да у входов в почтовые отделения связи висят более современные ящики для писем с несколько другим дизайном, но и они, увы, имеют бумажные наклейки с расписанием.

По данным ФГУП «Почта России», в стране установлено 143127 почтовых ящиков для сбора простых писем и почтовых карточек самого разного устройства и внешнего вида, причем практически 80% из них технически и эстетически устарели и требуют замены. В 2015 г. ФГУП начало программу обновления почтовых ящиков, для которых в студии Артемия Лебедева по заказу «Почты России» разработан единый дизайн (ширина – 380 мм, высота – 550 мм, глубина – 250 мм, приемная щель – 171x6 мм).

С июня 2015 г. массовые мероприятия федерального масштаба снабжались этими ящиками для того, чтобы посетители имели возможность бесплатно отправить памятные открытки. Дизайнеры почтового оператора решили, что эти открытки могут поддержать новый имидж самого почтового ящика – символа «Почты России». Тогда и родился проект «Открытие из лета», совместивший в себе образ почтового ящика и символику конкретного мероприятия. Проект имел сенсационный успех и был продлен до конца года. В социальных сетях общаются тысячи поклонников данного проекта, которые «гоняются» за редкими открытками [11].

Должны признаться, что много лет собираем материалы на тему «Почта»; особое место в коллекции занимают именно изображения почтовых ящиков, поэтому не могли не обратить внимания на этот проект. Сложно было найти открытки с фестивалей, так как проходили они в Москве, Раменском, Камышине, Рязани, Сочи, Санкт-Петербурге. Благо, «Почта России» проводи-

ла несколько конкурсов, дававших возможность получить их по почте в качестве приза. И мы «взяли главный приз» – целых десять открыток с различных федеральных мероприятий, в том числе самую редкую из них – чеченскую!

Примечания

1. ГАКО. Ф. Р-3922. Оп. 1. Д. 3590. Л. 4.
2. Там же. Л. 5.
3. Там же. Ф. 203. Оп.1. Д. 140. Л. 139.
4. Вятские губернские ведомости. 1868. 23 марта (№ 12, ч. неофиц.). С. 3.
5. Там же. 8 июня (№ 23, ч. неофиц.). С. 4.
6. Там же. 1871. 29 сент. (№ 78, ч. неофиц.). С. 1.
7. ГАКО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 214. Л. 74.
8. Там же. Ф. Р-250. Оп. 5. Д. 1. Л. 165.
9. Там же. Д. 60. Л. 11.
10. Горяева Н. Кировскому почтамту 200 лет // Кировская правда. 1983. 12 февр. (№ 36). С. 4.
11. Открытки из 2015 года // Почта России. 2015. № 4. С. 54.

Вятский уроженец Л. Г. Молчанов – легенда ЭПРОНа

Л. Н. Власова, г. Киров

Буквально по крупицам приходилось собирать материал о нашем знаменитом земляке, прославленном водолазе-глубоководнике – Леониде Гурьяновиче Молчанове. О нем писали в газетах и журналах: «Смена» от 27 июля 1973 г.; «Правда» от 29 декабря 1982 г.; «Вечерний Ленинград»; большой очерк содержится в журнале «Огонек» за 1983 г. В 1984 г. материал о водолазе Молчанове был опубликован даже в чехословацком журнале г. Прага «Свет социализма». Но наше поколение, выросшее значительно позже, не знало об этом уникальном человеке, нашем земляке ничего. И только благодаря сохранившимся письмам к родственникам старшей дочери Л. Г. Молчанова Маргариты Леонидовны, мы узнали о легендарном водолазе-подводнике, легенде ЭПРОНа.

На фотографии, опубликованной в журнале «Огонек» в ноябре 1983 г., Л. Г. Молчанов в строгом костюме, с орденами и медалями на груди. Сфотографирован на фоне своего бюста. Этот бюст еще при жизни Леонида Гурьяновича был установлен в Военно-Морском музее г. Ленинграда. Второй бюст, где водолаз Молчанов был отлит в своем подводном снаряжении (в 1964 г., как один из первых водолазов страны), находится в Музее истории города. Оба музея хранят также различные материалы, экспонаты из жизни этого знаменитого человека.

Леонид Гурьянович родился в 1893 г. в дер. Байбеки Малмыжского уезда Вятской губернии (совр. Кильмезский район Кировской области) в большой крестьянской семье. За обеденный стол в доме Молчановых усаживалось ни много, ни мало – сразу девятнадцать человек.

В 1915 г. юный Леонид стал рекрутом, а вскоре после революции попал в водолазную школу. Сказались, видимо, внешние данные и сила. Окончив ее, он впоследствии попал в штатную команду ЭПРОНа и отдал этой нелегкой профессии более полувека. Опасностей и приключений, выпавших на долю этого человека, хватило бы, наверное, на несколько приключенческих романов. Он поднимал крейсер «Олег» и башни линкора «Императрица Мария» в севастьяпольской бухте, строил Днепрогэс, разгружал снаряды, олово, свинец с затонувшего в архангельском порту парохода «Барон Дрейзен», возводил мосты на сибирских реках, его руками под водой перестраивались и укреплялись оборонительные сооружения на Балтике, в Кронштадте. Если посчитать, сколько за свою жизнь Леонид Гурьянович провел суток под водой, то получится почти два года. Вряд ли кто и по сей день, побил этот рекорд [1].

Л. Г. Молчанов пережил и испытал, кажется, все, что могла придумать для проверки человеческого мужества коварная мужская стихия. Сам погибал и спасал погибавших, шел на риск и учил бесстрашию других. Всего лишь два примера приведем из его героической жизни.

В годы Великой Отечественной войны Ленинград находился в плотном блокадном кольце. Суровой зимой 1941 г. находчивость Леонида Гурьяновича сберегла жизнь многих тысяч голодавших ленинградцев. Для разгрузки потопленных возле Осиновца барж с зерном он предложил использовать водоструйный инжектор, которые использовались для отсоса воды и разжиженного грунта (до того очень медленно, с огромным риском зерно доставали вручную). Старший водолаз Л. Г. Молчанов много раз спускался под воду, вытаскивая со дна Ладоги промокшие мешки с зерном. Сам установил инжектор, и уже ничто – ни свирепые бури, ни авианалеты – не могли помешать бесперебойной выгрузке драгоценной разбухшей массы, вошедшей в историю блокады под именем «молчановской» каши. (Таким образом разгрузили пять затонувших барж. В те дни по карточкам ленинградцы получали кашу из ржи, знаменитую «молчановскую кашу»).

Из всех мук блокады, выпавших на долю Ленинграда, нехватка электричества была одной из самых тяжелых. Почти год после остановки трамваев погас свет в операционных, на заводах обессилевшие люди были вынуждены вручную приводить в движение станки. Все зависело от эпроновцев [2]. Экспедиция подводных работ особого назначения должна была протянуть электрический кабель по дну Ладожского озера. «Работать приходилось ночью, в кромешной тьме, папиросу нельзя было закурить, враг засечет. Поэтому мы должны были рассчитать каждый метр, каждое движение, постараться пред-

усмотреть все еще до спуска под воду», – вспоминал Леонид Гурьянович [3]. Всего 27 километров оставалось до западного, такого близкого, казалось, берега. Оставалось несколько дней до 7 ноября – двадцать пятой годовщины Октябрьской революции. К этой дате тысячи их товарищей, тех, кто под обстрелами и бомбежками восстанавливал Волховскую ГЭС, монтировал турбины, тянул высоковольтную линию, дали слово пробить первую брешь в плотном блокадном кольце гитлеровских войск, дать ток героическим защитникам Ленинграда.

И они сдержали слово! Почти сдержали... Потому что не слово, а яркий свет вспыхнувших ламп должен был венчать все сделанное. И требовался еще один подвиг, чтобы этот праздник пришел в непокоренный город.

Ладога бушевала седьмые сутки, и каждый новый рассвет приближал беду, отвести которую могла всего одна тихая безлунная ночь. Но именно к ночи набирал страшную силу разгулявшийся в неоглядных просторах озера-моря ветер. Коварный ветер коварного моря. Бессмысленно соваться в эту верную гибель крохотному буксиру с неповоротливой баржей. Бессмысленно ждать и рассвета, даже если вдруг стихнет шторм и поверхность моря станет гладкой, словно городской асфальт. Не от воды, с ясного неба придет беда: маленький тихоходный караван водолазного отряда – верная добыча для хищных «юнkersов», безотлучно выслеживающих на Ладоге все живое. Такую вот неразрешимую задачу поставила война перед командой ленинградских водолазов, прокладывавших электрокабель к осажденному городу.

«Ждать, ребята, больше нельзя, – подвел черту старейший водолаз ЭПРОНа Л. Г. Молчанов. – В ноябре заштормит еще пуще, а там и ледостав. Так что пишите письма родным, надевайте чистое. С утра, коли малость утихнет, выйдим...»

Утром шторм пошел на убыль и маленький караван-буксир, баржа и тендер вышли в свой последний героический рейс. 27 километров – это девяносто трехсотметровых отрезков кабеля, девяносто бесконечных остановок под непрекращающимся свинцовым ливнем. Но, как бы не лютовали выстроившиеся в карусель «юнkersы», соединенные тяжелыми стальными муфтами отрезки кабеля должны точно лечь на дно. Молчанов и его товарищи не рассчитывали вернуться из того рейда живыми. Но бог войны и в самом деле благоволил к храбрым – случилось чудо, и они потеряли лишь двоих. 7 ноября 1942 г. был дан салют в честь героев. Салют из десятков тысяч электрических лампочек, вспыхнувших в ленинградских квартирах [4].

Высокими наградами отменила Родина подвиг водолазов. Свое достойное место занял он в летописи Великой Отечественной войны.

Леонид Гурьянович вместе со своей женой Евгенией Ивановной воспитали троих детей, и еще троих приемных, дали им достойное воспитание. Из письма Маргариты Леонидовны: «...В детстве мама с нами моталась за отцом

по морям и океанам. У меня висит над столом карта, на которую я с внуками прикрепила красные звездочки в местах, где работал их прадед, мой отец. Таких точек оказалось 31!» [5].

Из сорока лет замужества Евгения Ивановна провела с мужем не более десяти. Он почти всегда в море, она – на работе. На четыре года разлучила война (со своим госпиталем Евгения Ивановна исколесила немало фронтовых дорог). И все же, несмотря на частые разлуки, это был прочный, освященный взаимной любовью союз.

К сожалению, Евгения Ивановна рано ушла из жизни. Почернел, осунулся от горя Леонид Гурьянович. Суровый, немногословный, он никогда не показывал своих чувств, а тут заплакал, и дочь – Маргарита Леонидовна – поняла, что эти слезы страшнее любой болезни.

Вернувшись домой отец сказал дочери: «Не бойся, плакать больше не буду. Она прожила прекрасную, нужную людям жизнь, и я свою доживу так же» [6].

Леонид Гурьянович снова надел скафандр и до семидесяти лет (уникальный в мировой практике случай) «ходил под воду», а потом еще более десяти лет продолжал работать в качестве консультанта и руководителя при погружениях – никто лучше Молчанова не знал всех тонкостей и всевозможных случайностей труда водолаза.

Старшей дочери Леонида Гурьяновича, Маргарите Леонидовне, в годы Великой Отечественной войны также пришлось воевать на четырех фронтах, прыгать с парашютом, драться в тылу. Но отец всегда для всех оставался знаменитым, легендарным человеком. Прошли годы, не стало уже и Леонида Гурьяновича, как однажды его правнук спросил бабушку: «Бабушка, а что он в войну-то делал? Был под водой, это я понимаю. А на фронте не был?». Растерялась, расстроилась тогда Маргарита Леонидовна. Ведь отец был знаменитым человеком. «И все же, положи руку на сердце, спросила я себя – чего стоит эта слава, если даже правнук (родная кровь) знает о Леониде Гурьяновиче лишь понаслышке. Моя, только моя вина в этом... И я, как сумела, испустила ее» [7].

Так Маргарита Леонидовна Молчанова стала историком. Историком собственной семьи, кропотливо и бережно собиравшим воспоминания, награды, письма, документы, фотографии, относившиеся к жизни тех, кто начал и продолжает отцовский род. «Начала-то я все еще при жизни отца и вместе с ним, чтобы как-то помочь ему систематизировать разрозненные архивные бумаги. Ему часто приходилось выступать и рассказывать о своей жизни и работе, а это с годами стало утомительно, да и упомянуть все трудно. Вот я и завела специальный альбом: собрала все, какие смогла факты его жизни, кое-какие фотографии, газетные заметки. И назвала альбом “Жил в семье богатырь...”» [8].

Вот выдержки из этого альбома: «Мой отец, а ваш прадедушка был корнем жизни нашей семьи. Ваш дедушка во время Великой Отечественной войны носил звание офицера и в мирное время часто рисковал собой, выполняя очень сложные работы. Он не нажил никаких капиталов, но зато оставил фамильное достояние в своем труде. Его руками под водой укреплялись и перестраивались оборонительные сооружения на Балтике и в Кронштадте. Его руки помогли вернуть из воды затонувшие корабли, продукты, спасавшие жизнь голодавших ленинградцев. Это его руки тянули по дну суровой Ладоги электрический кабель, вернувший свет нашему городу.

Вы будете расти и все больше понимать, что дедушка оставил вам бесценное наследство – верность дому, Родине, трудолюбие, храбрость. Все это он оставил вам на вечное хранение. Приумножайте это богатство».

«Когда собирала альбом об отце, – рассказывала Маргарита Леонидовна, – я сделала для себя, к сожалению, слишком поздно, одно очень горькое, но в простоте своей важное открытие: как, в сущности, мало я разговаривала с отцом, расспрашивала его о той же работе, не говоря уж просто о мыслях его, чувствах, воспоминаниях детства. Сколько бы я могла узнать для себя, рассказать потом детям! Невосполнимая потеря! Нет, мне нечем упрекнуть себя в отношении к отцу, у нас в доме всегда были теплые, дружеские отношения. Но все вечно по горло были заняты работой, детьми, домашними хлопотами. И сам отец по натуре молчаливый, “подводный”. Но я уверена, что домашние неторопливые разговоры не то, чтобы продлили ему жизнь, но лишний раз согрели бы на старости лет... Ах, как необходимы эти разговоры детей со стариками! В них – та же связь времен и поколений, что и в великих делах и свершениях, и терять ее нельзя...» [9].

«Для меня мой отец, – писала М. Л. Молчанова на Родину отца, – и после смерти остается, какой-то неразгаданной загадкой. Как из него, полуграмотного парня вятской глубинки, вышел такой классный специалист-глубоководник? Мне говорили его товарищи по работе, что он нередко с легкостью решал задачи, требовавшие инженерных знаний! Кроме того, он был не просто патриотом, а каким-то подвижником. Он своей целеустремленностью и ответственностью (сам того не сознавая) создавал такой здоровый микроклимат в коллективе, что люди сами переставали себя узнавать (я имею в виду тех, кто имел какие-то нравственные пороки). Все его удивительные качества, конечно, передались нам и нашим детям, а сейчас я делаю все, чтобы сохранить его добрый след, оставленный на земле».

Маргарита Леонидовна вспоминала: «Отец до последних дней своей жизни всегда очень трогательно вспоминал всех своих родных и близких, родные ему места. Но старость давала о себе знать, и потому он мог перепутать родственные отношения и имена и тем не менее никогда не отступал от традиции поддерживать связь с родными. Накануне праздников, учитывая

вечную мою занятость, он всегда очень осторожно спрашивал: “Доченька, у тебя сегодня будет часик свободный, написать ко мне в Байбеково к ...”, – и далее перечислял все имена, которые сохранила его память. После его смерти я приняла решение продолжить традицию отца и поддерживать связь по тем адресам, которые бережно хранятся в его записной книжке. Она для нас тоже семейная реликвия».

Маргарита Леонидовна до самой смерти отправляла на родину своего отца (в Кильмезский район дальним родственникам) письма и открытки, отсылала вырезки из газет. И это все для того, чтоб мы – земляки – знали о своем герое.

Род Молчановых связан с судьбой Отечества и героическими житейскими делами, хотя и не удостоенными орденами, но отмеченными искренней человеческой благодарностью.

Примечания

1. Петриченко Е. История семьи Молчановых // Огонек. 1983. № 45. С. 12.
2. Там же.
3. Стругацкий В. Два года под водой // Смена. 1973. 27 июля (№ 173). С. 4.
4. Петриченко Е. Указ. соч. С. 12.
5. Письма, архивные документы М. Л. Молчановой // Фонды МКУК «Кильмезский районный краеведческий музей». Здесь и далее письма цитируются по данному источнику.
6. Петриченко Е. Указ. соч. С. 13.
7. Там же. С. 12.
8. Крючкова Е. Детям – в наследство // Письма, архивные документы М. Л. Молчановой (из фондов МКУК «Кильмезский районный краеведческий музей»).
9. Там же.

Кировский городской комитет обороны

В. В. Фокин, г. Киров

Население России, большинство жителей бывших Союзных Республик СССР, миролюбивые силы планеты ежегодно отмечают годовщину разгрома фашизма и японского милитаризма во Второй мировой войне. Основной вклад в победу над агрессорами внес вместе со странами антигитлеровской коалиции Советский Союз, правопреемницей которого является Российская Федерация.

Все меньше остается живых свидетелей тех грозных событий [1], но память о творцах этой победы живет и будет еще долго жить в исторических источниках, посвященных Второй мировой войне и ее составной части – Великой Отечественной войне.

И даже спустя много лет со дня Победы есть еще неисследованные проблемы той военной поры. Одной из них является история и деятельность более шестидесяти городских, в том числе и Кировского, комитетов обороны, созданных на основе постановлений Государственного комитета обороны СССР (ГКО СССР) о городских комитетах обороны от 22, 23 октября, 3 ноября 1941 г. [2].

Что касается ГКО, то этот чрезвычайный орган образован 30 июня 1941 года совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) в составе: И. В. Сталина (председатель), В. М. Молотова (заместитель председателя), К. Е. Ворошилова, Г. М. Маленкова, Л. П. Берии. В дальнейших постановлениях Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1942 г. в состав ГКО были введены А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский, 20 февраля 1942 г. – Л. М. Каганович, 22 октября 1944 г. – Н. А. Булганин. В тот же день из состава ГКО был выведен К. Е. Ворошилов. После чего в составе высшего чрезвычайного органа власти СССР до конца войны оставалось восемь членов ГКО [3].

Свои полномочия ГКО осуществлял как через конституционные органы власти, так и через Оперативное бюро, рабочие группы членов ГКО, председателей городских комитетов обороны прифронтовой полосы. За годы войны ГКО принял 9971 нормативно-правовой акт, который имел силу закона военного времени. Упразднен 4 сентября 1945 г. [4].

Городские комитеты обороны создавались на основе указанных выше постановлений ГКО по мере усиления военной угрозы, когда враг находился на ближних подступах к Москве. Они были образованы в прифронтовой полосе от Мурманска на севере до Астрахани на юге СССР.

О Кировском городском комитете обороны (КГКО) мало что известно и написано. Единицы статей, ни одной монографии, диссертации [5].

Глубокий тыл, почти тысяча (960) километров от Москвы, до линии фронта, секретность ряда материалов периода войны, отсутствие исследований о городских комитетах обороны в масштабе страны привели к почти забвению этой стороны работы местных органов власти той суровой военной поры. На деле образование и деятельность КГКО происходила следующим образом.

28 октября 1941 г., когда враг был на подступах к Москве, руководство Кировской области рассмотрело ряд важных вопросов, в том числе и «О коменданте города Кирова». Доклад делал В. В. Лукьянов. В постановлении констатировалось: «1. На основании постановления Государственного Комитета Обороны от 22 октября 1941 г. “О введении должности коменданта в г. Кирове” назначить комендантом г. Кирова полковника Давыдова И. В. – начальника пехотного училища. 2. Просить Военный Совет УРАЛВО об утверждении».

Следующей проблемой этого заседания был вопрос «Об образовании Кировского городского комитета обороны». Докладчиком также был В. В. Лукья-

нов. Постановление по этой проблеме было следующим: «1. В интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка в г. Кирове и прилегающих к нему районах (Кировском, Медянском, Слободском, Котельничском, Оричевском, Просницком), в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 22 октября 1941 г., образовать в г. Кирове Городской комитет обороны в составе первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) т. Лукьянова В. В. (председатель комитета), председателя облисполкома т. Иволгина И. Л., начальника облуправления НКВД т. Шустина С. М. и коменданта г. Кирова полковника Давыдова И. В.

2. Установить, что постановления Городского комитета обороны обязательны к выполнению для всех гражданских и военных организаций г. Кирова и прилегающих к нему районов и должны выполняться немедленно.

3. Для поддержания порядка в г. Кирове и прилегающих к нему районах подчинить коменданту г. Кирова части войск НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды г. Кирова и районов, указанных в п. 1-м настоящего постановления» [6].

Это было узаконенное образование КГКО. Его председателю Владимиру Васильевичу Лукьянову (21.06.1901 – 23.10.1958) исполнилось тогда сорок лет. Он был членом ВКП(б) с 1927 г., имевшим высшее образование, участником XVIII съезда ВКП(б) и XVIII Всесоюзной партконференции, депутатом Верховного Совета СССР [7]. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

С 22 июня по 28 октября 1941 г. руководство Кировской области и г. Кирова проделало огромную работу по переводу экономики на военные рельсы: был введен военно-мобилизационный план, партийные, советские, профсоюзные, комсомольские и правоохранительные органы, военные комиссариаты, противопожарная и медицинская службы стали работать в режиме военного времени. За первые 128 военных суток они приобрели немалый опыт работы в условиях войны, который использовался ими в последующей деятельности.

Были приняты, размещены и начали работать десятки эвакуированных предприятий, нашли приют тысячи соотечественников, детей, раненых, решены вопросы снабжения, трудоустройства медицинского и продовольственного обеспечения всех прибывавших в нашу область эвакуированных, созданы органы размещения прибывавших материальных и людских ресурсов, разгрузки санитарных поездов, открыто необходимое количество госпиталей. Местная промышленность начала выпуск военно-технического имущества, боеприпасов, а сельское хозяйство – продовольствия фронту.

С образованием горкома обороны его работа строилась с учетом ранее приобретенного опыта, фронтовой обстановки. При этом строго учитывалось удаление линии фронта, людские ресурсы г. Кирова и области, возможности перевыполнения заданий ГКО.

Деятельность КГКО делится на два периода: первый – с 28 октября 1941 г. по 18 ноября 1942 г.; второй – с 19 ноября 1942 г. по конец 1943 г. С коренного перелома в Великой Отечественной войне КГКО утрачивает свою необходимость. С 1 января 1944 г. его председатель В. В. Лукьянов подписывает документы, будучи первым секретарем Кировского горкома и обкома ВКП(б).

По данным местных архивов (ГАКО и ГАСПИ КО) с 28 октября 1941 г. по 31 декабря 1943 г. было проведено около 120 заседаний КГКО, на которых рассмотрено более 200 вопросов. С другой стороны, за 1941 г. проведено четыре пленума Кировского горкома ВКП(б), за 1942 г. – четыре и два пленума – за 1943 г. За всю войну состоялся только один пленум ЦК ВКП(б), съездов ВКП(б) не было [8]. Отсюда видно, что демократические начала руководства страной и на местах были уменьшены до предела, централизм достиг небывалых высот. Такой стиль работы власти диктовала война.

На одно из первых мест в деятельности горкома обороны выдвинулись задачи защиты объектов экономики, территории, населения. Ноябрьские 1941 г. постановления КГКО нацеливали население и руководителей всех рангов на затемнение г. Кирова и прилегавших к нему населенных пунктов, железнодорожных станций, разъездов, заводов, электростанций, на строительство убежищ и укрытий полевого типа. Ответственным за светомаскировку лицам определялись конкретные сроки выполнения постановления, а один из членов КГКО на самолете периодически делал облет населенных пунктов ночью, проверял ход и качество выполнения принимаемых решений.

Облисполком, горисполком обеспечивали инструментом, стройматериалами, транспортом объекты строительства укрытий, а райисполкомы, руководители предприятий – рабочей силой, инженерами и техниками.

План наземной обороны непосредственных подступов к городу разрабатывали представленные облвоенкомом Зубчаниновым военные инженеры во главе с начальником гарнизона И. В. Давыдовым. Время для подготовки обороны определялось с 8 по 20 декабря 1941 г. В ней предусматривались окопы, ячейки, укрытия, перекрестная трехслойная система огня, минные поля, пулеметные гнезда, артиллерийские и минометные позиции. 4-е отделение Горьковской железной дороги к 1 декабря 1941 г. обязывалось подготовить восемь полувагонов в качестве бронеплощадок. На Сулимова и Наймушина возлагалась организация и производство бутылок с зажигательной смесью и создание резерва из 20-и грузовиков для переброски бойцов истребительных отрядов. Оборона обеспечивалась системой связи, средствами ПВО и строилась с учетом возможных крепких морозов.

Организаторами возведения обороны г. Кирова становились председатели горисполкома, райисполкомов и их аппарат, комендант гарнизона, а по ПВО – городской и районные штабы местной ПВО [9].

К началу контрнаступления Красной Армии под Москвой в декабре 1941 г. пружина защитников Родины сжалась до предела по всему советско-германскому фронту. В ходе Московской битвы она отдала свою энергию ударами по врагу, и он был отброшен от столицы. Это несколько, хотя и временно, сняло напряжение в работе КГКО. С марта 1942 г. Кировская область была включена в состав Московского военного округа.

Осенью 1941 г. Коломенский завод им. В. В. Куйбышева был эвакуирован в г. Киров. 25 ноября КГКО своим постановлением предписывал горисполкому порядок организации и расквартирования 10 тыс. рабочих завода, места размещения цехов и обязывал горисполком и райисполкомы обеспечить прибывавшее предприятие необходимыми стройматериалами, электроэнергией, транспортом, рабочей силой для разгрузки оборудования по заявкам руководства завода с тем, чтобы он не позднее 1 декабря 1941 г. начал выпуск военной продукции [10].

Другим постановлением от 25 ноября 1941 г. горком обороны указал на медленное решение задач строительства убежищ, ненадлежащую светомаскировку, недостаточную массово-политическую работу среди населения по вопросам строительства защитных сооружений города и потребовал от начальника гарнизона Давыдова, начальника облуправления милиции Наймушина, секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов полного и своевременного выполнения всех постановлений КГКО [11]. Контроль за выполнением постановлений КГКО возлагался на начальника Кировского облуправления НВД С. М. Шустина.

Весь первый период войны продолжала существовать угроза Кировской области. В Сунском районе, неподвластном КГКО, особым приказом от 22 июня 1942 г. был создан местный истребительный отряд Сунского участка.

В преамбуле приказа констатировалось: «Приказом войскам Московского военного округа за № 00197 от 03.05.1942 г. создан Кировский район по борьбе с авиадесантами противника. В соответствии с решением бюро Кировского обкома ВКП(б) и приказом начальника Кировского района за № 0019 от 27.05.1942 г. по борьбе с авиадесантом противника создан Сунской участок по борьбе с авиадесантом противника в границах Сунского района». Начальником участка был назначен военный комиссар Сунского района политрук Макаров, комиссаром – заведующий военным отделом райкома ВКП(б) Снигирёв.

В их подчинение входили пять дружин: Сунская – 70 чел., основная база – пос. Суна; Плельская – 40 чел., основная база – с. Плелое; Верхо-Сунская – 50 чел., основная база – Верхняя Суна; Ошетская – 40 чел., основная база – с. Ошеть; Курчумская – 60 чел., основная база – с. Курчум.

Дружины имели однотипную оргштатную структуру – четыре-пять отделений, конкретные задачи, привязанные к местности, средства связи, во-

оружие, боеприпасы. Приказом были назначены командиры дружин и отделений.

Личный состав дружин прошел спецподготовку по борьбе с авиадесантами противника. Укомплектовывались дружины из местного населения, имели средства передвижения. Среди дружинников преобладали мужчины, имевшие боевой опыт. В каждой дружине был назначен политрук, а командирами отделений были назначены лица из партийного и советского актива, председатели колхозов, бригадиры, председатели сельсоветов, учителя, работники милиции, прокуратуры, сельпо, счетоводы.

В каждой дружине имелся медработник, способный оказать первую доврачебную помощь, снабженец, лица, обученные для наблюдения за воздухом, способные определять типы и принадлежность самолетов, связисты. Каждая дружина периодически занималась боевой подготовкой под руководством своего командира [12].

Данный местный отряд не имел боевого применения, но был готов ликвидировать авиадесант противника, который, по данным разведки, готовился неоднократно в 1942 и в первой половине 1943 г.

КГКО оперативно разрешал возникавшие проблемы. Так, вмешательство горкомитета обороны в декабре 1941 г. позволило разрешить проблему электроснабжения областного центра, особенно оборонных предприятий. По просьбе КГКО ГКО СССР в январе 1942 г. принял специальное постановление об обеспечении топливом Кировских электростанций и ускоренном строительстве новых. В декабре 1941 г. в областном центре был введен режим экономного расходования электроэнергии. В постановлении КГКО от 29 декабря 1941 г. «О мероприятиях по сокращению в г. Кирове расхода электроэнергии на непроеизводственные нужды» горком обороны указал руководителям энергокомбината, горисполкому на неполное выполнение ими решения бюро обкома ВКП(б) от 6 декабря 1941 г. «О сокращении потребления электроэнергии в жилых домах и учреждениях г. Кирова на 50%». Постановление требовало в пятидневный срок разрешить эту проблему, и по всему городу сократить расход электроэнергии на 50%. Даже у высших руководителей области, указанных в приложении в числе 50 человек, в квартирах оставлено по одной электрической лампочке у телефона [13]. Такой подход позволил безостановочно работать в течение войны всем оборонным и коммунальным предприятиям г. Кирова. Эта проблема постоянно была в центре внимания КГКО.

КГКО оперативно включался в решение вопросов расквартирования вновь формируемых воинских частей, своевременного выполнения мобилизационных заданий. В постановлении от 29 января 1942 г. «О мероприятиях в связи с формированием Эстонской и Литовской дивизий» КГКО обязал военкома Зубчанинова к 3 февраля 1942 г. вызвать на областной призыв-

ной сборный пункт всех граждан мужского пола призывного возраста Эстонской и Литовской республик, проживавших в Кировской области, для отбора и срочной отправки их к месту формирования дивизий. Начальник железнодорожной станции Киров-1 Воскресенский и военный комендант станции Степанов обязывались обеспечить отправку по заявкам облвоенкомата граждан, призванных в Эстонскую и Литовскую дивизии. Парторганам предписывалось всесторонне помочь военкоматам в оповещении, отборе и срочной отправке в г. Киров граждан призывного возраста, мобилизованных в Эстонскую и Литовскую дивизии [14].

2 февраля 1942 г. КГКО рассмотрел вопрос «О недостатках на железнодорожных станциях города Кирова». Отметив недочеты, горком обороны принял меры по улучшению обслуживания пассажиров. Обращалось внимание секретарей Молотовского и Сталинского райкомов ВКП(б) г. Кирова на отношение к обслуживанию пассажиров на вокзалах. КГКО потребовал от них практической помощи руководству и парторганизациям железнодорожных станций по улучшению размещения, организации питания, приобретения билетов, массово-политической работы с пассажирами [15].

В апреле 1942 г. горком обороны рассмотрел состояние призыва по мобилизации в Красную Армию граждан в возрасте до 45 лет по г. Кирову. Отмечалось неудовлетворительное решение этой задачи. КГКО потребовал от райисполкомов, горисполкома, военных комиссариатов выполнить плановые задания и постановление ГКО от 11 апреля 1942 г. за счет разбронирования годных по состоянию здоровья лиц и в недельный срок отправить их в действующую армию.

Областной военком Зубчанинов, начальник Кировского гарнизона Костевич, начальник облуправления милиции Наймушин обязывались до 8 мая 1942 г. проверить военные документы у лиц мужского пола с целью выявления уклонистов, дезертиров, диверсантов; облвоенком Зубчанинов, Марихин (военный отдел обкома ВКП(б)) обязывались в трехдневный срок навести порядок с отправкой по железной дороге воинских команд, направляемых военкоматами, пересыльными пунктами, госпиталями к месту службы [16].

В конце 1942 г. в соответствии с приказом народного комиссара обороны № 0882 было проведено освидетельствование граждан мужского пола 1925 г. рождения. Подлежало явке 131699 человек, из которых явилось 130760, не явилось – 939. В январе 1943 г. подлежали явке для призыва в Красную Армию 22484 человека, явилось 22309 (99,2%). Не прибыло по уважительным причинам 137 человек. 19177 человек были признаны годными к военной службе. И эту проблему держал в поле зрения КГКО. Так Кировская область обеспечивала фронт людскими ресурсами [17].

КГКО уделял постоянное внимание местной противовоздушной обороне. В ходе ее создания и совершенствования регулировалось время затемне-

ния населенных пунктов и объектов экономики, особенно районов, указанных в постановлении горкома обороны от 28 октября 1941 г. Помимо г. Кирова светомаскировка проводилась в Вятских Полянах, где находились стратегические объекты (завод «Молот» и мост через р. Вятка), а с 10 декабря 1941 г. затемнение проводилось в поселках Мураши, Юрья, Опарино, Луза. Кроме того, были взяты под военизированную охрану мост через реку Вятка у г. Котельнич и пристани.

КГКО подходил к светомаскировке творчески. С ослаблением угрозы менялся ее режим. С разгромом фашистов под Москвой центр уведомил В. В. Лукьянова о возможном временном снятии затемнения, что было немедленно учтено в работе.

Горком обороны ввел постоянное дежурство во всех райотделах и облуправлении связи для обеспечения немедленной передачи сигналов и сообщений от дежурных постов воздушного наблюдения, оповещения, связи о появлении самолетов противника. Кроме этого, было установлено круглосуточное дежурство руководящего инженерно-технического состава на радиотрансляционной станции. Был установлен порядок подачи сигнала воздушной тревоги, предусматривался пароль, а люди, задействованные в системе оповещения, прошли строгий отбор и соответствующую специальную подготовку.

В годы войны КГКО оперативно решал все возникавшие проблемы: электроснабжение областного центра, расквартирования вновь формируемых воинских частей и выполнения мобилизационных заданий, бесперебойной работы железнодорожного транспорта, призыва по мобилизации в Красную Армию, выявления уклонистов, дезертиров и диверсантов; своевременной отправки по железной дороге воинских команд военкоматами, пересыльными пунктами, госпиталями к месту службы военнослужащих.

КГКО уделял постоянное светомаскировке, работе связи, средств массовой информации, защите детей от детсадовского до 17-ти летнего возраста; изучению населением способов противохимической защиты, улучшению охраны военно-технического имущества, выполнению местной промышленностью военных заказов фронту, отслеживал выполнение графика строительства аэродромов второй очереди, выполнению областью плана хлебозаготовок, обеспечению населения продовольствием, санитарной обработке жителей, пожарной безопасности населенных пунктов, держал под постоянным контролем работы ОСОАВИАХИМа, органов власти по подготовке резервов фронту. В работе КГКО не было второстепенных проблем. Все проблемы в годы войны были в поле зрения Кировского городского комитета обороны.

Под постоянным, зорким, требовательным взором КГКО население области, ведомое партийными, советскими, профсоюзными и комсомольскими органами, внесло существенный вклад в Победу над врагом.

В г. Кирове и области было сформировано более 40 воинских частей, более 200 вятчан стали героями Советского Союза, а 30 – полными кавалерами орденов солдатской Славы.

Кировчане дали фронту 4176 танков и самоходных артиллерийских орудий, 1820 «Катюш», 2 млн. автоматов, 200 боевых кораблей, 2000 аэросаней, десятки миллионов снарядов, мин, гранат, несколько миллионов пар обуви, сотни тысяч полушубков... И еще 124 млн. руб. для армии, 41 млн. в фонд обороны страны, 4 млн. руб. на восстановление разрушенного, в фонд обороны – 30 млн. руб. Золота было сдано 717,2 кг, серебра 31481 кг. Куплено облигаций военного займа почти на 1,5 млрд. руб.

На средства населения области были построены и переданы Красной Армии бронепоезд «Киров», вагон-баня, три танковых колонны «Кировский комсомолец» (по уточненным данным – четыре), в которых насчитывалось почти 100 боевых машин.

За годы войны государство получило от кировчан 2 млн. тонн зерна, свыше 4 млн. тонн картофеля, более 300 тыс. тонн молока, 91 тыс. тонн мяса. И это при условии, что количество трудоспособных в сельском хозяйстве сократилось на 35%. В медучреждениях, развернутых в г. Кирове и области (в июне 1944 г. в области работал 61 госпиталь), было обслужено около полумиллиона раненых и больных, из которых более 52% возвращено в строй [18].

В год 70-летия со дня Победы администрацией областного центра на доме 6 по улице Московской, по рекомендации исследователя КГКО, была установлена памятная доска с указанием о том, что в годы войны здесь работал городской комитет обороны во главе с В. В. Лукьяновым – первым секретарем Кировского обкома и горкома ВКП(б).

История минувшей войны, шестнадцатинедельная история Кировского городского комитета обороны учат, что методы борьбы с врагом надо уметь своевременно изменять, когда меняются обстоятельства.

Изучение, обобщение деятельности городских комитетов обороны Российской Федерации – задача историков, исследователей, особенно молодых. Опыт работы десятков городских комитетов обороны интересен; сегодня повсеместно доступны материалы архивов по данной теме. Пусть непродолжителен по времени, но этот опыт важен и вполне достаточен по объему для подготовки кандидатской и даже докторской диссертации, если исследовать деятельность городских комитетов обороны прифронтовой полосы – от Мурманска на севере до Астрахани на юге Российской Федерации.

Примечания

1. По состоянию на 1 апреля 2014 г. в Кировской области проживало 32282 ветерана (на 1 апреля 2013 г. было 41337 чел.), в том числе инвалидов и участников Великой Отечественной войны – 7578, жителей блокадного Ленинграда – 83, тру-

жеников тыла – 33237, несовершеннолетних узников концлагерей – 105 чел. // Вятский край. 2014. 29 апр.

2. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6-ти т. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 164–165.

3. Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры и документы. М., 2002. С. 31.

4. Новая российская энциклопедия / под ред. А. Д. Некипелова, В. И. Данилова-Данильяна, В. М. Карева и др. Т. V (1). М., 2008. С. 118–119.

5. Позабыть нельзя. Кировчане в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Киров, 2010.

6. ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 15. Л. 89.

7. Там же. Оп. 19. Л. 883; Там же. Ф. 4112. Оп. 2. Д. 195, картотека.

8. Там же. Ф. 1293. Оп. 3. Д. 151. Л. 46.

9. Там же. Ф. 591. Оп. 3. Д. 70. Л. 2–4; Там же. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 27. Л. 99–108.

10. ГАКО. Ф. 897. Оп. 3. Д. 332. Л. 4.

11. Там же. Л. 5.

12. ГАСПИ КО. Ф. 5971. Оп. 20. Д. 6. Л. 395–397.

13. ГАКО. Ф. 897. Оп. 3. Д. 320. Л. 2–4.

14. ГАСПИ КО. Ф. 591. Оп. 3. Д. 142. Л. 16.

15. ГАКО. Ф. 897. Оп. 3. Д. 389. Л. 1–3.

16. Там же. Л. 6.

17. ГАСПИ КО. Ф. 5971. Оп. 20. Д. 12. Л. 1–3, 5.

18. Позабыть нельзя. С. 9, 12, 13–15, 17.

Жизненный путь и наследие краеведа А. П. Вавилова

Д. Ю. Шабалин, г. Киров

В 2016 г. исполняется 30 лет со времени смерти инженера-геолога, краеведа Анатолия Павловича Вавилова. За время своей трудовой деятельности он работал в разных частях СССР и в Румынии. Выйдя на пенсию, полностью посвятил себя малой родине – пос. Климковка Белохолуницкого района, изучению и популяризации местных памятников культуры и истории, музейной работе. В Климковке в честь Вавилова названа улица [1], а на доме, где он жил, установлена мемориальная доска, однако за пределами поселка о нем известно мало. Документы, сохранившиеся в Белохолуницком краеведческом музее и в частном собрании сына – Олега Анатольевича Вавилова – позволяют осветить его биографию и деятельность.

Анатолий Павлович Вавилов родился 3 июля 1903 г. в Климковском заводе (ныне – пос. Климковка). Родители – Павел Иванович Вавилов и Анна Егоровна Вавилова (Полужктова) – происходили из заводских крестьян, некогда купленных заводладельцем в Яранском уезде. Павел Иванович был

кузнецом на заводе, затем открыл свою кузницу. Молодой Вавилов часто помогал отцу в его ремесле, что плохо сказалось на здоровье: испортил слух.

С детства тянулся к учебе. Учился в Климковском земском начальном училище, затем в Белохолуницкой второклассной церковно-приходской школе [2], в 1921 г. окончил Белохолуницкую школу II ступени.

Попробовал себя в разных профессиях – был учителем в Исуповской школе I ступени Ракаловской волости (ныне Белохолуницкий район), помощником счетовода в правлении Северо-Вятского горного округа, счетоводом в Омутнинском уфинотделе, заведующим Климковской волостной библиотекой-читальней. В 1925 г. уехал к тете в Свердловскую область (пос. Новая Ляля), работал счетоводом, председателем месткома центрального рабочего кооператива, председателем райкома совторгслужащих [3].

В 1930 г. окончил Уральский областной промышленно-экономический техникум (г. Свердловск) по специальности «плановик-экономист», работал там же бухгалтером. Затем устроился экономистом в Свердловский горный институт и поступил на геолого-разведочный факультет. Несмотря на тяжелое материальное положение, в 1938 г. успешно окончил вуз с присвоением квалификации инженера-геолога с дипломом II степени [4].

В 1938–1939 гг. работал геологом, рудничным геологом в Киргизии на разведке месторождений мышьяковых руд Чал-Куйрюк, Уч-Имчек [5].

В 1939 г. в Климковке женился на Валентине Павловне Шилиевой (сначала это был гражданский брак, позже оформили официально) [6].

В 1940–1941 гг. работал в Свердловской области геологом, прорабом геолого-разведочных работ в Баженовском рудоуправлении (месторождение хризотил-асбеста), рудничным геологом Пышминского рудоуправления (месторождение кварца), затем в Карпушинском шахтуправлении треста «Кировградмедьруда» [7]. Здесь Анатолий Павлович встретил начало Великой Отечественной войны.

До войны А. П. Вавилов был освобожден от несения военной службы по состоянию здоровья (скорее всего, из-за бронхита), но в 1941 г. медкомиссия признала его годным к службе, и в декабре он был призван в действующую Красную армию. Служил рядовым разведчиком в 112-м отдельном гвардейском минометном дивизионе («Катюша»). В январе 1942 г. воинская часть, где проходил службу Вавилов, была направлена на Керченский полуостров [8] – на тот момент один из самых опасных участков фронта (Керченско-Феодосийская десантная операция). Во время передвижения войск А. П. Вавилов получил небоевое ранение – помогая вытаскивать из грязи застрявший «Студебеккер», угодил ногой под колесо. Полученная травма, вероятно, спасла Вавилову жизнь: он был отправлен на лечение, а его соратники вскоре вступили в ожесточенные бои, в которых наши войска понесли большие потери [9].

После выписки из госпиталя и непродолжительного отпуска в Климовку, Анатолий Павлович служил в артиллерии в Московской области и в г. Горьком, занимался обучением новобранцев. Впоследствии за участие в войне был награжден орденом Отечественной войны II степени (1985 г.) [10].

В августе 1942 г. был откомандирован в Москву, где работал в Мосэнерго техником-геодезистом службы линий, техником по грозозащите. Был премирован за безаварийную работу, а в 1946 г. награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [11].

Во время жизни в Москве Вавилова ограбили – похитили продуктовые карточки. Чтобы не голодать, он был вынужден взять отпуск и на время уехать в Климовку. В этот период он работал в школе, преподавал несколько предметов, был классным руководителем [12].

С 1947 г. трудился в Казахстане главным геологом на молибденовом руднике (пос. Восточный Коунрад). Из-за частого пребывания в шахтах у Вавилова развился силикоз [13] – профессиональное заболевание горняков. Поэтому в 1950 г. он был переведен на открытые разработки (карьеры) в Башкирский медно-серный комбинат (БМСК) в г. Сибай.

В 1953 г., как профессиональный и ответственный работник, направлен на секретное предприятие «п/я № 1051», которое занималось освоением и добычей урановых руд в Румынии, а продукцию отправляло в СССР. По некоторым сведениям, значительная часть советского урана добывалась в те годы в дружественных восточно-европейских странах. Вавилов работал в должностях инженера-геолога, старшего инженера-геолога, консультанта по геологии. В 1957 г. был награжден «Медалью Труда» Румынской Народной Республики. В благоприятном климате Румынии поправил здоровье. В 1958–1960 гг. вновь работал на БМСК, старшим геологом карьера. Был отмечен почетной грамотой за долголетнюю безупречную работу [14].

Выйдя на пенсию, Анатолий Павлович вернулся на родину в Климовку, поселился с семьей в отцовском доме, который отремонтировал и обустроил. В этот период жизни он занялся общественной деятельностью и краеведением. Организовывал внеклассную работу школьников, участвовал в проведении поселковых мероприятий; избирался депутатом сельского совета [15].

Собирая материал о родном крае, вел переписку с земляками и краеведами, изучал архивные документы и воспоминания старожилов. Написал ряд статей об истории и природе Климовки, которые были опубликованы в районной газете «Красное знамя» и в «Кировской правде» [16].

Вел наблюдения за природой, исследовал геологическое строение и полезные ископаемые в Белохолуницком районе. Создал большую коллекцию образцов минералов и горных пород, состоящую из 149 экспонатов, собранных с 1937 по 1970 г. в различных местах СССР, где он работал, а также на

малой родине. В настоящее время коллекция находится в постоянной экспозиции Белохолуницкого краеведческого музея [17].

Большое внимание Вавилов уделял теме изучения и сохранения местных памятников культуры и истории, вел их фотодокументирование. Сохранилась его работа «Памятные места Климовки» (1969 г.) и многочисленные фотографии. С 1970 года являлся членом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В 1972 г. по инициативе А. П. Вавилова была открыта мемориальная плита в честь выдающегося советского металлурга академика М. А. Павлова, работавшего в 1887–1896 гг. инженером на Климовском заводе [18].

В 1970 г. А. П. Вавилов вместе с учителем географии Климовской средней школы В. А. Морозовой и другими педагогами создали школьный краеведческий музей. В экспозиции музея были представлены история Климовского завода (в том числе образцы чугунного литья и другие ценные экспонаты), история советской власти в поселке, природа края, большое собрание предметов утвари и старины [19], выдающиеся земляки, такие как Герой Советского Союза Н. И. Ряпосов, ученый-кристаллограф Л. М. Беляев и другие. В музее проводилась большая работа по увековечиванию памяти участников Великой Отечественной войны – были собраны фотоснимки и биографии погибших воинов и ветеранов [20]. Вавилов руководил работой школьников по сбору экспонатов и оформлению музея, делал репродукции фотографий, проводил экскурсии по памятным местам. Музей стал настоящей достопримечательностью поселка, его регулярно посещали не только местные жители, но и приезжие туристы и гости Климовки. [21]

Участвовал в работе Белохолуницкого краеведческого музея в качестве младшего научного сотрудника (совместно с И. В. Порошиным). Изучал диалектные особенности в лексике местных жителей. Подмечал интересные слова и выражения, записывал, анализировал. Результатом стала работа «Вятский говор (применительно к Климовке)», содержащая более 750 словарных статей (сохранилась в рукописи) [22].

За свою трудовую и общественную деятельность Вавилов награжден медалью «За доблестный труд в ознаменовании 100-летия В. И. Ленина» (1970 г.), нагрудным знаком ВООПИК «за активную работу в обществе» (1976 г.), неоднократно отмечен почетными грамотами и благодарностями ВООПИК, Всероссийского общества глухих, Климовской школы, Белохолуницкого районного отдела народного образования, обкома ВЛКСМ [23].

Вырастил пятерых детей. Современникам запомнился как обходительный, интеллигентный человек. До конца жизни занимался приусадебным хозяйством, вел активный образ жизни, проводил много времени в окрестных лесах, собирая ягоды и грибы.

А. П. Вавилов скончался 25 августа 1986 г. на 83-м году жизни [24], был похоронен на кладбище в Климовке.

Своим энтузиазмом и преданностью родному краю Анатолий Павлович заслужил добрую память земляков. После себя он оставил немало ценных материалов, экспонатов, фотографий. К сожалению, до наших дней сохранилось не все. Во второй половине 1990-х гг. Климовский школьный музей, который так и не стал самостоятельным учреждением, был закрыт, при этом часть фондов была утрачена. Часть экспонатов была передана в Белохолуницкий музей, часть музейного архива сохранилась в школе. Наследие Вавилова пока изучено слабо, и сейчас представляется очень важным собрать его неопубликованные работы и фотографии для будущих исследователей.

Примечания

1. Решение Климовской сельской думы от 29 сентября 2008 г. «О переименовании улицы Мопра» // Архив администрации Климовского сельского поселения.
2. Беседа Д. Ю. Шабалина с О. А. Вавиловым от 29 июля 2015 г.: стенограмма // Личный архив Д. Ю. Шабалина.
3. Трудовой список за 1921–1930 гг. // БХКМ. Ф. Вавилов А. П.
4. Удостоверение об окончании Уральского областного промышленно-экономического техникума. 1930 г. // Там же; Трудовой список за 1921–1930 гг. // Там же; Беседа Д. Ю. Шабалина с О. А. Вавиловым; Студенческий билет № 100493 Свердловского горного института // БХКМ; Диплом Свердловского горного института № 12861. 1938 г. // БХКМ.
5. Трудовая книжка от 3 сентября 1939 г. // Там же.
6. Беседа Д. Ю. Шабалина с О. А. Вавиловым.
7. Трудовая книжка от 3 сентября 1939 г.
8. Письмо А. П. Вавилова Слободскому МРП ВОГ в ответ на письмо от 9 января 1985 г. // БХКМ.
9. Беседа Д. Ю. Шабалина с О. А. Вавиловым.
10. Письмо А. П. Вавилова Слободскому МРП ВОГ; Орденовая книжка к ордену «Отечественной войны» II ст. 1985 г. // БХКМ.
11. Письмо А. П. Вавилова Слободскому МРП ВОГ; Трудовая книжка от 19 сентября 1945 г. // БХКМ; Удостоверение к медали «За доблестный труд...» от 5 октября 1946 г. // Там же.
12. Беседа Д. Ю. Шабалина с О. А. Вавиловым.
13. Там же.
14. Трудовая книжка от 19 сентября 1945 г.; Беседа Д. Ю. Шабалина с О. А. Вавиловым; Удостоверение к «Медали Труда» («Medalia Muncii») от 28 октября 1957 г. // БХКМ; Почетная грамота БМСК. Сибай. 31 августа 1960 г. // Там же.
15. Беседа Д. Ю. Шабалина с О. А. Вавиловым; документы и фото из личного архива О. А. Вавилова; Удостоверение об избрании депутатом от 6 марта 1963 г. // БХКМ.

16. Беседа Д. Ю. Шабалина с О. А. Вавиловым; примеры статей А. П. Вавилова: Красное Знамя. 1962. 10 мая; 1963. 22 окт.; 1969. 22 апр.; 1969. 5 мая; 1981. 16 июня; и др.

17. Вавилов А. П. Природа, геологическое строение и полезные ископаемые в районе поселка Климовка. 1968 г.: рукопись // БХКМ; Список образцов минералов и горных пород, собранных А.П. Вавиловым // Там же; Сайт Белохолуницкого краеведческого музея // URL: <http://bhmuseum.ru/exposition/mineraly>.

18. Вавилов А. П. Памятные места Климовки. 1969 г.: рукопись // БХКМ; Членский билет ВООПИК от 26 мая 1970 г. // БХКМ; Вавилов А. П. Альбом «Открытие мемориальной доски на месте цехов Климовского завода». Июль 1972 г. // Личный архив О.А. Вавилова.

19. Музей краеведения Климовской средней школы. 3 сентября 1975 г.: рукопись А. П. Вавилова // БХКМ.

20. Отчет о работе музея Климовской средней школы за 1975–1976 гг. // БХКМ.

21. Там же; Беседа Д. Ю. Шабалина с О. А. Вавиловым.

22. Там же; Вавилов А. П. Вятский говор (применительно к Климовке): рукопись // Личный архив О. А. Вавилова.

23. Грамоты и удостоверения // БХКМ.

24. Свидетельство о смерти от 25 августа 1986 г. (копия) // Личный архив О. А. Вавилова.

И. В. Коротких: после 60 лет, или дневник персонального пенсионера

*предисловие, составление и публикация Т. А. Дворецкой,
г. Киров*

В библиотеке Кировского краеведческого музея хранится конторская книга с пожелтевшими страницами, заполненными убогим почерком. Это дневник Исидора Васильевича Коротких (1904–1968), бывшего младшего советника юстиции, персонального пенсионера «местного значения».

Дневник охватывает 1964–1966 гг. Чем же интересен этот сугубо личный документ?

Сам автор в завершающей дневник записи весьма скромно оценивает его значение: «Просмотрел почти двухлетние записи в этой книге. Так... времяпрепровождение да привычка профессиональная что-то писать. Однако интересно – прослеживается, как шла жизнь, как был организован быт, отношение к общественной жизни...».

В последних словах – ключ к личности героя дневника. Сегодня уже не встретишь такого типа людей. Это человек, сформированный советской эпохой, как пелось в популярной песне 1970-х гг. – «обыкновенный советский

человек». И в то же время необыкновенный, неординарный. Поражает его преданность коммунистическим идеалам юности, неустанное служение им, невзирая на возраст и болезни. Человек до мозга костей общественный, не жалевший сил на общественную работу – на то, что сейчас именуется институтом гражданского общества. Не пройти мимо, помочь по мере сил – в этом его жизненное кредо. Член КПСС с 1929 г., Исидор Васильевич и на пенсии состоял членом парторганизации домоуправления № 8, к которому относился его дом. Регулярные партийные собрания, партийная учеба, лекции на разные политические темы, выполнение партийных поручений (проведение товарищеских судов, проверки деятельности домоуправления, благоустройство микрорайона, выпуск стенгазеты) – во всем он принимает самое активное участие. В жертву общественной работе приносятся домашние дела и даже здоровье. Самая первая запись дневника – яркое тому свидетельство: «19 мая. Сегодня исполнилось 60 лет. Первый день шестьдесят первого года я болел; не пришлось даже открыть бутылочку шампанского, поэтому гости не были приглашены.

Еще было партийное собрание. Отчитывалась группа партийно-государственного контроля парторганизации домоуправления № 8. Выступал в прениях».

Ну и, конечно же, в дневнике представлен быт – быт маленького человека. Это самые удручающие страницы. Начав трудовую жизнь в 14 лет, отдав большую ее часть юстиции, заработав персональную пенсию местного значения, Исидор Васильевич жил в бедности. Пенсии хватало только на пропитание. И это притом, что квартплата составляла всего около 2% от его и жены пенсий. Продукты были нормированы и выкупались по талонам. Одежду супруги выкраивали из старой путем перелицовки. Лишь раз они решились купить одежду, но только в кредит (благо кредит советского времени практически беспроцентный – менее 1%). В доме не было канализации, горячей воды, газа. Старики топили печь, для этого приходилось ежегодно заниматься заготовкой дров. Квартиры – коммунальные, отношения между жильцами были очень напряженные, частые ссоры, ругань – все очень напоминает страницы рассказов М. Зощенко.

В дневнике мы не найдем анализа причин или хотя бы ропота на бедность, граничившую с нищетой. Наоборот, автор счастлив и горд тем, что Кировская область была награждена орденом Ленина «за успехи в сельском хозяйстве» (об этом упоминается дважды). Он хорошо помнил свое нищее деревенское детство до революции, и в сравнении с ним все казалось ему если не прекрасным, то вполне терпимым.

Почему же в стране, которая, по словам автора, находилась на стадии «перехода к созданию и развитию материально-технической базы коммунизма», люди жили так бедно? На партийной учебе и собраниях обсужда-

лись вопросы, далекие от повседневных нужд и забот Исидора Васильевича: «Марксизм-ленинизм о закономерностях строительства социализма и коммунизма», «Марксистско-ленинское учение о буржуазном государстве» и т. п.

Очевидно, ответ на большие вопросы надо искать в большой Истории, которая осталась за страницами дневника. А в ней, в этой истории, совершались эпохальные события: полет человека в космос, и именно советского человека; выход в открытый космос – и опять же советского космонавта; полеты на Венеру советских межпланетных спутников, наращивание ядерных вооружений для противостояния в условиях холодной войны; освоение целины, закончившееся крахом и впервые закупкой хлеба за границей; перекрытие рек гигантскими плотинами, триумфы советских спортсменов на всемирных Олимпиадах. Для всего этого нужны были огромные средства, а маленький человек ради их осуществления потуже затягивал ремешок.

Исидор Васильевич не жаловался, не только мужественно переносил все лишения, но всемерно пытался улучшить свой и соседей быт. Благодаря его хлопотам в доме установили газовую плиту, а на дворе появилась детская площадка. Там же супруги высаживали цветы.

Самое счастливое событие в жизни пенсионера осталось за пределами дневника. Уже после его окончания незадолго до смерти супруги Коротких получили однокомнатную отдельную квартиру.

И еще одно счастье обрел Исидор Васильевич, выйдя на пенсию. Это занятия краеведением. «Сегодня исполнилось два года, как я от обработки личного и семейного архива незаметно для себя “вполз” в краеведение, в работу по велению сердца, которую я нахожу весьма полезной и благодарной для душевного настроения. “Все остается людям” – может быть, когда-нибудь и что-нибудь из моих бумаг окажется полезным поколениям внуков и правнуков: биографии и истории людей первой половины XX века...». Его краеведческие труды ныне хранятся в ГАКО. Одна только работа по Степановскому мятежу в Нолинском уезде в 1918 г. занимает пять томов (1376 листов).

Личные дневники И. В. Коротких попали в фонды и библиотеку краеведческого музея. Как он и надеялся, история жизни одного из представителей поколения первой половины XX в. сегодня пришла к людям.

1964

19 мая. Сегодня исполнилось 60 лет. Первый день шестьдесят первого года я болел; не пришлось даже открыть бутылочку шампанского, поэтому гости не были приглашены.

Еще было партийное собрание. Отчитывалась группа партийно-государственного контроля парторганизации домоуправления № 8. Выступал в прениях.

23 мая. Купили и посадили цветы у дровяника – виолы, астры, лилии.

25 мая. Все наши старания по посадке цветов на дворе у нашего дровяника были напрасными. Сегодня утром обнаружили, что все 15 кустов цветущих виол выкопаны и украдены. То же и у соседей Шабалиных. Возмутительно не то, что напрасно потрачены деньги и труд, а то, что есть еще люди, не имеющие совести и уважения к себе подобным. Больше цветы садить не придется; посадим осенью деревца.

26 мая. Провел заседание товарищеского суда. Рассмотрено дело по обвинению в нанесении побой <...> из-за места на дворе для складирования дров. <...> Дело окончено примирением.

27 мая. День моих именин <...> прошел без именных пирога и гостей; пенсия не позволяет сделать обед с приглашением гостей.

28 мая. Сколько не хватает совести жителям города Кирова? <...> До 15% пассажиров в автобусах отрывают рулонные билеты, но пятачков в кассу не опускают. <...> А сколько еще проехавших, которые и деньги не уплатили, и билет не оторвали?

3 июня. Проверили билеты вещевой лотереи. <...> На билет № 13715 выпал выигрыш в сумме одного рубля. Итак, от отца я получил на жизнь один бумажный рубль в детстве и в 60 лет тоже рублевое счастье! Это, конечно, шутка. Старость моя обеспечена Советским государством, пенсией пожизненной, пусть скромной. Мое счастье в том, что мне пришлось работать и жить при Советской власти в Союзе Советских Социалистических Республик.

14 июня. Ходил в больницу на свидание с соседом. От него я рассчитываю получить сведения о деревне и судьбах соседей.

20 июня. Закончил приготовление дров на зиму. Начал складывать просушенные дрова в дровяник.

Беседовал с находящимся в больнице соседом о годах коллективизации, судьбах и биографиях соседей, военных путях солдат из нашей деревни Коротки Нолинского района. Однако надо все же обратиться к архивам Арского сельсовета и разыскать архив колхоза «Победитель». Рассказы соседей очень неподробны; прошло 33 года, и не все способны осмыслить события политически и исторически.

23 июня – 30 июля. За время пребывания в гематологической клинике института переливания крови а) вел особый дневник – больничный (процедуры за каждый день, б) писал поэму «Поэма о четвертой палате» – это 46 стихов, или 5 тетрадей, по преимуществу о больничных впечатлениях, в) рисовал – 8 рисунков зданий истроек института, г) послал Елене Григорьевне 25 писем и почтовых открыток и сам получил от нее столько же. <...> В моих планах все это <...> включить в мои семейные записки самостоятельной частью 8 тома под названием «Записки из гематологической клиники».

4 августа. Сегодня: сходил в магазин за хлебом и за продуктами, подогнал домашнюю бухгалтерию за июнь и июль, просмотрел газету «Кировская правда» за июнь-июль и сделал все вырезки: объявления об учебных заведениях и печатаемых приключенческих повестей, подогнал дневник, прополос растения в садике у дровяника.

9 августа. Долой всякую мерихлондию! <...> Температура 37,2. Несмотря на это сделал утреннюю гимнастику по радио, славно приободрился. Задан себе работу: подтянул дневник, письма написал... Вечера, например, под влиянием температуры 38,3 начал рифмовать стихи на свои похороны! Вот ведь что может случиться с психикой!

16 августа. Ходили на выставку цветов в саду Степана Халтурина. Однако большее впечатление мы получили от цветочных клумб. <...> После просмотра их выставка мало впечатляет. Клумбы бесподобные. Под вечер сходили к фонтану на площади у театра, впервые за лето. Фонтан не работал. Ныне в нашем садике у дровяника хорошо растут астры такого малинового (пурпурного) цвета. Обеспечены домашние букеты цветов.

20 августа. Съездили на вокзал станции Киров 1-й. Елена Григорьевна еще не видела вновь выстроенный вокзал. Внушительно.

За помощь Елене Григорьевне во время моей болезни подарили Гене Солкину рубашку, Марусе Алфимовой – фарфоровое блюдо.

24 августа. Присоединил занятия с гантелями (вместо гантелей – утюг). А то дошел до того, что ведро с помоями не могу выносить.

28 августа. День приборки в холодных и теплых сенях.

31 августа. Большая двухдневная стирка.

1 сентября. Начало учебного года. <...> Я вспомнил свой 1-й класс, и невольно напрашивается сравнение судеб: его (соседского мальчика Саши. – Т. Д.) 1 класса 1964 года и моего 1 класса 1912 года.

Саша одет с иголки: новый шерстяной костюм, кепка, ботинки, белая рубашка, ранец за плечами, букет цветов в руках. Мама с зонтиком, провожающая до школы за три квартала.

Я как сейчас помню свой первый день школы. До школы было три версты. Купили мне новые лапти, может быть, припасла мать и новые онучки. Это была по тем временам роскошная обувь – новые лапти, вообще «обуй» для 7–8 летнего человека; на голове – недоношенный дядин картуз, портяные рубаха и штаны, может быть, не все новое. Вместо ранца – холщовая котомка, которую носили на лямке через плечо. <...> Для сбережения «обуя» по теплоте времени, когда шли из школы домой, то за селом разувались и до дома три версты шли босиком, а лапти и портянки несли на веревках за спиной.

6–10 сентября. Заели бытовые дела: стирка, ремонт, мытье окон, стирка половиков, борьба с жучком в мебели и пр.

23 сентября. Получили посылку из г. Тавды: 5 кг сахарного песка. В Кирове нет торговли сахаром.

1 октября. Никак не сводятся концы с концами, во всем себе отказываем. Распорол свой старый костюм и еще двое поношенных брюк: из этих обновок Елена Григорьевна будет шить себе что-то, может быть, пиджачок с юбкой или сарафан – что-нибудь теплое на зиму; не можем даже купить хотя бы бумазейный халат. Сижу и «реставрирую» свои брюки – на зиму галифе из тех, что носил 5–10 лет тому назад.

6 октября. Отчетно-выборное партийное собрание. <...> Избран членом партийного бюро <...> делегатом на районную партийную конференцию с решающим голосом, на мне еще партийное поручение – член товарищеского суда домоуправления. Давай впрягайся в работу, товарищ персональный пенсионер!

25 октября. Началась свободная продажа сахара; достаточно в продаже стало белого хлеба. Замечается, что лучше стало настроение.

9 ноября. С наслаждением покушали куриного бульона из курицы, привезенной кухней Надей, впервые в этом году; в Кирове в продаже кур и уток летом-осенью этого года не бывало.

30 ноября. В ноябре работал в госархиве над изучением материалов по Васильевской волости и Нолинскому уезду, по экономике и статистике.

2 декабря. Написал статью в стенгазету домоуправления «Служебные квартиры» (по материалам проверки группой партгосконтроля использования служебных квартир).

7 декабря. Написал адрес в стихах по поводу учреждения в г. Кирове общества медиков-гематологов. Передал адрес профессору Епифанову.

29 декабря. Сегодня последний раз в этом году был в архиве. Сейчас перерыв до лета, когда можно будет работать в других хранилищах архива. Переключусь на работу в библиотеке Герцена.

1965

1 января. Получили 25 новогодних поздравлений от родных и знакомых.

2 января. Послал статью «Город Нолинск по Всеподданнейшему отчету 1860 года» в Нолинскую районную газету «Сельская новь». Выхожу на журналистскую тропинку. Успеха Вам!

5 января. Данные о приходе и расходе по семейному бюджету за 1964 год. <...> Пенсия – 988 руб. 80 коп. Квартплата – 25 руб. 20 коп. (около 2,5%. – Т. А.). <...> Телевизор – 2 руб. 93 коп. <...> Приход и расход – 1033 руб.

7 января. Сегодня Рождество. У нас, во втором этаже дома, оно отмечено заседанием товарищеского суда, который рассмотрел иск 4 семей к жильцу Солкиной о том, чтобы она переставила свои вещи на кухне, чтобы на это ме-

сто поставить газовую плиту. <...> Суд решил: иск удовлетворить, оставить из вещей Солкиной только стол и стул. <...>

13 января. Паргучеба. Тема: «Марксизм-ленинизм о закономерностях строительства социализма и коммунизма».

14 января. Вечером ходили с Еленой Григорьевной на краеведческий четверг в областную библиотеку. Тема: «1905 год в Вятской губернии» – какие источники имеются в облгосархиве.

25 января. Начал работать в партархиве. Собираю материал по истории Васильевской ячейки РКП(б).

28 января. В нашем втором этаже сегодня зажегся газ! <...> Мною в записках написана глава «Как в доме утвердилась газификация» (для истории). <...> Начали готовить на газе с 29 января 1965 года.

Провел заседание товарищеского суда в доме № 31 по ул. Энгельса. Ш-ва оскорбила и избила (до крови) С-ну. Обе пенсионерки 68 и 71 года. Три часа сидели, слушали галиматью о препирательстве за несколько лет! Как объявили решение 5 рублей штрафа Ш-вой, а потерпевшей предупреждение вести себя прилично – обе помирились. <...> Нет, еще нет никаких признаков коммунистического быта.

9 февраля. Сшил из старого новый пижамный костюм для занятий гимнастикой по радио. Шил около 1,5 месяцев (наверное, впадаю в нужду).

10 февраля. Партийная учеба. Тема: «Марксистско-ленинское учение о буржуазном государстве».

23 февраля. Избран народным заседателем Кировского городского суда на 1965–1966 гг. Дал согласие – мне нужен материал для судебных записок за 40 лет, так как я знаю судебную систему с 1924 года. Интересно, что есть нового, так как я прекратил работу в органах юстиции в 1949 году – необоснованно уволили в период культа личности Сталина, выразив политическое недоверие.

25 февраля. Сегодня исполнилось два года, как я от обработки личного и семейного архива незаметно для себя «вполз» в краеведение, в работу по велению сердца, которую я нахожу весьма полезной и благодарной для душевного настроения. «Все остается людям» – может быть, когда-нибудь и что-нибудь из моих бумаг окажется полезным поколениям внуков и правнуков: биографии и истории людей первой половины XX века на рубежах перехода от капитализма к социализму и перехода к созданию и развитию материально-технической базы коммунизма.

2 марта. Не могу израсходовать 50 рублей (месячная пенсия) на костюм, хотя в обносках находился <...>. Такое же положение и у жены.

8 марта. Международный женский день (и «чистый понедельник» – начало христианского великого поста) <...>

27 марта. Краеведческий четверг. Тема: «Исследования по дымковской игрушке Л. В. Дьяконова». И мастерица Деньшина выступала. Очень полезное посещение.

31 марта. Заседание партбюро. На нем принято решение ходатайствовать об увеличении мне персональной пенсии до максимального размера пенсии местного значения – до 60 рублей.

16 апреля. Положение Мили (дочери И. В. Коротких. – *Т. Д.*) ужасное: в Белой (село Фаленского района. – *Т. Д.*) питаться нечем – а ведь трое детей (молока не купишь!).

24 апреля. На очереди перелицовка пиджака из бостона, спорок которого лежит лет шесть. Надо было за пошив уплатить 16 рублей, не смогли выделить эту сумму из пенсии, а сейчас я сошью сам... Только разве что испишу поменьше бумаги, так и без меня много писаной бумаги на свете хранится.

25 апреля. Христианская пасха. Нолинская районная газета мою статью «Под звон колоколов» не напечатала. Мотив: это может вызвать сожаление еще некоторых верующих, так как на район оставлена одна церковь.

3 мая. Начал перелицовку пиджака. Костюм бостоновый был сшит в 1948 году. Изношен и распорот в 1958 году. <...> Ныне решил перешить сам. Купил книгу и изучаю портновское дело в сочетании теории и практики.

19 мая. Сегодня исполнился 61 год. Столько прожито, а сделано мало. За прошедший год мне, думается, не в чем упрекнуть себя: немало времени отдано общественной работе, невыполненных поручений не осталось. <...> Более качественный материал собран по краеведению. <...> Ближайшее мероприятие: поработать в Нолинском филиале облархива, главным образом, по теме коллективизации.

24 июня. Ходатайство первичной парторганизации об увеличении персональной пенсии до 60 рублей поддержано было и Октябрьским райкомом КПСС, и вообще удовлетворено. Спасибо, товарищи!

Июнь. Работал в архиве над ревизскими сказками в хранилище, что в Трифоновом монастыре.

1 июля. Наш семейный праздник: исполнилось 14 лет, как Елена Григорьевна и я поженились. <...> Прожили между собою хорошо, а что и было негладко, то забыто. Только не очень охотно отпускает она меня работать в архивах и библиотеках над краеведением. Но не мог же я отказаться от душевного, моего занятия. Может быть, это и ни к чему, что я собрал по краеведению, моего занятия. Может быть, это и ни к чему, что я собрал по краеведению, но для интересующегося это немалая работа. Не из тщеславия, а из интереса к жизни – так я понимаю свое увлечение краеведением. Думаю, что кому-то это будет полезно.

12–14 июля. Под окнами наших квартир во дворе на месте снесенной у Ямшанихи загородки устроили детскую дворовую площадку на общественных началах. <...> Даже приняла участие Ямшаниха – она явно ищет примирения. Площадку все одобрили; создалась какая-то дружба среди жильцов на этой почве. Правда, мне пришлось тянуть всех за уши, т. е. организовывать.

31 июля. Был на консультации у Е. С. Садыриной, кандидата исторических наук, зав. кафедрой марксизма-ленинизма пединститута, по вопросу: следует ли работать над установлением имен захороненных в Нолинске в августе 1918 г., погибших во время белогвардейского восстания Степановского отряда. Ответ утвердительный. <...> Поговорил об австрийцах-интернационалистах. <...> Переговорил с В. А. Соболевым, старшим преподавателем пединститута, кандидатом исторических наук. Он работает в области изучения вятской политической ссылки. Я ему сообщил, что имею два частных письма, в которых названы имена лиц, содействовавших побегу Ф. Э. Дзержинского из кайской ссылки. Договорились встретиться. <...>

2 августа. Я ознакомил В. А. Соболева с письмами, в которых говорится о Гр. Ив. Деянове и других лицах, способствовавших побегу Ф. Э. Дзержинского из кайской ссылки (см. том 8 «Деяновы (первая семья)»).

5 сентября. В доме устроена канализация. Начали сегодня пользоваться. Очевидное облегчение быта: сегодня не выносил помой. Итак, жилищные условия нашего дома улучшаются – в этом году поставили газ и вот сейчас канализация. Обидно, что не все ценят заботу государства. Соседи заявили, что им канализации не надо, некоторые все еще не пользуются газом.

8 сентября. В доме заменены все водопроводные трубы.

24 сентября. Сегодня была комиссия из комбината «Кирлес» по заявлению на обмен квартиры на благоустроенную (однокомнатную с отдельной секцией).

30 сентября. Еще обсуждали Савельевых (соседей. – *Т. Д.*). <...> Здорово их проработали.

30 октября. Сегодня Кировской области вручили орден Ленина за успехи по сельскому хозяйству.

31 декабря. Что я могу записать по уходящему 1965 году? <...> Дела в области идут хорошо. Годовые планы как по промышленности, так и по сельхозпроизводству выполнены.

1966

1 февраля. Сегодня исполнилось пять лет, как я на пенсии. И как незаметно прошли эти годы. Правда, я не давал себе отдыхать, старался что-то делать, что-то отдать еще обществу (как я говорю, отработать пенсию). <...> Дневник мой – это своеобразный отчет о работе «по велению сердца», что еще мне удалось сделать полезного по мере моих сил. Но <...> кажется, я расхвастался, что свойственно старости.

12 февраля. Обратились к потребительскому кредиту: купили в универсаме в рассрочку-кредит пальто демисезонное (38 руб. 80 коп.) и халат Елене Григорьевне, мне брюки (13 руб. 10 коп.) – всего на 57 руб. 90 коп. + процент за кредит 43 копейки (менее 1%. – *Т. Д.*).

1 марта. Гимн одеялу! Купили мне новое ватное стеганое одеяло с сатиновым покрытием, да на пододеяльник 11 метров ситца, сам его сшил. Получилось легкое, воздушное, почти не слышное одеяло. Да, это не детство, когда укрывался материнным сарафаном изгребным (изгребной холст – грубый холст, сделанный из оческов льна. – *Т. Д.*). Сравниваю: вот она, Советская власть. Это возможно стало на пенсию.

10 мая. Съездил в село Бобино Слободского района (за воспоминаниями о Степановском мятеже. – *Т. Д.*) к З. А. Палевой, учительнице, которую знал по Нолинску по совместному проживанию в одном доме в 1920–1922 гг. и как учительницу физики по учебе в педагогическом техникуме. <...> В квартире З. А. те же вещи, что были в Нолинске в 20-х годах: сундук, конторка, буфет; все старое, ни одной новой современной вещички, да и где их расставить?

18 мая (последняя запись). Просмотрел почти двухлетние записи в этой книге. Так <...> времяпрепровождение да привычка профессиональная что-то писать. Однако интересно – прослеживается, как шла жизнь, как был организован быт, отношение к общественной жизни...

Документы Бориса Талантова в собрании Кировского областного краеведческого музея

Е. С. Останин, г. Киров

Цель этой статьи двоякая. Во-первых, охарактеризовать неизвестный исследователям комплекс документов из личного архива вятского православного диссидента Бориса Владимировича Талантова (1903–1971), принятый в фонды Кировского областного краеведческого музея в 1990 г. Во-вторых, оценить их информационный потенциал и перспективы использования.

Борис Талантов является уникальной фигурой, как в ряду правозащитников, так и среди тех немногих, кто возвысил свой голос против гонений коммунистической власти на религию, Церковь и ее паству. Абсолютное большинство инакомыслов-«шестидесятников» мечтали о «социализме с человеческим лицом», очищенном от извращений. Талантов не разделял подобных иллюзий. Для него социализм – новая форма рабства, несовместимая со свободой при всеобъемлющем характере власти КПСС. Талантов пропагандировал многопартийность, свободные выборы и демократию. Советский тип экономики он считал неэффективным [1]. Он продвинул диссидентское движение внутри советской Церкви на новую важную стадию тем, что развенчал Декларацию митрополита Сергия от 1927 г. как предательство Церкви и открыто назвал московскую патриархию «тайным агентом мирового антихристианства» за ее соглашательскую позицию [2]. В 1969 г. за свою право-

защитную деятельность Талантов был осужден Кировским областным судом по статье 190-1 к двум годам лишения свободы. 4 января 1971 г., он умер в тюремной больнице. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви За границей прославил его в лике святых Новомучеников и Исповедников Российских (1981 г.).

На волне возобновившегося во второй половине 1980-х гг. процесса реабилитации жертв политических репрессий его судебное дело было пересмотрено. 4 апреля 1990 г. постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР он был признан невиновным [3]. В июне 1990 г. пресс-центр Управления КГБ по Кировской области сообщил кировчанам о его реабилитации [4]. На эту публикацию обратил внимание директор (1989–1995) Кировского краеведческого музея Виктор Аркадьевич Валов. С развитием в стране гласности у музеев появилась возможность исследовать темы, изучение которых ранее было запрещено. А для отражения таких тем в экспозиции требовался соответствующий предметный ряд [5]. И уже в начале августа в ответ на его запрос пришло письмо из Риги от дочери Талантова Нины Борисовны Белых:

«...Получила от вас письмо с просьбой послать в музей что-либо из материалов по делу отца Б. В. Талантова. Дома у меня сохранились только письма отца, но интереса для музея, думаю, они не представляют. Зимой мне пришло письмо из Кировской прокуратуры, где говорилось, что я могу запросить у них рукописи и дневники отца. Если они их мне дадут, то частично я их передам в музей. Я приеду в Киров 21 августа. Кроме того, поговорю с братом. У него документов об отце больше, чем у меня. С уважением, Н. Белых» [6].

К письму была приложена краткая биографическая справка об отце, написанная рукой Нины Борисовны, с двумя ошибками в датах [7]. Ее брат Глеб Борисович не захотел расставаться с рукописями и дневниками отца, поэтому в комплексе документов, переданных ими в музей, этих предметов нет. Помимо упомянутых письма Н. Б. Белых и биосправки в коллекцию основного фонда вошло 16 ед. хр., относящихся к разряду письменных источников (рукописных и печатных). Кроме того, в научно-вспомогательный фонд поступила фотография Талантова с женой на прогулке в Заречном парке, сделанная летом 1965 г. их сыном Глебом, профессиональным фотографом [8]. При приеме на учет номера документам присваивались без соблюдения хронологического порядка или тематической группировки. О чем могут поведать эти источники исследователю?

Прежде всего, они прямо или косвенно свидетельствуют о качествах личности вятского подвижника. Талантов на протяжении всей своей трудовой биографии был одним из лучших в городе преподавателем. В 1930-е гг. его награждали почетным званием ударника первых пятилеток, «активно проявившего себя в социалистическом соревновании» [9] или «в борьбе за образцовую постановку лекций» [10]. Еще выразительнее об этом говорят выпол-

ненные от руки каллиграфическим почерком благодарности от студентов «за высокое качество Ваших лекций, за понятное изложение учебного материала, за хорошую организацию консультаций» [11]. В голодные военные годы вместе с рукописными поздравлениями с Новым годом студенты преподнесли любимому педагогу еще и продуктовые подарки, выкроенные ими из своего скудного рациона [12]. Так, 1 января 1944 г. Талантов записал в своем дневнике: «...Утром студенты 2-го курса географического факультета преподнесли нам с Ниной подарок (новогодний): вязанку дров, 2 фунта скоромного масла, 1 фунт муки, 0,5 фунта сушеных белых грибов. Этим неожиданным подарком мы были тронуты до глубины души» [13]. На новый 1945 год студенты подарили ему 2 фунта топленого масла [14].

«Я никогда не забывал Вас и всегда был благодарен Вам за те твердые знания топографии и геодезии, которые Вы с большой любовью и прекрасным знанием предмета привили всем нам и мне в том числе. <...> [Я] сражался в рядах Панфиловской дивизии артиллеристом. Стрелял здорово, хорошо владея знаниями по топографии. Промахов не было, в этом могу Вас уверить, – писал ему в 1964 г. (через тридцать лет после окончания техникума) его бывший студент, заслуженный деятель искусств Таджикской ССР, художник Павел Васильевич Зобнин. – Кажется, что работа художника не имеет ничего общего с топографией и геодезией, однако я каким-то шестым чувством ощущаю, что мне в моей работе помогают и те знания, которые я получил от Вас, Борис Владимирович» [15]. Вместе с письмом художник прислал книгу о своем творчестве (Сталинобад, 1958) с дарственной надписью: «Дорогому и давнишнему моему учителю Борису Владим. Талантову от благодарного ученика Пав. Зобнина. Сентябрь 1964 г.» [16]. К его второму письму был приложен буклет (Душанбе, 1963), в котором высоко оценивался вклад художника в развитие изобразительного искусства в республике [17].

На первое письмо Зобнина Талантов ответил обстоятельным рассказом о своей жизни и принципах, которые направили его на смертельно опасный путь правдоискательства. «Я сын священника и с юности испытал много притеснений, как сын священника. <...> Ясно, что я никак не мог не протестовать против гнетущего произвола и беззаконий, царивших повсюду во время Сталинского режима. <...> Произвол и беззакония с 1960 по 1964 г. в Кировской области были такими же (если не хуже), как и при Сталине. Поэтому я в 1963 г. написал письмо в газ. “Известия”, в котором я решительно протестовал против произвола и беззаконий, совершаемых местными властями в отношении верующих. В ответ на это письмо представитель редакции, приехавший из Москвы в Киров летом 1963 г., призвал местную парторганизацию посадить меня в сумасшедший дом. <...> Я держусь принципа: лучше худая правда, чем хорошая ложь. По моему мнению, главный порок, который царит в нашем Сов. обществе, это ложь и нетерпимое отноше-

ние к инакомыслящим. <...> Главное чего должны добиваться люди – это не материального благополучия, а свободы мысли, свободы мировоззрения, свободы идей. <...> Рабство духа – самое тяжелое рабство» [18].

Потрясенный художник никак не мог понять своего дорогого учителя: «Как страшно нелепо закончился Ваш трудовой путь. Обладая такими завидными математическими знаниями, которые Вы умели так заразительно страстно передавать студентам, и вот уйти с работы, зачеркнуть данные Вам природой математические способности, это в наш век, век кибернетики, век расцвета математических наук – это не укладывается в моих понятиях» [19]. Зобнин жил в ту же эпоху, что и Талантов, видел и понимал происходящее в стране. Но он – убежденный конформист, жизненный опыт которого подсказал ему единственно разумную линию поведения – честно выполнять свою службу, чем и принести пользу родине. Потому что один в поле не воин и стенку лбом не прошибешь: «И если я имею право советовать Вам, то мой совет – живите проще, и не пытайтесь доказывать правительству о неправильности коренных вопросов политики» [20]. На фоне типичных для подавляющего большинства советских людей рассуждений своего ученика позиция Талантова в этой переписке демонстрирует его штучность, силу духа и нравственную высоту.

Во второй половине 1940-х гг. кратковременная «религиозная оттепель» в стране сменилась очередным «похолоданием». Усилилась антирелигиозная работа, в том числе в образовательных учреждениях. В Кировском пединституте на Ученом совете Талантов был обвинен в том, что «в прошлом выполнял религиозные обряды» [21]. Директор института Александр Иванович Заручевский 13 декабря 1949 г. потребовал: «...Считая несовместимыми религиозные взгляды и убеждения с преподавательской работой в ВУЗе, предлагаю дать подробное объяснение по существу всех вопросов, обсуждавшихся на Ученом Совете института...» [22]. Объяснительная записка, данная Талантовым, исполнена чувства собственного достоинства и доказательной силы: «<...>В годы войны (в г. Яранске) я старался в студентах и колхозниках поднять дух, укрепить веру в победу и настойчивость в преодолении трудностей военного времени <...> От руководящих работников Райкома партии я не слышал, чтобы мною был допущен какой-либо идеалистический уклон. Поэтому обвинение в идеализме, пропаганде среди каких-то колхозников религиозных взглядов, считаю вымыслом досужих людей, много кричащих о себе, но ничего не делающих. Я думаю, что о работниках следует судить по их делам, а не по тому, что они говорят сами о себе» [23].

После того, как 12 июня 1969 г. Талантов был арестован и заключен в следственный изолятор, его верные соратники, подписывавшие вместе с ним его письмо протеста, обратились с просьбой к Генеральному Прокурору СССР изменить ему меру пресечения по возрасту и состоянию здоровья. Но в этом было отказано со ссылкой на «совершенное им тяжкое преступление» [24].

Последние три документа из коллекции относятся к периоду нахождения Талантова в тюрьме (1969–1971). Это два его письма, адресованные сыну, дочери и внукам от 29 июля и 5 августа 1970 г. [25]. К последнему письму приложено заявление на имя начальника тюрьмы с просьбой разрешить сыну прислать осужденному, страдающему от холода, белье и теплые вещи. На заявлении стоит резолюция «отказать» [26]. Этот документ был передан родственникам как свидетельство бесчеловечного отношения к политзаключенному. Об этом же речь идет в самих письмах – в частности, о немотивированной отмене долгожданного свидания с родными. Талантов подозревал, что запрещение произведено по повелению КГБ, чтобы комнату для свиданий оборудовать подслушивающим устройством [27]. Но главное – обсуждается вопрос о целесообразности подачи надзорной жалобы, составленной Талантовым в тюрьме. «...Надзорную жалобу храните, как важный документ. Она дает объективное освещение следствия и суда и достаточно сильно, как мне кажется, опровергает все пункты обвинения <...> Она может стать важным историческим документом в случае моей смерти» [28].

Описанные документы ценны для изучения биографии и личности вятского религиозного и политического мыслителя. Часть из них уже опубликована в книге: «Талантов Б. В. Дневники 1943–1945, 1947 гг. Тюремная переписка 1969–1970 гг.» (Киров, 2015). Другие будут использованы в планируемых к изданию работах. Отдельные документы коллекции были выставлены в одном из разделов экспозиции «Стражи земли Вятской» (октябрь 2009 г.) Ряд документов, без сомнения, привлечет внимание музея истории ВятГГУ. Имеется перспектива использования их при подготовке экспозиций о хушевской антирелигиозной кампании в Вятском крае, о вятских святых и т. д.

Примечания

1. См.: Талантов Б. В. Советское общество 1965–68 гг. // Посев. 1969. № 9 (сентябрь). С. 35–41.
2. Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917–1999). СПб., 2001. С. 289–290.
3. Архив Кировского областного суда. Дело № 139п90пр. (Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР. Г. Москва, 4 апр. 1990 г. Копия. С. 156).
4. Кузовлев Ю., Личутин Г. «Наказан был за инакомыслие» // События. Факты. Комментарий: Информ. бюлл. правоохр. органов Кир. обл. 1990. № 6 (июнь). С. 2.
5. См.: Хохлов А. А. Полтора века в науке и просветительстве: (из истории Кировского областного краеведческого музея). Киров, 2015. [Рукопись]. С. 166.
6. КОМК. 32971/ 6.
7. КОМК. 32971/ 5.
8. КОМК. 15053–11НВ.
9. КОМК. 32971/ 14.
10. КОМК. 32971/ 15.

11. КОМК. 32971/ 16.
12. КОМК. 32971/ 13; КОМК. 32971/ 12.
13. Талантов Б. В. Дневники 1943–1945, 1947 гг. Тюремная переписка 1969–1970 гг. / подгот. текста, сост., предисл., вступ. статьи к разделам, коммент. Е. С. Останина. Киров, 2015. С. 86.
14. Там же. С. 104.
15. КОМК. 32971/ 11.
16. КОМК. 32971/ 18.
17. КОМК. 32971/ 17.
18. КОМК. 32971/ 9.
19. КОМК. 32971/ 10.
20. Там же.
21. ГАКО. Ф. Р–1148. Оп. 2. Д. 119. Л. 45–46.
22. КОМК. 32971/ 3.
23. КОМК. 32971/ 4.
24. КОМК. 32971/ 2.
25. КОМК. 32971/ 7; 32971/ 8.
26. КОМК. 32971/ 1.
27. КОМК. 32971/ 7.
28. КОМК. 32971/ 8.

Деятельность Печорского отделения Российского общества «Мемориал» по увековечиванию исторической памяти ГУЛАГовского периода советской истории

*А. А. Нисковский,
г. Сыктывкар, Республика Коми*

Политические репрессии занимают особое место в череде событий истории нашей страны в 1920–1950-е гг. и не теряют своей актуальности с течением времени. Изучение данной проблематики предстает предметом исследований многих отечественных и зарубежных ученых. Важнейшими источниками информации и «островками» сохранения памяти о трагических событиях советского периода выступают краеведческие музеи и историко-просветительские общественные организации, находящиеся, как правило, в тесном сотрудничестве. Одним из таких центров накопления локальной исторической памяти является Печорское отделение Российского общества «Мемориал», деятельность которого является, по своему, уникальной.

Печорское городское отделение общества «Мемориал» было зарегистрировано 27 мая 1989 г. в г. Печора Республики Коми при Печорском историко-краеведческом музее [1]. Вступить в эту организацию тогда пожелало 37 че-

людей. Позднее состав и численность не один раз изменялись. С первых дней существования члены Печорского отделения «Мемориала» принимали деятельное участие в общественной жизни города: выдвигали своих кандидатов в местные органы власти, содействовали реализации закона о реабилитации жертв политических репрессий и др. В сотрудничестве с местной церковью впервые в городе стали отмечаться Дни памяти жертв политических репрессий. В 1992 г. общими усилиями был установлен первый памятный знак «Жертвам Печорлага» на месте массового захоронения заключенных Печорского исправительно-трудового лагеря.

За эти годы совместно с республиканским фондом «Покаяние» была создана экспозиция музея «Кедровошорский островок Гулага», которая заняла первое место на республиканском конкурсе к юбилею Национального музея Республики Коми в 2001 г. [2]. В фондах музея собраны и постоянно пополняются личные коллекции репрессированных, вещественные предметы, привезенные из экспедиций по местам ГУЛАГа. Интерес представляют документы сельхозлагеря «Кедровый Шор», в количестве более 2000 ед. хр.; книги из библиотеки управления Печжелдорлага – уникальное собрание из конфискованных при аресте книг; учетные карточки мобилизованных на фронт Кожвинским райвоенкоматом, в большинстве из лагерных подразделений [3].

Весьма ценными являются архивные материалы научной документации первого научного учреждения города – научно-исследовательской базы Печорлага, где заключенные медики под руководством профессора медицины Г. М. Данишевского занимались вопросами акклиматизации человека на Севере, искали пути спасения людей от различных заболеваний в условиях северных лагерей [4].

Во второй половине 1990-х гг. Печорское отделение входило в состав Ухто-Печорского общественного объединения «Мемориал» [5]. Совместными усилиями осуществлялся проект «К гражданскому обществу – через просвещение молодежи». На базе школьного музея «Покаяние» (МОУ «СОШ № 83» г. Печоры) реализовывался историко-просветительский проект «Дойти до каждого ученика». Ребята клуба «Поиск» Печорского лицея № 23 начали вести поисковую работу, и сегодня продолжают экспедиции по местам ГУЛАГа, ухаживают за памятными знаками, принимают участие в республиканских, российских конкурсах по истории репрессий, участвуют в ежемесячных встречах, проводимых в рамках работы клуба совместно с обществом «Мемориал».

Сегодня продолжается работа по формированию базы данных о репрессированных печорцах и жителях района; члены организации помогают родственникам репрессированных в поисках сведений; координируется работа поисковых групп школьников и студентов на местах массовых захоронений; продолжается деятельность по мемориализации памятных мест ГУЛАГа. Был раз-

работан экскурсионный маршрут по местам Печорлага. Регулярно, раз в месяц, в местной газете появляются публикации. Проводятся экскурсии, лекции, беседы с учащимися школ города, выступления по местному телевидению. С 2004 г. организация принимает участие в проекте «Виртуальный музей Гулага» Санкт-Петербургского НИЦ «Мемориала» [6].

Активисты Печорского отделения Российского общества «Мемориал» имеют публикации в ряде изданий: книгах «Покаяние: Мартиролог» (Сыктывкар), «Родники Пармы» (Сыктывкар), «Печора молодости нашей» (Печорское время, 1999), «Войной опаленные» (Печорское время, 2005), «Печорстрой. История созидания» (Печорское время, 2000), в сборниках научно-практических конференций, на страницах газет и журналов. Выпущен краеведческий сборник «Вглядываясь в прошлое» (Печорское время, 2009) [7]. Подготовлена рукопись «Книги памяти спецпоселка Песчанка».

Таким образом, Печорским отделением Российского общества «Мемориал» проводится огромная работа по сохранению и распространению лагерной истории Печорского региона Республики Коми. Конкретными результатами данной работы являются различные публикации, музейные экспозиции и выставки, лекционная и прочая деятельность.

Примечания

1. Афанасьева Т. Г. Печорскому «Мемориалу» – 15 лет // Печорское время. 2004. 25 июня.
2. Афанасьева Т. Г. Аналогов нет // Печорское время. 2001. 3 нояб.
3. Музей «Покаяние» // Информационный бюллетень «Мемориал». 2001. № 22.
4. МБУ «Печорский историко-краеведческий музей». Ф. 2799. Д. 2. Л. 1–3.
5. Афанасьева Т. Г. Печорскому «Мемориалу» – 15 лет.
6. Музей «Покаяние» (филиал МУ «Печорский историко-краеведческий музей») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=143987&language=1> (дата обращения 14.02.2016).
7. Вглядываясь в прошлое. Печора, 2009. – 232 с.

Фенологический мониторинг – актуальное краеведческое направление

А. Н. Соловьев, г. Киров

Многолетнее накопление дат наступления сезонных явлений – старейшая форма наблюдений в природе и в бывшем Советском Союзе была вторая, после гидрометеорологического, налаженная система унифицированного сбора и накопления информации о природной среде [1]. В некоторых зарубежных

ных странах (Германия, США) фенологические данные успешно используются для службы срочного оповещения сельских хозяйств о ходе сезонных процессов в природе. В США создана Фенологическая программа по диким животным (Wildlife Phenology Program) как часть Национальной фенологической сети (USA National Phenology Network).

Наибольшую научно-практическую ценность представляют непрерывные фенологические данные за 100 лет и более. В мире известно немного таких непрерывных рядов: в Англии (Норвик), в Японии (Токио), в России (Санкт-Петербург, Москва, Екатеринбург, Киров). Чтобы выяснить характер климатогенного отклика биоты в той или иной местности, требуются многолетние непрерывные планомерные наблюдения. Неслучайно в США и во многих европейских странах фенологические наблюдения возрождаются и используются в исследованиях динамики популяций животных и растений.

Отрывочные сведения о сезонных явлениях в Вятской губернии встречаются в летописных источниках, а коллективные фенонаблюдения с централизованным накоплением данных впервые пытался организовать известный в Вятке многими своими начинаниями П. В. Алабин. Фенологические даты изредка публиковались в местных газетах и в публикациях местных исследователей и любителей природы [2].

С организацией в г. Вятке в 1918 г. естественнонаучной лаборатории Губернского музея местного края стали проводиться коллективные фенологические наблюдения под руководством будущего видного зоолога, профессора Б. С. Лукаша. До 1930 г. студенты Кировского педагогического института вели фенологические наблюдения по программе, составленной будущим известным ботаником-растениеводом, профессором П. Т. Решетниковым на основе уже опубликованных к тому времени программ фенологических наблюдений известного естествоиспытателя, «отца русской фенологии», профессора Д. Н. Кайгородова и других.

В послевоенные годы фенологическую сеть восстанавливал вернувшийся с фронта и приступивший к работе в музее обладавший энциклопедическими знаниями и отдавший музею всю свою жизнь выдающийся исследователь природы Кировской области А. Д. Фокин.

Одним из организаторов фенологической сети Кировской области был заведующий кафедрой зоологии КГПИ А. И. Шернин [3]. В 1938 г. в г. Кирове вышло его методическое пособие «Спутник юного натуралиста-фенолога» с программой фенологических наблюдений. Позднее Кировский областной краеведческий музей издал дополненную программу. К началу 1960-х гг. по этим программам были накоплены фенологические данные по 172 географическим пунктам области.

С целью подготовки себе преемника А. И. Шернин пригласил с периферии области на кафедру одного из наиболее активных фенореспондентов,

но тот его надежд не оправдал – после защиты диссертации полностью утратил интерес к фенологии. Не видя преемника среди своих сотрудников, А. И. Шернин в 1980 г. обратился с этой просьбой к А. Н. Соловьеву и, получив согласие, передал ему фенологический архив и общественные функции руководителя феносети. Через 20 лет, чувствуя ответственность за судьбу накопленной за столетие фенологической информации, после тщетных обращений за поддержкой во всевозможные областные организационные структуры А. Н. Соловьев обратился за помощью в Фонд Макартуров, и, получив грант, полностью погрузился в обработку и анализ фенологических данных. В результате были подготовлены и изданы монография и методическое пособие [4], не пропал втуне материал, собранный усилиями нескольких поколений добровольных наблюдателей.

До 2005 г. сбор фенологической информации осуществлялся добровольными наблюдателями по единой методике в соответствии с программой фенологических наблюдений в Кировской области, содержащей 224 феноявления по 50 объектам растительного мира и 47 объектам животного мира. С изменением социально-экономических условий в стране и обозначившейся устойчивой климатической тенденцией к концу XX столетия назрела необходимость в существенной корректировке фенологической программы. С 2006 г. наблюдения ведутся по обновленной фенологической программе, включающей 286 сезонных явлений [5].

Сотрудники общественного фенологического центра (с 1989 г. два человека – Т. Г. Шихова, А. Н. Соловьев) – обеспечивают добровольных фенореспондентов методическими пособиями, бланками фенокарточек, почтовыми конвертами, обрабатывают поступающие от них данные, занося их на бумажный и электронный носители, а в конце года составляют «Обзор фенологических явлений по Кировской области», один экземпляр которого раньше отправлялся в Фенологический сектор Географического общества АН СССР (г. Ленинград), один сдавался в краеведческий отдел Кировской областной библиотеки.

Кировская область, вероятно, одна из последних в России, где фенологический центр продолжает осуществлять свою работу на общественной основе. В современных социально-экономических условиях без целевой финансовой поддержки прекращение этой работы неизбежно.

В результате статистической обработки фенологических рядов по г. Кирову (Вятке) с 1890 г. в объеме 10570 фенодат по 130 биофенологическим явлениям в сопоставлении с сезонными явлениями в атмосфере, гидросфере, сезонной динамике снежного покрова, общими аспектами ландшафтов нами установлены многолетние тренды сезонных явлений, корреляционные связи между отдельными явлениями, имеющие прогностическое значение. Сопряженный анализ климатических и биофенологических данных по г. Вятке

(Кирову) за 113 лет (1890–2003 гг.) показал очевидную согласованность климатической и фенологической тенденций как по срокам наступления пороговых значений среднесуточных температур и фенофаз у растений и насекомых, так и по величине их трендов за столетие [6].

Установлено, что за XX столетие в г. Вятке (Кирове) в среднем стали наступать раньше зеленение растений на 9,9 (5-12) дня, зацветание – на 6,3 (2– –21) дня (весеннецветущих – –7,5 дня, летнецветущих – –3,4 дня). Созревание плодов стало начинаться на 5,6 дня раньше, осеннее окрашивание листьев стало наступать на 4,7 дня раньше. На 4 дня раньше стали полностью окрашиваться листья у деревьев, а листопад стал заканчиваться на 1,7 дня позднее. Насекомые стали появляться весной на 7,1 дня раньше и птицы весной стали прилетать в среднем на 3,5 дня раньше.

В условиях современной динамики климатических факторов фенологические наблюдения кроме традиционной констатирующе-статистической приобретают эколого-мониторинговую направленность [7]. Главной задачей становится отслеживание многолетней динамики средних дат наступления сезонных событий в природе. Экологизация фенологии обусловлена также обостряющейся проблемой сохранения биологического разнообразия [8].

Фенологический мониторинг позволяет фиксировать возможные отклонения временных параметров жизнедеятельности отдельных видов, например, репродуктивных циклов, синхронности наступления фенофаз экологически взаимозависимых организмов, в частности, между отдельными видами растений и их опылителями, между консументами разных порядков. Необходимость получения оперативной биомониторинговой и эколого-фенологической информации требует значительного расширения количества наблюдаемых биологических объектов.

Массовости фенологического движения в СССР способствовали бесплатные почтовые услуги по доставке фенологической корреспонденции. С установлением рыночных отношений к концу 1990-х гг. отделения почтовой связи стали возвращать открытки со штампом «Фенологическое бесплатное» и требовались финансовые средства на почтовые отправления, перспектива дальнейшей фенологических наблюдений оказалась проблематичной.

Кировская область, вероятно, первая и пока единственная, где от составления календарей природы перешли на качественно новый уровень – феномониторинг, результаты которого включались в ежегодные региональные доклады «О состоянии окружающей природной среды Кировской области». Только благодаря энтузиазму и ответственности руководителя в Кировской области сохраняется сеть добровольных фенологов-наблюдателей.

Наличие разветвленной сети фенокорреспондентов, находящихся в постоянной связи с региональным феноцентром, позволяет получать оперативную внепрограммную информацию методом дополнительного анкетирова-

ния, например, в исследованиях реакции биоты на погодно-климатические аномалии [9].

Сопряженный анализ вековых климатических и биофенологических данных по г. Кирову более чем за столетний период показал, что суммарные средние значения трендов по группам биофеноявлений в течение XX столетия изменялись в соответствии с той или иной климатической тенденцией [10].

Вековой опыт организации областной феносети показывает, что невозможно воспитать и подготовить преемника-организатора фенологических наблюдений и невозможно обязать выполнять эту работу даже за деньги. На общественных началах фенологические наблюдения можно выполнять лишь по призванию, по душевному настрою, на неподдельном интересе к природе. В новых социально-экономических условиях общественная форма организации фенологических наблюдений проблематична, по крайней мере, фенологическая сеть уже не обретет былой массовости как по причине опустошительного сокращения количества населенных пунктов, так и в связи с поллярной сменой социально-ценностных критериев. Наиболее эффективным способом поддержания численности и стимулирования деятельности корреспондентской сети фенологов всегда были регулярные публикации текущих фенологических сводок в периодической печати. Современных же издателей газетной продукции такая информация не привлекает.

Наличие разветвленной сети фенологов-корреспондентов, охватывающей разные слои населения, работников разных профессий, позволяет получать не только фенологические данные, но и при необходимости организовывать сбор информации по другим направлениям краеведения.

Примечания

1. Шульц Г. Э. Общая фенология. Л., 1981. – 188 с.
2. Соловьев А. Н. Биота и климат. Региональная фенология. М., 2005. – 288 с.
3. Шернин А. И. Фенологические наблюдения в Кировской области // Тр. фенологического совещания. М., 1960. С. 249–255.
4. Соловьев А. Н. Биота и климат; Соловьев А. Н. Сезонные наблюдения в природе. Программа и методика регионального фенологического мониторинга. Киров, 2005. – 96 с.
5. Там же.
6. Соловьев А. Н. Биота и климат.
7. Соловьев А. Н. Фенологический мониторинг как составная часть биомониторинга // Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга: теория, методика, практика: мат-лы Всерос. науч. школы. Вып. 1. Киров, 2003. С. 62–69; Соловьев А. Н. Биота и климат.
8. Соловьев А. Н. Климатогенные фенологические тенденции и динамика био-разнообразия // Изменение климата и биоразнообразия России: постановка пробле-

мы. М., 2007. С. 23–56; Соловьев А. Н. Климатогенная динамика сроков сезонной активности биоты востока Русской равнины в XX столетии // Известия РАН (сер. географ.). 2007. № 4. С. 54–65.

9. Соловьев А. Н. Климатогенные фенологические тенденции; Соловьев А. Н., Шихова Т. Г., Бусыгин Е. И. Влияние погодно-климатических аномалий 2010 года на состояние растений средних широт востока Русской равнины // Вестник Удмуртского государственного университета. 2011. Сер. «Биология, науки о Земле». Вып. 4. С. 8–19; Соловьев А. Н., Шихова Т. Г., Бусыгин Е. И. Жизнедеятельность животных средних широт востока Русской равнины в условиях погодно-климатических аномалий // Сельскохозяйственная биология. 2015. Т. 50. № 2. С. 137–151.

10. Соловьев А. Н. Биота и климат; Соловьев А. Н., Шихова Т. Г., Бусыгин Е. И. Жизнедеятельность животных.

Развитие владимирского краеведения (1990–2015 гг.)

А. К. Тихонов, г. Владимир

Современная история владимирского краеведения открывается 1 февраля 1990 г., когда прошла организационная конференция Владимирского областного общества краеведов. Инициатором создания общества была И. Г. Порцевская, которая в то время являлась председателем владимирского отделения Российского фонда культуры.

Самой главной задачей стало возрождение во многом утраченных традиций своих предшественников, которые во второй половине XIX – начале XX в. сделали очень многое для изучения нашего края – центра российской государственности.

Первой задачей стало возрождение традиции публикаций материалов краеведческих исследований. И то, что случилось в 1990-е гг., уже трудно представить себе сейчас: почти во всех газетах появились страницы, колонки, специальные выпуски, посвященные истории края. Краеведы из всех районов области присылали газеты, вырезки из газет со своими публикациями. Некоторое время во Владимире выходило краеведческое приложение к газете, потом журнал «Старый владимирец», который даже свое название позаимствовал у одной из популярных, независимых газет начала XX в.

Постепенно владимирские краеведы «выросли» из газетных заметок – от публикации своих материалов в сборниках, альманахах («Владимир», «Годова Гора») до издания книг (Л. В. Дудорова «Старый Владимир», Т. П. Тимофеева «Лежит в развалинах твой храм», М. П. Попова «И дольше века длится поиск» и др.). Накопленные материалы позволили издать за эти годы шесть выпусков «Записок владимирских краеведов». Владимирские краеведы участвовали в выпуске специального сборника об Александре Невском (по мате-

риалам городского конкурса «Знай и люби родной Владимир»). Многих краеведов удалось привлечь к работе над сборниками «Владимирский некрополь: Князь-Владимирское кладбище» (вышло тоже шесть сборников). Благодаря материалам, представленным в этих сборниках, владимирцы смогли узнать о многих известных и малоизвестных людях, погребенных на старейшем владимирском кладбище, которое является памятником истории города. В настоящий момент к составлению паспортов захоронений на старом владимирском кладбище привлекаются студенты гуманитарных специальностей (в основном историки) владимирских вузов.

В начале 90-х гг. XX в. владимирские краеведы задумались над тем, какой общей работой можно было бы объединить всех любителей истории, природы и культуры родного края. Такая объединяющая работа была найдена. 160 авторов – краеведов и специалистов в разных областях знаний – приняли участие в написании «Владимирской энциклопедии», которая вышла в свет – после 8 лет работы над ней – в 2002 г. [1]. Самая значительная часть работы по завершению издания выполнена редколлекцией, в составе которой было семь человек: В. А. Антонов, С. П. Гордеев, М. П. Попова, И. Г. Порцевская, В. А. Порцевский, В. И. Титова, В. Г. Толкунова.

Значительным вкладом в изучение истории края стали ежегодные областные краеведческие конференции. Вначале владимирские краеведы перехватили угасающую инициативу Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, которое организовывало «Воронинские чтения», названные так в честь нашего знаменитого земляка – исследователя владимирских древностей доктора исторических наук, профессора Николая Николаевича Воронина. Со второй половины 90-х гг. XX в. проводятся ежегодные краеведческие конференции с публикацией материалов, с которыми выступили исследователи. Сейчас есть предложения – вновь вернуться к названию областных краеведческих конференций «Воронинские чтения», чтобы город не утратил память о своем знаменитом земляке. На краеведческих конференциях собираются сейчас до 100 выступающих, в том числе из разных городов страны. Практически ежегодно выступают исследователи нашего края из Москвы, Санкт-Петербурга, Иванова, Рязани, Шуи, Переславля-Залесского, а также из городов Подмосковья.

Если вначале организаторами конференций было несколько организаций и учреждений, то теперь это совместная работа отдела по культуре администрации Владимирской области, областной научной библиотеки и общества краеведов. Библиотеке, особенно отделу краеведческой библиографии, принадлежит главная роль в подготовке конференции. В прошлые годы эту работу возглавляла В. Г. Толкунова. Сейчас эту роль выполняет новая заведующая отделом – И. В. Мишина. Краеведы благодарны библиотеке за издание материалов конференции. Директор библиотеки Т. В. Брагина держит эту

работу под своим контролем. Наша задача – не ронять достигнутого уровня, привлекая к совместной работе ученых, краеведов нашей и других областей, занимающихся изучением истории, географии, природы Владимирского края.

Популяризации краеведческих знаний служат различные программы, которые осуществляются на протяжении всех прошедших лет. Это такие программы, как «Топонимия» (возвращение старых названий улицам исторического ядра города Владимира), «Некрополь» (изучение и сохранение Старого городского кладбища), «Моя родословная». Каждая из этих программ вызвала в разное время интерес различных групп владимирцев, нашла большой общественный отклик.

Продолжают активно и плодотворно работать опытные и молодые краеведы в районах области: Н. И. Андреев в г. Гороховце; О. А. Монахова и Н. В. и Э. В. Фроловы (чета Фроловых является самой плодотворной по части издания краеведческой литературы во Владимирском крае) в г. Коврове; Ю. В. Белов в г. Суздале, который издает единственную в области краеведческую газету «Вечерний звон»; С. Ю. Хламов в г. Юрьеве-Польском; З. Т. Футерман со станции Новки Камешковского района; директор Александровского художественного музея Е. Н. Усанов; председатель общественно-историко-краеведческого клуба «Отечество» из г. Александра В. Н. Ревякин; Т. В. Харитоновна, воспитывающая юных краеведов в Кольчугинском районе; краевед и создатель музея в г. Покрове Л. Б. Колосова.

Центром краеведческих исследований является Петушинская районная библиотека. Долгое время ее директором была Е. Ю. Писцова, а сейчас продолжает заложенные традиции О. А. Карташова. Активно занимается исследованием Муром кандидат исторических наук В. Я. Чернышов и Муромский историко-художественный музей-заповедник (директор А. А. Анучкина). Центром исследования Вязниковского района и г. Вязники выступает Вязниковский историко-художественный музей (директор Л. Ф. Ковалева). Постоянными участниками конференций являются научные сотрудники музея-заповедника «Александровская слобода» (директор А. С. Петрухно), не говоря уже о Владимиро-Суздальском музее-заповеднике (директор А. И. Аксенова). Активно занимается изучением архитектуры дворянских усадеб кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии гуманитарного факультета Владимирского государственного университета М. А. Барашев.

Кроме областной научной краеведческой конференции в области проходят краеведческие конференции в Петушках (районная и городская, а также Левитановские чтения в д. Елисейково), Муроме («Уваровские чтения»), Коврове («Рождественские чтения», «Стародубские чтения»), Гороховце («Булыгинские»), Александрове («Зубовские», районные и городские). Районные краеведческие конференции проводит и Вязниковский историко-

художественный музей. Раз в два года проводятся «Рождественские чтения», организуемые Ковровским историко-краеведческим музеем (директор О. А. Монахова), Стародубские чтения в Ковровском районе, которые организуют Н. В. и Э. В. Фроловы. С 2006 г. под патронатом Суздальской городской администрации проводятся Суздальские чтения, посвященные дню народного единства. В Юрьев-Польском при поддержке районной администрации проходят Юрьев-Польские чтения «Ратные поля России». Они приурочены к крупнейшему междоусобному сражению средневековья на владимирской земле – Липицкой битве 1216 г. Подобные чтения с красочным праздником проводятся под Александровым на Каринском поле, где было нанесено одно из первых поражений польско-литовским войскам в 1609 г. в смутное время. В области существует и единственное сельское краеведческое общество в с. Караваево Петушинского района, которое ежегодно проводит краеведческие конференции под руководством Н. Т. Романова.

Большую роль в развитии краеведения во Владимирской области принадлежит Владимиро-Суздальскому музею-заповеднику, где главное место отводится историческому отделу (заведующий – О. Н. Гуреев). Служащие этого подразделения организуют огромное количество тематических выставок, собирают предметы старины по области и за ее пределами, участвуют в конференциях и круглых столах. Ежегодно в декабре проводится общемузейная научная конференция по итогам работы коллектива за истекший год.

В последние годы одним из наиболее известных объектов Владимирской области является легендарный владимирский централ. Материал по истории владимирского централа собрала библиотекарь этого заведения Т. Г. Галаншина. Итогом работы авторского коллектива в составе Т. Г. Галаншиной, И. В. Закурдаева и С. Н. Логинова, стала книга «Владимирский централ», вышедшая в 2007 г. [2]. До этого заведующий историческим отделом Владимиро-Суздальского музея-заповедника В. Э. Гуринович собрал огромный материал, с помощью которого был создан музей истории Владимирского централа.

Продолжают активную работу по изучению Владимирского края и за его пределами: А. В. Сиринов – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, исследователь средневековой истории Владимирского края; К. Е. Балдин – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до начала XX в., руководитель областного общества краеведов в г. Иваново со своими аспирантами, занимающийся вопросами индустриального развития Владимирской губернии на рубеже XIX–XX вв.; В. Н. Алексеев из Орехово-Зуева – кандидат биологических наук, председатель Воронцовского общества; М. П. Шилов – кандидат биологических наук, изучающий природу Владимирского края из г. Шуя Ивановской области. Несколько раз на конференциях выступали кан-

дидат архитектуры Л. Д. Мазур из Москвы, занимающаяся воссозданием архитектуры городов Владимирского края в средневековый период, и Е. К. Шадунц из Переславля-Залесского Ярославской области.

Все это дает надежду, что дело владимирского краеведения не заглохнет, его ожидает новый расцвет, которому будет способствовать и новое поколение краеведов, более образованных, профессионально подготовленных, и таких же бескорыстно преданных своему делу, как и их предшественники. Именно краеведы находятся в первых рядах тех общественных деятелей, чья преданность делу служит сохранению традиций, воспитанию истинного патриотизма, подъему самосознания народа. Хотелось бы, чтобы это помнили наши руководители, те, от кого в какой-то степени зависит дальнейшее развитие владимирского и российского краеведения.

Примечания

1. Владимирская энциклопедия: Биобиблиографический словарь. Владимир, 2002.
2. Галаншина Т. Г., Закурдаев И. В., Логинов С. Н. Владимирский централ. М., 2007.

Родиноведение вятских частушек от мамы в 103 года

*В. А. Дорофеев, Ю. А. Дорофеев,
г. Киров*

Наша мама Антонина Семеновна Дорофеева (Маракулина) жива, дата ее рождения – май 1913 г. Обратим внимание, что Мара – богиня жизни и смерти, холода. В Кирове есть понятие «марная погода». Мама нам сыплет и сыплет частушки своих давно прошедших лет, мы записываем их. Например:

Пошла плясать,
Дома нечего кусать,
Сухари да корки,
На ногах – опорки.

Ходила же босиком она в своих деревенских местах. На подошвах ног появлялись наросты – и можно ходить и плясать без всякой боли, легко и весело. Это и есть опорки, опоры. Когда же есть на ногах лапти, тут совсем иная ситуация:

В лапотцы обуешься, как пузырь надуешься.

Загордился, значит, человек.

Немного о маминой деревне, о Корелках. К сожалению, деревеньки сейчас нет. Когда-то в доме родителей одновременно кушали 22 человека, причем из одной чашки. Первым мог есть отец семьи – Семен. В случае неподчинения – удар деревянной ложкой по лбу. Деревенские правила в полной мере!

У Семена Маракулина народилось 13 детей – восемь парней и пять девочек, но из девочек выжила только наша мама Тоня. Она была двенадцатой по счету. Последним стал ее брат Василий, 1916 г. рождения. Первым был Емельян с 1892 г. За 24 года – 13 ребятишек.

Зато свою сестру Тоню братья заставили как следует учиться, даже в с. Великорецком, что в 30 км от д. Корелки. Однажды молодая наша мама прошла пешком эти километры до дома – наша бабушка ей еле ноги выносила.

А как хотелось любви с мальчиками из других деревень – в Корелках было всего девять дворов – тут миленка не найдешь. Вот мамина частушка на эту тему:

Ягодиночка далеко,
Ой, ой, ой, как далеко.
Он мое сердечко высушил –
Ему там нелегко.

Ягодиночка, ягодка – такой милый мамин и других девчонок, далекий паренек. Еще лучше, когда ягодиночка рядом с девушкой:

Хорошо бы видеть милого
В неделю два разка,
Его черную толстовочку
И серые глаза.

Два раза в неделю хочется встретиться девушке с ее милым пареньком, ей даже приятны его серые глаза. А уж с голубыми! Или такая ситуация:

Сегодня не обедала
И чая не пила –
Миленка во сне видела,
На том и прожила.

Если нет милого, только сон помогает хоть как-то прожить короткое время. Где же его взять, этого миленка?

Колечко мое,
Колечко золотое,
Сердечко мое
Никем не занятое.

Вот слышим – сердечко интенсивно бьется, а занять его некем. Беда же для девушек! Девушкам вятских деревень особенно нравились гармонисты с их простенькими хромками. Но не всем же достается такой миленький.

Ты гармонь-гармошенька,
Развей тоску малешенько,
Развей ты горяшко-тоску
По тропинке, по леску.

Вятский лес непроходимый для приезжих, поэтому одной легко побродить по тропинке. Однако какой-то девушке и удается завлечь гармониста. Вот, например, так:

Я гармошку – на окошко,
Гармониста – на кровать!
На гармошку – алу ленту,
Гармониста – целовать.

Но не всем же девушкам удается целовать гармониста:

Гармонист какой красивый,
Я в него влюбилась.
Была бы я стеклянная,
Пала б и разбилась!

Очень хочется всем красивых пареньков иметь. Если не получается с гармонистом дело иметь, тогда другого паренька девушка все-таки найдет:

Милый мой, пошла я замуж,
Оставайся сиротой,
Возьми новеньку двухрядочку,
Гуляй с моей сестрой.

Лучше, конечно, выйти замуж за богатого – проблем потом не будет:

Была бы я красива,
Жила бы у богатого,
Но это ничего –
Хотя бы кудреватая.

Это называется – кудри вьются, кудри вьются, любовь же, как известно, зла – полюбишь и козла.

Поцелуй меня, миленок,
Ровно сорок раз.
Я тогда совсем поверю,
Что крепка любовь у нас.

Это называется – доверяй, но проверяй. Очень уж хочется миленка.

Кабы нитки и иголки,
Шила, шила бы –
Был бы миленький со мной,
Жила бы, не тужила бы.

С миленком тужить не придется, как здорово! Милые иногда сматываются от девчонок, ну тогда – погоди.

Пошел – так погоди,
Пошел – так и поди,
Не только нашей улицей
И полем не ходи.

Даже полем нельзя больше обратно добраться. Вот это да, вот это вятские девушки! Диву дивишься, какие они холодные. Потом же будут переживать.

Половинку льдину сдвину,
Льдиночка на льдиночку.
Разве мысленно забыть
Такую ягодиночку.

Или такой вариант любви к милому:

Говорят и говорите,
Я вниманья не беру.
Мое сердце не касается
Теперь уже к нему.

Вот теперь понятно – не касается. А дальше-то что, девушки?

Про меня наговорили,
Хоть в окошко не гляди
Удивительные люди –
Как и выдумать могли.

Ну, девушки, выдумать легко можно, как потом отделаешься?

Интерес в деревне ходит,
Интересна славушка.
Интерес, женись скорее –
Надоела славушка.

Слава же дурная, надо понимать. Эх, девушки, девушки! Особенно подруженьки виноваты.

Сено сухо, сено сухо,
На сухое сено дождь.
Полюбили наши девушки
Чужую молодежь!

Это еще что, вот нам:

Ягодину полюбила,
Никому его не дам,
Кто полюбит ягодину,
Разорву напополам!

Можно и полегче с подружкой разобраться, например, так:

Подруга дорогая,
Брата вашего люблю.
Если брата пожалеешь,
То я дролю отобью.

Любопытны эти частушки нашей мамы, которой 103 года – они же жесткие, резкие, напористые! Борьба же за любовь, когда так мало паренков твоего возраста в глухой, преглухой деревеньке, как лесные Корелки. Тут же и родители бывают причем.

На вечерке парень спрашивал: –
«Пойдешь ли за меня?»

Осмелилась, спросила: –
«Вашим надо ли меня?»

Или такой вариант:

Не ходите девки замуж
Во Поломенско село –
Поговорочка не наша,
Говорят: «Чаво, чаво».

Как заявляет мама: «Не придется песни петь, придется горести терпеть». Частушек же она знает и проговаривает их еще много, много – аж 400!

Неужели это так,
На берегу растет табак?
Неужель симпатик женится –
Меня оставит так?

Мне жаль деревянной Вятки

Г. Я. Лопатин, г. Киров

Более двух столетий самой распространенной формой декоративного убранства русского народного зодчества оставалась архитектурная домовая резьба. Ей присущи ярко выраженный национальный характер и традиционное стремление русского народа к декоративному осмыслению окружающей действительности.

Вятская земля богата лесами, и, естественно, большая часть домов и других построек в нашем городе ранее делалась из дерева. Чтобы дома не были однообразными, хозяева старались украсить их резьбой.

Первым элементом дома, который начали украшать, был конек крыши. Затем окна, выходящие на улицу, откуда и пошло их название – «красные», значит, красивые. А с появлением пильных досок стали украшать весь фасад дома (причелины, «полотенца», лобовые доски (подзоры), карнизы, торцевые доски и т. д.), а также крыльцо, калитку, ворота и другие строения.

Наибольшего расцвета украшение домов в Вятке архитектурной резьбой достигло во второй половине XIX в. При этом использовалась и плоская, и рельефная – глухая (корабельная), и выпиловочная или прорезная (сквозная и накладная) резьба.

Плоская резьба выполняется таким образом, что ее рисунок составляют сделанные в плоскости дерева углубления. Техника такой резьбы была при-

митивна, инструмент прост: нож, стамеска, долото, колovorot. Такая резьба имела распространение в основном до середины XIX в. [1].

Плоской резьбой в строительстве украшались причелины, «полотенца», наличники «красных» окон, подзоры, столбы ворот.

Глухая (корабельная) резьба начала свое распространение с двадцатых годов XIX в. Она более рельефная, имеет выпуклый рисунок и достигается врезанием фона на большую глубину. Эта резьба очень трудоемкая и дорогая. Стоимость оборудования дома резьбой доходила до 120 руб., тогда как постройка средней по величине крестьянской избы в конце XIX в. обходилась всего в 40–50 руб. [2].

Распространение тонких пильных досок позволило перейти к более дешевой выпиловочной резьбе, или «прорези». Она менее трудоемка, требует меньше материала и поэтому более доступна. Именно эти качества обеспечили наибольшее распространение «прорези» в Вятке уже с середины XIX в. Она может быть и не менее выразительной и нарядной, чем «глухая» резьба. Но, получив ценные качества, «прорезь» приобрела и крупный недостаток: малую прочность и недолговечность. Чтобы уменьшить этот недостаток, «прорезь» начали накладывать на плоскость стены, на «фоновые» доски: возникла «накладная прорезь». Очень часто обе разновидности резьбы применяются вместе: накладная выпиловочная резьба украшает плоскости стены, а «прорезь» – на некотором расстоянии от нее.

Если ножом или стамеской округлить края рисунка, его выразительность увеличится. Такая резьба называется моделированной «прорезью» [3].

Орнамент «прорези» составляется из растительных и геометрических мотивов. В южных районах области часто встречаются зооморфные элементы орнамента (профиль птицы, зверя, дракона). Среди позднейшей резьбы встречается и советская эмблематика, например, пятиконечная звезда, серп и молот.

В пятом томе Энциклопедии земли Вятской «Архитектура» сообщается, что в конце XIX в., в период наибольшего распространения выпиловочной резьбы по дереву, по данным переписи, было зарегистрировано только в самой Вятке 26 резчиков-профессионалов, в Вятском уезде – трое, в Яранском уезде – 12, в Котельниче – один, в Орлове – шестеро, в Яранске – шестеро [4].

Кроме этих резчиков, для которых резьба по дереву стала профессией и основным источником существования, еще многие крестьяне занимались домовой резьбой, не считая это занятие для себя основным. К великому сожалению, фамилии и имена мастеров в архивных документах найти не удалось.

Резьбой дорожили, и чтобы сохранить традиции, зачастую при перестройке или постройке нового дома использовалась и старая, и новая резьба.

Плоской резьбы в чистом виде в Кирове практически не осталось. Фрагменты данной резьбы можно посмотреть в экспозиции выставки «Домовая

резьба – кружево деревянное» в Доме-музее М. Е. Салтыкова-Щедрина (наличник и верей ворот).

В большей степени в городских строениях сохранилось сочетание рельефной и прорезной резьбы: при составлении единой композиции резного декора мастера-резчики не боялись совмещать различные виды резьбы.

Старая Вятка – это красивые деревянные дома, украшенные резными наличниками, ставнями, воротами и другими декоративными элементами.

А в настоящее время строительство в городе ведется в основном из кирпича и железобетона, в то время как деревянные дома конца XIX – начала XX в. ветшают и разбираются на слом, а вместе с ними утрачивается ажурная деревянная резьба – наше художественное наследие.

В качестве ярких примеров таких утрат можно назвать Александроневскую церковь в Филейском монастыре, разобранный городской театр, летний клуб в Александровском саду, дачу архиерея в слободе Халкидоново (за современным стадионом «Родина»), дом на ул. МОПРа, 13; флигель Ю. А. Рязанцевой на ул. Спасской, 47; дом Р. С. Фронтинской на ул. Дерендяева, 52; дом академика Рудницкого на ул. Володарского, 26; дом О. М. Глазыриной на ул. Свободы, 51, дом на ул. Московской и др.

Здание городского театра, по признанию современников, имело красивую архитектуру и служило одним из лучших украшений города [5]. Дом на ул. МОПРа, 13 отличался необычной резьбой, стилизованной под чугунное художественное литье.

Ряд разобранных домов были в довольно-таки хорошем состоянии, но их снесли, и не осталось никаких следов...

Поражает и тот факт, что ни одно из этих строений не было включено в список памятников истории и культуры г. Кирова, подлежащих охране, а деревянные здания, ставшие в свое время муниципальной собственностью, оказались безнадзорными.

Практически ни один из многих десятков обветшавших домов с разрушающейся резьбой спасти не стали – не смогли рассмотреть в домовой резьбе очевидного художественного начала.

Сегодня в Кирове дома с деревянным кружевом можно сосчитать по пальцам. Из сохранившихся зданий с архитектурной домовой резьбой наиболее интересны те, что расположены по адресам: ул. МОПРа, № 19 б; ул. Карла Маркса, 116; ул. Дерендяева, 61 и 61-а, ул. Красноармейская, 31/1.

Дом на ул. МОПРа, 19 б выделяется особо: большие окна фасада украшены рамочными наличниками с пышным деревянным кружевом, углы фасада и подзор карниза декорированы накладной резьбой. Благодаря сохранившейся резьбе это здание является теперь поистине уникальным памятником искусства вятских мастеров, хотя прежде аналогичное убранство имели дома по ул. Дерендяева, 53 и 55, дом по ул. Московской, 23, дома по ул. Володарского, 26 и 90, и др. [6].

Дом на ул. Карла Маркса, 116 дает представление о застройке дореволюционной Вятки, о типе наличников необарочной формы, оформлении в начале XX в. подзоров и углов дома.

Дом на ул. Красноармейской, 30/1 поражает своим великолепным балкончиком, оформленным необычными колоннами, точеными балясинами и ажурными подзорами.

Барельефные наличники на домах на ул. Дерендяева, 61 и 61 а демонстрируют все виды резьбы: плоскую, глухую моделированную прорезную. Выполнялась эта резьба профессиональными резчиками, занятыми подрядом по резьбе церковных иконостасов. Именно эти профессиональные резчики в середине XIX в. от церковной резьбы по дереву перешли к резьбе архитектурной, что, естественно, сказалось и на орнаменте, и на технике изготовления самой резьбы.

Познав историю домовой резьбы г. Кирова и Вятского края, постигнув мастерство резчиков архитектурной домовой резьбы, свою задачу видим в сохранении и воссоздании традиций вятской домовой резьбы.

Поэтому, когда увидели на одной из страниц фотоальбома «Город над Вяткой-рекой» фотографию конца XIX в. – старого здания Дома-музея М. Е. Салтыкова-Щедрина, возникла идея и желание по личной инициативе и на безвозмездной основе восстановить и подарить музею и городу великолепные исторические ворота. И они были построены. В настоящее время, как говорят, они уже являются достопримечательностью города.



Во дворе Дома-музея М. Е. Салтыкова-Щедрина

Своим примером хотелось подвигнуть земляков к поддержанию культурных и исторических ценностей г. Кирова в надлежащем порядке и возможно-му возвращению их из небытия.

Далее на территории Дома-усадьбы художника Н. Н. Хохрякова, согласно плану благоустройства, была построена резная беседка – ротонда в традициях малых архитектурных сооружений XIX в. При этом были использованы орнаменты домовой резьбы малых архитектурных форм и деревянных домов Вятского края.

На усадьбе Дома-музея М. Е. Салтыкова нами построены резной декоративный колодец, резные качели, установлены резная кормушка для птиц и комплекс скворечников. Украшена вятской резьбой летняя кухня, при этом использованы архивные материалы элементов домовой резьбы с разобранного в 80-е гг. прошлого столетия дома по ул. Володарского, 2 б. Украшен парадный вход Центра народных художественных промыслов Кировской области и парадный вход историко-краеведческого клуба «Мир», а также фасад магазина «Вятское наследие» на Спасской улице. С младшим внуком в подарок детскому саду «Колобок» в пос. Юрья построили резную калитку.

При оформлении фасада здания Музея-усадьбы художника Н. Н. Хохрякова использованы элементы и орнаменты домовой резьбы, которые украшают подмосковную усадьбу потомков художника Н. Н. Хохрякова в дачном пос. Ухтомка. Есть предположения, что резьбу в Ухтомке выполняли вятские мастера, так как подобные орнаменты встречаются и в Вятке (Кирове).



Дом-усадьба Н. Н. Хохрякова



Стенд Кировской области на выставке-ярмарке народных художественных промыслов России в Москве

Для изготовления ворот Музея-усадьбы Н. Н. Хохрякова была использована фотография 1950-х годов резных ворот «солнышко», что стояли ранее у дома на ул. МОПРа, 34.

При строительстве всех сооружений в г. Кирове стараемся использовать и сохранять традиции вятских мастеров-резчиков, чтобы их искусство не кануло в Лету.

Элементы и орнаменты вятской архитектурной домовой резьбы были шесть раз использованы нами при разработке дизайн-проекта и оформлении регионального стенда Кировской области на выставках-ярмарках народных художественных промыслов России (г. Москва), что, конечно, сказалось на результатах: Кировской области дважды было присуждено первое место и трижды – второе в номинации «За лучшее оформление художественной экспозиции промысла».

В ходе изучения истории архитектурной домовой резьбы в г. Кирове мною были организованы персональные выставки: «Мне жаль деревянной Вятки» и «Резьба домовая – кружево деревянное» по истории домовой резьбы в г. Кирове и Кировской области. Собранный экспозиция последней выставки была подарена Кировскому областному краеведческому музею в честь 640-летия города Кирова.

Основная задача выставок – показать красоту и величие той архитектурной домовой резьбы, которую мы уже потеряли, а цель – сохранить для потомков

то малое, что еще осталось в городе и области. В доме на ул. МОПРа, 19 б, фасад которого украшен пышным деревянным кружевом, вполне заслуженно можно оборудовать музей деревянного зодчества Кировской области (Вятского края) и студию по обучению резьбе по дереву.

В целях сохранения и развития промысла «домовая резьба» обучили нескольких ребят изготовлению домовой резьбы, и, конечно, даем всем желающим бесплатные консультации по резьбе по дереву.

Оставшаяся к сегодняшнему дню архитектурная домовая резьба ветшает и разрушается. Но даже и такая на фоне обновленного города, растерявшего свое узорочье, она воспринимается как некое чудо.

Ходим по городу, вглядываясь в «лица домов», дивимся и сожалеем об их исчезающей красоте... Красоте, нужной нам, нашим детям, внукам, будущим поколениям.

Примечания

1. Энциклопедия земли Вятской: Т. 5. Архитектура / сост. А. Г. Тинский. Киров, 1996. С. 62.
2. Там же.
3. Тинский А. Г. Резьба в народном деревянном зодчестве Кировской области // Вятка: краеведческий сборник. Вып. 1. Киров, 1972. С. 105–111.
4. Энциклопедия земли Вятской: Т. 5. Архитектура / сост. А. Г. Тинский. Киров, 1996. С. 62.
5. Вятка: Памятники и памятные места. Киров, 2002. С. 180–184.
6. Там же.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арпентьева Мария Равильевна – доктор психологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования Института психологии, руководитель лаборатории психолого-педагогического сопровождения семьи и детства Центра социально-гуманитарных исследований ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского».

Ахсянов Альберт Вазыхович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории исторического факультета ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова».

Бадиков Роман Андреевич – аспирант кафедры истории России исторического факультета ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Бальбердина Екатерина Сергеевна – методист организационно-методического отдела КОГБУК «Кировский областной краеведческий музей», аспирантка кафедры отечественной истории Института истории и культуры ФГБОУ ВО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Бердинских Виктор Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Института истории и культуры ФГБОУ ВО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Блохин Виктор Николаевич – старший преподаватель кафедры истории и педагогики УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия».

Бодрова Жанна Андреевна – преподаватель ГАПОУ СО «Екатеринбургский экономико-технологический колледж», соискатель степени кандидата экономических наук при кафедре экономики и управления факультета экономики и менеджмента Уральского института управления ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Бронникова Александра Александровна – ученица МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 33 имени Героя России сержанта Н. В. Смирнова» г. Чебоксары.

Васканова Надежда Александровна – старший научный сотрудник отдела этнографии ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл имени Тимофея Евсеева».

Власова Людмила Николаевна – ученый секретарь КОГБУК «Кировский областной краеведческий музей».

Гоголова Ольга Олеговна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук ГБОУ ВПО «Ивановская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Головизнина Наталья Леонидовна – кандидат педагогических наук, заведующая Кировским областным музеем истории народного образования КОГАУ ДО «Центр детского и юношеского туризма и экскурсий».

Горынцева Анастасия Алексеевна – научный сотрудник БУК УР «Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств».

Гребенева Валентина Васильевна – директор МБУК «Даровской районный краеведческий музей».

Гришина Екатерина Владимировна – старший научный сотрудник МБУК «Чайковский краеведческий музей».

Давыдов Эдуард Викторович – техник ООО «Метро кэш энд керри».

Давыдова Альбина Алпимовна – делопроизводитель группы делопроизводства и режима отдела полиции № 15 «Танкодром» Управления МВД России по городу Казани.

Дворецкая Татьяна Алексеевна – редактор-составитель «Памятной книжки Кировской области» Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кировской области (Кировстат).

Диарова Ирина Алексеевна – учитель МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 33 имени Героя России сержанта Н. В. Смирнова» г. Чебоксары.

Долматова Татьяна Михайловна – заместитель директора МБУК «Слободской музейно-выставочный центр».

Доронина Наталия Дмитриевна – краевед, исследователь творчества братьев Васнецовых.

Дорофеев Виктор Алексеевич – пенсионер.

Дорофеев Юрий Алексеевич – пенсионер.

Жаравин Владимир Сергеевич – ведущий архивист отдела использования архивных документов КОГКУ «Государственный архив социально-политической истории Кировской области».

Ивасенко Вера Викторовна – заместитель директора по науке МБУК «Глазовский краеведческий музей».

Казакова Юлия Александровна – ученица МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 33 имени Героя России сержанта Н. В. Смирнова» г. Чебоксары.

Калита Светлана Павловна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», руководитель профессионального студенческого объединения «Музеологическая студия».

Касаткина Евгения Борисовна – аспирантка кафедры отечественной истории Института истории и культуры ФГБОУ ВО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Касимова Екатерина Анатольевна – заведующая исследовательским отделом МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья».

Кондрашин Денис Викторович – заместитель директора по научной работе ГБУК РТ «Чистопольский государственный историко-архитектурный и литературный музей-заповедник».

Конохова Валентина Семеновна – главный научный сотрудник отдела ХВК «Дача Башенина» МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья».

Копчикова Татьяна Ивановна – заведующая Домом-музеем Ф. Э. Дзержинского (филиал МКУК «Районный исторический музей» Верхнекамского района Кировской области).

Коршунов Анатолий Сергеевич – директор «Брынь-проект» (музей исторического поселения Брынь Думиничского района Калужской области).

Курочкин Михаил Валентинович – доцент кафедры компьютерных технологий Института искусства и дизайна ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Лебедева Татьяна Ильинична – студентка Университета «третьего возраста» ФГБОУ ВО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Леушина Анна Васильевна – старший лаборант кафедры всеобщей и российской истории факультета гуманитарных и социальных наук ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет».

Лобанова Мария Андреевна – заведующая отделом учета и хранения музейных предметов КОГБУК «Вятский художественный музей имени В. М. и А. М. Васнецовых».

Лопатин Геннадий Яковлевич – кандидат военных наук, доцент, пенсионер Министерства обороны Российской Федерации, мастер народных художественных промыслов Кировской области.

Макаров Леонид Дмитриевич – доктор исторических наук, доцент, младший научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Махнёва Маргарита Аркадьевна – хранитель музейных предметов КОГБУК «Вятский художественный музей имени В. М. и А. М. Васнецовых».

Машковцев Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Института истории и культуры ФГБОУ ВО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Назарова Ирина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»; старший научный сотрудник отдела этнографии ГБУК СК «Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве».

Нисковская Мария Игоревна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук».

Нисковский Антон Анатольевич – младший научный сотрудник ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук».

Носова Любовь Александровна – заведующая отделом по научно-просветительской работе МБУК «Соликамский краеведческий музей».

Опалева Елена Сергеевна – главный научный сотрудник отдела фондов МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья».

Орлов Максим Александрович – учитель ЧОУ СОШ «Петербургский лицей», ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет».

Осипова Карина Витальевна – ученица МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 33 имени Героя России сержанта Н. В. Смирнова» г. Чебоксары.

Останин Евгений Серафимович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Института истории и культуры ФГБОУ ВО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Поздеева Ольга Александровна – научный сотрудник исследовательского отдела МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья».

Помелов Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Института педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Пыркова Раиса Геннадьевна – учитель МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 33 имени Героя России сержанта Н. В. Смирнова» г. Чебоксары.

Рафиков Азат Миннегазевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и культуры ФГБОУ ВО «Вятский государственный гуманитарный университет», старший научный сотрудник научно-исследовательского Центра регионоведения КОГБУК «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А. И. Герцена».

Рожнова Ольга Витальевна – главный хранитель музейных предметов СПб ГБУ «Краеведческий музей г. Ломоносова».

Рыжкова Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории искусств и художественно-педагогического моделирования Института искусств и дизайна ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Сердитова Елена Николаевна – главный библиотекарь фонда редкой книги отдела основного хранения фондов ГБУ РК «Национальная библиотека Республики Коми».

Соловьев Альберт Николаевич – доктор биологических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник ГНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Б. М. Житкова».

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, директор КОГБУК «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения КОГБУК «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А. И. Герцена», профессор кафедры отечественной истории Института истории и культуры ФГБОУ ВО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Такташова Лариса Ефимовна – кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, профессор кафедры дизайна, изобразительного искусства и реставрации Института искусств и художественного образования ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых».

Тимошина Надежда Николаевна – старший научный сотрудник ГБУ ИО «Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д. Г. Бурлыгина».

Тихонов Андрей Константинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, археологии и краеведения Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»; председатель Союза краеведов Владимирской области.

Требушкова Ольга Анатольевна – заведующая отделом истории ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл имени Тимофея Евсева».

Федорова Галина Димитриевна – учитель МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 18» г. Чебоксары.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Фокин Василий Васильевич – кандидат исторических наук, пенсионер, полковник в отставке.

Фролова Элла Владимировна – кандидат исторических наук, директор МБУК «Историко-краеведческий музей Ковровского района».

Хохлов Анатолий Александрович – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экологии Института естественных наук ФГБОУ ВО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Чигирева Елена Михайловна – аспирантка кафедры истории России исторического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Шабалин Денис Юрьевич – администратор краеведческого портала «Родная Вятка».

Шалахов Евгений Геннадьевич – сотрудник ГБУК РМЭ «Замок Шереметева».

Шарабаров Павел Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий научно-исследовательским сектором КОГБУК «Кировский областной краеведческий музей», главный научный сотрудник научно-исследовательского Центра регионоведения КОГБУК «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А. И. Герцена», доцент кафедры отечественной истории Института истории и культуры ФГБОУ ВО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Шкляева Светлана Леонидовна – заслуженный работник культуры Удмуртской Республики, главный научный сотрудник исследовательского отдела МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья».

Шулаков Сергей Николаевич – внештатный сотрудник МБУК «Белохолуницкий краеведческий музей Кировской области»

АН СССР – Академия наук СССР

АО – автономный округ

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика

АЭС – атомная электростанция

БМСК – Башкирский медно-серный комбинат

БСЭ – Большая Советская Энциклопедия

БУК УР – бюджетное учреждение культуры Удмуртской Республики

БХКМ – Белохолуницкий краеведческий музей

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи

ВООПИК, ВООПИиК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

ВУАК – Вятская ученая архивная комиссия

ВУЗ – высшее учебное заведение

ВФО – Вятское фотографическое общество

ВятГУ – Вятский государственный гуманитарный университет

ГАВО – Государственный архив Владимирской области; Государственный архив Воронежской области

ГАИО – Государственный архив Ивановской области

ГАКО – Государственный архив Кировской области

ГАПК – Государственный архив Пермского края

ГАПОУ СО – Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение Свердловской области

ГАРМЭ – Государственный архив Республики Марий Эл

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАСПИ КО – Государственный архив социально-политической истории Кировской области

ГАЯО – Государственный архив Ярославской области

ГБОУ ВПО – государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

ГБПОУ – государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение

ГБУ ИО – государственное бюджетное учреждение Ивановской области

ГБУК – государственное бюджетное учреждение культуры

ГБУК РМЭ – государственное бюджетное учреждение культуры Республики Марий Эл

ГБУК РТ – государственное бюджетное учреждение культуры Республики Татарстан

ГБУК СК – государственное бюджетное учреждение культуры Ставропольского края

ГБУ РК – государственное бюджетное учреждение Республики Коми

ГИМ – Государственный исторический музей

ГКО – Государственный комитет обороны

ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры
ГНУ – государственное научное учреждение
Горисполком – городской исполнительный комитет
Горком – городской комитет
Госторг – Государственная экспортно-импортная контора РСФСР
ГПЗ – государственный природный заповедник
ГУ – городское училище
ГУЛАГ – Главное управление лагерей и мест заключения
ГЭС – гидроэлектростанция
ДПОО – департамент полиции особый отдел
Ед. хр. – единица хранения
ЗАГС – орган записи актов гражданского состояния
ЗМУ – Завод минеральных удобрений
ИГИКМ – Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д. Г. Бурлыгина
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
КГБ – Комитет государственной безопасности
КГКО – Кировский городской комитет обороны
КОГАУ ДО – Кировское областное государственное автономное учреждение дополнительного образования
КОГБУК – Кировское областное государственное бюджетное учреждение культуры
КОГКУ – Кировское областное государственное казенное учреждение
КОКМ – Кировский областной краеведческий музей
КОМК – Кировский областной музей краеведения
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КЧХК – Кирово-Чепецкий химический комбинат
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МБОУ – муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
МБУ – муниципальное бюджетное учреждение
МБУК – муниципальное бюджетное учреждение культуры
МВД – Министерство внутренних дел
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИКСП – Музей истории и культуры Среднего Прикамья
Минкультуры – Министерство культуры
Минобрнауки – Министерство образования и науки
Минэкономразвития – Министерство экономического развития
МКУК – муниципальное казенное учреждение культуры
МРП ВОГ – Межрайонное правление Всероссийского общества глухих
МТС – машинно-тракторная станция
МУ – муниципальное учреждение
МУК ЧРМ – муниципальное учреждение культуры Чебоксарский районный музей
МХАТ – Московский художественный академический театр им. М. Горького
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
НВФ – научно-вспомогательный фонд
НИИ – научно-исследовательский институт

НИЦ – научно-исследовательский центр
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
Обком – областной комитет
Облисполком – областной исполнительный комитет
ОЗС – Областное законодательное собрание
Окроно – окружной отдел народного образования
ООО – Общество с ограниченной ответственностью
ООПТ – Особо охраняемая природная территория
ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
ПВО – противовоздушная оборона
ПК – персональный компьютер
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РайЗО – районный земельный отдел
Райком – районный комитет
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РГПУ – Российский государственный педагогический университет
РИБ – Русская историческая библиотека
РКП(б) – Российская коммунистическая партия большевиков
РПЦ – Русская православная церковь
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РТ – Республика Татарстан
РФ – Российская Федерация
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СГМЗ – Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе
СДК – сельский дом культуры
СИМО (СИМО) – Центр международной мобильности (Centerfor International Mobility)
СКМ – Соликамский краеведческий музей
СМВЦ – Слободской музейно-выставочный центр
СМИ – средство массовой информации
СНК – Совет народных комиссаров
СПб ГБУ – Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение
ССР – Советская Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединенные Штаты Америки
СыктГУ – Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорочкина
ТЮЗ – Театр юного зрителя

СОДЕРЖАНИЕ

УО – учреждение образования
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
ФГАОУ ВО – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
ФГАОУ ВПО – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ФГБОУ ВО – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ФГБОУ ВПО – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ФГБун – федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ФГУП – федеральное государственное унитарное предприятие
ФЗ – федеральный закон
ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества
ФСБ – Федеральная служба безопасности
ХВК – художественно-выставочный комплекс
ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области
ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАУР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики
ЦК – Центральный комитет
ЧГАДТ – Чувашский государственный академический драматический театр имени К. В. Иванова
ЧНК – Чувашский национальный музей
ЧОУ СОШ – частное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа
ЭПРОН – Экспедиция подводных работ особого назначения
ЯОСХ – Ярославское общество сельского хозяйства
USA – United States of America

Раздел V. Подвижники музейного дела и краеведения

<i>Помелов В. Б.</i> П. В. Алабин и его вклад в дело развития просвещения в Вятской губернии	3
<i>Васканова Н. А.</i> Вклад С. М. Михайлова в изучение этнографии горных мари	11
<i>Доронина Н. Д.</i> Дон Кихот вятского просвещения (к 170-летию со дня рождения Н. М. Васнецова)	14
<i>Кондрашин Д. В.</i> Краеведческая работа приходского духовенства Вятской губернии во второй половине XIX в.: на примере деятельности протоиерея Ивана Герасимовича Кибардина	19
<i>Гоглова О. О., Тимошина Н. Н.</i> Создатель «Музея редкостей и древностей» в Иваново-Вознесенске Д. Г. Бурьлин и его нумизматическая коллекция	22
<i>Нисковская М. И. А. В.</i> Журавский – собиратель музейных коллекций на Европейском Севере	27
<i>Жаравин В. С. А. С.</i> Лебедев – создатель Кукарского музея	30
<i>Хохлов А. А.</i> Исследователь вятской природы В. А. Поварницын	35
<i>Поздеева О. А.</i> Тарас Антонович Бузилов – первый председатель Совета Сарапульского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры	38
<i>Касимова Е. А.</i> В поисках истины... (о краеведе С. И. Кардабовском)	42
<i>Ивасенко В. В.</i> Краевед Михаил Иванович Буня в истории города Глазова	45
<i>Требушкова О. А.</i> Финно-угорский археолог с мировым именем	47
<i>Макаров Л. Д.</i> Памяти Сергея Дмитриевича Захарова	53

Раздел VI. Современный музей: традиции и новые формы работы

<i>Калита С. П.</i> Феномен краеведческого музея в пространстве и во времени: культурологический аспект	61
<i>Бадиков Р. А.</i> Модернизация музея: понятие и современная специфика	65
<i>Бодрова Ж. А.</i> Инвестиционное развитие территорий Российской Федерации посредством системы музейных услуг	69
<i>Арпентьева М. Р.</i> Геобрендинг в развитии музеев	74
<i>Шкляева С. Л.</i> Динамика развития научно-естественного направления деятельности Сарапульского музея	79
<i>Кондрашин Д. В.</i> Опыт повышения результативности научно-исследовательской работы в Чистопольском государственном музее-заповеднике в 2013–2015 гг.	83
<i>Шалахов Е. Г.</i> Публикация результатов полевых исследований как одна из форм популяризации археологического наследия Волго-Ветлужья (на примере деятельности Юринского музея в Республике Марий Эл)	87
<i>Блохин В. Н.</i> Значение экскурсий в развитии музейного дела	89
<i>Назарова И. М.</i> Роль музеев в современном культурно-образовательном процессе	92

<i>Головизнина Н. Л.</i> Педагогический музей в образовательном пространстве региона	95	<i>Куручкин М. В.</i> Творчество сарапульских архитекторов периода городской реформы Александра II	178
<i>Сердитова Е. Н.</i> Музей книжной культуры Республики Коми: первые итоги и перспективы	101	<i>Ахсянов А. В.</i> Вклад сельскохозяйственных обществ в развитие аграрной модернизации России (по материалам Ярославской губернии второй половины XIX – начала XX в.)	181
<i>Бронникова А. А., Диарова И. А.</i> Развитие Литературного музея имени К. В. Иванова в г. Чебоксары Чувашской Республики	105	<i>Бальбердина Е. С.</i> Из характеристики профессиональной и общественной деятельности первого председателя Вятского окружного суда Рудольфа Павловича Ренненкампа	186
<i>Долматова Т. М.</i> Новый этап в истории Слободского музея (о музеефикации объектов историко-культурного наследия)	107	<i>Махнёва М. А. А. С. Грин</i> в Вятском городском училище	190
<i>Рафиков А. М., Шарабаров П. Н.</i> Технология реновации Музея Трудовой Славы Кирово-Чепецкого химического комбината	110	<i>Чигирева Е. М.</i> Культурно-просветительская деятельность дворянства Воронежской губернии в пореформенную эпоху	194
<i>Копчикова Т. И.</i> Взаимодействие Дома-музея Ф. Э. Дзержинского с общественными организациями	115	<i>Машиковцев А. А.</i> Конфессиональная политика в отношении баптистов и евангельских христиан в период Думской монархии	199
<i>Давыдова А. А., Давыдов Э. В.</i> Друзья Музея естественной истории Татарстана Музея-заповедника «Казанский Кремль»	118	<i>Касаткина Е. Б.</i> Николай Григорьевич Джмухадзе в вятской ссылке	203
<i>Коришонов А. С.</i> «Брынь проект» как базис для музея села Брынь	120	<i>Лобанова М. А.</i> Вятское фотографическое общество: документы и факты	208
<i>Гребенева В. В.</i> Царство птиц на Даровушке	123	<i>Леушина А. В.</i> Роль вятских меценатов в развитии изобразительного искусства	213
<i>Федорова Г. Д.</i> Знакомьтесь, наш музей	124	<i>Лебедева Т. И.</i> Почтовые ящики на улицах Вятки	216
<i>Пыркова Р. Г., Казакова Ю. А., Осипова К. В.</i> Из опыта работы музея «Бичурин и современность»	126	<i>Власова Л. Н.</i> Вятский уроженец Л. Г. Молчанов – легенда ЭПРОНа	220
<i>Гришина Е. В.</i> Традиционная деятельность и внедрение инновационных технологий в музее	128	<i>Фокин В. В.</i> Кировский городской комитет обороны	225
<i>Горынцова А. А.</i> Театр теней как форма работы в Музее изобразительных искусств г. Ижевска	132	<i>Шабалин Д. Ю.</i> Жизненный путь и наследие краеведа А. П. Вавилова	234
<i>Носова Л. А.</i> Проект «Музей на колесах» – музей вне стен музея	134	<i>Дворецкая Т. А. (предисловие, составление и публикация)</i> И. В. Коротких: после 60 лет, или дневник персонального пенсионера	239
<i>Конюхова В. С.</i> Художественно-выставочный комплекс «Дача Башенина» – бренд г. Сарапула	137	<i>Останин Е. С.</i> Документы Бориса Талантова в собрании Кировского областного краеведческого музея	248
<i>Рожнова О. В.</i> Сохранение культурного наследия в малых музеях: краеведческий музей г. Ломоносова	141	<i>Нисковский А. А.</i> Деятельность Печорского отделения Российского общества «Мемориал» по увековечиванию исторической памяти ГУЛАГовского периода советской истории	253
Раздел VII. Актуальные проблемы региональной истории и культуры		<i>Соловьев А. Н.</i> Фенологический мониторинг – актуальное краеведческое направление	255
<i>Такташова Л. Е.</i> К вопросу о строгановских иконописных мастерских	147	<i>Тихонов А. К.</i> Развитие владимирского краеведения (1990–2015 гг.)	260
<i>Такташова Л. Е.</i> Ошибка в дате или долгострой? (К вопросу о датах строительства Благовещенского собора в Сольвычегодске)	151	<i>Дорофеев В. А., Дорофеев Ю. А.</i> Родиноведение вятских частушек от мамы в 103 года	264
<i>Орлов М. А.</i> Миссия Федора Ившина	154	<i>Лопатин Г. Я.</i> Мне жаль деревянной Вятки	269
<i>Фролова Э. В.</i> К вопросу о происхождении и родственном окружении вятского протоиерея Михаила Любимова	159	Сведения об авторах	276
<i>Бердинских В. А.</i> Медное старообрядческое литье в Вятском крае XIX–XX веков	164	Список сокращений	281
<i>Шулаков С. Н.</i> Обстоятельства возникновения Холуницких заводов и судьба их строителя А. С. Ярцова	166		
<i>Опалева Е. С.</i> Развитие земской медицины в Сарапуле и Сарапульском уезде после реформ Александра II	170		
<i>Рыжкова Н. В.</i> Алексеевское реальное училище в г. Сарапуле: историко-архитектурный аспект	175		

Научное издание

**КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ:
ИСТОРИЯ, КОЛЛЕКЦИИ, ЛЮДИ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 150-летию Кировского областного
краеведческого музея (Киров, 21–22 апреля 2016 г.)

Редакторы-составители
М. С. Судовиков, П. Н. Шарабаров

Вёрстка Д. А. Стахеевой

Издательство «О-Краткое».
610000, г. Киров, Динамовский проезд, 4
Тел. (8332) 32-28-39.
E-mail: okrat@okrat.ru

ISBN 978-5-91402-201-0



Подписано в печать 11.04.2016. Формат 60x84/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,74.

Тираж 180 экз. Заказ № 2179.

Отпечатано с готового электронного оригинал-макета
в ООО «Кировская областная типография»,
610004, Россия, г. Киров, ул. Ленина, 2